

Биньямин Малунов

В ПОИСКАХ ГАРМОНИИ

Биньямин Шалумов. Автопортрет. Холст, масло. 2009

Биньямин Малумов

В ПОИСКАХ ГАРМОНИИ

Воспоминания

Собрание • Москва • 2012

ББК 63.3(2)6-81
УДК 929Шалумов
Ш18

ISBN 978-5-9606-0115-3

Автор выражает сердечную благодарность
за участие в обсуждении текста мемуаров во все время
их написания и постоянную моральную поддержку
Манашира Абрамовича Якубова,
Владимира Львовича Фараджева
и Илью Ханукаевича Урилова,
взявшего, кроме всего, на себя заботу
по организации издания этой книги

В оформлении переплета использована картина автора
«Московские огни (Чистые пруды)» (Холст, масло. 2003)

© Шалумов Б.З., 2012
© Оформление. ООО «Издательство “Собрание”», 2012

ИСКАТЬ СЕБЯ, НЕ УСТАВАЯ

По совести говоря, воспоминания Биньямина Заволуновича Шалумова вряд ли нуждаются в предисловии. Они сами, только начни читать, привлекают личностью уникального автора и достоинствами литературного письма. Текст красочен и выразителен, точен в деталях, в нем так играют свет и тени, что с первых страниц выдают в авторе наблюдательного художника. «Путь мой начинался с верхнего базара в Дербенте, где водитель грузовой автомашины подбирал пассажиров, сажал их плотно в открытый кузов, а они стоя держались за борта машины или рассаживались прямо на пол кузова, хотя путь был долог, а я любил примоститься в передней части кузова, держась за крышу кабины водителя, и обдуваемый встречным потоком воздуха, физически ощущать скорость...».

Этот фрагмент — метафора дорог жизни. Людям, знавшим автора с молодости, казалось, что судьба их друга predetermined. В свое время на него, успешного ученого-химика, доктора наук, профессора, человека яркого и деятельного, возложили руководство научными разработками министерства химической промышленности СССР. И многих изумило, когда на взлете карьеры он оставляет науку, берется за кисть и на новой дороге, дороге художника, все начинает сначала. И вот выставки живописи Биньямина Шалумова, Почетного члена российской Академии художеств, собирают ценителей искусства в России, в странах Европы и Америки. Человек узнал счастье, какое выпадает людям, способным, не глядя на былые успехи, выломиться из налаженной жизни, заняться тем, к чему был предрасположен всем своим естеством.

Новая книга открывает еще один его дар — писательский.

Впечатляет география воспоминаний; под талантливым пером оживают картины России, республик Кавказа и Средней Азии, разных континентов. И как не понять исток душевной щедроты автора: поглощающую все его существо сыновнюю любовь к «малой родине», Дагестану, к живущему в республике своему древнему народу. Описания родного Дербента, поездок в горы, в лежащее в скалах селение Гуниб, восхождение на вершину легендарного Ахульго, встречи с земляками — пожалуй, самые трогательные в книге.

Сегодня Биньямин Шалумов живет в Нью-Йорке и в Москве, но почему каждый раз, когда он сходит по трапу в Шереметьево, у него щемит сердце?

Ответ в записках, они дышат бесконечной признательностью предкам, отцу и матери, близким родственникам, любимой жене, детям и внукам, учителям, друзьям, коллегам, даже случайным встречным, кому автор хоть самой малостью обязан. На людях, не забывающих добро, умеющих быть благодарными, как на плечах древнегреческих богов держится мироздание.

При очень личностном характере воспоминаний, при их волнующей исповедальности, это и попытка через собственную жизнь и жизнь поколения осмыслить, что со всеми нами произошло. Книга воспринимается как откровение, документ эпохи, которому можно доверять. «Мне всегда, — пишет Шалумов, — было за себя обидно, что понимание политической обстановки в стране приходило ко мне не через личное мироощущение, а с помощью великих современников, часто опережавших время. Читая, например, выпущенный впервые трехтомник стихов Высоцкого, я был подавлен, конечно, главным образом той правдой, которую он нес нам, но и не в меньшей степени от того, что лично я не дошел до этой правды самостоятельно».

Многие персонажи мемуаров — цвет российской интеллигенции, люди, как говорится, трудной судьбы. Они сторонятся публичности, но в пору, когда формировались умы, они вместе со сверстниками-шестидесятниками собирались у памятника Маяковскому в Москве слушать поэтов, соперничали им, с ними вместе, как могли, приближали в стране перемены. Они и сегодня в жизни не посторонние. Их объединяет трезвый взгляд на происходящее, ответственность за судьбу страны, вера в победу лучшего, что есть в каждом из нас.

Имена многих героев повествования известны в пространстве российской культуры и науки — Гамзата Гамзатова, Романа Кармена, Иосифа Матаева, Гасана Мирзоева, Ильи Урилова, Владимира Фараджева, Зураба Церетели, Юханана Шаулова, Манашира Якубова... Эти и другие интеллектуалы описаны страстным, бесконечно любящим их собратом по духу. У них общее благоговение перед красотой мира, своя философия жизни как дарованной свыше радости. Каждый из них, как и сам автор, в меру сил очеловечивает собой новейшую историю.

Особый восторг перед жизнью, очарованность ею придают воспоминаниям Биньямина Шалумова достоинство и величие.

В нынешней мемуарной литературе, признаться, не частые.

Леонид Шинкарев

ОТ АВТОРА

Посвящается всем, о ком пишу,
и тем, кого помню, но не упомянул

Общаясь с друзьями, а иногда и с пассажирами межконтинентальных авиарейсов, обмениваешься мнением о самом разном, чтобы скоротать время, и часто незаметно для себя при разговоре с интересным собеседником нахлестывают воспоминания, начинаешь рассказывать истории из своей жизни и по их сосредоточенному вниманию чувствуешь, что это им интересно, хотя мне казалось, что слушать чужие истории любопытно не всем, чаще самому рассказчику. Он заново проживает былые времена. Иное дело, когда кто-то слушает лишь из уважения к твоим сединам. На самом деле кому-то, оказывается, интересно познавать то, что с ним не происходило, но виртуально вживаясь в чужое прошлое как в свое, он как бы расширяет границы истории собственной жизни. Я не собирался писать воспоминания (*кому нужна чужая жизнь, и, тем более, как же это можно без литературного таланта, ведь это профессия?!*). Но некоторые жизненные обстоятельства толкнули меня хотя бы попытаться чиркнуть немного, авось, сгодится. Написал, прочитал, удивился и разослал самым близким. Под их напором я продолжал писать и до сих пор не могу остановиться. Воспоминания и философское осмысление происшедшего в моей жизни стали занимать меня настолько, что думаю, я не смогу закрутиться за время, отпущенное мне до конца жизни. Хотя виновник происходящего, очень дорогой мне и глубоко почитаемый Илья Ханукаевич Урилов, академик РАН, большой знаток всего, о чем пишут, убеждал меня оставить на бумаге историю моей жизни, и не для себя, больше для других, кому нужна правда о пе-

режитом и о замечательных людях, которые украшают нашу жизнь, являясь примером добропорядочности и чистоты духа, правда и о времени, в котором эти люди успешно или с горем пребывали. Он успокаивал меня, повторяя, что мне не надо волноваться по поводу объемов и сроков, что мое дело писать, и что в мире выпускается хорошей бумаги достаточно, чтобы обеспечить выпуск многих томов моих мемуаров. Спасибо, мой дорогой Илья, за поддержку. Вызов принят, и я решил дерзнуть, не ограничивая себя какими-либо рамками, но разделив повествование на две части — ДО и ПОСЛЕ. Водоразделом этих двух пластов моей жизни я вижу время, когда из ученого я преобразился в художника, и стал считать ДО все мое прошлое, включая науку, а ПОСЛЕ — мое настоящее, в том числе живопись. Хотя я убежден, что не могло быть одно без другого.

Поверьте мне, аксакалу, как ДО, так и ПОСЛЕ — прекрасно!

С глубоким уважением, *Биньямин Шалумов*
Москва–Нью-Йорк

ЧАСТЬ I.

До

ТАК НАЧИНАЛОСЬ

Необыкновенное утро, такие бывают почти все лето в Дербенте, когда отдельные солнечные лучи, сумевшие пробиться сквозь густую листву деревьев, мягко касаются поверхности белого покрывала, которым ты укрываешься с головой, укладываясь спать во дворе дома, в надежде спастись от комаров, непременно посещающих тебя тихими безветренными ночами. Уже взрослым я стал понимать, что такое умиротворение и спокойствие, пронизывающее все твоё существо, возможно только в раю. Какой-то единственный луч, пронзив покрывало, стремится коснуться твоего глаза, который нехотя, поддавшись солнечному приветствию, медленно открывается, подавая знак второму. Уже открытыми глазами ты видишь под покрывалом необыкновенный мягкий матовый свет, который ты хочешь сохранить как можно дольше, но не можешь. Все это кончается, как только ты сбрасываешь с себя покрывало. Но радость продолжается. Солнце, еще не взяв власть, мягко ласкает твоё уже отдохнувшее тело. Как бы хотелось, чтобы это продолжалось долго, но, увы, через пару часов солнце будет всевластным, и ты понимаешь, что тебе пока доступен только утренний рай. Сегодня моя радость имела продолжение — сегодня приезжает из Ленинграда мой старший брат, и приедет он в форме морского офицера, да еще с морским кортиком на боку, и я попрошу его пройти со мной по улицам города, и наверняка на нас люди будут оглядываться, а мои сверстники,

чуть отступя, будут идти за нами и крепко мне завидовать. Как это здорово! Такое происходит каждое лето — мой брат любит свой родной город и только здесь проводит отпуск. И каждый раз он мне привозит подарки и, конечно же, я жду их и сегодня. У меня есть мечта! А вдруг!..

И вот этим мягким солнечным утром вся наша родня: дядюшки и тетюшки, братья и сестры, кузены и кузины, друзья-соседи — все сбегается на перрон вокзала Дербент встречать поезд Ленинград — Баку. В одном из вагонов едет мой брат. Необыкновенный прилив чувств захлестывает меня, когда я вижу в дверях вагона красивого морского офицера, улыбающегося мне, своему самому младшему брату. Ведь он старше меня на целых восемнадцать лет. Кто-то быстро забирает его багаж, и он, взяв меня за руку, уже пешком направляется в сторону дома по известному уже маршруту по ул. Буйнакского мимо городского стадиона и фотосалона моего учителя Абрама Григорьевича, мимо центральной городской больницы, затем налево на улицу Карла Маркса с выходом на знаменитый «Миль Хочи», где и стоит наш дом.

Уже во дворе дома, который по случаю приезда брата тщательно прибран, мое сердце начинает kloкoтaть в ожидании, когда откроются чемоданы и начнется раздача подарков. Умышленно или нет, до меня очередь доходит в самом конце. Брат, хитро глядя на меня, извлекает из чемодана пакет и, протягивая, произносит: «Это тебе. Твори!» Я мигом хватаю пакет и при всем народе разворачиваю. Если бы рядом со мной стоял кто-то, фиксирующий спортивные рекорды, непременно утвердил бы рекорд прыжка в высоту на месте. Да! Мечта сбылась! Это был фотоаппарат «Фотокор» с пакетом кассет для фотопластинок и новенький, еще пахнувший лаком, деревянный штатив. Он догадался! Я писал ему, что ходил в дом пионеров, чтобы записаться в какой-то из многочисленных кружков, и что отдал предпочтение двум кружкам — фотографирования и изобразительного искусства. Окончательный выбор пал на фото. К приезду брата я научился фотографировать, и преподаватель фотокружка Абрам Григорьевич, увидев мое рвение и старание освоить фотодело, взял меня на время каникул к себе в студию, чтобы научить всяким премудростям, одалживал мне для съе-

мок свой фотоаппарат и пустил в лабораторию. Получив в руки собственный «Фотокор», я не сомневался, что вполне могу быть самостоятельным и даже готов открыть свой бизнес. По этому случаю я собрал сверстников — мальчиков и девочек, и предложил сделать их фотопортреты. Мало кто из них верил, что я способен с этим справиться, однако среди них оказалась девочка, которая рискнула пожертвовать собой, мужественно стала перед фотоаппаратом и дала себя сфотографировать. Тут же, приготовив растворы, я влез в мою кустарную лабораторию, если так назвать тондыр (специальную яму для выпечки лавашей), укрытую сверху плотной светонепроницаемой овечьей шкурой, и, проявив фотопластинку, вышел обратно. Изучив негатив на просвет, я остался доволен собой, уверенный, что правильно выдержал экспозицию и теперь смогу получить хорошую фотографию. Я поставил фотопластинку сушить на солнце, чтобы эмульсия быстрее высохла, и уже с высохшим негативом, с нетерпеливо нырнул снова в свою яму-лабораторию отпечатать снимок. В глубине ямы при свете красного фонаря под слоем раствора я увидел проявившееся изображение и пришел в ужас от того, что на меня смотрело. Там снизу, со дна кювета, на меня смотрело искаженное лицо благородной девочки, которая так самоотверженно позировала перед моим «Фотокором».

Пришла мысль, что я не выдержу этого позора и теперь навсегда останусь в тондыре. Это было слабым утешением. Мой брат-моряк все равно бы нашел меня и вытащил, но с еще большим позором. Собрав все свои силы, я выполз из ямы, взяв с собой отпечатанную фотографию, судорожно думая о том, что же произошло. И тут на краю тондыра я вспомнил урок Абрама Григорьевича, предупреждавшего не показывать эмульсию солнцу, солнце эмульсию безжалостно расплавит, эмульсия сползет по стеклянной пластине, изображение будет искажено. И вот случилось...

Так начинался мой путь в искусство. Фотография стала увлечением всей жизни, с тех пор я не делал таких грубых ошибок. Теперь памятные фотографии разных периодов вместе с моими друзьями по школе, институту и моей взрослой жизни разошлись по всему миру. Это пристрастие часто становилось причиной других, более серьезных привязанностей.

Помню, как еще в Доме пионеров меня включили в качестве фотографа в состав экспедиции по изучению родного края. Нам предстояло путешествовать по горам в разных частях Дагестана. Как же я был горд, когда взрослые члены экспедиции пришли уговаривать моих родителей разрешить мне участвовать в походе! Как я торжествовал, когда они согласились! Само путешествие глубоко запало в мою душу и память, и уже сегодня можно насчитать многие десятки путешествий, которые, будучи взрослым, я совершил по разным странам и континентам. Уже в студенческие годы мой первый поход по родному краю перерос в увлекательнейшее спортивное занятие — альпинизм. Никакие уговоры не могли заставить меня бросить это увлечение. Мне приходилось изощряться в выдумках перед моей семьей, где уже росла наша маленькая дочь Стелла, чтобы скрыть свое участие в очередном восхождении.

Много забавных эпизодов связано с моим детством. Тогда, как везде, мы были увлечены футболом, и я играл в нашей уличной команде, которая участвовала в соревнованиях по футболу между улицами, которые соперничали. Перед одной из таких встреч Надежда Кирилловна, жена моего брата Герцеля, того самого, кто подарил мне «Фотокор», вышила гладью на моей майке название нашей уличной команды «ЦДКА», созвучное с названием команды, за которую мы тогда болели. И вот, облачившись в эту майку, я уже готов был выбежать на улицу, чтобы грудью с красной вышивкой защитить честь команды, но прямо у калитки меня остановил оклик мамы, у которой было очередное срочное поручение. Я вступил в пререкание, что бывало не так часто, и только в таких ситуациях как эта. И в тот же момент, не слыша моих объяснений, а обратив внимание только на мои пререкания с мамой, перед моими очами появляется морской офицер, мой брат Герцель, и, как у себя на палубе, дает мне команду направиться на «гауптвахту», открывая перед моим носом дверь в сарай, приспособленный для содержания коровы, которая, правда, в этот момент отсутствовала по случаю выгона ее на пастбище. «*Тридцать минут!*», — отчеканил он, отправляя меня в сарай. Но тут я не выдержал, выпустил пар, приводя веские аргументы против моего заточения: «*Ты коммунист, а не понимаешь, что нельзя подводить своих товарищей по команде*»,

и он, выслушав через дверь мои объяснения, подкрепленные появлением ватаги ребят, чтобы поторопить меня на игру, и попросив разрешение у вышестоящего начальника — мамы, следившей за всем этим действием с улыбкой, выпустил меня из сарая, и под одобрительные возгласы ребят я бросился на улицу защищать свою команду. После игры я с понурой головой возвращался домой. «Ну, как игра, выиграли?» — поинтересовался мой брат, и, услышав ответ, что наша команда проиграла, скомандовал, чтобы я вернулся на «гауптвахту» обратно, но, уже смягчившись, назначил лишь пятнадцать минут, тем более, что поручение мамы оставалось в силе. Позже, когда он радовался моим успехам, мы вспоминали эти прекрасные времена и он повторял, что причина моих успехов в моем трудолюбии, заложенном в детстве. И это верно, я абсолютно разделяю такое мнение до сих пор.

Уже взрослым человеком я пытался разгадать, почему нам, мальчишкам и девчонкам, без наказов взрослых приходило в голову заниматься благотворительной деятельностью. Школьная программа, напичканная положительными образами героев, примерами для подражания, воздействовала на психологию школьников, слава Богу, в правильном направлении. В наших головах постоянно присутствовали любимые герои, такие как Павка Корчагин, Тимур с его командой и другие. Ребятам нашей улицы пришлось в голову создать отряд наподобие тимуровского, а мне поручили выполнять роль самого Тимура. Хотя в то время школы были разделены на мужские и женские, тем не менее в наш отряд входили и девочки, одна из которых, Соня, сильно волновала мою детскую душу. Наш штаб располагался в маленьком сарайчике под лестничным пролетом дома моего закадычного друга и соседа Рахамима Мишиева, с кем до сих пор сохранились братские отношения. Мы нацеливали себя на помощь пожилым людям, которым кололи дрова, убирали квартиры, подметали дворы, ходили в магазин или на базар за продуктами. Родители поддерживали это наше начинание и часто передавали им через нас гостинцы. В наше время эти порывы души часто подавлены детским прагматизмом.

Когда уже учились в старших классах, наше самосознание доходило до того, что мы сверх школьной программы само-

стоятельно, как бы сейчас это ни казалось забавным, изучали философию. Почему-то нас увлекла философия Дидро. Во главе философского кружка стоял наш одноклассник, на три года старше нас (*тогда, после войны, это было нормой*), гуманистарий, сын поэта и сам писавший стихи, Биньямин Юхананов.

Мы были уже десятиклассниками, когда умер Сталин, и в школе был организован круглосуточный почетный караул у бюста Сталина. Не помню сейчас, чья была эта инициатива, но тогда среди старшеклассников появилось противостояние относительно того, как к этому событию относиться — с почтением (я входил в этот круг) или неуважительно, что поддерживало тоже немало ребят. Вспоминая то время, я не могу ответить себе на вопрос, было ли отрицательное отношение осознанным, понимали ли ребята, что происходило тогда при Сталине в стране. Думаю, некоторые понимали это благодаря родителям.

Мне всегда было за себя обидно, что понимание политической обстановки в стране приходило ко мне не через мое личное мироощущение, а с помощью великих современников, часто опережавших время. Читая, например, выпущенный впервые трехтомник стихов Высоцкого, я был подавлен, конечно, главным образом той правдой, которую он нес нам, но и не в меньшей степени и от того, что лично я не дошел до этой правды самостоятельно.

В мои школьные годы происходили запоминающиеся события, одним из них был первый республиканский Съезд пионеров, куда в составе делегации от дербентской пионерской организации направили и меня. Я тогда учился в четвертом или пятом классе. Съезд проходил в Махачкале, столице Дагестана, и перед моими родителями стояла серьезная дилемма — отправлять ли ребенка непонятно куда и зачем или лишить его возможности почувствовать свою значимость человека, выигравшего, я не помню по каким критериям, конкурс представлять пионерскую организацию нашего города. Мама сдалась уговорам руководителей делегации лишь после того, как ее родственники, жившие в Махачкале, обещали за мной присмотреть. В моей тогдашней жизни это было огромным событием, я впервые покидал отчий дом, у меня даже

были какие-то деньги, которыми я самостоятельно мог распорядиться.

Махачкала, куда мы добирались поездом, тогда казался огромным городом по сравнению с Дербентом, все же то была столица. Нас возили на разные мероприятия, кормили в столовой, что для меня тоже было ново, и запахи столовой долго оставались в моей памяти как символ города Махачкалы. Кстати, чувствительность к специфическому запаху, характерному для конкретного города, сохранилась у меня до сих пор и стала неким элементом характеристики того или иного города. Помню, как после большого перерыва, когда за плечами были многие города в стране и за рубежом, я с женой оказался в Махачкале, обратил внимание на то, что город уже не имел былую привлекательность, какую я помнил с тех времен, и посетовал, что время изменило город, на что Сима сказала, что, на самом деле, изменился не город, а я сам. Очевидно, так и есть, но это лишь одна сторона правды. Время всеильно, оно меняет не только людей, но и все, что сотворено ими.

По возвращении после Съезда мы рассказывали на сборах пионерской дружины о происходивших событиях, чувствуя себя героями, но вскоре все это затихло, продолжалась активная школьная и внеклассная жизнь.

Из ярких детских воспоминаний — сезон сбора винограда. В Дербенте было много колхозов, занимавшихся виноградарством. Сезон сбора совпадал с началом школьных занятий, а по выходным дням по специальным пропускам нас выпускали в колхозные сады, и этот день мы ждали с нетерпением, чтобы полакомиться виноградом прямо с куста, что было величайшим наслаждением, и в желании впихнуть в себя больше винограда, чтобы хватило на целую неделю, мы ели виноград с селедкой. Вкус необыкновенный! Но, как правило, все равно на неделю не хватало, и уже на следующий день снова хотелось винограда, и мы добывали его из бочек на подводах, которые везли виноград на винный завод, а путь лежал по нашей улице мимо моего дома. Мы подкрадывались сзади подводы, незаметно зацепившись за бочку одной рукой, другой загребали из бочки виноград. Извозчик не дремал и в самый момент, когда рука была опущена в бочку, хлестким ударом кнута доставал нас, и если

нам удавалось не выпускать инстинктивно из рук кисти винограда, мы спрыгивали с подводы с добычей. Иногда тащили виноград с кузовов грузовых автомобилей, в этом случае мы избегали кнута. Был и мирный путь, когда мы бежали рядом с подводой и просили виноград у извозчика, который, сжалившись, выдавал нам столько, сколько невозможно было добыть в один прием «воровским» путем. Все это происходило в пылу азарта, как некое действие, тем более, что дома как всегда было много фруктов, в том числе, и винограда. Обычно отец рано утром выходил за калитку, останавливал проезжавшую мимо нашего дома на базар подводу со всевозможными фруктами, открывал ворота, хозяин заворачивал подводу в наш двор и разгружал фрукты во дворе. А уже ближе к концу сезона отец покупал специальные сорта винограда для изготовления собственного вина, привлекал меня в качестве пресса, запускал в специальный чан выжимать сок, бегая босыми ногами по чану, и когда мои силы иссякали, а сок еще не был полностью выжат, папа сам влезал в чан, чтобы выжать сок до конца.

И вот окончена средняя школа и предстоит выбрать, куда идти учиться. Я знал, чего бы мне хотелось — хотел стать архитектором. Изучив условия приема, я понял, что мечта моя неосуществима. Одним из главных условий поступления — экзамен по рисованию, а рисовать я не умел. Вот когда я пожалел, что в Доме пионеров не дал предпочтение изо-кружку. Кто же знал, что во мне дремала еще тяга к рисованию, и что через каких-то пятьдесят лет я стану художником, и что профессия архитектора останется желанной, и я все же реализую свою мечту. Все-таки я стал архитектором: проектировал и строил дома и целые кварталы, разбивал городские площади и парки. Правда, в этом случае моей главной площадкой стал холст, строительным материалом — живописные масляные краски, орудием труда — кисть и мастихин.

Итак, если не в архитекторы, то куда угодно... И подался я в горный институт в Ленинграде, где жил и работал мой брат, тот, кто когда-то мне подарил «Фотокор». В этом институте, в отличие от других, студенты носили красивую

униформу, и мне непременно хотелось в нее облачиться. Жизненные обстоятельства перекинули меня из Ленинграда в город Грозный, в Нефтяной институт, где студенты к моему удовлетворению также носили такую же униформу. Правда, она была отменена ровно в тот год, когда я стал студентом. Так и не успев надеть желанную форму, я приобрел специальность инженера-механика и получил право на великие преобразования парка оборудования нефтехимических заводов нашей необъятной страны. Шли годы, и по мере приобретения опыта и мудрости я понял великое преимущество советского опыта высшей школы, готовившей специалистов-всезнаек такого уровня, что могли одолеть любые вершины в любых областях знания. Конечно, я воспользовался этими возможностями огромного большинства инженерной братии и успешно, как перчатки, менял специальности: из механика-конструктора я вскоре преобразился в химика-технолога, затем въехал в дебри технологии полупроводниковых материалов, не пощадил и такую область тонкой химической науки как сверхчистые материалы для микроэлектроники и оптики, в том числе, и волоконной, и, наконец, стал художником. <...>

Но все это было потом. А до этого были папа и мама, родившиеся еще в девятнадцатом столетии и сумевшие создать большую, очень дружную семью. Отец Заволун бен Ильягу, дипломированный раввин, образованный, владевший древними восточными языками — арамейским, ивритом, а также языками фарси и тюркским. Вся его жизнь была борьбой с самим собой. Он заставлял себя уходить от того, к чему наиболее стремилась его душа — открыто заниматься религиозной деятельностью, потому что во времена становления детей это было очень опасно, и не столько для него самого, как для детей, которых жизнь заставила стать пионерами, комсомольцами, коммунистами. Влияние отца на воспитание детей было огромным. Он был убежден, что знание является тем, что выведет детей в люди. Он сам обладал уникальной способностью передавать их нам, каждому в отдельности, поскольку диапазон рождения девятерых детей растянулся на длинные 21 год.

Свои знания он передавал не только своим детям, но и

их друзьям. Я помню, как часто по вечерам в наш дом приходили мои друзья и, расположившись в нашей большой гостиной комнате, впивались в моего отца, слушая его устные переводы с арамейского или древнееврейского языка увлекательных исторических сюжетов. Он часто повторял для нас толкования торы, прерывая свое напевное чтение, которое полностью поглощало наше внимание благодаря прекрасному тембру его голоса, и это прочно зафиксировало в наших головах основы истории религии, и, главное, понимание заветов, что было немаловажно и серьезно влияло на наше воспитание и мировоззрение.

Суровая жизнь того времени не принесла ему счастья. Из трех сыновей, ушедших на фронты Великой Отечественной войны, двое остались на полях сражений под Сталинградом и Ленинградом: жизнелюб Илья, видевший свою дочку всего несколько минут у эшелона поезда, направлявшегося случайно через Дербент прямо на фронт, и Бистонай — незаурядный разносторонний талантливый молодой человек, студент военно-механического института в Ленинграде, он добровольно отправился на фронт, отказавшись от брони, которая у него была как у непригодного к несению военной службы. В юности он упал в колодезь, но остался жив, хотя частично потерял зрение. Он обладал незаурядными способностями — от наук до музыки. Прекрасно играл на скрипке, увлекался фотографией. Образы моих старших братьев Ильи и Бистаная не сохранились в моей памяти, хотя мне было три или четыре года, когда они покинули отчий дом. Бистонай имел возможность покинуть Ленинград и уехать домой в Дербент вместе с другом и его женой, двоюродной сестрой моего отца, имевших бронь и билет на поезд для Бистаная. Он отказался, считая, что студент военно-механического института не может оставить институт, готовивший военно-технических специалистов, тогда особенно востребованных. Но во время блокады Ленинграда он считал нужным уйти добровольцем на фронт. Погиб Бистонай на Ленинградском фронте, в разведке боем, уничтожив немецкий штаб, о чем сообщала боевая газета, вместе с похоронкой полученная родителями. После войны мама непременно хотела побывать на месте его захоронения, которое точно не было установлено, а указано лишь приблизительно где-

то под Ленинградом. Объяснить это маме было невозможно, и когда она приехала в Ленинград, мой старший брат Герцель и второй мой брат Авнил, сопровождавший маму, приехали туда, где предполагалось, что Бистонай захоронен, и братьям не оставалось ничего другого, как указать ей на безымянную могилу, выдав ее за могилу Бистаная. Это было сразу после войны, и их появление в тех местах было небезопасным, поскольку все то пространство еще не было разминировано. Они рисковали, но шли на этот риск — это было необходимо маме.

Прошел всю войну и, пройдя через ад морских сражений на Балтике, остался жив сын Герцель — морской офицер-подводник, Герцель рассказывал, как во время войны встретил школьного друга Николая, командира крейсера, который предложил тут же перейти служить к нему на корабль и воевать вместе, и они договорились, что после последнего задания Герцель перейдет к нему на корабль. Но Бог вершит судьбами. Корабль, на котором служил Герцель, попал под торпедную атаку и утонул, а его, оказавшегося на верхней палубе, выбросило волной в море. Через несколько часов его, в воде потерявшего сознание, подняли моряки другого корабля. Уже в госпитале Герцель узнает, что крейсер, которым командовал его друг, Герой Советского Союза, был уничтожен, унеся жизнь своего капитана.

Не выдержала тяготы работы в тылу дочь Яфа, участвовавшая в создании оборонительных сооружений. Тяжело заболев в сорок лет, она уже в мирное время ушла из жизни, оставив четверых детей-сирот. Эти потери нанесли глубокую травму моему отцу, и глубокая печаль уже никогда не покидала его. Я помню отца через много лет после войны, сидевшего, как обычно, за чтением древних книг, и слезы катились из его глаз. Он не в силах был сдерживать и скрывать их. Я, самый младший из его сыновей, оставался в последние годы его жизни рядом с ним, в связи с этим поменяв Ленинград на Грозный, куда я перевелся учиться. Все же это близко от Дербента. Теперь, когда я вспоминаю отца, в моей памяти всплывает образ уже старого человека с седой бородой (*а ведь когда он умер, ему было всего 67 лет, много младше меня теперешнего*), склоненного над книгой с отраженной в глазах глубокой печалью.

Моя мама Наоми, мать-героиня, была из категории женщин того времени, которые могли безоговорочно принести себя в жертву ради семьи. Как многие ее ровесницы, она сама не получила образования, однако это не помешало ей воспитать своих детей на принципах высокой морали, дать всем образование и, когда по каким-то обстоятельствам встал вопрос, поступать ли мне в техникум, она, необразованная женщина, произнесла слова, с виду простые, но содержавшие глубокое понимание места образования в жизни человека: *«Мне «техник-мехник» не нужен, Биня должен окончить институт, и все...»*. Эту фразу, ставшую для меня путеводной, я никогда не забывал, и вспоминал, каждый раз, когда приходилось принимать решение относительно дальнейшей учебы.

Кроме своих детей, мама воспитывала младших братьев и сестер мужа, которые в очень раннем возрасте потеряли отца. Она на личном примере доказывала всем нам, что только благодаря умению трудиться человек может реализовать свои возможности. Эта широко известная истина была органически связана с ее внутренними убеждениями. Она не давала детям терять время на «малополезные», как она говорила, уличные развлечения и загружала нас всякими хозяйственными делами. Я никогда, кроме субботних дней, не видел маму отдыхающей. Именно благодаря ей я стал трудоголиком. Она научила нас любить труд и не гнушаться никакой работы, в том числе той, которую, якобы, должны делать только женщины. Мама по очереди завлекала нас на кухню, чтобы мы ей помогли творить вкуснейшие национальные блюда. Ох, как же было вкусно! До сих пор помню запах и вкус маминых блюд. Даже сейчас мои друзья иногда заглядывают ко мне в гости отведать вкусные блюда, которые я готовлю по маминим рецептам.

Самым привлекательным было весьма трудоемкое поручение мамы чистить медный таз после приготовления варенья, при этом у меня появлялся шанс полакомиться слоем варенья, прилипшего к тазу, отчасти умышленно оставленное мамой, которая знала, что перед тем, как чистить, я обязательно буду поверхность таза вылизывать языком почти до блеска и только после этого начну процедуру механической чистки, для чего сначала надо было измельчить красный кирпич, затем отмочить мелкоизмельченный кирпичный

порошок в подсолнечном масле, и уже этим составом драить тампоном из сена таз до медного блеска. И после всего этого меня ожидало любимое лакомство — пенки от варенья и немного оставленных в них сваренных ягод, самым любимым из которых был инжир. Страсть к инжиру и инжирному варенью сохранилась у меня и поныне. Однажды я оказался у Славы Ханукаева на даче в самый разгар созревания инжира. Инжировые деревья щедро дарили спелые, лоснящиеся от утренней росы ягоды, приглашая взять их. Мне было предписано врачами не употреблять сладкое, и, попробовав одну-две ягоды, я заставил себя отойти от дерева. Какое же это было разочарование, когда выяснилось, что не употреблять сладкое было решением ошибочным, и я был лишен удовольствия наслаждаться инжиром прямо с дерева. Однако, повезло Славе, благодаря запрету мне есть сладкое, ему остался весь урожай инжира и, главное, сохранились сами деревья, которые потенциально могли бы быть съедены вместе с плодами.

Помню забавный случай, связанный с мамой и моим школьным другом Мишей Мишиевым. Как это часто делали наши женщины, мама отнесла чистить ковер к морю, и разостлав ковер прямо на берегу, песком и веником драила его, но отступающая волна стала уносить ковер в море, а мама не могла его удержать. Ища помощи, она повернула голову, с радостью и надеждой увидела моего друга Мишу, который случайно оказался рядом. Она просила помочь ей вытащить ковер из моря, а он делал вид, будто не понимает, и, доведя маму до кондиции, согласился помочь при условии, что она выделит ему банку варенья из ее сладкого шкафчика, о котором он знал, поскольку часто бывал у нас. Естественно, мама согласилась. Он вытащил ковер, помог маме принести его домой. Мама открыла заветный шкафчик, передала ему банку с вареньем и, видя в его глазах желание тут открыть банку, мама попросила не открывать ее и, посадив Мишу за стол, угостила чаем с вареньем, а закрытую банку велела передать своей маме. У Миши была многодетная семья, жили они бедно.

С морем связано еще одно яркое воспоминание. Во время каникул я оказался в Дербенте и, конечно, не мог удержаться от соблазна пойти к морю, к месту, где дно было ка-

менистым и купались там мало. Подойдя к берегу, я увидел кричащую толпу. Люди призывали спасти тонувших, а сами и не пытались войти в воду. Мой взор перекинулся на море, где в небольшом отдалении от берега барахтались девочка лет двенадцати и женщина. Я был в легкой летней одежде и, не задумываясь, прыгнул в воду. Единственное, что пришло тогда мне в голову, это уроки, которые я получил еще мальчишкой в кружке, где учили морскому делу, в том числе управлению шлюпкой и, конечно, спасению утопающих, а также уроки моего брата-моряка Герцеля, учившего меня, как правильно сопротивляться напору волн. Тонувшие барахтались, цепляясь друг за друга, но, не умея удержаться на плаву, уходили под воду. Я успел смекнуть, что обеих мне спасти не удастся, на берегу никто не торопился спешить на помощь. В голове молнией менялись варианты действия. Я еще не знал, что это тонули мать и дочь, однако у обеих сохранялся инстинкт самосохранения, и обе зацепились за меня, увлекая меня с собою вместе под воду. Мне ничего не оставалось, как, ногой оттолкнув женщину, схватить девочку и лихорадочно плыть к берегу. Оставив ее там, где толпились люди, и надеясь, что они окажут ей необходимую помощь, я бросился обратно в воду и, преодолевая надвигающиеся волны, двинулся обратно в сторону, где оставалась женщина. Обнаружил ее, уже обессиленную, потерявшую сознание, за очередным валом. Мне удалось и ее вытащить на берег. В толпе нашлись те, кто мог делать искусственное дыхание и, слава Богу, вскоре женщину откачали.

Люди на берегу мне рассказали, что волна неожиданно сбила девочку, утянула в море, а мать, не умея плавать, кинулась девочку спасать. Сработал материнский инстинкт, который оставил женщину, когда она сама оказалась в опасности, включился инстинкт самосохранения, чувство, которое заставляет выключить разум.

Думая об этом случае, я вспоминаю историю из древних книг, рассказанную моим отцом, как мать молилась за смертельно больного сына, готовая отдать свою жизнь за него, уснула с ним рядом, а увидев во сне, как за ней пришел азроил (предвестник смерти), неосознанно, в страхе указала ему, что умирающий рядом. Об осознанном же поступке матери сообщает известная притча царя Соломона. Из двух женщин,

считающих мальчика собственным сыном, ему предстояло опознавать истинную мать. Царь предложил женщинам взять новорожденного мальчика за руки и ноги и тащить каждая в свою сторону, кто перетянет, тот и возьмет ребенка. Одна из женщин быстро согласилась, другая в ужасе отказалась, уступила мальчика. И мудрый Соломон отдал ребенка этой другой, отказавшейся терзать малыша, она-то и была родной матерью.

Мать и дочь уже сидели, обнявшись, на песке, плакали от пережитого навзрыд, а я, теперь спокойный за их жизнь, двинулся к своему дому, не чувствуя, что моя одежда мокрая. Это потом, опомнившись, спасенная женщина и ее родственники несколько дней пытались найти в городе спасителя. Нашли после того только, когда из толпы опознали меня как брата моей сестры Розы. Удивительно это состояние высшего удовлетворения человека, кого-то спасшего, под благодарным взглядом спасенного им существа.

В моей жизни был повтор, когда при покорении одной из вершин я удержал в руках, буквально на канате, жизнь прекрасной молодой москвички. Это было в горах Кавказа во время учебного восхождения группы молодых альпинистов. По инструкции сложность восхождения требовала связку из трех альпинистов. Между мной и альпинистом-разрядником шла в свое первое восхождение молодая девушка. Я в связке шел первым, на пути к вершине были трещины, нам удавалось благополучно преодолевать их. Мне этот маршрут был знаком и я неплохо ориентировался. Нам предстоял сложный переход по краю обрыва, там ледяная тропа, по которой проходил маршрут, обрывалась вертикальным скальным препятствием, преодолеть которое можно было, перешагнув по самому краю обрыва. Удовольствие не для слабонервных. Я зацепился за страховочный крюк, заранее установленный в скале, а страховать меня предстояло нашей спутнице-новичку, что для меня было небезопасно. Слава Богу, что ей не пришлось этого делать. Перешагнув препятствие, я стал в страховочной стойке на противоположной стороне скалы, чтобы принять спутницу, а она не дотянувшись до упора одной ногой, сняла с упора вторую ногу и, потеряв таким образом точку опоры, сорвалась с яростным криком вниз. Мы со своим партнером среагировали мгновенно, стравив

связывающий нас канат, остановили ее падение, затем подтянули канат вверх, и я подтянул девушку на свою сторону. Она была мертвецки бледна, стояла рядом со мной в оцепенении. Зацепив ее за страховочный крюк, вбитый в скале, я вместо нее встал на страховку нашего третьего партнера, через минуту благополучно занявшего место рядом с нами... Назад дороги не было. Наша девушка взяла свою первую вершину и вместе с ней – «Значок альпиниста». Она никогда более не помышляла брать какие-либо вершины, а мне же следы ожога от трения рук о канат, хотя пользовался перчатками, долго напоминали об этом коротком эпизоде. Долгое время девушка писала мне благодарные письма.

После гибели детей на войне мама уже никогда не снимала траурную одежду, не посещала свадеб и мест, где намечалось веселье. Ее часто захлестывали печальные воспоминания и, оставив на какое-то время многочисленные хозяйственные дела, она тихо уходила к себе в спальню, расположенную в глубине дома, оплакивала погибших на войне детей и брата надрывным причитанием, как это умеют делать наши женщины, разрывая этим душу тем, кто вольно или невольно оказывался рядом. Она старалась не беспокоить окружающих, но ее плач вырывался наружу, вызывая печаль и в моей душе, и слезы неудержимо стекали по моим щекам. Я не стеснялся этих слез. Это было особое состояние чувств, вызывающее в тебе потребность любить близких и весь окружающий мир, ненавидеть войну за гибель людей, причиняющую душевную боль и горе, так глубоко и навсегда запавшее в тело и душу моих родителей.

Это удивительно, что творит с нами природа! В отличие от отца, ни один седой волос не тронул маму, и в свои семьдесят лет она без очков могла продеть нитку в игольное ушко. Умерла мама на руках моего брата Авнила, жившего в последние годы рядом с ней.

Авнил был четвертым по возрасту братом, кумиром многочисленной родни, особенно племянников, остроумным, часто саркастически, но совершенно точно умевший дать характеристику каждому, кого приходилось вспоминать при разговорах или когда кто-то совершал поступок недостойный или не отвечающий его понятиям о порядочности. Щедрый

от природы, он не мог терпеть скупость или жадность, и эта щедрость проявлялась не только по отношению к родственникам, но и ко всем нуждающимся. Забота о близких была уделом его жизни и даже когда синусоида его финансовых возможностей оказывалась ниже оси абсцисс, он пытался помочь близким, когда они в этом нуждались. Помню, как оказавшись в Ленинграде после окончания школы, я попал под его опеку, когда времена для нашей семьи были нелегкие — заболел отец, потерял работоспособность, а Авнил, будучи студентом технологического института, мог рассчитывать только на себя. Тем не менее он заботился обо мне, зарабатывая, как многие студенты, какие-то деньги, обеспечивая меня, не доедал сам, никому об этом не объявляя.

Будучи одаренным человеком, Авнил не реализовал себя, оказавшись жертвой обстоятельств и вынужденный оставаться жить в Дербенте, чтобы не оставлять маму одну, в то время как его натура требовала размаха и простора большого города. В условиях маленького Дербента его потребности были задавлены отсутствием всяких возможностей делать то, на что он был способен.

Что касается моих с ним отношений, они были неоднозначны: мы безумно любили друг друга, но между нами не было полного взаимопонимания в силу несходства наших характеров. Приземленный, практичный человек, он не понимал многих моих поступков, считал меня витающим в облаках и решившим, например, продолжать учебу в аспирантуре, еще не обеспечив материально семью как следует. Тем не менее он гордился моими успехами, когда они ко мне приходили.

А меня же всю жизнь преследует вина, что я не смог, не разделив его участи, помочь ему вырваться из клещей его нелегкого пребывания в Дербенте. Мне не удалось тесно опекать его сына Заволуна — единственного ребенка мужского пола, родившегося от сыновей нашего отца. Двадцатитрехлетним молодым человеком он ушел из жизни, а при его жизни мы виделись редко, потому что были разделены большими расстояниями и до, и после моей эмиграции, но тем не менее моя душа не может обрести покоя, я не нашел способа близкого с ним общения. И хотя рядом с ним были и мать, и трое взрослых сестер, мы не сумели его уберечь.

Иногда я со своими детьми Стеллой и Аней приезжал в

наш родной дом в Дербенте, где дядя Алик, как все называли Авнила, хлебосольно нас принимал, а дети не могли угомониться от удовольствия и счастья общения с дядей Аликом, который искрометно шутил с ними и рассказывал разные истории из своей жизни, уже ставшие реликвиями семьи.

Безвременный уход из жизни Авнила был трагедией для семьи, ушел человек, цементирующий семью, всеми обожаемый, чья бескорыстная любовь распространялась на каждого из нас. С его уходом не стало и родового гнезда, остались лишь грустные воспоминания о светлых днях пребывания в нем. Помню, когда дом уже был продан, я приехал в Дербент и, проезжая мимо, не решился смотреть на него, боясь, что тоска захлестнет мою душу. Но когда мои американские внуки оказались у меня на родине, по их просьбе я все же посетил наш бывший дом, от которого мало что оставалось, а наш прекрасный сад был полностью уничтожен ради огромного несуразного строения. Тогда-то я и поймал себя на мысли о том, что наступил момент окончательного прощания с моим прекрасным детством.

Мое появление на свет сильно расстроило старшую тринадцатилетнюю сестру Хавасюрют. С моим появлением ограничивалась ее свобода, поскольку в тринадцать лет девочка считалась взрослой, способной заниматься домашним хозяйством, помогать маме по дому, появление младенца требовало от нее почти постоянного присутствия. Она теряла возможность встречаться с подругами и ходить с ними на прогулки. Но все это не мешало ей любить своего братика, которого даже после окончания вуза она опекала. В то время я жил и работал в Подольске, а сестра с семьей проживала в городе Раменском, Московской области, куда я появлялся раз или два в месяц отведать домашней еды и привезти, по ее настоянию, одежду для стирки. Она хотела быть уверенной, что я ухожен. Сестра не давала мне никакого повода чувствовать себя дискомфортно, так это велось в семье, наша мама привила детям правило заботиться друг о друге, по принципу «автопилот», и никому в голову не приходило, что может быть иначе. Хавасюрют была волевой женщиной, растила своих троих детей – Женю, Борю и Олю, и кроме того, она заботилась о трех детях шурина, который в чине полковни-

ка оставался после войны служить в оккупированной Германии. Забота о детях занимала почти все ее время, в семье была дисциплина. Она была счастлива со своим заботливым мужем Ильей Григорьевичем, прекрасным семьянином, который работал на износ, чтобы обеспечить семью, и, будучи главным инженером проектного института, многие десятки лет ежедневно ездил на работу в Москву на электричке, что достаточно серьезно сказалось на его здоровье.

Сестра в семье была очень похожа на Авнилу и внешне и поведением, очень любила своих братьев, заботилась и помогала родителям, отец обожал ее за ум и преданность. У нее, как и у Авнилы, был в семье непререкаемый авторитет, укреплявший семейный стержень, особенно, когда не стало родителей.

Родина — это не только место, где ты родился и даже вырос, родина — это там, где есть хоть один родной, близкий тебе человек, к которому ты стремишься. После смерти Авнилы оставалась жить в Дербенте моя родная сестра Роза, жизнь которой можно представить как пример несчастной судьбы. Имея троих детей, она оставалась жить на старости лет одна с мужем и на протяжении долгих лет ухаживала за лежащей больной матерью мужа. Большое горе пришло позже, когда ее дочь Жанна, похоронив своего сорокалетнего мужа, оставшись без средств к существованию, решила переехать в Израиль, где уже жили родственники мужа. После переезда жизнь налаживалась, государство Израиль выделило необходимое пособие как материальную поддержку, и Жанна полностью посвятила себя работе и воспитанию детей.

Горе пришло неожиданно, в свои сорок лет она погибает, сбита на встречной полосе движения автомобилем. Это случилось вечером при сильной дождливой погоде, которая так редка для тех мест, но совпавшая или специально посланная на ее горе, чтобы таким образом решить судьбу молодой женщины. Не успел пройти и год, как второй жестокий удар настигает семью. Девятнадцатилетняя дочь Жанны, внучка моей сестры Розы, Виолетта, служившая после окончания школы в израильской армии, погибает от террористического акта, совершенного террористом-самоубийцей, врезавшимся на легковом автомобиле, начиненном взрывчаткой,

в автобус с солдатами, отправлявшимися на службу. Погибло много молодых солдат. Бог, взяв жизнь сестры, сохранил жизнь ее брату Исаю — он тоже служил в армии, ежедневно садился в тот же автобус, но в тот раз случайно не оказался в нем. Такое горе не под силу выдержать даже сильным людям, тем более пожилым, как моя сестра и ее муж, не выдержав удара, в течение трех месяцев они один за другим, сначала он, а за ним и она, так щедро одаренные Богом несчастной судьбой, в глубоком горе покинули этот изувеченный мир, так и не поняв, почему ни в чем не провинившиеся перед Богом получают полную чашу горя, в то время как тех, кто, казалось бы, наоборот, своими поступками заслуживает наказания, горе обходит стороной?!

С особой остротой я переживаю за то, чего больше всего не хватало мне в детстве — за бабушек и дедушек, которые для детей являются эликсиром жизни, существами, ежеминутно доставляющими им в избытке любовь и энергию, защищающими их от невзгод и создающими гармонию их бытия. Наблюдения за своими внуками, осчастливленные наличием всех бабушек и дедушек, подтверждают эту мысль. Не потому ли я всю жизнь помню свою единственную, всеми обожаемую бабушку Мирьён, которой Бог подарил жизнь до ста лет и которая, в свою очередь, дарила нам, многочисленным внукам и правнукам, щедрость своей души. Она была энергичной и жизнерадостной женщиной, оставившей нам эпизоды из истории своей жизни. Она долго не выходила замуж, а когда ее возраст приближался к восемнадцати годам и ей грозило остаться «старой девой», вдруг в необычных обстоятельствах в нее влюбляется наш будущий дед Ильягу. В те времена невест часто сватали заочно, молодые могли друг друга не видеть до сватовства, а тут был случай, когда невесту выбирал сам жених, очарованный ею молодой человек. Он увидел ее сидящей на туговом дереве, и, как рассказывала бабушка Мирьён, он смотрел снизу вверх, увидел ее очаровательные ножки и на следующий же день заслал сватов. Они родили восьмерых детей, трое были совсем маленькие, в возрасте моих старших братьев, потеряли отца, когда ему было всего пятьдесят лет. Дети практически перешли на воспитание моей мамы, старшей невестки бабушки Мирьён. Сама бабуш-

ка продолжала жить активной жизнью. Всегда энергичная и веселая, она пережила два сильных удара, подкосивших ее здоровье. Первый – гибель в битве под Сталинградом старшего внука Ильи, первенца нашего отца, затем смерть ее первенца, моего отца. После пережитого бабушка Мирьён, однажды согнувшись, до конца жизни не могла разогнуть спину, так и жила еще несколько лет сгорбленной, с потухшими глазами, но с ясной памятью, помня каждого из своих многочисленных внуков, продолжая к их приезду на каникулы готовить им подарки, обычно – вязанные шерстяные носки из белой шерсти.

Их было пятеро братьев и три сестры – детей бабушки Мирьён, каждый из них – личность. Второй после моего отца сын Шалум, охваченный революционными идеями, принимал активное участие в революционных событиях в Дагестане и впоследствии стал одним из первых председателей колхоза; Манашир долгие годы был главным инженером консервного комбината, с женой Ханум, образованной женщиной из рода Ханукаевых, они вместе были инициаторами и активными участниками создания в Дербенте татского (*так государство предписывало называться горским евреям*) народного театра в Дербенте, ставшим популярным на всей территории Северного Кавказа. Театр привлек в свой состав талантливых артистов, среди которых была ведущая артистка театра, певица, впоследствии заслуженная артистка Дагестана Ахсо Шалумова, сестра моего папы.

Все мои дядюшки и тетушки были уже немолодыми, когда я стал студентом. Оглядываясь назад, я вспоминаю, какая у нас была сплоченная семья. Каждый был участлив не только к своим детям, но и к племянникам, которых искренне любили, их обожание распространялось и на меня. Не помню случая, когда бы, несмотря на свой возраст, они в день моего приезда на каникулы в Дербент тотчас не появлялись бы повидаться со мной. Мне доставляло огромную радость видеть всех вместе, в их любви я плавал и сам с радостью возвращал им эту любовь. Помню наставления тети Ханума – быть всегда, везде и во всем аккуратным, она учила, как лучше складывать глаженные рубашки и правильно завязывать галстук, чем я пользуюсь и до сегодняшнего дня, а полученный

опыт передаю своим внукам. А однажды дядя Манашир разыграл надо мной путку. По приезде на каникулы я попросил его устроить меня на консервный завод, чтобы заработать немного денег перед возвращением на учебу. Он лукаво посмотрел на меня, почему-то потрогал мои мускулы, и пообещал устроить, и устроил грузчиком по переносу набитых до верха мешков с сахаром. Однажды мы столкнулись с ним на лестнице, ведущей в цех, он остановил меня, нагруженного тяжелым мешком сахара, на наклонном пандусе, и, хитро глядя, поинтересовался, не очень ли мне тяжело на этой работе, продолжал задавать еще какие-то вопросы, задерживая меня в неудобной позе с тяжелым грузом на спине. Стоять под тяжестью на наклонной плоскости было нелегко, и я в сердцах попросил его не мешать мне работать и под его ухмылку проскочил мимо. Это была проверка на выносливость. Убедившись, что я справляюсь, через неделю он перевел меня на более легкую, но хорошо оплачиваемую работу.

Тетя Ахсо знала, что я очень любил ее спектакли. Очередная премьера должна была состояться через неделю после моего отъезда из Дербента, по поводу чего я сокрушался. Ей тоже очень хотелось, чтобы я увидел этот спектакль, а задерживаться я не мог, и моя любимая тетюшка проявила активную деятельность. Под видом генеральной репетиции она уговорила театр сыграть его, как сейчас помню, в клубе железнодорожников, за день до моего отъезда, сделав мне этот необычный подарок. Ахсо и наша любимая тетюшка Тейло были веселыми и оставались задорными даже тогда, когда их дети уже стали взрослыми. Праздник Пейсах (*у нас его называли нисону*) обычно отмечали в доме моего отца, где собиралось огромное семейство вокруг устланной на полу огромной скатерти, накрытой праздничным кушаньем, и папа, по обычаю, совершал ритуал праздника, продолжавшийся долго. Этот порядок нарушался двумя нетерпеливыми «повзрослевшими детками», моими тетюшками, которые, правда, тут же затихали под строгим взглядом моего отца. Я же готовился к ритуалу, когда, сидя рядом с отцом, опускал мизинец правой руки в стакан вина и из него переносил в яичную скорлупу капли, символизирующие все десять проклятий, нависших над Египтом накануне выхода во главе с пророком Моисеем из рабства. Скорлупу с проклятием я выбрасывал за пределы

нашего дома и почему-то каждый раз через забор соседу, хорошо понимая, что назавтра соседская бабушка Бэтушваг появится с розгой, накажет меня за проступок, за посланные на их дом проклятья, и получит от меня обещание больше так не делать, хотя из года в год все повторялось, и, слава Богу, никакие проклятия вовсе и не касались бабушку Бэтушваг.

Тетушка Мирвори была по своему нраву противоположностью своих активных и задорных сестер Тейло и Ахсо — спокойная, вечно улыбающаяся, доброжелательная и мягкая. Весь мир ей казался раем, хотя жизнь ее была нелегкой. Смолоду она уехала со своим мужем жить в город Нальчик среди русских людей, вдалеке от нравов культивировавшихся в Дербенте, что наложило отпечаток на ее образе жизни. Она и в самом деле даже внешностью походила на русскую женщину, с юмором рассказывала о похождениях своего неугомонного мужа Гаврила. Мы, дети и взрослые, дарили ей в ответ на ее безмерную любовь свои чувства восторга и благодарности за то, что она была в нашей жизни.

ТАК БЫВАЕТ

Я убежден, что религиозные войны не связаны с противоречиями религиозных догм и разногласиями верования, а являются продуктом насильственного навязывания миру лидерами религиозных конфессий своих алчных интересов. Они противостоят догмам всех религий, в основе которых заложена единая суть и одни и те же заповеди, призывающие всех верующих к добру и здравому смыслу, исключаящие убийства, в частности, совершаемые террористическими акциями. Ярким свидетельством толерантности послужил эпизод встречи моих внуков Марка и Давида с аксакалами-мусульманами во дворе самой древней мечети на территории России — Джума-мечети в Дербенте. Я как бы со стороны наблюдал за тем, как происходила эта встреча, предвидя, что все произойдет так, как я рассказывал им о взаимоотношениях людей разных национальностей в Дагестане на фоне идеологической войны, беспощадно бытующей в СМИ, что, естественно, не проходит мимо моих продвинутых внуков. С моих слов они знали, как на Кавказе надо почитать пожилых и как их приветствовать.

Время было перед полуденным намазом, когда мои внуки с глубоким почтением приветствовали группу людей, собравшихся и ожидавших намаза. Двор Джума — мечети никогда не пустует, верующие приходят туда и просто пообщаться. Узнав, что гости приехали издалека, многие приветствовали нас крепким рукопожатием, один из присутствующих взглянул на меня и, глядя в глаза, на чистом языке горских евреев спросил, не сын ли я раби Зоволуна, чем удивил не только моих внуков, но и меня самого. На мой вопрос, как стало ему известно, кто я, он сказал, что меня выдают шалумовские глаза, и поведал нам, что азербайджанская диаспора Дербента хорошо знала и дружила с этим почтенным раввином и тружеником, его братьями и его старшими сыновьями, моими братьями, с которыми тесно общались, всегда бывали в дни радости и горести друг у друга, потому что наши люди были связаны вековой дружбой и деловыми связями. К разговору присоединился еще один почтенный человек, также прекрасно говоривший на моем родном языке. Удивительно было, что на клочке земли мусульманской диаспоры звучали несколько языков, включая английский, на котором мои внуки по ходу беседы обменивались своими восторженными впечатлениями. К нам подсоединился и имам мечети, пришедший, как только ему стало известно о присутствии гостей, и тепло нас приветствовал. Я вспомнил эпизод из своего детства, когда отец взял меня, мальчика, с собой на азербайджанскую свадьбу, на которой, в отличие от свадеб в семьях горских евреев, присутствовали только мужчины, а женщины, как я теперь понимаю, сидели особняком. Эта традиция, кстати, сохранилась в еврейской ортодоксальной среде, но не соблюдалась в обрядах верующих горских евреев. С наступлением времени дневного намаза нас пригласили внутрь мечети, чтобы и мы тоже помолились своему богу.

Уже прощаясь, наши добрейшие хозяева предложили моим внукам пригласить их друзей посетить Дербент, на что мой старший внук, задумавшись, сказал: *«Пожалуй, не стоит: чтобы западная цивилизация не “испортила” Дагестан»*. Удивительная реакция на гармонию, царившую на моей родной земле. Наверное, они получили ответ на свой вопрос, почему их прадед и дед были такими, а не другими, и какая земля их взрастила.

Что в человеке более — добра или зла, как жить с пониманием того, что в мире, казалось бы, преобладает недоброжелательность? Мой жизненный опыт оставляет надежду на то, что в мире все же преобладает добро, и носителями этой доброты являются люди, тебя окружающие, люди с внутренним стержнем и убеждениями, люди непримиримые к несправедливости, обладающие глубоким чувством порядочности, характеризующейся понятным на Кавказе словом номус, одним из носителей которого является отпрыск именитого рода Ханукаевых — Сави Ханукаев. Мне он доводится племянником, сын моей двоюродной сестры. Он много младше меня, но мы общаемся на правах близких друзей, хотя разница в возрасте значительна. Он мне интересен широтой своего интеллекта, безграничной любовью к своему народу, родному городу и Дагестану, сохранившейся от предков патриархальностью, прекрасно сочетающейся с современным образом мышления; трепетным отношением к памяти своих предков; деловыми качествами, доставшимися ему по отцовской линии, тонким пониманием искусства и причастностью к нему, полученными с генами мамы, в роду которой много творческих людей — ученых, артистов, художников, деятелей культуры, религиозных деятелей. Не случайно многие годы он возглавляет в качестве заместителя мэра города Дербента отдел внешних связей, в том числе в области культуры. И именно благодаря его упорному труду город Дербент заносится в список древних городов, охраняемых ЮНЕСКО. Он активный борец за сохранение религиозной толерантности — вековой традиции, сохранившейся в Дагестане, в Дербенте в том числе, городе, где на постоянной основе работает совет старейшин в составе первых лиц религиозных общин города, активно способствующих укреплению дружбы между многочисленными национальными меньшинствами, населяющими Дербент, в чем, как никогда, нуждается современный мир, в котором борьба за сохранение человеческих ценностей жестока и беспощадна.

Когда я вспоминаю о Дербенте, сердце мое до сих пор обливается кровью, хотя прошло уже много лет с того светлого сентябрьского дня 2005 года, когда я стал свидетелем

разрушения части древней крепостной стены (охраняемой ЮНЕСКО), случившегося при всем честном народе, который даже глазом не моргнул, не обратил внимания на совершение этой гнусности и дикого средневекового варварства. На мой вопрос к разрушителям, зачем они это делают и знают ли, что творят, мне спокойно ответили, что им приказано сделать проход, чтобы соединить две части вещевого рынка, расположенного по обе стороны от исторической стены и принадлежащего одному хозяину. На мои просьбы остановиться, хотя стена уже была разрушена, ответом было полное безразличие, и я, возмущенный этим, только нацелился на разрушенную стену фотоаппаратом, как меня окружили три громилы, которые елейным издевательским голосом предлагали мне направить фотообъектив в другую сторону, «где много красивых объектов». У меня хватило ума не связываться с ними, поскольку силы были неравные, а времена продолжали оставаться крутыми. Я постарался усмирить свой пыл и пошел прочь.

Следующим утром, дождавшись рассвета, я появился на этом же месте, где еще продолжали стоять орудия разрушения, а разрушители пока еще не появились, и смог сделать несколько фотографий разрушенной стены, они стали известны руководителям Дагестана и их представителям в Москве. Никакого общественного резонанса...

С одной стороны, кропотливый труд по сбережению исторического памятника, охраняемого ЮНЕСКО, с другой — такое варварское отношение к бесценным свидетелям вечности на фоне трепетных усилий других стран сохранить не то что стену, а каждый камешек, причастный к истории. Кто ответит, почему же за эти варварские деяния никто не посажен за толстую решетку, хотя о причастных к этому злодеянию людей знают все? Однако на такой риторический вопрос я могу ответить сам — *никто не ответит*, каждый получил, что хотел, и доволен, да и плевать им на эту самую историю, для них она не ценна. Но не вечен и их беспредел, а вот ценности вечны, в том числе интеллектуальные, которых в моем Дагестане немало, и задача тех, кто отвечает за сохранность реликвий прошлого, делать все возможное для сбережения, изучения, передачи нашим потомкам памятников ушедших цивилизаций.

Историческая память волнует Сави не меньше, чем вопросы бизнеса. Он сумел собрать и сохранить архивы документов по истории своего народа — горского еврейства, привлек к их обработке ученых-историков; он тесно связан с археологами Петербурга, исследующими памятные захоронения, занятыми расшифровкой надписей на надгробных памятниках. Тем самым они расширяют наши представления о географии миграции горских евреев по кавказскому региону. Мне посчастливилось быть знакомым с одним из ярких участников этих исследований Натальей Кошевой, которую опекал Сави во время ее пребывания в Дербенте, где оказался в это время и я. Мы долгими часами ночью засиживались с ней в разговорах, и я впитывал в себя интереснейшие сведения из жизни и быта моего народа, наслаждался ее рассказами о невероятных приключениях во время многочисленных экспедиций. Это мне было не только интересно, но и близко по духу как альпинисту, а как ученый я понимал, как она увлечена своими потрясающими исследованиями, которым посвятила свою жизнь.

Сави же был увлечен историей своего рода и вместе с прекрасной супругой Ириной они провели глубокое исследование, создали замечательный труд о своем генеалогическом древе глубиной в четырнадцать поколений, с историческими описаниями истории своих корней. Этот труд достоин уважения и признания его научной ценности. Однако эта великолепная пара не остановилась на истории только своих предков и начала «копать» истории иных известных родов нашего народа, в частности Дадашевых, Шалумовых и других. Я уверен, что их интеллект и душа настолько щедры и неиссякаемы, что они еще успеют обрадовать многих потомков известных родов нашего племени.

Примечателен ответ Славы, как ласково называют Сави его близкие, на мой вопрос о том, почему он остался в Дербенте с Ирой и тремя детьми и не эмигрировал со всей семьей и мамой, которая сейчас живет в Израиле. Он ответил: *«Кто-то же должен остаться, чтобы связать потомков с предками и сохранить традиции!»* Комментарии излишни.

И это ему удастся во всем: и когда приобретает поля и виноградные плантации, чтобы продолжать традиции своих предков — бывших прекрасных виноградарей, и когда

собирает вокруг себя способных молодых людей, готовых осесть на этой земле и обогащать эту землю, и когда передаст другим безвозмездно приобретенные им участки полей и плантаций, и за вечерней трапезой, когда собирается семья и, сидя спокойно, все дожидаются, пока глава семьи Сави не произнесет благодарную молитву за ниспосланный кусок хлеба и стакан вина, и за то, что они могут собраться за одним столом. За таким столом сидел и я, и мои американские внуки Марк и Давид, пожелавшие, что называется, по зову предков посетить родину своего деда, чтобы глубже понять его и вместе с тем понять традиции предков. Я же с белой завистью смотрел на то, как Слава сумел сохранить то, что потеряло подавляющее большинство наших людей в погоне за новой жизнью. Мои же внуки наматывали на свои еще молодые усы, как надо правильно жить, и я уверен, что приобретенный ими опыт не пройдет даром.

Я глубоко благодарен Славе и его изумительной супруге Ире за доброту и заботу, оказанную моей сестре Розе, остававшейся жить в Дербенте одной со своим мужем и горем, вдалеке от детей и ближайших родственников, и Сави, и Ира были с ней рядом в самые тяжелые и трагические дни ее жизни.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ИМЕНА

Я верю в понятие «везение». На протяжении немалого отрезка жизни меня чаще сопровождало везение, чем наоборот. С малых лет меня сопровождало ощущение, что рядом со мной всегда находится кто-то, заботящийся обо мне. Это не означает, что жизнь не трясла меня. Именно удачный выход из тяжелых жизненных ситуаций и давал мне повод чувствовать себя защищенным. Этот мистический «кто-то» часто принимал облик реальных людей, многие из которых оставили в моей жизни неизгладимый след, стали и остались (кому повезло не покинуть этот мир) близкими. Каждый из них достоин особого внимания и повествования, и не только потому, что это связано со мной, но и потому что их образ — это наука о добродетели и пример того, какие должны быть люди, чтобы общество было здоровым. Вы узнаете о них позже, а сейчас представлю далеко не полный список этих благороднейших имен.

Мои родители как эстафету передали меня на школьное воспитание в руки благочестивых преподавателей. Их было много, кому я обязан тем, кем я стал. Но жизненные установки директора школы Георгия Семеновича Мещерекова, преподавателя географии, до сих пор для меня актуальны. Помню, как каждый провинившийся за те или иные шалости попадал к нему в кабинет, был заморожен его лучезарной улыбкой, с которой он встречал даже самого заядлого озорника, и после пары коротких фраз директора отбивалась охота хулиганить. Из этих же ребят он сколотил актив школы. Это коснулось и меня — два года я возглавлял ученический комитет школы, и уже перейдя в выпускной класс, мы передали бразды правления некогда отъявленному шалуну Борису Нисимову, ныне покойному. Такое решение было следствием уроков нашего любимого директора... Какие были чаепития у него на квартире, которая располагалась в здании школы. Он приглашал ребят старших классов, каждый совершенно раскованно мог обсуждать вопросы бытия, философии и даже политики. Он научил нас в несвободе чувствовать себя свободными. Этому власти не простили ему, и позже он был снят с должности директора школы.

Учительница русского языка и литературы Лидия Тимофеевна Фёдорова. Сколько же она отдала времени каждому из нас, оттачивая нашу русскую речь! В каждом из нас она видела чуть ли не поэта или писателя, предлагала писать кому стихи, кому прозу. В то время я попробовал себя в драматургии, написал пьесу о своих сверстниках. Получилась информационная справка о школе и школьных друзьях. Чтобы не задеть мое самолюбие, Лидия Федоровна успокаивала меня, обнадеживая тем, что я взялся за сложный жанр, и что в прозе меня ожидает большой успех. Я был ей благодарен за ее доброту, но отчетливо понимал, что это не мое. Однако не оставлял занятия в литературном кружке, потому что там был хороший русский язык — то, чему надо было учиться непременно. Одновременно я радовался успехам моих друзей, преуспевавших в поэзии и в прозе. Мне тогда в голову не приходило, что когда-нибудь и я прикоснусь к литературному творчеству, начну писать мемуары и вспоминать, как Лидия Тимофеевна закладывала во мне прочный фундамент не только знания и любви к русскому языку и литературе, но невольно оказалась

также первопричиной моего прикосновения к такому завораживающему чувству, как первая любовь к девушке, воспоминание о которой помогает сохранить сентиментальность даже через долгие, суровые годы.

И чем дальше мои годы вздымаются вверх, тем сильнее во мне желание сделать прыжок вниз, в свое прошлое, в прекрасную юность, понимая, что нет пути спасения от самого себя, но есть возможность расслабиться и, забыв о сегодняшнем, окунуться в прошлое.

А «вчера» у меня защемило, что называется, сердце, когда я увидел в роли Любки Шевцовой девочку, одну из тех, которых наша учительница русского языка и литературы пригласила из женской школы (*тогда школы были разделены на мужские и женские*), на постановку в нашей школе спектакля о молодогвардейцах, и мне почему-то досталась роль Олега Кошевого, на которого я совсем не походил. Но дело было сделано, обе школы остались довольны, что тема по книге Александра Фадеева «Молодая гвардия», входившая в школьную программу, успешно закрыта, для меня же она имела продолжение, потому что забыть Любку, которая на самом деле называлась Тамарой, я уже был не в силах. Новые встречи с ней были исключены, мальчиков не подпускали к женской школе, где она жила я не знал, а увидеть хотелось. На решение этой «глобальной» проблемы уходили дни, пока я искал пути увидеть ее, и нашел выход, воспользовавшись своим «административным ресурсом», выборной должностью председателя ученического комитета школы, которым я тогда был, и вставил в план мероприятий нашей школы совместные с той женской школой вечера отдыха. Договорились. Началась интенсивная подготовка, в том числе художественной самодеятельности, на что я очень рассчитывал, чтобы выглядеть в выгодном свете, так как принимал участие в необычном танцевальном номере, ритмическом танце, который назывался так, потому что называть иначе, правильно — «чечёткой» было нельзя по соображениям буржуазности происхождения танца. Выбивали эту чечётку мы втроем с моими друзьями Магомедом Генжиевым и Хананьей Гилядовым, вскоре добились популярности, и даже приняли участие в концерте на республиканском смотре художественной школьной са-

модельности. Но это будет потом. А сейчас я должен был понравиться моей избраннице. И понравился — но не я, а танец. На танцевальной площадке Тамара была нарасхват, и я не был самым успешным кавалером. Я был хорошим парнем, но многие мои друзья выгодно отличались от меня внешним видом и имели большой успех. Я пытался компенсировать свою неудачу на последующих совместных вечерах, вкрапывая в свои старания предложения делать ее фотопортреты (*ведь меня признавали почти профессиональным фотографом, как же, я же владел «фотокором»*). Против этого устоять она не смогла, и на свет появилось много ее фотопортретов разных размеров и композиций, я их дарил ей не сразу, а порциями, чтобы растягивать количество наших встреч. Постепенно мы подружились, встречались часто, но по спокойному ее отношению ко мне было ясно, что она далека от чувств, которые одолевали меня. Для меня это было первым глубоким чувством, хотя и юным, которое заметили даже мои родители, что для них означало мое взросление, может быть, немного для них грустное, потому что я был последним из детей, который оставлял детство. Однажды моя подруга попросила меня помочь ей подготовиться к экзаменам по математике и по этому случаю она появилась у нас в доме. И когда мы шли с ней мимо родителей в мою комнату, отец, проводив нас взглядом, обратился к маме со словами: «*Вот и Биньямин уже стал взрослым*». В его голосе звучала легкая грусть.

Аракса Ашотовна, молодая учительница физики, которой доверили вести десятый класс. Она стала классной руководителем нашего десятого. Казалось, такая молодая, а была врожденным воспитателем, и многие поколения ее учеников не перестают восторгаться ею. Уже по истечении многих десятков лет в мой приезд в Дербент я побывал у нее дома. Она, без сомнения, узнала меня, хотя я носил бороду, а главное, помнила в деталях события пятидесятилетней давности. Она продолжала интересоваться судьбой своих учеников, особенно удивила меня знанием этапов моей жизни. Сложилось так, что Аракса Ашотовна позже была классной руководителем у моего племянника Сави Ханукаева, он не оставлял без внимания свою бывшую учительницу, оказывая ей разносто-

роннюю поддержку и помощь. Она же считала главным своим богатством многочисленных своих выпускников.

Дмитрий Максимович Горбатюк — удивительно тонкая личность. Высокий, статный человек, прекрасно владеющий своим предметом, не чуждый юмора. Мне казалось, что юмор является частью химической дисциплины, так искусно он вплетал свои шутки в изложение уроков химии. Он ориентировался в местных наречиях и, вызывая ученика к доске, перекидывался с ним несколькими фразами на его родном языке, доставляя этим удовольствие всему классу. Как мы тогда понимали, такими шутками он «проветривал» нам мозги, ассоциативно внедряя в наши головы такой не легкий предмет как химия. Он далеко выходил за школьную программу и готовил нас к поступлению в вуз. Когда в институте вдалбливали фундаментальный курс химической науки — таблицу Менделеева, о которую спотыкались студенты, я с благодарностью вспоминал своего Дмитрия Максимовича, давно с шутками и прибаутками упаковавшего в моем мозгу один из базовых элементов химической науки. Уроки химии продолжались и на природе, куда он часто нас брал с собой, особенно на рыбалку, которая была его страстью, вручал каждому заранее приготовленную удочку и учил терпению. Именно при нем я поймал единственного за свою жизнь морского бычка. Второй и последний мой трофей был карп, выловленный на удочку в озере Болуошас в Литве, где карпы стояли в очереди, чтобы схватить наживку с моей удочки, а мои дети Стелла и Аня были горды за своего папу-рыболова.

Говоря об институтской профессуре, конечно, хочется начать с самого близкого в то время старшего друга — моего дядюшки, кузена моей мамы, Героя Советского Союза Шатиэля Семеновича Абрамова. Нас связывали не столько родственные отношения, сколько близость душ, когда стираются грани возраста и парит свобода общения, когда нет начала и конца интересным беседам. Как рассказывала моя мама, он был героем всегда. С самого детства выделялся незаурядными поступками и озорством, смелостью, обладал высочайшим чувством ответственности. Наши близкие отношения уста-

новились еще в моей юности, когда он навещал в Дербенте свою сестру и мою маму. Бывало, в Дербент приезжали в одно время оба — он и мой брат, военный моряк-подводник Герцель. Они были ровесниками, мой брат даже старше на три года, оба участники войны — Герой Советского Союза и Кавалер двух боевых орденов Ленина. Им было что вспомнить и о чем поговорить. Они всюду брали меня с собой, и я был живым свидетелем их бесед, не идущих ни в какое сравнение с рассказами о детях капитана Гранта или о капитане Немо ни, тем более, с сюжетами американских и российских боевиков. Я уже не говорю о том, как я торжествовал на зависть моим сверстникам, находясь рядом сразу с двумя знаменитостями. Ведь на стене здания школы, где учился Шатиеэль Семенович, висела мемориальная доска в его честь. С войны он вернулся майором, без увечий, принял решение продолжить военную карьеру, поступил в военную академию. Ему не повезло, уже в мирное время во время чистки оружия его ранило в плечо, он остался инвалидом. Но наш герой не унывал, окончил геологический факультет Грозненского нефтяного института и уже через годы был не только инженером, но защитил докторскую диссертацию, стал профессором, а затем заведующим кафедрой и деканом геологического факультета в родном институте. Жизнь его прервалась уже в Москве, куда он переехал, оскорбленный тем, что перед первой чеченской кампанией с его груди на улице города, где его любили и почитали, хулиганы сорвали золотой дубликат Звезды Героя Советского Союза, с любовью изготовленный в подарок его земляками дагестанцами — знаменитыми кубачинскими мастерами. В его квартире в Грозном, куда он часто завлекал меня по праздникам, я встречал его друзей — моих преподавателей. Это меня смущало, и я часто искал предлоги для отказа. Он знал истинную причину моей «занятости», и поэтому приглашение я получал через репродуктор, установленный на площади перед институтом, откуда начиналось движение на праздничную демонстрацию. Репродуктор объявлял, что член комитета комсомола Биньямин Шалумов срочно вызывается к декану геологического факультета, хотя я учился на механическом факультете и не имел никакого отношения к геофаку. Тут я понимал, что приперт, и отказ от приглашения не принимается.

Бытует мнение, что все лучшее — в Москве, в том числе преподаватели и профессура вузов. Не спорю. Однако по уровню выпускаемых специалистов нашего института, разбросанных по всей стране и занимающих высокие позиции в промышленности и в науке, можно было судить о том, какие гиганты готовят эти кадры. Их мощь я ощущал всю жизнь, особенно когда я менял специальности или оказывался на их месте в качестве преподавателя вуза и даже когда помогал своим детям и внукам осваивать науки. Мне хотелось бы рассказать о них не столько как о специалистах, они были, бесспорно, высочайшего класса специалистами, а вспомнить о некоторых забавных случаях, связанных с их отношением к будням студентов.

Неподражаемый Исаак Хананович Левенбук, профессор, который читал нам ТММ (теорию машин и механизмов) и сопромат — сложнейшие предметы. Многие студенты никогда не могли освоить эти науки, но не в случае Исаака Ханановича. Лекции он читал скороговоркой, но совершенно внятно и, к нашему удивлению, очень понятно. Однако это не означало, что студенты осваивали его лекции так же быстро, как быстро он их читал. Зато семинары были вольными, ты мог затонуть в многочисленных формулах, путать сопромат с ТММ, а он смотрел на нас с легкой усмешкой, не мешая нам думать, пока не наступал второй час семинара, когда он вбивал в наши мозги фундаментальные основы предмета. Не дай бог отвлечься хотя бы на одну минуту, он больше к теме не возвращался, и ты мог остаться один на один с предметом, а это всегда оборачивалось не в твою пользу. А кто его слушал внимательно, не отрывая взгляда ни от него, ни от доски, тот при сдаче зачета или экзамена мог рассчитывать на удачу. Бывали случаи, когда мы приходили на его занятия на утро после увеселительных вечеров, мозги наши были сориентированы в обратном направлении от вектора, который он выводил на доске. Тогда в будущем оставалась единственная, но ненавистная для Исаака Ханановича, надежда на шпаргалку. Он считал, что шпаргалка используется студентом не по своей вине, а по вине преподавателя, который просчитался и недоучил студента. Но свои просчеты он себе не прощал, и поэтому не терпел и шпаргалок, которые напоминали ему о его личных неудачах.

Но жизнь продолжалась, а жизнь студента без шпаргалок немислима, в том числе на экзаменах Исаака Ханановича. Был грешен и я. Однажды на экзаменах подоспел тот самый закон подлости, и мне попался билет с вопросом по теме, которую я не освоил на семинаре по случаю той самой головной боли. Признаться, я был трусом и боялся пользоваться шпаргалкой, но делать нечего и, найдя подходящую минуту, я воспользовался ею. Острый взгляд Исаака Ханановича уловил это мгновение и, заметив сквозь толстенные очки мой дерзкий поступок, не отрывая взгляда, двинулся на меня. Моя безысходность так подогрела мою наглость, что я со скоростью ракеты забросил шпаргалку под себя на сиденье парты, и с умным видом стал напряженно думать. Подойдя ко мне, он потребовал отдать шпаргалку, на что я нахально взглянул на него, как можно шире открыв от удивления глаза, давая понять, что у меня ее нет. Он жестом показал мне, что я на ней сижу, я же, не вставая, подвинулся на другой конец скамейки, на что он прореагировал неожиданным образом. Не отрывая взгляда, попятился назад, чтобы зайти с другой стороны ряда и, подойдя ко мне, повторил все то же самое. Я отреагировал так же и переместился, глядя на него в упор, на другой конец скамейки. Теперь у него были широко открыты глаза и он, ничего не понимая, удивленный отошел от меня. Я никак не мог понять, почему он не заставил меня подняться — тогда бы моя карта была бита, а сам я или от страха, или от наглости не сделал этого. У меня еще оставалось полчаса времени для подготовки, этого мне хватило, чтобы воспользоваться шпаргалкой и получить свою твердую четверку. Позже на выпускном вечере, когда вручали нам дипломы, я признался ему в своем дурном поступке. Он отметил, что догадывался и не стал меня трогать, потому что я хорошо занимался на его семинарах. Может поэтому, а может и потому, что однажды мы встретились с ним в гостях у моего дядюшки Шатиэля Семеновича — его закадычного друга.

Дорогой нашей душе Исаак Хананович! Как же мы, студенты, любили его за его талант, неумный ум и доброту, за преданность студенчеству и за то, что он мог все. Как говорил он сам, он мог бы вести в институте все предметы, в том числе теорию марксизма-ленинизма и даже политэкономиию.

Кстати, последние два предмета вел полный антипод

Исаака Ханановича Левенбука, некий ненавистный студенчеству Синюкаев, бывший член военной тройки, о чем он с наслаждением рассказывал при всякой возможности студентам, виновник гибели многих «врагов народа». Он и в мирное время, в нашу бытность, делил людей по признаку национальной принадлежности, так и не раскаявшись в своих подлых деяниях, разрешенных, к сожалению, в то время законом. Немало выпил он крови и нашим студентам.

Денежкин — красивый, стройный, со слегка бледными, утонченными чертами лица, всегда подтянутый, с иголки и со вкусом одетый молодой человек, преподаватель политэкономии и теории марксизма-ленинизма. Посещаемость его семинаров была высока, и не потому, что он был так элегантен; его уважали за высокую образованность и умение вовлечь студентов в обсуждение самых сложных тем, даже закрытых. Он был уверен в себе, состоял в членах бюро райкома комсомола. Его интеллект был много выше нашего, что позволяло ему убеждать нас в том, с чем мы были не согласны, он поворачивал наши мозги в противоположную сторону, требовал учиться думать и работать над предметом. И это, безусловно, ему удавалось, потому что, оставляя его семинары, мы действительно думали и готовились к ответной атаке в спорах с ним, порой засиживаясь над литературой на заданную тему. На протяжении всей моей жизни память не покидал его образ, который всегда напоминал мне, как правильно вести себя в споре и принимать решения. Наши студенческие годы были материально нелегкие, он это прекрасно понимал, и тем не менее учил нас в любых условиях следить за собой, быть опрятными и правильно одеваться. Это он научил меня, а позже уже я учил других уметь завязывать на себе галстук, что не умеют делать сегодня даже многие почтенные люди. И сейчас я вспоминаю его, когда надо правильно подобрать носки к галстуку или наоборот. Я не виделся с ним после окончания института, очень переживал и принял как личную трагедию его уход из жизни еще совсем молодым.

С ТЕМИ, С КЕМ КАШУ ЕЛ

Я долго думал, прежде чем взяться за увлекательнейший труд творить мемуары. Надо было бы понять, что это за литературный жанр. Конечно, я читал мемуары многих авторов, правда, не всегда с интересом, и даже слегка со смущением и ощущением чувства вины за то, что как бы влезаю в чужую жизнь. Это останавливало меня каждый раз, когда друзья уговаривали меня после очередной порции моих воспоминаний о жизни переложить это на бумагу. Однажды я задумался над началом этого весьма деликатного процесса выворачивания себя наизнанку, когда мне предложили включиться в некий интересный для меня проект, реализация которого оказалась возможной при условии моего участия своими воспоминаниями.

В жизни я исхожу из постулата, сформулированного мною же для самого себя — берись за дело лишь в том случае, если точно и до конца понимаешь конечную цель. В случае мемуаров твоё творение выбрасывается людям, в большей части незнакомым, которых, по сути, не волнует твоя судьба и твоё прошлое. Цель может быть оправдана, если ты сможешь предложить то, что им будет полезно, а они смогут задуматься над делами и поступками людей, которых ты им представляешь, воспользуются этим, отправив эту информацию в подкорку своего сознания, чтобы извлечь ее, когда востребуется для принятия решения делать так, как они, или не делать, как другие.

Я понял, что мемуарный жанр труден тем, что история жизни разворачивается не просто изложением собственных биографических данных, а посредством рассказа о людях, прошедших через твою жизнь, реально свершивших твою историю, благодаря которым ты стал тем, кем есть сегодня, ибо нет ни истории, ни жизни, когда нет вокруг общения — штуки, о которой очень ярко и убедительно сказал Экзюпери: *«Самая большая роскошь — это роскошь человеческого общения»*. Хотя и понимаю, что постоянная смена имен может быть утомительной, я все же решил не отказываться от этого приема, потому что убежден, что у меня нет своей истории без истории моего общения с прекрасными неор-

динарными достойными людьми, жизнь которых является примером для подражания и уроком, на котором должно воспитываться молодое поколение, да и старшее тоже. Эти люди не обязательно из тех, чьи имена на слуху, кто часто мелькает на экранах телевизоров, кого считают так называемыми «публичными людьми», кто известен своими выдающимися делами. Я был знаком и продолжаю быть знакомым со многими из них, глубоко многих уважаю, однако, надо понимать, что это только часть айсберга творцов истории нашей жизни, а основная масса — это низ айсберга, те люди, которые не всплыли по разным причинам часто потому, что их духовность настолько высока, они настолько самостоятельны, что даже в голову им не приходит необходимость публичного признания. Им не нужно, чтобы их узнавали, однако людям нужно знать их, чтобы подражать им и впитывать в себя их достоинства и тем самым стараться разукрасить собственную жизнь. О таких людях моя история.

Человек проходит через разные периоды своего становления и, глядя с высоты прожитой жизни, дифференцирует различные этапы этого процесса, выделяя наиболее значимые из тех, которые являются фундаментом становления личности. На самом деле, это можно рассматривать как процесс познания, который не завершается никогда до самой смерти и, вероятно, по этой причине физически ощущается молодость в пожилые годы, поскольку еще продолжаешь желать учиться, пребывая в новом для себя измерении времени, в котором властвуют новые, неизвестные тебе пласты знаний, а твои дети и внуки уже становятся твоими учителями. И тем не менее ты часто возвращаешься к прошлому, продолжая подпитываться энергией прошлого, коим обладало время нашего студенчества. Вот где благодатный источник всего живого! Для меня студенческие годы были подарком судьбы. Сколько же их было — талантливых, порой гениальных юношей!

Один из них Валентин Семенович Шеплев, поступивший в институт с красным дипломом техникума. Приехал он из города Орска. За все время учебы он не получил ни одной оценки ниже пятерки. Хотя таких студентов было немало, однако он выделялся своей естественностью; пятерка у него

была не за выученный урок, а за глубокое внутреннее понимание предмета. Он никогда не повторял то, что профессора излагали на лекции или семинарах, он рыл вглубь, сидя в библиотеках или в комнате, где мы вместе жили, за столом, заваленным книгами. Немало неприятных минут доставалось от него и некоторым преподавателям, когда он отстаивал свою позицию, свое понимание предмета. Валентин был высокий крепыш — он, стол, стул и книги на столе становились единым целым предметом. Во время занятий у него вдруг вырывался громкий смех будто он читал юмористический рассказ, а это была его реакция на то, что в технических книгах он открыл что-то новое, очень для себя важное. Это открытие провоцировало его на всякие шутки, на которые он был большой мастер, и, возбуждаясь все больше, он брался за гитару и пел нам блатные песни. За этим следовал прекрасный ужин, заранее приготовленный одним из нас, четверых, живших вместе, а чаще Валентином Давитулиани, его ближайшим другом (*о нем будет особый рассказ*). Ему мы передавали свое дежурство, отдав за это четверть нашей порции галушек со сливочным маслом или вареников с картошкой, которые мы все обожали. Перед ужином соблюдался ритуал мытья рук в душевой комнате, расположенной в конце коридора. Ритуал начинался с того, что мы вчетвером выходили в коридор, становились в ряд, и затем, с учетом наших весовых категорий Валька Шеплев сажал на плечи меня, а Валька Давитулиани Рому Осипова. Наша задача была — удержаться, пока оба Валентина донесут нас до умывальника под аплодисменты студенческой братии, которая высыпала в коридор из всех щелей посмотреть на этот цирк. Они осторожно опускали нас на пол и мы все вместе подходили к умывальникам. Шеплев тщательно наблюдал за процедурой умывания, следил за тем, как и сколько раз мы используем мыло, а затем мы гуськом возвращались в свою комнату и садились за стол ужинать, иногда запивая галушки белым бочковым вином, купленным в ларьке за небольшие деньги. После нескольких минут спокойной трапезы сначала тихо, а затем с шумом к нам в комнату врывались наши друзья отведать нашего ужина и так «отведывали», что отпадала необходимость мыть тарелки — настолько они блестели после использования. Этому особенно был рад дежурный Давитул, считавший, что после

этого тарелки вполне можно и не мыть. Вечер заканчивался организованным отходом в туалет, куда мы добирались строем, запевая какую-нибудь революционную песню.

Удивительное состояние я испытываю, когда пишу эти строки. Все очень дорогие моему сердцу друзья предстают перед моими глазами, словно я и не расставался с ними никогда, и особенно Валька Шенлев, к величайшему нашему сожалению ушедший из жизни рано уже мирового уровня известным ученым, доктором наук, кавалером ряда орденов Советского Союза. Но мой рассказ о Вале не закончен. Он был настолько разносторонним, что его образ не может быть раскрыт до конца, если не рассказать о многих гранях его натуры.

В отличие от Валентина, я в институте не хватал звезд с небес, был просто нормальным успешным студентом, активно занимался общественной деятельностью, которая, однако, у меня отнимала много времени, надо было рационально его распределять. Приходилось отдавать предпочтение специальным предметам, отодвигая на второй план другие, что вызывало возмущение Валентина, считавшего общественное занятие пустым делом, даже вредным, поскольку мешает процессу получения знаний, за чем, собственно, мы и поступали в институт. Однако моя неуемная энергия искала выхода, я бросался вершить комсомольские и общественные дела, уверенный в том, что делаю это в интересах студентов и, стало быть, своих же друзей. Позже я понял мудрость Валентина и в своей послеинститутской жизни уже никогда не принимал предложений занимать общественные должности, сосредоточив внимание на профессии и догоняя упущенное время. Валя же отрывался от наук только для занятия спортом, он увлекался самбо, а я занимался в то время классической борьбой, тут наши интересы совпадали. Мы добивались спортивных успехов, а, главное, часто могли быть вместе, участвуя в различных спортивных состязаниях местного и республиканского значения.

Иногда он ходил в кинотеатр, чтобы посмотреть китайские фильмы, которые не представляли никакого киношного интереса, но бывали в прокате, потому что мы с китайцами были братья навек. Иногда мы ходили в кино только бла-

годаря Валентину, который закупал много билетов, распространял их в общежитии, расположенном напротив кинотеатра через дорогу, и затем организованно в день показа тащил нас на просмотр фильма. Сначала никто не понимал его действия, но потом это стало ритуалом и ребята с удовольствием его поддерживали, потому что это всегда было весело, но не от сюжета фильма, а из-за гортанного хохота Шеплева, который раздавался вдруг во время сеанса в самом неподходящем месте. К концу фильма стены кинозала дрожали от общего веселого смеха, вызванного заразительным смехом Валентина. После сеанса мы так же организованно покидали кинозал и, осторожно перейдя улицу, оказывались в своем общежитии, где в комнатах еще долго шли дебаты по поводу достоинств и недостатков увиденного фильма. Так Валя разряжался, а, может быть, и выражал протест против бездарности.

Убежденность и твердость Шеплева были настолько заразительны, что мы, его «roommates», начали подтягиваться и все больше и больше заниматься науками, захватывая для этой цели ночное время, потому что дневное я продолжал дарить общественным делам. И мы не заметили как оказались перед «ужасным фактом» — никто из нашей комнаты не научился такому святому делу для студентов, как игра в преферанс. До сих пор это лежит на мне «темным пятном», и эту тяжелую ношу особенно чувствую, когда мои послеинститутские друзья узнают, что я не умею играть в преферанс. Так за всю свою жизнь я не пристрастился к азартным играм, уделяя вместо этого внимание наукам, спорту, музеям и театрам.

Действительно, наукой я был увлечен настолько, что в какие-то короткие сроки защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации. Помню, как после большого перерыва наших с Валею встреч он оказался в моей московской квартире по пути из США в Сибирский Академгородок, где он постоянно проживал и работал. Встреча эта была эпохальной, незабываемой, длившейся всю ночь напролет, и ознаменовалась тем, что в эту ночь мы уже не пили вино из нашего ларька, а воспользовались моим баром, где можно было выбрать что-то по вкусу. В Америку он пошел по приглашению Хьюстонского университета на полугодовую программу, которая по просьбе университета продолжилась еще

на полгода, и в итоге пробыл в Америке целый год. К этому времени у меня была защищена докторская диссертация, а он не спешил защитить свою, хотя ему это ничего не стоило. Я чувствовал себя неловко от того, как это я — да, а он — нет. Это было несправедливо. Но он меня успокоил тем, что он и кандидатскую-то не хотел защищать, и по инициативе Ученого Совета института ему утвердили кандидатскую степень по совокупности работ. А что касается докторской степени, то он уже написал реферат, и не собирается терять время на писанину и оформление самой диссертации, из-за чего будет бездарно потеряно слишком много драгоценного времени. В итоге он защитил докторскую по совокупности своих трудов, наработанных им, уже солидным ученым.

Как был он постоянен в науках, так был постоянен и в любви. Он безответно был влюблен в девушку с технологического факультета, о чем знали только самые близкие его друзья, и никакие советы в отношении этого вопроса им не принимались. Однажды, когда ему было особенно тоскливо, я организовал в нашей комнате вечеринку, пригласив знакомых девушек. Несколько бокалов дешевого белого вина из киоска приподняло нам настроение и Валя, взяв гитару, запел лирические песни, среди которых было несколько им сочиненных. Мы знали, к кому были обращены слова песен и, умиленные их глубоким смыслом, с восторгом смотрели на Валентина. Разыграв комедию, я предложил всем подняться на четвертый этаж нашего общежития потанцевать, там по субботам под живую музыку организовывались танцы. Я был твердо уверен в том, что Шеплев, как обычно, не пойдет. Оставив с Валентином одну из девушек, мы ушли на танцы, а через час или полтора, девушка к нам присоединилась, оставив Валю в комнате одного, расстроенная тем, что все это время, пока они оставались одни, он выкладывал ей какие-то математические формулы, в которых она, увы, ничего не смыслит. Тогда мы поняли, насколько Валя безнадежен.

Однако время — целитель. Уже после института он женился на Эмме, прекрасной девушке с геофака, которая была влюблена в него, вместе они нажили сына Борю и ничего материального. Много лет спустя я встретился с ним и его семьей в Новосибирске в Академгородке, где он жил и творил, Акаде-

мия Наук выделила ему трехкомнатную квартиру, от которой он отказался в пользу многодетной семьи своей сотрудницы, а сам с семьей продолжал ютиться в малогабаритной квартире, в которой книги, например, стояли в импровизированном шкафу в виде длинных досок, висящих в обхват на веревках, и это сооружение он представил мне как шедевр своего творчества, которым очень гордился. Я хорошо понимал Эмму, которая просила меня посоветовать Вале правильно устроить свой быт. Я ничем тогда не мог ей помочь, потому что для Валентина не существовала такая категория вещей, как совет. Он мне сказал тогда, что он не может жить лучше, если рядом с ним люди живут хуже. Философия — мало кому доступная.

Из воспоминаний Валентина Давитулиани
в его послании ко мне:

«Разбередил ты мне душу своими мемуарами до того, что навалилась ностальгия. Жаль Вальку, который так рано ушел, жаль и себя, дурака, метавшегося по жизни. Но это на день-два, а потом жизнь снова станет прекрасной — интересная работа через Интернет (проектирую оборудование для мини-установок), освоение новых компьютерных программ, спорт по часу-полтора каждое утро (пробежки на речку и гимнастика с силовыми упражнениями), интересные книги (нахожу их в интернете, очень люблю фантастику). Вот все это и есть мои «отдушины», которые придают жизни какой-то смысл.

Мы с Валькой часто оставались в общежитии вдвоем (ты ведь занимался общественными нагрузками). Обычно вместе готовили себе еду, которую поглощали следующим образом: садились за стол напротив друг друга, по середине ставили кастрюлю с едой и начинали есть, читая книги (я — фантастику, Валька — учебник) и сталкиваясь ложками над кастрюлей.

Когда у нас кончались деньги, мы с Валькой надевали старые рваные тельняшки, кто-нибудь из нас надевал твою прекрасную зеленую велюровую шляпу, и мы с гитарой наперевес ходили по комнатам общежития, распевая во все горло блатные песни типа:

«А на дворе хорошая погода,
Луна в окошечке светится порой,
А мне сидеть еще четыре года,
Душа болит и просится домой».

Или

«Вот идет за вагоном вагон
С мерным стуком по рельсам из стали —
Спецэтапом идет эшелон
С пересылкой в таежные дали».

После таких песен твоя шляпа быстро наполнялась. Одну Валькину книгу я изучил от корки до корки — это был его перевод с английского толстенной книги под названием «Кипящий слой» (технологический процесс сушки порошков во взвешенном состоянии — основная научная тема Валентина Шеплева. З.А.)

Я помню девушку с технологического факультета, в которую был влюблен Валька, а мне она совсем не нравилась. Однако она прекрасно пела со сцены на институтских вечерах.

Помню, в байдарочном походе в верховьях Енисея, когда мы в течение целого месяца шли по ненаселенке на подножном корму и у нас закончились все продукты, кроме муки; я варил на костре галушки, а тесто замешивал на лопасти байдарки. Кстати, в конце похода, выйдя на Енисей, мы встретили ребят из Академгородка, которые работали с Валькой. Я передал ему привет и спросил, какое у него сейчас хобби. Ответ был такой: «Работа. Других хобби у него нет».

...Кого ни вспомнишь — личность! Очень трудно отдать кому-то предпочтение. Особое место в моем повествовании займет Пауль Вексельблат, человек совершенно поразительной судьбы, с тяжелой душераздирающей историей. Однако я еще не созрел для того, чтобы писать о нем. Мне нужно быть готовым суметь пережить еще раз его жизненный путь, путь человека безвинно виноватого, но очень сильного, чтобы с холодной и трезвой головой описать его по сути трагичес-

кую, но в то же время весьма поучительную жизнь. Так или иначе, он тесно был связан с событиями, которые происходили в моей жизни, и незримо будет присутствовать во многих эпизодах этого повествования.

А сейчас мой рассказ о Давитуле, уже знакомом вам персонаже, мастере приготовления галушек со сливочным маслом и вареников с картошкой – Давитулиани Валентине Владимировиче, парне из Феодосии. Это только по звучанию своей фамилии он казался лицом кавказской национальности, а по сути был великодушным добряком с наивной широкой русской душой. Его воспитывала мама, добрая русская женщина, с которой мы познакомились, когда она приезжала в Грозный навестить своего Валечку. Мы были рады ее приезду не меньше Валентина. Она навезла много домашних вкусностей, среди которых была ею самой приготовленная кровяная колбаса, и пока она пребывала у нас, готовила нам прекрасные блюда, особенно полюбившийся нам украинский борщ и оригинальные вареники с картошкой, технологию приготовления которых Давитул явно унаследовал от нее. Я видел ее еще дважды, когда после окончания института мы с Давитулом разошлись в разные концы необъятной России – он в Сибирь, а я по распределению в подмосковный Подольск, и, оказавшись в Феодосии, счел своим долгом ее навестить. Последняя моя встреча с ней состоялась уже в новые времена, когда Валентин в качестве полпреда Президента России Ельцина служил в Тамбове и перевез уже старую маму в спокойную деревушку под Тамбовом.

Давитул выгодно отличался от нас своим внешним видом – высокий, с атлетической фигурой и мягким красивым лицом молодой человек, окруженный вниманием девушек, но сам мало им тем же отвечающий. Он обожал спорт и занимался самбо в одной секции с Валею Шеплевым. Они быстро подружились, и эта дружба привела Давитула на стезю Шеплева, они вместе грызли гранит науки и солидарно отвергали общественную работу в институте, а уже во взрослой жизни, попав во времена Перестройки в обойму политиков, Давитул стал государственным деятелем.

Его наивность проявлялась во всем – в быту, в отношениях к девушкам, в ежедневной студенческой жизни и, как я понял, общаясь с ним в последние годы, даже в политике. А

в той студенческой жизни, в то время как нам приходилось следить за своей внешностью — пытаться по возможности модно одеваться, следить за стрижкой, чтобы и на нас тоже обращали внимание девушки, Давитулу все это было не нужно, потому что все это ему было даровано природой. Он даже не задумывался над тем, что одежда, например, вещь индивидуальная и ни на минуту не сомневался в том, что всем имеющимся в единственном в нашей комнате шкафу, он может свободно пользоваться. Однажды я попросил его, чтобы в очередной раз, когда он надумает воспользоваться моими вещами, оставил бы последнюю чистую рубашку мне самому, чтобы я мог воспользоваться ею в экстренном случае, на что Давитул с широкой добродушной улыбкой прореагировал так, как мог реагировать только человек его натуры — он попросил меня, чтобы рубашки, которые мне покажутся ношенными, я не складывал с грязным бельем, а на всякий случай повесил аккуратно на вешалки в шкаф. И это был весь Давитул! Облачившись иногда в одну из них, он выглядел, словно только что купил ее в магазине, при этом он так светился своим обаянием, что никому и в голову-то не могло прийти даже задуматься над тем, во что он одет.

Однажды по моей инициативе на одной из новогодних вечеринок он познакомился с очень хорошенькой девушкой. Вскоре после этого наш Валя заболел и лежал в комнате с температурой, но не высокой, и мог вполне себя обслуживать, хотя, конечно, мы разыгрывали беспокойство по поводу его здоровья и оказывали ему всякие почести и внимание, которых может быть удостоен больной, правда, не в такой «тяжелой» форме. И вот однажды раздается стук в дверь и без предупреждения (*тогда еще не было мобильных телефонов*) на пороге нашей комнаты появляется она, его любимая, с пакетом в руках, вся встревоженная, подходит к его кровати, говорит ему всякие ласковые слова, от чего он млеет и делает вид, будто у него тяжелая неизлечимая болезнь. Я придвинул к его кровати стул, помог ей снять пальто и пригласил сесть. Вдруг, развернув пакет, она обращается к нему: «*Валюша, лапочка, хочешь съесть яблочко?*», на что он густым баритоном отвечает: «*Да, хочу*», после чего она поворачивает свою красивую головку в мою сторону и, протягивая мне пакет, говорит: «*Бинечка, помой, пожалуйста, яблочки для Ва-*

лечки», не догадываясь, что ее желание, чтобы эти яблоки достались только Валечке, не может быть выполнено, потому что, если в этой комнате рубашки на всех, то яблочкам после ее ухода осталось жить совсем недолго. Мне ничего не оставалось, как забрать у нее пакет и удалиться из комнаты, чтобы под раковиной в кухне в конце коридора помыть Валечке яблочки. Вернувшись в комнату, я положил яблоки на стол, и, взяв одно из них, подошел к его кровати и, протянув ему, в тон нашей красавице произнес: «*На, лапоть, ешь*», чем вызвал недоумение у нее и гром смеха у Давитула. Он смеялся так искренне, что все следы болезни тут же исчезли с его лица, и, не выдержав роли умирающего больного, он поднялся и сел на край кровати. С тех пор слово «лапоть» было самым ласковым в нашем обиходе и до сих пор употребление этого слова вызывает бурю веселья при наших встречах. Надо было слышать его смех и при этом видеть его необыкновенно веселое лицо, чтобы потом никогда этого не забыть. Иной раз, когда мне бывает грустно, я пытаюсь вспомнить давитуловский смех, чтобы поднять себе настроение.

Апогеем его наивности стал случай, который с ним произошел в далеком Ангарске, куда они вместе с Валентином Шеплевым решили распределиться, чтобы изведать романтики, хотя у обоих была возможность выбора более интересных предложений. Большой любитель танцев, наш Давитул оказался в гуще местной шантрапы на танцевальной площадке, где царила власть хулиганов, неведомая нашему герою. Там он и познакомился с красивой, но роковой девушкой, постоянной участницей тусовок на танцевальных площадках, что явилось причиной издевательств местных кавалеров над избранницей Давитула. Памятуя о своей силе и занятиях самбо, он один вступил в схватку с ними и гордо ее проиграл, не устояв против превосходящих сил противника. Давитул принял, с его точки зрения, единственно возможное в таких случаях решение, чтобы ее оставили в покое, — он женился и увез ее из того города. Позже она родила ему дочку. Об этом мы узнали не сразу, а когда суровая жизнь колотила его и когда после очередных невзгод на востоке он решил вернуться в европейскую часть России, но у него не было средств не только на переезд с женой, но и одежды, в

которой можно было бы появиться в приличном месте. Обо всем этом и написал Валя нам с Павликом Вексельблатом в письме, заставшем нас в Подольске. Мы хорошо знали Валентина, поэтому не нуждались в дополнительных объяснениях, соорудили несколько посылок с одеждой для него и жены, послали и деньги на дорогу. Через пару недель он с женой появился у нас, и мы, устроив им комнату в нашем общежитии, окружили их заботой, а они, приведя себя и дела в порядок, уехали куда-то с концами начинать новую жизнь. На прощанье я подарил ему свой модный в годы нашего студенчества клетчатый пиджак с брюками, реликвию нашего незабываемого времени, которой в свое время воспользовался не один из наших однокашников, чтобы сфотографироваться на память о наших студенческих годах; пиджак и брюки еще находились в хорошем состоянии. Мой студенческий альбом мелькает фотографиями этого пиджака с разными физиономиями.

После отъезда Валентин затерялся в водовороте жизни и проявился неожиданно в научном журнале, который я периодически просматривал, со статьей на тему, близкую к моим научным интересам, чем я был приятно удивлен и обрадован. К тому времени он стал кандидатом наук и возглавлял большую научную лабораторию. Я не помню причины, почему я его тогда не смог отыскать — либо не за что было зацепиться, чтобы найти его координаты, либо слишком меня захлестывала моя собственная научная работа и дела назначенного накануне главного химика Министерства химической промышленности по проблеме «Особо чистые вещества для электроники и оптики». Позже Валентин неожиданно появился на экране телевизора в лихие годы перестройки. Моя жена Сима увидела его на трибуне Съезда Народных Депутатов СССР, который транслировался из Кремлевского Дворца Съездов. Хотя она и не знала его в лицо, однако имя его всегда было на слуху в нашем доме, и догадалась, что это и есть мой Давитул, чему мы оба были безгранично рады. Отыскали мы его в гостинице «Москва», доставив ему неожиданную радость, которую делили с ним уже у меня на квартире, где он появлялся, как только находил хоть полчаса свободного времени, благо, мы жили на Покровке, очень близко от Красной площади.

История взрослой жизни Давитулиани весьма поучительна для понимания правды о нашем времени — о Советском Союзе и перестройке, поскольку, как обычный честный гражданин России, принявший идеи свободы и демократии времен перестройки за чистую правду, он не жалел живота своего и включился в неблагодарнейшую борьбу за идеалы. Будучи чистым и честным от природы, с присущей ему энергией он вступил в эту борьбу не ради достижения личных амбиций, а так, за правду, не понимая, что в политике правды не бывает по определению. Когда гражданам дали, наконец, почувствовать, что человек имеет право быть свободным и ему что-то положено от государства, для которого он выкладывается, не щадя сил своих, до момента наступления желанной свободы, это самое государство только делало вид, что за его труд ему платит, а на самом деле платило только особой кучке избранных людей, которым это право практически переходило по наследству. Люди вдруг вострепнулись и решили, что жизнь перестроена, и они по закону могут взять то, что им положено. Таких решительных людей было много, оказались они и в том научном учреждении, где успешно в поте лица трудился заведующий лабораторией, кандидат технических наук, ударник коммунистического труда Давитулиани Валентин Владимирович, который не собирался вершить судьбы людей, ему хватало любимой науки, а вот его сотрудники хотели, во что бы то ни стало, все же добиться своих прав и начать жить, как положено нормальному человеку в капиталистическом мире. Зная что-то о государственном устройстве, они понимали, что их права может завоевать не каждый из них в отдельности, а сразу за всех — их представитель, который должен быть там, наверху, где эти права и сочиняют. Когда они прикинули, какими качествами должен обладать такой человек, поняли, что лучшей кандидатуры, чем Давитулиани, и быть не может. Подняв на ноги всю общественность научно-исследовательского института и округа, они уговорили Давитулиани Валентина Владимировича баллотироваться кандидатом в депутаты Первого Съезда Народных депутатов СССР от Тамбовской области. Наш герой не выдержал испытания на прочность и дал себя уговорить. Выбор оказался правильным — для избирателей он был человеком новой формации, незапят-

нанным, убежденным борцом за справедливость и с коммунистическим режимом, никогда в компартии не состоял, был решительным в защите их интересов и, самое главное, был неотразимо обаятельным. Предстояла тяжелая предвыборная борьба. Тамбовщина входила в Красную полосу, где господствовали коммунисты, которые на протяжении всей политической деятельности Давитулиани были его жесткими оппонентами. К власти стремилась также куча представителей «краснопиджачников», которые, если не пряником, то угрозами будут стремиться получить голоса избирателей. Эта была борьба не на равных, но он выбрал эту борьбу. И выиграл эту битву, стал вскоре активным членом демократического крыла Съезда Народных Депутатов, рука об руку с единомышленниками работал, борясь за демократические преобразования рядом с такими выдающимися лидерами демократического движения эпохи перестройки, как Андрей Сахаров, Борис Ельцин, Гавриил Попов, на международных форумах социал-демократов встречался с Вилли Брандтом, защищал Белый дом.

А дальше — Беловежская Пуца, и за ней упразднение Съезда Народных Депутатов СССР. Наступает тяжелейший этап политической жизни Валентина, когда Президент Ельцин направляет его в качестве своего полномочного представителя для защиты демократических завоеваний в одну из самых недемократических областей России — Тамбовскую, где безраздельно правили коммунисты. Давитулиани практически в одиночку продолжал самоотверженно бороться за правое дело, вступив в бескомпромиссную схватку с политической машиной области, управляемой коммунистами. Это было похоже на тот самый эпизод из его далекой жизни, когда он в Сибири вступил в неравный бой с хулиганами — лидерами танцплощадки за права и свободу слабой женщины. Я навещал его в те годы в Тамбове, пытался оценить и проанализировать действия его и руководства области, с которым он меня познакомил как своего старого друга, и я понял, что Валя повторяет ту же тактическую ошибку, как в прошлом при освобождении из-под гнета той женщины с танцплощадки. Я далек от политической аналитики, однако, даже со своим скудным пониманием сути политических интриг оценил обстановку и посоветовал Ва-

лентину сделать шаг назад и пойти на компромиссы, тогда еще не наступило время бескомпромиссной политической борьбы с коммунистами, да его и сейчас не видно. Необходимо было добиваться каких-то главных целей, уступая им в их желании сохраниться у власти, чтобы рядом с Давитулиани они не чувствовали себя постоянно обреченными. Но не состоялось...

Однажды взаимоотношения обострились, и когда Валентин обратился за помощью к Президенту, стало ясно, что победа над коммунистами в одной отдельно взятой Тамбовской области особо и не волновала Президента, он легко уступил своего полпреда тамбовским коммунистам, принял добровольную отставку Валентина. В политике это не ново, но думаю, что для Валентина такая измена после стольких лет преданной службы «царю и отечеству» стала личной трагедией и, как выяснилось, его случай был не первым и не последним. Политическая карьера пошла на убыль.

Впоследствии он ушел в свою науку, которая уже в России никому не была нужна, и в неудачный бизнес в той же Тамбовщине, где по-прежнему царила власть его оппонентов, которые постоянно показывали ему «кузькину мать». В связи с таким поворотом судьбы мне хотелось бы подчеркнуть неумный оптимизм и особое внутреннее содержание Давитула. Я позвонил ему и сообщил, что начал писать мемуары, где ему посвящено достаточно много места, и что хочу дать ему почитать. Я поинтересовался, каково ему сегодня, и в ответ получил его воспоминания и убежденный ответ на мой вопрос.

Заметки Валентина Давитулиани

Я жил в Феодосии в очень бедной семье — мать работала поваром, а отчим — инвалид войны, закончивший до войны физкультурный техникум, побывал в плену, из-за этого его не принимали на нормальную работу. Мой родной отец, работник завода под Феодосией, выпускавшего морские торпеды, погиб в 1941 году, обороняя от немцев завод. В связи с бедностью я даже на выпускном вечере в школе был в штанах с заплаткой на интересном месте. В институте пришлось постоянно подрабатывать

разгрузкой вагонов, копанием траншей и очисткой от мусора печей на Грозненском кирпичном заводе. Свой первый в жизни костюм я купил именно в Грозном, заработав деньги физическим трудом. Хорошо помню, как ходил на свидания в твоих рубашках, а также твоих клетчатых (в английском стиле) штанах, которые ты подарил мне в Москве и в которых я довольно долго ходил в Феодосии на работу в конструкторское бюро, несмотря на то, что они были мне несколько коротковаты.

Лапочка, лапоть. Да, я был самым настоящим лаптем, потому что очень стеснялся и не воспользовался твоим отсутствием.

После драки я вышел с танцевальной площадки весь в крови и в одних трусах — рубашка и штаны были разодраны в клочья.

Я отработал в Ангарске только год. Дело в том, что однажды меня грубо оскорбил мой начальник, а я крепко дал ему в морду. После этого я пытался найти работу на Ангарском химкомбинате и в других местах, но меня нигде не принимали. Пришлось уехать к себе в Феодосию, удалось устроиться конструктором в КБ после того, как Валька прислал мне трудовую книжку с отметкой «Уволен как самовольно оставивший производство».

В конструкторском бюро за год меня дважды повышали в должности, но эта работа, в конце концов, мне надоела, и я уехал в Татарию в город Альметьевск, откуда начинается нефтепровод «Дружба». Два года проработал там механиком цеха на газобензиновом заводе, поступил в аспирантуру Казанского химико-технологического института. После моего отъезда в Казань на этом заводе в том цехе, где я работал механиком, произошел сильнейший взрыв, были жертвы, и тогда же в Севастополе на рейде взорвался и затонул крейсер (об этом я узнал из писем, пресса тогда о таких вещах не писала). В Казани я прожил 8 лет, защитился, стал доцентом, но затем уехал в Тамбов из-за развода с женой.

В Тамбове в НИИ много лет в должности начальника лаборатории занимался научно-производственной деятельностью, разрабатывал новые технологии, внедрял их на химических заводах России в Волжском и

Березняках, и в Ивано-Франковске (Западная Украина). Главное мое достижение в Тамбове — премия Совета Министров СССР, полученная в 1985 году за разработку и внедрение на Волжском заводе органического синтеза и технологии получения химических добавок для полимерных материалов. Для меня этот завод был как дом родной. Замечательное было время! С утра пробежка на Волгу с большим заплывом, затем — творческая работа на производстве. Кстати, благодаря этой государственной награде я сейчас получаю повышенную пенсию.

В 1989 году я случайно попал в политику. А случилось это так. Я никогда не был членом партии, но моим другом был секретарь парткома нашего института Олег Макаревич. Как ни странно, он напрочь отрицал Ленина, считая его террористом и недалеким человеком, ему удалось убедить в этом и меня. И когда началось выдвижение от предприятий кандидатов на окружное собрание, он выдвинул меня, а коллектив поддержал. На окружном собрании мое антикоммунистическое выступление было как гром среди ясного неба, и из 13 претендентов в депутаты выбрали меня и двух полковников, которых я победил с большим отрывом на последующих выборах. Так на волне антикоммунизма я со своей грузинской фамилией стал народным депутатом СССР от самого русского города Тамбова. Приехав в Москву, я уже на второй день познакомился с Андреем Сахаровым, Гавриилом Поповым и Борисом Ельциным, затем вошел в состав знаменитой оппозиционной Межрегиональной депутатской группы и стал ее активным членом. Время было лихое, борьба с коммунистами шла не на жизнь, а насмерть, в том числе в Тамбове, где противостояние достигло такого накала, что я стал получать угрозы расправы со мной. Видимо, бог меня хранил, потому что ничего дурного я не делал, просто разоблачал неблагоприятную деятельность коммунистов и доказывал бесперспективность для страны сохранения власти КПСС.

После развала СССР я стал представителем Ельцина в Тамбовской области. Вот тут я совершил большую ошибку — не прислушался ни к твоим советам, ни к советам других людей пойти на компромисс с негодя-

ями, остававшимися у власти, т.е. я оказался плохим политиком, за что и поплатился. Мне пришлось уйти с этого поста по собственному желанию и дальнейшая моя жизнь — это борьба за более или менее нормальное существование, которая с переменным успехом идет до сих пор. В этой своей жизни я руководствуюсь христианским правилом — царство божье находится не где-то там, а в душе каждого человека, который может быть счастливым в любых обстоятельствах, создавая внутри себя такие личные цели, процесс достижения которых позволяет быть полезным себе и людям, жить в гармонии с окружающим миром.

В завершение хочу, Биня, поздравить тебя с новым интересным начинанием. В целом, твои мемуары впечатляют, их чтение приносит удовольствие.

Привет Симе, обнимаю, желаю удачи, *Давитул*.

В те бурные для Валентина дни политической жизни произошло событие, которое вернуло нас на мгновение в нашу прошлую, студенческую жизнь. Мы были приглашены в Грозный, чтобы отметить тридцатилетие окончания института. Такие встречи проходили каждые пять лет, но нам ни разу не пришлось в них участвовать, и сейчас с неким мистическим ожиданием и удовольствием приняли это предложение. В назначенный день мы оказались у входа в институт, где было намечено всеобщее свидание нашего курса. Невозможно описать свое внутреннее состояние, пережитое при встрече через тридцать лет с человеком, с которым ты когда-то сталкивался ежедневно, и, не опознав его, смущенно смотришь в ожидании, что сейчас тебе напомнят о себе. Многие узнавали друг друга, особенно те, которые встречались каждые пять лет, а для нас же с Давитулом встреча через тридцать лет была серьезным испытанием; нам было неловко от того, что многих мы не узнавали, а, напротив, узнавали нас, или скорее догадывались, что это мы, поскольку уже знали о нашем приезде. Мы представляли некий интерес, потому что были, пожалуй, единственные, кого так долго не видели, но были наслышаны о наших успехах, а Валя вообще был на пике своей популярности.

Войдя в здание института, в одной из аудиторий кото-

рого намечалось проведение «общего собрания курса», мы, скучковавшись отдельными группками, ходили по аудиториям, где некогда наши профессора учили нас наукам, мы сдавали им экзамены на прочность, иногда пользуясь шпаргалками. Грусть охватывала нас оттого, что мы уже не могли увидеть большинства из наших любимых преподавателей, одни ушли из жизни, другие оставили Грозный в предчувствии печальных событий.

Это был последний мирный год Чечено-Ингушской Республики, и мы были в местах, где через немногие месяцы начнется ожесточенная гражданская война, и наши однокашники навсегда покинут свои насиженные родные места, а некоторые из них погибнут, и молодые люди нашего студенческого возраста положат свои головы на плаху, чтобы кому-то в карман посыпались миллиарды, а наша альма-матер превратится в руины. Перед глазами всплывает наш лагерь, разбитый с выдумкой организаторами встречи, установившими палатки в соответствии с расположением наших комнат в студенческом общежитии, и поместившими каждого как бы в своей комнате. Двое суток, проведенные нами вместе в горах под Грозным, были, пожалуй, самыми яркими по своему эмоциональному накалу за последние годы; это было похоже на мистику, потому что выпитое белое бочковое вино, напомнившее нам о прошлых наших вечеринках, абсолютно стерло из памяти промежутки времени в тридцать лет, будто их никогда и не было; с наших лиц ушла печать времени, вернув нас в наш юный возраст, придав нам облик молодых людей времен студенчества. Я открыл причину метаморфозы. Это произошло потому, что между нами не стояли эти годы, мы разошлись тогда, и в нашем подсознании сохранилось только то, что мы видели в момент расставания, а тогда мы были молоды. Я до сих пор уверен то было реальное превращение, рядом со мной были реальные молодые люди. Я помню, как там, на поляне, я открывал комсомольское собрание курса, и старосты группы ругали кого-то из комсомольцев за пропущенные лекции. Ведь не могло же это случиться с нами в пожилом возрасте.

Разве можно забыть трогательную историю, когда всеми нами обожаемая Адочка, студентка нашей группы НЗ-55, села между мной и Давитулом и, обняв нас двоих, расплакалась

оттого, что завтра мы должны уехать и неизвестно, когда придется свидеться снова. Мы так и не свиделись.

И уже позже, когда началась чеченская кампания, я думал о том, что тогда, когда радость встречи нас захлестывала, какая-то шальная ракета или подбитый российский военный вертолет могли накрыть ту нашу мирную поляну — так было близко то печальное время от нас, а в ту минуту мы разделяли нашу радость, в том числе с нашими чеченскими друзьями.

К сожалению, нам не пришлось свидеться за несколько десятков лет с тремя уникальными личностями, студенческими друзьями, кого я хотел бы вспомнить, людьми, бывшими совестью нашей группы, прошедшими армейскую службу и кое-что еще, точно знавшими, для чего они пришли в институт, и потому усердно познавали науки и в то же время направляли на путь истинный нас, неоперившихся, тех, кто пришел в вуз со школьной скамьи и не имел никакого жизненного опыта, в отличие от демобилизованных из армии ребят, собранных и не желавших терять время впустую. Служба в Советской армии действительно готовила людей самостоятельных, крепких духом, однако в гражданской жизни полученные военные специальности часто не могли быть востребованными, и поэтому после службы молодые люди шли учиться в институты.

Яков Казачек, коренастый крепыш из Астрахани, очень напоминавший мне моего директора школы Георгия Семеновича, не только по внешнему облику, а, главное, по поведению и манерой общения с людьми, в том числе с нами студентами-однокашниками. Он внушал к себе уважение степенностью, внутренней сдержанностью, и добротой. Были мудры руководители факультета, увидевшие в Яше бесспорную кандидатуру старосты нашей группы, за что впоследствии мы были благодарны им за такой нам подарок.

То, как поступал Яша в разных жизненных ситуациях, исполняя обязанности старосты группы, свидетельствовало о том, как в молодые годы разница в возрасте в какие-нибудь три-пять лет существенно разделяет границу мудрости от будничного мышления. Яша был своим и для деканата, и для сту-

дентов; тонко балансируя на грани студент-преподаватель, он мог защитить студента и в то же время потребовать от него адекватного поведения. Он заранее очертил границы дозволенного для студента, чтобы с уверенностью мог поддерживать его в его же интересах. Таким подходом Яша дисциплинировал нас, и это помогало нам быть защищенными, а в деканате, где ему абсолютно доверяли, в свою очередь, были спокойны за успех курса. Я очень уютно чувствовал себя под Яшиным крылом. Он часто прикрывал меня, когда мне приходилось оставлять лекции для выполнения моих бесконечных комсомольских дел или вообще не появляться. Он весьма умеренно относился к общественным делам, понимая, что кто-то это должен делать, точно так же, как и он сам, который исполняет свой долг старосты, но при этом всегда контролировал нас, заставляя самостоятельно прорабатывать пропущенный материал, одалживая при этом свои аккуратно записанные лекции.

Науки он осваивал мощно и навсегда, хотя и приходилось иногда трудно, поскольку между окончанием техникума и институтом лежал трехлетний промежуток времени в армии, зато трудолюбие в сочетании с упорством сделало его прекрасным специалистом, и не одно газоперерабатывающее предприятие было создано, и не одна тысяча километров газопроводов была проложена им для укрепления энергетической мощи страны, чтобы, спустя годы, этим воспользовались совершенно иные, не имевшие к этому отношения люди, чтобы захватить все и стать хозяевами жизни, а самому, с трудом сводя концы с концами, покинуть вместе с семьей Родину и уйти в эмиграцию, чтобы остаться там навеки.

Однажды, будучи в Израиле, мы с Павликом Вексельблатом разыскали его семью: жену Эмму с дочерью и внуком. Уже без Яши мы вспоминали былые времена наших студенческих лет (Яша с Эммой, активной участницей нашей студенческой жизни, были женаты еще до института), мы вваливались по особым дням в их единственную комнату, где они растили свою дочь, и куда мы часто приглашались отведать густого холодного борща со сметаной, который Эмма готовила в огромной кастрюле специально для нас.

Я помню два незабываемых дня, когда Яша провел у меня

в гостях в Москве, будучи в командировке в Госснабе СССР, что на Покровском бульваре прямо напротив моего дома. Где-то он разыскал мой адрес и более чем через тридцать лет после окончания вуза в субботний день в нашей квартире раздался звонок и моя жена, открыв дверь и впустив в квартиру назвавшего мое имя незнакомого человека, окликнула меня. Я вышел и увидел немолодого человека, и, пригласив войти в комнату, стал напряженно ждать, когда он объяснит причину своего визита. А он, видя подобную реакцию, обратившись ко мне по имени и отчеству, спросил, не узнаю ли я его. Я отрицательно покачал головой. Тогда он медленно вытащил амбарную тетрадь, до боли напомиравшую студенческий журнал в руках нашего бывшего старосты достал тетрадь из своего популярного в те времена портфеля черного цвета (с коим, пустым, мужики уходили на работу, создавая образ делового человека, а по возвращению заполняли его продуктами из магазина), и с жестом хозяина положения с хитринкой в глазах, перелистывая страницы, сказал: *«Так, сейчас я тебе напомню, сколько без всякой уважительной причины ты пропустил лекций»*. «Яшка!» — заорал я громким радостным криком, на что немедленно сбежались мои домочадцы и застали нас крепко обнявшихся, не по статусу растроганных этой необыкновенной встречей двух солидных мужиков. А дальше было то, что и должно было быть, мы не просыхали два полных дня, а в промежутках, когда на столе менялось очередное блюдо, приготовленное Симой в честь дорогого гостя, или я открывал очередную бутылку, Яша успел рассказать мне, что начальник крупнейшего строительного треста Вовка Левин, тоже наш однокашник, отыскал его и пригласил как опытного высококлассного специалиста на строительство крупного газопровода, который начинался где-то в Астраханских степях, что, собственно, и явилось причиной его визита в Москву. Как водится, праздник наш к утру в понедельник завершился, и мы с головной болью, но совершенно трезвые, расходились каждый по своим делам, чтобы больше никогда не встретиться.

Прошло почти пятьдесят лет с того времени, как я не видел и, к сожалению, уже не увижу никогда Мишу Глобу; я

очень часто его вспоминаю, особенно когда встречаюсь с несправедливостью. Он был из тех, кто не просто не любил, а очень активно боролся против лжи, хамства и наглости, полуго отношения к женщинам и недобропорядочности. Миша не допускал проявления пороков даже со стороны некоторых преподавателей, которые, пользуясь своим положением, могли издеваться над студентами. Он уже был достаточно взрослым после техникума и армии, очень серьезным, подтянутым, жилистым, безупречно сложенным, как и подобает спортсмену-гимнасту высокого класса. С ним считались все, и он одним своим видом заставлял каждого контролировать свои поступки. В группе у него не было близких, в обычном понимании, друзей, если не считать его ровесников — Яшу Казачка и Павлика Вексельблата. Сам он учился хорошо, с удовольствием делился своими знаниями и опытом, которого у него было предостаточно. Миша Глоба сразу после института был приглашен на должность заместителя главного инженера крупного завода нефтезаводской аппаратуры в Грозном, и, будучи в этой должности, помогал многим своим однокурсникам, которые по разным причинам были неудачно устроены после распределения, создал мощную группу единомышленников, которые успешно и плодотворно работали с ним рядом. А вспоминаю я его как глобального, под стать его фамилии, сгустка честности и справедливости. Анализируя свои поступки, совершенные или предполагавшиеся к совершению, я всегда задавался вопросом, как в этих случаях поступил бы Глоба. Быть может, в этом и заключается ценность воспоминаний или мемуаров, чтобы показывать таких людей с нижней части айсберга, как пример правильного бытия. Я никак не могу понять и тем более принять то, что век таких прекрасных неординарных людей так несправедливо короток. Ему было очень немного лет, когда он покинул нас, живых.

Мои близкие друзья, участники описанных событий, да и не только они, а многие из тех, кто бывал в подобных ситуациях, прочитав начало моих записок, пережили эмоциональный шок и впали в ностальгию и грусть. Но я не хочу, чтобы читатель грустил, а напротив, радовался тому, что жизнь продолжается и что не может не продолжаться пока в этой жиз-

ни есть такие люди, с которыми вы уже познакомились и с очень многими вам еще предстоит познакомиться. Думайте о хорошем, притягивайте к себе положительную вселенскую энергию в помощь для правильной и достойной жизни. Как же можно знать о достойном, если не видеть недостатков, которыми заполнена наша несбалансированная жизнь? Эти поразительные жизненные несправедливости сопровождали почти всю долгую жизнь одного из самых ярких персонажей, который разделил участь многих миллионов себе подобных, но стойко и достойно выстоял, потому что не прекращал ни в каких жизненных ситуациях борьбу с самим собой и с окружающими пороками, ни на минуту не сомневаясь в преимуществе добродетели и порядочности...

Жизнь и судьба Пауля Беновича Вексельבלата — это протест против несправедливого государственного устройства и законов внутри этого государства, против бесчувственных карателей собственных граждан.

Пауль Весельблат, бывший гражданин Румынии, все детство провел на настоящем Западе в городе Черновцы, входившем в состав Буковины, которая в 1940 году, в соответствии с положениями Пакта Молотова-Риббентроппа, была разделена на Северную (отходившую к СССР) и Южную (остававшуюся в составе Румынии). Черновцы были заняты Красной Армией и вошли в состав УССР. Человек западного воспитания столкнулся с необычным в его понимании трудностями быта и порядками, которые мы, родившиеся в Дагестане, автономной республике Российской Федерации, не видевшие ничего другого, принимали, как все, что нас окружало, за должное, а он не мог их понять, как ровно и то, что против ожиданий мы стали его самыми активными добровольными помощниками в преодолении тяжелых жизненных ситуаций. У нас же такая помощь и за дело не считается, это просто норма отношений и гостеприимства, бытующая веками на Кавказе. Он уже сталкивался однажды с кавказцами в далекой Сибири, когда был на поселении после лагерей. Он был отправлен в ссылку пятнадцатилетним юношей неизвестно за что, но обвинение было сфабриковано как политическое. Их было трое молодых ребят в теплых папахах, приехавших в Сибирь на заработки бонда-

рями; иногда, что-то не поделив, они горячо спорили между собой, дело доходило до рукоприкладства, а успокоившись, опять держались друг друга. Их образ крепко засел ему в голову и душу и всплыл, когда он оказался на Кавказе и познакомился с нами, тоже кавказскими парнями, правда, поинтеллигентнее.

Однако, как это ни грустно, мне придется открыть ворота ада, где Павлик находился долгие годы жизни. В год, когда Черновцы были освобождены от «капиталистического ига», с того самого момента семья Вексельблата попадает в жестокий переплет. Причислив семью к сословию мелкой буржуазии, ее отправляют на поселение в Сибирь, в Нарымский край, чтобы, не дай бог, они не подорвали основы советской власти на самой западной границе СССР. Предварительно у семьи отобрали все, что было можно, оставив самую малость, чтобы не были буквально голыми во время долгого пути на восток. Но об этом и о многом другом из его жизни мы, и даже не мы, а, по сути, только я, узнавал не сразу, а постепенно, порциями, по мере необходимости, поскольку это было его тайной, замешанной на страхе перед властями и необходимой осторожности. К этому времени он уже был опытен и знал цену жизни. Скрытность, по его убеждению, была залогом спокойствия окружающих его людей, чтобы при случае, если его снова заберут, они не были бы в ответе за него и говорили правду о том, что действительно ничего о нем не знают. Это был элемент добропорядочности, проявление заботы и беспокойства за судьбы окружающих людей, относившихся к нему с искренностью и высочайшим почтением, и, естественно, они не лезли ему в душу. Это доброе отношение к себе он заслужил, в нем сочеталось все, что было в Яше Казачке и Михаиле Глобе, наших почтенных «старичках», с которыми его сближал не только возраст, но и то, что кроме всего остального, Павлик, как и они, успел вкусить позже еще и армейскую жизнь. Эти трое существенно повлияли на формирование наших жизненных позиций и во многом на долгие годы определили вектор нашего поведения, за что им низжайший поклон.

Рос Павлик в интеллигентной еврейской семье, в которой главное внимание уделялось, как обычно водится в таких семьях, воспитанию детей — старшей дочери и ее маленького

брата Пауля. И вот эта мирная почтенная семья попадает в мясорубку большой политики — их, как неблагонадежных буржуа, изолируют и удаляют от лика пролетариата и от слепо преданных властям советских граждан. Путь в далекую холодную Сибирь был нелегок, а еще мучительнее было там, на месте поселения, где они были лишены всего необходимого и находились под гнетом властей и беззакония. Не выдержав тяжких испытаний, невыносимых для человека, незаслуженно униженного и потерявшего возможность заботиться о своей семье, отец умирает на руках двенадцатилетнего сына, который в условиях сибирской зимы в глухой тайге вгрызается в мерзлую землю, чтобы выкопать могилу папе. ...Но мальчик выживет и вместе с мамой и сестрой через несколько лет с разрешения властей возвратится на запад в Черновцы, но ненадолго. Опыт жизни в ссылке навсегда выбил у мамы охоту оставаться в этой стране и она, обеспокоенная судьбой своих детей, решила двинуться дальше на запад, по ту сторону границы, закрытую прочно железной непробиваемой стеной. А это было то время, когда советскому человеку не только не разрешалось пересекать границу, но и думать было не дозволено, вообще что-либо о той стороне знать. Однако решение было непоколебимым, и она разрешила свою проблему, но частично. Мать с сестрой оказались за бугром, а Пауль каким-то образом остался здесь, но здесь не в Черновцах, а снова в Сибири, и не на поселении, а, что называется, в лагерных лагерях. Так на долгие десятки лет была разлучена эта, в прошлом прекрасная успешная семья, в период, когда мальчику нужна была родительская забота и материнская ласка. Я не описываю в подробностях «паулевский» ад, по сравнению с которым «дантовский» покажется прогулкой, по разным причинам: во-первых, боюсь неточно передать это состояние, потому что еще не успел туда попасть, а полученная от Павлика информация была «порционной», и эти «порции» я мог неудачно связать, а, во-вторых, чтобы не будоражить душу Павлику на случай, если с этой писаниной он когда-то будет знакомиться. На самом же деле, он никогда не хотел публиковать историю своей жизни, и я перечить этому не смел.

Помню, однажды в канун Старого Нового Года наш рейс Москва–Нью-Йорк задержался до следующего утра в аэро-

порту Шереметьево из-за поломки какой-то части самолета американской авиакомпании «DELTA», а в компенсацию за моральный ущерб по требованию любителей Старого Нового Года пассажирам рейса выдали по бутылке Советского шампанского на четверых. За нашим столом эту радость со мной и моей женой Симой делила Марина Голдовская, скромная интеллигентная женщина, которую мы распознали как ту самую Голдовскую, известную во всем мире режиссера и автора талантливого документального фильма о Соловках. К ее удивлению мы сразу заговорили о ее фильме. Времени до утра у нас было много, и я рассказал ей историю Вексельблата. Во время рассказа я не смотрел на нее, чтобы не выдавать своего волнения, а, закончив, увидел, как она сама взволнована. После молчаливой паузы Марина обратилась ко мне с просьбой познакомить ее с Павликом и попросить у него разрешения снять полнометражный фильм об истории его жизни. Я этого ждал и, видимо, она разгадала мое скрытое желание видеть такой фильм в назидание людям, чтобы ад не повторялся. По приезде в Америку я тут же позвонил Павлику в Стокгольм, где он тогда проживал и продолжает жить сейчас, и рассказал о встрече с Голдовской и о ее фильме, о котором он был наслышан, и, естественно, передал просьбу Голдовской, оставив ему, на всякий случай, номера ее телефонов. Таких предложений, оказывается, ему поступало немало, в том числе и на Западе, но он никому не давал согласия, не может согласиться и сейчас. Причину он выразил мне словами: *«Я не хочу прожить ту мою жизнь еще раз»*. Это врезалось мне в память на всю оставшуюся жизнь. На этом была поставлена точка, и я никогда больше не возвращался к этому вопросу, чтобы впредь он, даже виртуально, не мог снова вернуться в ад. Однако пришлось вернуться к этому сейчас в связи с моими записками, которые для меня без истории жизни Павла не имели никакого смысла, а затеяв мемуары не могу обойти ее, потому что это уже стало историей жизни и моей. Я отослал ему начальную часть рукописи, где были описаны воспоминания студенческих лет и эпизоды из жизни наших общих друзей и только пару строчек о нем и, естественно, попросил разрешения написать о его жизни. И он мне сказал по телефону, что текст, который он прочел, вызвал у него переживания, что он впал в уныние, однако, я

могу писать только то, что я знаю, а давать новую информацию он не будет.

Я был весьма расстроен, и чтобы немного успокоить его, отправил ему электронное письмо такого содержания:

«Павлик дорогой, привет. Волнуюсь, потому что приступил к твоей теме в своих мемуарах. Я очень боюсь вызвать у тебя недовольство. Пишу, что знаю. Ведь о своей жизни ты выдавал информацию порциями, когда надо и что, как тебе казалось, надо. В моем мозгу твой образ со студенческих лет, но менее цельный образ твоей предыдущей жизни, хотя я что-то и знаю о ней по твоим рассказам. Я попытаюсь воспроизвести то, что знаю, однако, этого недостаточно, чтобы в чем-то не ошибиться, не уйти от истины. Я не хочу фантазировать, буду писать, как есть, но хотел бы с тобой договориться, чтобы ты не сердился на меня за неточности, а попытался помочь мне сделать этот раздел достойным тебя и твоей личности. Думаю, что ты понимаешь, что без описания твоей истории для меня эти мемуары теряют всякий смысл и я, действительно, заброшу это дело, если мы с тобой не договоримся. Материал я буду тебе посылать постепенно, по мере написания, чтобы по ходу дела осмысливать то, что ты будешь поправлять. Я готов послать тебе уже написанные страницы, но не буду этого делать, пока не получу ответа на это послание. Пойми, если не писать о таких как ты, то мир никогда не выйдет из глубокого дерьма, в котором прочно сидит. Очень важно, чтобы либо ты сам, либо кто-то другой писал и не столько о тебе, сколько о времени, в котором ты мучился, чтобы никакая сволочь не сомневалась в том, что был не только холокост, но было еще и время самоуничтожения нации. Извини, я действительно волнуюсь. Жду твоего решения. Обнимаю, *Биня*».

Ответ я получил по телефону. Он дал мне некоторые инструкции, очень короткую, дозволенную мне информацию о своей жизни, напомнил о некоторых смешных студенческих историях, предложил продолжать писать мемуары, а также сообщил, что он уезжает с женой Ханной в Швейцарию на

встречу со своим другом Штефаном, может быть, в последний раз, и вернется к нашему разговору после возвращения. При этой последней фразе, от слов «*в последний раз*» сердце мое защемило, и теперь я впал в глубокое уныние, пожалев о том, что все это затеял.

...Началась борьба за выживание. В лагере, затем и на поселении после лагерей он встречал, как рассказывал Пауль, многих прекрасных, добрых, отзывчивых, сочувствующих ему в навалившихся на его юные плечи испытаниях, русских людей, которые учили его науке выживания и как держать удар. Они, эти люди, спасли и вернули его к жизни. Помню, как с благодарностью вспоминал Павлик об одном уголовнике, здоровом мужике в тельняшке и наколках, который не оставлял его одного без присмотра, боясь, что тот не выдержит тяжелой работы и обратной дороги в лагерь, что было особенно опасно, потому что лагерные конвоиры не щадили никого из тех, кто по причине усталости или хронической болезни не выдерживал и падал на землю, и в этих случаях от конвоиров можно было ожидать всего, что им взбредет в голову. А он, этот «бандит», часто нес Павлика до лагерных нар на себе. Павлику казалось, что конвоиры побаивались этого человека в тельняшке и в подобных случаях не возникали. Тепло простых людей обогревало его и на поселении в Сибири, где он находился после лагеря, и никогда на протяжении своей жизни не забывал о них, а в последние годы пытался найти кого-то из оставшихся в живых, чтобы еще раз выразить свою благодарность за тепло, которое они дарили ему в самое тяжелое для него время.

Наступили времена, когда Пауль возвращается к себе на родину в Черновцы, где предстояло устраивать свою жизнь на свободе. Требовался титанический труд, начиная с заполнения пробела в школьном образовании, особенно в освоении грамотного русского языка (*до отправки в Сибирь он не владел им, и поскольку там не было школы, он начал его осваивать на поселении с помощью репетитора*). Найдя какую-то работу, чтобы хоть как-то заработать на существование, он поступает в вечернюю школу, и, сдав экстерном экзамены, получает аттестат зрелости, после добровольно уходит в армию и, реализуя мечту детства стать авиатором, служит в авиационных

частях. После демобилизации он получает новый советский паспорт, это дает шанс получить дальнейшее образование и исключает тяжелые для него напоминания о его прошлой жизни. Это было время, когда он приезжает в Грозный и, выдержав конкурс, поступает в Нефтяной институт. Здесь начинается длинный путь нашей с ним дружбы. Он сознательно не поступает в столичный вуз, чтобы оградить себя от возможных преследований со стороны властей из-за своего прошлого, а выбирает для учебы провинциальный город, где, ему казалось, было больше шансов для выживания и реализации главной цели своей жизни — воссоединения с мамой и сестрой, которые в то время жили за границей, в Австрии, и с которыми он не виделся уже два десятка лет. Однако границы Советского Союза были прочно закрыты и шансов на воссоединение с семьей практически не оставалось, если бы к этому не подключилась мировая общественность в лице Красного Креста и, в частности, всемирно известного английского философа Бертрана Рассела. Он самым активным и решительным образом боролся за выезд Павлика за пределы СССР. Победа пришла не сразу и только после объединенных усилий и многих лет борьбы за право жить в семье. Павел получает возможность выехать за границу к маме. На это ушли все годы студенчества и пару лет жизни в Подольске, куда мы были с ним распределены после окончания института. Город, расположенный близко от столицы, где вершились все дела, был хорошим плацдармом для завершения процедуры выезда. Уроки прошлой жизни настолько глубоко сидели в нем, что он отмеривал каждый свой шаг, обдумывал каждое движение, не уверенный в том, что угодное ему решение будет реализовано до конца, и боялся, как бы в последний момент его снова куда-то не упрятали. Он ни с кем и ни о чем не откровенничал. Только уходя в очередной раз в московский ОВИР, находившийся в нескольких десятках шагов от дома, где я жил с семьей, собираясь услышать там окончательное решение, он зашел к нам, чтобы дать знать, на всякий случай, где его искать, если вдруг он больше не объявится...

В подмосковном Подольске мы чувствовали свою приобщенность к столице, к событиям шестидесятых годов, связанных с некоторой свободой, дарованной народу после ра-

зоблачения культа личности Сталина. Мы были в контакте с шестидесятниками, личностями, которые творили эту эпоху. Мне с друзьями посчастливилось вживую слышать последнее выступление Ильи Эренбурга в Московском университете на Моховой, не единожды слушать в Политехническом музее или у памятника Маяковского выступления молодых тогда поэтов Роберта Рождественского, Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко, Беллы Ахмадулиной, Эдуарда Асадова, барда Булата Окуджавы, писателя Юрия Нагибина. Некоторых из них нам удавалось завлечь на литературные вечера, часто проводившиеся в нашем конструкторском бюро в Подольске. Это было время самовыражения художников, которые освободились от канонов соцреализма, хотя вскоре были задушены своими же освободителями; наше поколение помнит, как их живописные полотна были бульдозерами сравнены с землей, это событие впоследствии вошло в историю как «бульдозерная выставка». Проголодавшись в Грозном по искусству, мы жадно хватались за события, происходившие в культурной жизни Москвы, стараясь не пропускать интересные спектакли на театральных подмостках, посещали Большой театр, многие художественные выставки, литературные вечера, слушали наших талантливых поэтов и бардов, нас не останавливали ни снег, ни слякоть, ни то, что мы два часа добирались до Москвы и обратно на электричке, скрашивая дорогу чтением книг. И во всем этом активно участвовал Павлик, догоняя, как и мы, упущенное время. Забавно было видеть Павла, единственного из нас в калошах, одетых поверх выходных туфель, в которые он облачался, переходя расстояние от общежития до электрички по вязкой грязи. Как истинный джентльмен, он не мог появиться в столице в грязных ботинках, в отличие от нас, приводивших в порядок свою обувь в туалете уже по прибытии в Москву на Курском вокзале.

Однажды, возвратившись поздно из Москвы в Подольск, я обнаружил аккуратно вымытую и сложенную у входа в общежитие пару калош, и догадавшись, что эти калоши, должно быть, не иначе как Павлика, непонятно почему оказавшиеся здесь, я поднял их, принес в комнату, поставил на пол около кровати у его изголовья, когда он уже глубоко спал. Проснувшись и тут же обнаружив, что калоши к нему вернулись, он

безошибочно догадался, что виной тому я, и, обругав меня за самодеятельность, вернул калоши обратно, ко входу в общежитие. Оказалось, накануне он купил новые калоши, а эти, приведя в порядок, оставил внизу у входа на случай, если кто-то захочет взять их себе. Мне же казалось, что старые калоши вполне походили на новые.

...Маленькая комната, где мы проживали втроем с шестимесячным ребенком, была заполнена тишиной, некоторым напряжением, и даже маленькая Стелла, чувствуя важность момента, не требовала внимания к себе, и чуть сопя, качала головкой, бросая взгляд то на горевшую на столе свечку, то на дяденьку, молчаливо стоявшего возле ее кровати и смотревшего на нее печальным прощальным взглядом. Падающий с потолка свет освещал празднично накрытый стол. Тишина не нарушалась и после того, как взрослые уселись за стол, все еще находясь в каком-то томительном ожидании и, сидя с притупленными взглядами, либо не желали, либо не могли дотронуться до вкусно пахнувшей на столе еды. Такое состояние пустоты и печали возникает в душе человека после завершения трудного этапа жизни, когда тебя раздражают противоречивые чувства, вызванные свершившимся делом, которое продолжалось долго и тяжело, а ты не можешь решить: радоваться этому или печалиться. Да, понять это состояние души можно, когда позади непросто прожитая жизнь, а впереди неизвестность и новые, пока непонятные испытания. Обо всем этом думалось тогда за празднично накрытым столом в канун печального дня, когда Павлик покидал измотавшую его душу, но тем не менее полюбившуюся страну, приобретенные привычки и друзей. Он четко осознавал, что это прощание навсегда, что в условиях тотального контроля жизни своих сограждан и запрета общения с иностранными гражданами он больше никогда не сможет открыто общаться с теми, кто ему так дорог, чтобы не причинить им вреда. Об этом он и сказал за столом, медленно поднимая голову и заполненные влагой глаза. Он очень просил меня не сопровождать его завтра в аэропорт, он хотел бы попрощаться с нами здесь, в комнате, и, взяв Стеллочку на руки, долго вглядывался в ее личико, словно фиксируя в памяти ее облик, не подозревая, что через двадцать пять лет эта маленькая девочка там, в Вене, будет наводить о нем справки, чтобы отыскать его.

Положив ребенка в кроватку, он попрощался с нами, обнявшись, вышел из комнаты и, не дав мне проводить его до машины, которая уже ждала его на улице, не оборачиваясь, пустился вниз по лестничному пролету и скрылся под нижним маршем, потерявшись на целых тридцать лет.

Иногда, очень редко, я получал о нем весточку через его знакомых, проживавших тогда в Москве и имевших иногда какую-то возможность выезжать за рубеж, встречаться с Павликом. Со мной же он категорически не выходил на контакт, оберегая меня от проблем, зная, что мне, допущенному к работам, носящим гриф секретности, любые контакты с иностранцами запрещены. С годами я потерял и этот минимальный источник информации, и Павлик вовсе потерялся из виду, пока спустя годы у меня на квартире не раздался звонок незнакомого человека, назвавшегося другом Пауля из Вены. На чистом русском языке он сообщил, что привез мне вести от Павлика и желал бы по этому случаю со мной встретиться. В первое мгновение я недоумевал, как Павлик мог пойти на такой шаг и устроить мне встречу с иностранцем, это было против его принципов, но желание узнать о нем хоть что-то настолько захватило меня, что, забыв о всякой осторожности, мы договорились о встрече в центре Москвы на площади Маяковского. Уже на пороге квартиры, когда я направлялся на встречу, между мной и дверью возникла моя жена, которая решительно не давала мне выйти, напоминая о том, что я не имею права встречаться с иностранцами, это чревато для меня неприятностями, я обязан думать о своей семье и своем будущем. Я не мог принять ее доводов и пытался, обойдя ее, выйти, она стала плакать и со слезами на глазах уговаривала меня не делать глупостей. И я дрогнул, смалодушничал, не пошел...

Это стало началом моих душевных переживаний по поводу того, что я предал своего лучшего друга, и этого я не мог себе простить, хотя где-то в душе и понимал, что, наверное, должен был поступить, как и поступил, если я продолжал пребывать в Советском Союзе. Перед нами был свежий пример, как родственник моей жены, работавший руководителем отдела в одном из НИИ в Москве, был отстранен от работы только за то, что его мама получила как-то письмо от своих заграничных родственников. Но для меня это

было малым утешением. На протяжении десятков лет мысль о Павлике никогда не покидала нашу семью, в доме у нас о нем вспоминали так часто, что дети наши, не видевшие его никогда, виртуально были с ним знакомы как с самым близким человеком. Сима чувствовала свою причастность к моим переживаниям, и все эти годы пыталась найти какую-либо с ним связь и спустя три десятка лет ей это удалось сделать. Перебирая старые семейные архивы, она наткнулась на номера телефонов наших общих с Павликом знакомых, позвонила и ей ответили. Судьбе было угодно, чтобы этот номер, принадлежавший уже умершей знакомой Павлика, которая долгие годы была с ним на связи, перешел к ее уже достаточно пожилой сестре — она, к счастью, знала о Павлике и долго пыталась, кто и зачем ей звонит. Признав, наконец, в нас старых друзей Павлика, дала номер телефона в Стокгольме, где он жил в то время. Обо всем этом я узнал позже, когда вернулся с работы, и дикое волнение охватило меня. Не дожидаясь ни секунды, я схватил номер телефона и, позвонив в Стокгольм, с перехваченным дыханием ожидал ответа. На другом конце провода я услышал до жути знакомый голос, отвечавший на телефонный звонок на шведском языке и, глубоко вздохнув, произнес в трубку: «*Павлик, это ты?*» После некоторой паузы последовал такой же ответ: «*Биня, это ты?*» Никто не способен описать словами волнение, наше состояние, которое охватило нас обоих. Это было похоже на удар стихии, сердце колотилось, как стук колес по рельсам, каждый, перебивая другого, рассказывал о себе и задавал бесчисленные вопросы, накопившиеся за многие годы.

Встреча состоялась вскоре. Буквально через пару недель после нашего разговора я должен был вылетать в Германию, в город Саарбрюкен, где проходила международная научная конференция, и я был приглашен выступить с пленарным докладом. Узнав об этом, Павлик, не задумываясь, решил приехать туда же для встречи со мной, и через организаторов конференции я забронировал для него номер в той же гостинице, где должен был остановиться и я. Это был не первый мой приезд в Саарбрюкен, один из научных центров тогда еще Западной Германии, город со смешанным архитектурным стилем, с новыми широкими проспектами и традиционным готическим стилем строений. Вся эта обстановка

располагала к спокойному созерцанию и релаксации после бурлящей активной жизни Москвы. В гостинице он объявился ночью, после мснэ, но дал о себе знать только утром и назвал по гостиничному телефону время нашей встречи в верхнем холле гостиницы. Конечно, я пришел раньше времени, и, зная о его пунктуальности, был уверен, что на месте он объявится точно в назначенную минуту, а я успею до его прихода взять себя в руки и успокоиться. Наши комнаты располагались в двух противоположных концах коридора, которые сходились в холле, и коридор в связи с этим четко просматривался. Конечно, чувства Павлика взяли вверх над привычками, и обуреваемый желанием встречи, он, так же как и я, вышел из своего номера раньше назначенного времени. Я увидел его уже в середине коридора, его особенную походку, вперевалку, я мог бы ее различить даже в огромной толпе. И через тридцать лет он был узнаваем, был в прекрасной форме. Я шагал навстречу быстрее, чем он, и видел в его глазах слезы. Мы крепко обнялись, долго прижимая друг друга в мужском объятии и оставляя влажные пятна от слез на наших костюмах.

Воспоминания, воспоминания и воспоминания... Я поражаюсь тому, как он в деталях помнил все, что происходило в нашей молодости. Сколько веселых эпизодов из той, прошлой жизни помнил Павлик! «А про гуся ты помнишь?» — азартно задал он вопрос, приподнявшись со стула во время завтрака в гостиничном ресторане, где кроме нас с Павликом за нашим столом сидела Виолета Дьякова, моя сослуживица, а вокруг было много завтракающей публики. Я не помнил ни о каком гусе. «Как не помнишь», — возмущился он, и стал вспоминать забавный случай. Чтобы добраться до института, мы сели в трамвай на остановке у нашего общежития, потому в нем можно было встретить много студентов. Рядом с нами оказался студент из параллельной группы, который держал рулон чертежей курсового проекта, довольный тем, что сегодня он сможет его успешно сдать. На следующей остановке в трамвай подсаживается пожилой человек с гусем в руках, вежливо пробирается к заднему торцевому окну трамвая, задерживает шаг возле студента с чертежами, и чтобы никого не беспокоить, становится клювом гуся к окну. Неожиданно

трамвай резко затормозил, и гусь, сам того не желая, не выдержал и выплеснул содержимое желудка прямо на чертежи. От ужаса наш злополучный студент не мог вымолвить ни слова, глубокое горе отразилось на его лице. Павлик рассказывал это стоя, чуть пригнувшись, эмоционально и громко, как и тогда заразительно смеясь, не заметив, как все вокруг оглядываются на «нарушителя общественного порядка». Конечно, я вспомнил тот эпизод и громко смеялся, добавив значительную порцию децибел, и этот непонятный окружающим неудержимый смех был приостановлен лишь после вмешательства служащих гостиницы.

Я узнал от Павлика, что буквально за неделю до моего звонка он отмечал в Стокгольме свой шестидесятипятителетний юбилей, на котором впервые при полной тишине банкетного зала рассказал о своей жизни на фоне развернутой на полстены карты Советского Союза, на ней флажками был отмечен его печальный путь с крайнего запада до края Восточной Сибири. В рассказ он вплетал также эпизоды, связанные с теплом, которое исходило от простых людей, ему сочувствовавших. Он вспомнил и эпизод, связанный со мной, совершенно мною забытый, потому что для меня подобные поступки были рутинным делом, но не забытый им. Однажды, пропустив из-за болезни занятия по начертательной геометрии, он не смог догнать и освоить предмет и был в панике: если он не сдаст экзамен, его могут отчислить из института, а я его успокаивал, пообещав все уладить, правда, еще не зная, как. Для меня самого было некоторым откровением способ, каким я, оказывается, улаживал это дело. Как рассказывал Павлик, я подошел тогда к преподавателю, который меня знал, как своего студента, хорошо успевающего по его предмету, к тому же активного общественника, всегда на виду, и попросил помочь, предложив три возможных варианта решения: либо Павлик заучивает заранее выбранный билет, либо вытягивает билет, а я готовлю ответ за него в письменном виде, и тот сдает ему зачет и, наконец, он просто заочно ставит положительную оценку. И если не будет принято хотя бы одно из этих трех возможностей, я не отвечаю за свои последующие поступки и...

Не думаю, что это было понято преподавателем как угроза, скорее, он увидел в ней забавную шутку, и как человек с

присущим ему чувством юмора он с улыбкой взял из моих рук зачетную книжку Павла, нашел нужную страницу и вклеил в нее жирную тройку. Так дамоклов меч был отведен от головы Вексельблата. Среди присутствующих на банкете, очевидно, были те, в чьем сознании не укладывались подобные простые дружеские отношения, которые для наших людей являлись обычными. Как рассказывал Павлик, один из его друзей уже в кулуарах спросил, сколько ему пришлось заплатить за эту услугу, и пошатился окончательным разрывом дружбы с Павликом. Он познакомил меня с этим субъектом спустя пять лет, когда мы с Валентином Давитулиани с женами прибыли в Стокгольм отмечать его уже семидесятилетний юбилей, и он пригласил бывшего своего друга специально для того, чтобы тот живьем увидел, кто ему реально помогал в его нелегкой жизни. Это был протест против равнодушия, прагматизма и отсутствия понимания добра, что нередко наблюдается в западном мире. Тогда же я познакомился с его другом Штефаном, он оказался тем, с кем в те далекие годы я должен был встретиться по поручению Павлика в центре Москвы на площади Маяковского. Узнав об этом, я сгорал от стыда за проявленное мною тогда малодушие — я не пришел к нему на встречу и не мог смотреть ему в глаза. Заметив мое замешательство и смущение, он подошел ко мне и, взяв под руку, отвел в сторону и начал убеждать в том, что я должен забыть об этом навсегда, и что не моя вина, что так случилось, а причина в условиях того времени в нашей стране и, наверное, будь он тогда на моем месте, поступил бы также. *«Забудь, Биньямин, и живи спокойно»*, — заключил он.

...А я до сих пор забыть не могу.

НАКОРОТКЕ С ЗАРУБЕЖНЫМИ УЧЕНЫМИ

Пауль Вексельблат жадно интересовался всем, что касается меня, расспрашивал о науке, которой я в то время занимался, присутствовал на пленарном заседании конференции, на котором я делал доклад, и был рядом со мной везде, где мне необходимо было быть по программе моего пребывания. Его, как и меня, поразил высочайший уровень научного оборудования в Научно-исследовательском институте химии, возглавляемом известным немецким уче-

ным доктором Шмидтом, с которым за год до нашего пребывания в Саарбрюкене я познакомился в Киото, где тоже выступал с пленарным докладом. Помню, доктор Шмидт, проявив интерес к моей персоне, пригласил меня на конференцию сюда, в Саарбрюкен. Я принимал проявленное ко мне внимание как интерес к человеку, приехавшему из страны, державшей своих ученых взаперти, редко появлявшихся на мировых научных форумах, а я был одним из тех немногих, кому повезло по воле случая стать «выездным» в капстраны. Мои зарубежные коллеги по науке жадно интересовались тем, как и в каком направлении развивается в Советском Союзе сравнительно молодая в то время область науки, которую я представлял. Они помнили, что за плечами советских ученых множество открытий мирового уровня. Знакомство со всем, что мы видели в Институте доктора Шмидта в Саарбрюкене, поражало не только меня, но и выдавших виды японских ученых, которые были во всемпереди планеты всей. Светлые научные лабораторные помещения, насыщенные современным исследовательским оборудованием, сверкали чистотой и порядком; научные работники института с гордостью и желанием делились своим опытом и научными разработками, а я переживал тягостные минуты и жалость к себе и своим сотрудникам, рабочие места которых в составе наших лабораторий на фоне этих казались далеко позади и в то же время был горд тем, что результаты наших разработок, проверенные впоследствии по моей просьбе на этом новейшем оборудовании, были на высоком уровне. Западные коллеги поражались, узнав о том, каким образом мы достигаем таких результатов. Я же не удивлялся. У обделенных, как многие советские ученые, хорошим импортным оборудованием, а отечественного не было вовсе, вступал в силу закон «самосохранения», и появлялись новые Кулибины, которые создавали прекрасные доморощенные инструменты исследования, позволявшие, что называется, «на коленях» достигать высоких научных и технологических результатов. Появлялись научные статьи в советских и зарубежных научных журналах, патенты и авторские свидетельства, результаты научных разработок внедрялись в промышленные производства, укрепляя не только научный, но и промышленный потенциал страны.

Засветился я в мировой науке тоже случайно, на большом международном конгрессе по стеклу в Ленинграде, куда съехалась вся мировая научная элита в этой области. Должна была состояться отдельная сессия по тематике, входящей в круг моих научных интересов, а в то время я занимался сверхчистыми материалами для оптики, в том числе волоконной. Эта область науки находилась на стыке двух научных знаний — химической и науки о стекле. Зная, что эта тема обсуждается на всех аналогичных форумах, мы уверенно выставили несколько докладов, которые, к сожалению, не были приняты, по той причине, что, якобы, такая секция на ленинградском форуме работать не будет. Но это оказалось неправдой, о ней я узнал, уже приехав для участия в конгрессе как наблюдатель. Секция полноценно работала, на ней многими странами был представлен весь спектр научных разработок. Но ни один доклад не был от нашей страны. Очевидно, что организатор конгресса — Институт химии силикатов АН СССР — по инициативе заместителя директора этого института профессора Мазурина принял, на мой взгляд, недопустимое решение не представлять от нашей страны доклады, поскольку это перспективное научное направление в тематике института не значилось, и, стало быть, может отрицательно отразиться на престиже института. Таким образом, были проигнорированы интересы не только наши, но страны в целом. У нас же велись разработки и научные, и промышленные.

Я помню, как глубоко уважаемый мною академик АН СССР Михаил Михайлович Шульц, в то время возглавлявший ИХС, был обескуражен таким решением и попросил меня обязательно переговорить по этому вопросу с председателем оргкомитета конгресса, чтобы после его окончания мы могли бы вернуться к обсуждению этого вопроса. Конечно, это не прошло незамеченным участниками конгресса и выплеснулось уже за круглым столом, за которым собрались ведущие в этой области ученые, которых я прекрасно знал по научной литературе, но не был с ними знаком, потому что до этого времени был «невъездным» и не мог принимать участие в международных форумах, проводившихся обычно в крупных научных центрах западных стран. Было несколько критических замечаний в адрес советской делегации. Самым острым

стало выступление американского ученого доктора Йолдаса, обвинившего нас в некорректности и сокрытии научных данных, не относящихся к секретным материалам, что обедняет понимание общего состояния науки в этой области. Я не ожидал такого разворота событий и, переполненный патриотизмом, сообщил сидящим рядом со мной с двух сторон директорам московского и ленинградского известных научных учреждений, что иду «защищать Советскую власть». Выбросив энергично руку вверх, попросил слова. Наступила минутная пауза, пока председательствовавший за круглым столом знаменитый японский ученый, патриарх нашего научного направления Сумио Сака, разбирался в записке с моим именем, и, глядя на нее, то поднимая, то опуская голову, выдал из себя какое-то исковерканное слово Ча-лю-мёв, заметив при этом, какое ужасно трудное имя, будто Сумио Сака менее трудное для нашего слуха. Я был вооружен до зубов, и высказав все, что думал об этой науке и что творится в этом направлении в Советском Союзе, показывая при этом на слайдах наши достижения, что вызвало бурную реакцию. Я достойно отбивался от многочисленных вопросов и даже сорвал аплодисменты.

В одночасье я стал героем дня, ко мне подходили в кулуарах, чтобы задать вопросы, либо выразить почтение. Среди них был один из самых выдающихся немецких ученых мирового уровня, доктор Хельмут Дислих, работы которого я знал почти наизусть. Он попросил о приватной встрече со мной. Эта была знаковая встреча, определившая дальнейшую мою судьбу и выведшая меня на мировой уровень науки. Профессор Дислих, о котором речь впереди, был одним из ярчайших личностей, когда-либо встречавшихся на моем обширном жизненном пространстве.

Эта встреча переросла в искреннюю взаимную дружбу, которая продолжалась много лет до его кончины. По внутреннему духовному складу он очень походил на Павлика, они оба были из интеллигентных семей, людьми западного воспитания, и еще до того, как я нашел Павла, мечтал познакомиться их, потому что был уверен, что им обоим это будет интересно. И вот мне снова повезло, такая встреча состоялась уже здесь, в Саарбрюкене. Им было о чем поговорить.

Профессор Дислих сам пережил нелегкие времена и ему, еще в юности примкнувшему к антифашистскому движению, после прихода к власти Гитлера пришлось покинуть страну и уже после войны вернуться в Западную Германию из Восточной, преодолевая трудности, в какой-то степени похожие на те, что пришлось пережить Павлику. Его выбор был осознанным, он был убежден в несовершенстве социалистической системы государственности. До вершин науки добирался тернистым путем и достиг их благодаря таланту и настойчивости. Он был широко известен как крупный ученый, любим всеми за свою щедрость и добрые дела, он ревностно относился к молодым ученым, независимо от национальной принадлежности и страны проживания, оберегал их и добровольно принимал участие в их судьбах, что не раз испытал на себе и я. Знакомство с профессором Дислихом помогло мне избавиться от предвзятого мнения и моего отношения к немцам, как к нации, погубившей моих братьев, и тем самым искалечившим жизнь моих родителей, которые так и не оправились от этого горя и не ощущали радости бытия. Я не скрывал от Дислиха своих мыслей. Может быть, это было не совсем тактично с моей стороны, но он прекрасно понимал мое настроение и мои попытки понять, как родина великих немцев Гёте, Гейне, Шиллера, Баха, Бетховена, Моцарта, Канта, Гегеля, Фейербаха, Фрейда могла родить тех, кто безжалостно сжигал людей в печах концлагерей, а талантливые немецкие ученые проводили медицинские опыты, пытаясь превратить людей в зверей и монстров.

Почему-то этот разговор возник на фоне необыкновенных умиротворяющих пейзажей, окружавших нас во время совместного автомобильного путешествия по Андалузии, куда он с женой Ханной Лорой пригласили меня после очередной международной конференции в Севильи. До сих пор я помню, как мы мчались по извилистым прекрасным дорогам, тянувшимся между горами и лазурного цвета морем, проезжая мимо белых, как мираж, городков, ярко освещенных солнцем, и чередующихся оливковых плантаций на горных склонах. Кое-где встречались замки, один из них настолько поразил меня своим живописным расположением и архитектурой, что Дислих, перехватив мой взгляд, осведомился, нравится ли мне это место, и получив ответ кивком головы (*слов*

я вымолвить, не мог, пораженный видом местности), тут же среагировал, повернул руль в сторону замка, хотя здесь остановка по нашему маршруту не предусматривалась. Подъехав к замку, он попросил нас подождать в машине, и через несколько минут мы уже разгружали свой багаж. Дислих ради моего удовольствия решил заночевать в этом замке, где было несколько гостиничных номеров. Мы заняли апартаменты с полами из широких каменных и с еще больших размеров настенных плит, с узкими окнами, напоминавшими бойницы, старинным убранством комнат из тяжелой деревянной мебели, в частности, широкой, на половину зала кроватью, покрытой белоснежным покрывалом; из зала расходились два арочных проема с тяжелыми дверями, одна из которых служила входом, а вторая через ступеньки вниз уводила в промежуточную между моим и их частями апартаментов гостиную комнату, тоже с такими же окнами, сквозь которые проходил луч солнечного дневного или вечернего лунного света, с огромным в середине низким дубовым столом, окруженным глубокими деревянными креслами и баром у стены напротив. Уют и бокал прекрасного красного испанского вина располагали к разговору и настраивали на философскую волну. Переходя к теме о прошедшей войне между нашими странами, мы оба волновались, но разговор о цене человеческой жизни и том, почему пороки преобладают над добродетелью, все же состоялся. Мой немецкий друг с достойным уважением отнесся к моим вопросам и тонко, чтобы не ранить меня ответами, мудро переводил разговор в спокойное, соответствующее обстановке русло. Он убеждал меня в том, что не нация в целом виновата в грехах, свершенных когда-то кем-то, а отдельные личности, злые гении, умеющие одурманить целые нации и народы, и при этом напомнил мне нашу историю и наших вождей, устроивших братоубийственную войну, в которой погибли миллионы невинных людей, а кто не погиб тогда, сгнивали позже в тюрьмах и лагерях ГУЛАГа, которые по сути были такими же, как немецкие лагеря. *«Как не парадоксально, души большинства людей чище, чем они проявляются в реальных ситуациях, как противоядие на окружающие условия, поэтому каждый должен по мере своих возможностей очищать мир от нечистот, проявляя доброту и заботу о людях и природе. Мы, ученые, уже делаем это, даря людям свои новые открытия, тем самым об-*

легкая или в корне улучшая их жизнь и быт, а что же касается людей, – продолжал он с тем же спокойствием, – то они, действительно, не одинаковы и в разных условиях проявляются по-своему, но их поведение явно не зависит от того, немец он или кто другой. Вот я немец, а ты русский еврей, и можешь ли ты сомневаться в том, что мы друзья и уже несколько лет мы не меняем добрых отношений? Конечно же, не можешь, а таких как я много в нашей стране, тех, которые глубоко уважают русских ученых, преклоняются перед русской культурой и хотят жить в мире. Поверь, многие немцы сами пострадали от гитлеровского режима и нам так же ненавистен фашизм, так что не держи зла в душе и неси свою доброту к тем, кто в этом нуждается», – заключил он.

Невозможно было не соглашаться с его доводами и, больше того, уже позже, когда я сменил профессию ученого на профессию художника, выставляясь в разных странах и континентах и встречаясь с людьми разных национальностей, утвердился в истине, которую пытался тогда открыть мне профессор Дислих. Я понял, что люди, где бы они ни жили, мало отличаются, и их главными человеческими ценностями также являются семья, дом, любовь к детям, желание жить в мире и благополучии, быть свободными. И задача тех, кто несет правду о жизни – сохранить эти ценности. В этих случаях я непременно вспоминаю профессора Дислиха и преклоняюсь перед его памятью за то, что он заложил во мне умение видеть правду жизни и нести добро, не останавливаясь в этом движении перед любыми катаклизмами.

Вспоминая о Дислихе, ловлю себя на том, как я благодарен самому себе за то, что выдержал испытание на порядочность, приняв уже после приглашения четой Дислих в круиз по Андалузии, еще задолго до встречи в Севилье, где проходил очередной научный конгресс, и откуда предполагалось начинать наше путешествие, единственно правильное решение. Дело в том, что за месяц до назначенного срока я получил приглашение от оргкомитета конгресса: после завершения работы конгресса вместе с тремя известными учеными из Бразилии, Англии и Франции прочитать лекции аспирантам университета в испанском городе Кадисе, известном научном и студенческом центре Испании. Интрига заключалась в том, что время пребывания в кадисском университете совпадало со сроком запланированного нами путешествия по Андалузии. Было над

чем задуматься. С одной стороны — престижное приглашение, которого удостоились из большого числа ученых всего четыре человека, в том числе и я, VIP — обслуживание, внушительный гонорар, который серьезным образом отличался от уровня оплаты труда советского ученого. С другой — слово, которое я дал чете Дислих принять участие с ними в круизе по Андалузии. Мне решение доставалось нелегко. В муках принимая его, я решил призвать на помощь самого Дислиха, думая, что он сам посоветует принять предложение оргкомитета. Я позвонил ему в Германию, обрисовал создавшуюся ситуацию и попросил совета, как поступить. После короткой паузы я услышал очень короткий, но четкий и далеко не в свойственном ему тоне ответ: «*You are invited, and you have to make decision yourself*», что означало, что я приглашен и им, и теми, и я сам должен принять решение.

Мне был преподан урок умения выхода из непростых ситуаций и самому брать ответственность за свои решения и поступки. Поблагодарив его, я положил трубку и через час уже звонил в Испанию председателю оргкомитета конгресса сообщить о моем отказе от их предложения, сославшись на свою занятость в это время в связи с ранее принятыми договоренностями. Выразив недоумение, председатель оргкомитета поблагодарил за своевременное предупреждение. Я тут же перезвонил Дислиху сообщить, что наша договоренность по поводу путешествия по Андалузии остается в силе. При встрече на конгрессе я понял, как для Дислиха важно было мое решение, выразившее мое благодарное и уважительное отношение к его персоне на виду у всех участников конгресса, уже наслышанных об этой истории. Мой поступок был ему особенно дорог на фоне непонимания моего поведения членами оргкомитета, прагматичное мышление которых мешало принять мой поступок, который, в конечном итоге, стоил мне потери в последующие два года возможности участия в различных форумах в качестве приглашенного докладчика. Но происшедшее, объяснимое моим пониманием человеческих ценностей, на долгие годы подарило мне душевный покой.

Невозможно переоценить заботу обо мне, оказанную Дислихом по поводу моего трудоустройства уже в эмиграции; считая своим долгом помочь мне, он связался со мно-

гими учеными, некоторые из которых возглавляли научные институты в США, с которыми я тоже был знаком достаточно близко. Я тоже разослал им свое резюме, они с подъемом отвечали на мои письма. Поздравляя с прибытием на постоянное жительство в США, они горячо и сердечно желали мне успеха в поиске работы, но не предлагали хоть какую-то помощь. Я же наивно думал, что американские коллеги-ученые хором будут предлагать мне работать вместе, так мне казалось, судя по отношению и вниманию, которое они мне оказывали на наших международных встречах.

Дислих несколько месяцев после моего приезда в США вел со мной переписку, обнадеживая, что наши американские коллеги вскоре откликнутся, как только определятся, хотя он, как и я, понимал, очевидно, что это лишь не более как благое намерение и пожелание. И когда все его попытки были исчерпаны, он написал мне письмо, полное такта не только по отношению ко мне, но и к нашим американским коллегам, пытаясь объяснить причину, почему мне не предлагают работу. *«Я получил ответы от наших коллег, — писал он, — и каждый объясняет причину, почему не могут мне помочь, и связывают ее с твоим статусом, а менее значимую работу по моральным соображениям не предлагают»*. Я, как и Дислих, понимал это как отговорку, но оба делали вид, что мы понимаем ситуацию, а я же «успокаивал» себя тем, что хотя я и не получил работу, но осознал, как высоко оценивают мои профессиональные возможности в Америке.

А может я не прав, возможно, так и было, ведь Америка особая страна, от нее можно ожидать всего. На самом же деле американские работодатели не торопятся, за редким исключением, предлагать работу, соответствующую уровню того или иного эмигранта, скорее они видят в нем дешевую рабочую силу, независимо от уровня образования. Я столкнулся с этим непосредственно, сообщив о себе одной из научных лабораторий университета города Баффало, где знали обо мне по научной литературе и отзываам моих американских коллег, информацию от которых получали по телефону (*в США это принято*), руководители лаборатории это от меня и не скрывали. Однажды они обратились ко мне с вопросом о возможности решения некой научной задачи, которая помогла бы им получить правительственный грант. Мне задача была

знакома, и меня пригласили выступить на семинаре, чтобы, воспользовавшись моими данными, представить эту тему на получение правительственного гранта. Я сделал сообщение, дав понять, что задача имеет решение, после чего мне было предложено сотрудничество в качестве волонтера, т.е. без оплаты труда, пообещав начинать платить после получения гранта, но не указав срока, когда это будет. Я обратил их внимание, что все это время я останусь без средств к существованию, но все же поинтересовался уровнем будущей оплаты моего труда и был удивлен, когда узнал, сколь унижительно было их предложение, и с некоторой обидой спросил, знают ли они, сколько стоит специалист моего уровня. На это мне ответили, что да, они знают, но, к сожалению, не имеют возможности платить. Я был удовлетворен хотя бы тем, что они знают мне цену, и сказав им, что буду готов к их услугам, когда они будут готовы платить, как положено, оставил им свою визитную карточку и удалился, продемонстрировав таким образом достоинство русского ученого.

Однако моя безработица длилась недолго, и уже через пару месяцев я получил предложение на работу в качестве генерального директора американской фирмы V.G.ITERPRISES в Москве, но уже за достойную зарплату, и был счастлив возможности возвращения в Москву.

На том конгрессе в Ленинграде я встретил многих моих близких знакомых из разных стран, в которых мне приходилось бывать с деловыми визитами, где меня принимали с должным уважением те, кто оказался в составе участников конгресса. Мой долг состоял в том, чтобы также достойно принять их здесь, у меня в стране. Сложность заключалась в том, что если каждый из них в отдельности принимал у себя меня одного, мне предстояло принять их всех вместе. Решить эту задачу помог мне мой близкий друг, руководитель лаборатории Института Кибернетики АН Грузинской ССР, профессор Риваз Джанкабеков, который был знаком с теми же людьми и тоже желал оказать им честь как и я. Вдвоем задачу решить было легче, и мы с Ризо решили собрать всех вместе на организованном нами банкете в гостинице «Интурист», стоящей на берегу Невы напротив стоянки легендарного крейсера «Аврора». Наша задумка удалась, все

были знакомы друг с другом, мы часто встречались на разных конференциях или на деловых специальных встречах по линии Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), в рамках которого велись работы по созданию в соцстранах единой программы волоконно-оптических систем связи, Вечер прошел непринужденно, совершенно раскованно. Я помню, как один из участников этого вечера, директор института стекла в Словакии, профессор Милан Кашецкий, с которым я был в дружеских отношениях, пригласил всех к огромному окну, откуда открывалась прекрасная панорама Ленинграда, а рядом на Неве красовался прикованный на вечной стоянке знаменитый крейсер, указывая рукой с бокалом на «Аврору», произнес свой знаменитый тост: *«Я предлагаю поднять этот бокал и выпить за то, чтобы эта штука больше никогда не стреляла»*. Все молча опустошили свои бокалы, демонстрируя солидарность с тостом и с Миланом, но, глубоко задумавшись над истиной, как тот единственный выстрел этой «штуки» коснулся всех нас, покалечил жизнь многих поколений, родных и близких каждого из присутствовавших на вечере.

Это был 1989 год, месяц назад покинула страну наша дочь Стелла, как мне казалось тогда, навсегда, и я совершенно осознанно перенес причину разлуки со своим ребенком на тот единственный выстрел, который прогремел с борта «штуки». Милан, заметив мою грусть, подошел ко мне, обхватил меня, словно ребенка, за плечи и, пристально глядя в глаза, стал убеждать в том, что отъезд дочери для нее самой благо, и что он это понимает доподлинно как человек «Запада», а чтобы я не грустил и отошел от шока, предложил мне с женой погостить у него в Татрах в Словакии. Позже я принял его предложение, и та поездка оставила глубокое впечатление не только необыкновенными чарующими красотами горных ландшафтов, но, главным образом, человеческой теплотой, которой окружили нас Милан и его семья.

Наше первое знакомство с Миланом было забавным. Нас познакомил в Москве мой коллега по СЭВ, директор Пражского Института Кварцевого стекла АН тогда еще Чехословацкой Республики, профессор Гетц, он вместе с Миланом Кашецким улетал через Москву в Китай. Располагая достаточным временем, Гетц позвонил мне и предложил встре-

титься. Мы встретились в центре Москвы у Центрального телеграфа, куда мы добрались практически одновременно, и я в приподнятом настроении предложил тут же пообедать в ресторане, их в центре было достаточно много, и я не сомневался, что мы попадем туда, но, к сожалению, несмотря на мои старания, не могли попасть ни в один из них из-за отсутствия мест. Я чувствовал себя весьма неловко как хозяин, но сделать практически ничего не мог. Милан, имея, видимо, опыт таких ситуаций, предложил вернуться в Шереметьево и там, в ресторане продолжить еще не начавшуюся нашу встречу. Все с этим согласились, но не желая совсем ударить лицом в грязь, я позвонил в ресторан аэропорта Шереметьево и заказал стол на трех персон. Следующий сюрприз ожидал нас, когда полчаса мы не могли поймать такси, но, наконец, приехали и заняли свои места в ресторане. Я заказал самые изысканные блюда, чтобы удивить своих гостей, но они были удивлены не этим, а отказом подать нам спиртные напитки, потому что по законам того времени в ресторане было запрещено принимать спиртное. Мое возмущение было столь активным, что Милан тут же остудил мой пыл, обратив внимание на свой открытый кейс, переполненный разными напитками, и предложив воспользоваться ими. Делать было нечего, я подозвал официанта предупредить, чтобы он не обращал внимания на наши действия. Мы хорошо воспользовались содержимым кейса и хорошо посидели. Я был счастлив новым знакомством, Милан отлично владел русским языком, был прекрасным собеседником и во многих вопросах моим единомышленником. Мы нашли с ним общие научные интересы и договорились об обмене специалистами; начало нашего сотрудничества имело реальное продолжение. Более близкое наше знакомство состоялось уже в Тренчине, в его институте, где проходила конференция с участием его и моих специалистов, и Милан, предложив дать им возможность самостоятельно общаться, пригласил меня посетить Тренчинские Теплицы, маленький курортный городок, где он родился.

Шикарный директорский лимузин, за рулем которого сидел Милан, повернув с трассы, въехал в сказочный город. Припарковавшись, мы вышли из машины, и перед моим взором открылось поразительное зрелище. Милан, высокий

блондин в белом костюме, органически вписывался в архитектуру города, словно сошедший с возвышавшегося тут же с правой стороны горного склона, покрытого вековыми соснами, между которыми зимой пробивались несколько лыжных трасс, заканчивавшихся рядом со зданиями отелей. Милан, и люди вокруг, и многочисленные отели, каждый со своим необыкновенным стилем, и горы были единым целым этого незабываемого места, в котором мирно и нежно расположился белый городок, открывающийся взору при въезде светлой вспышкой. Милан обожал все это вместе взятое и людей, живущих здесь, которые отвечали ему искренним добрым отношением и любовью.

Глядя на него и на его взаимоотношение с местными жителями, я восторгался тем, как Милан гармонично вписывался в среду своего обитания, он был пропитан духом этого романтического уголка природы. Я наблюдал это во время прогулки по городу; он заводил меня в бары шикарных отелей, которых было не счесть, и каждый хозяин или хозяйка считал своим долгом обнять его, побеседовать с ним, предложить рюмочку самого вкусного на свете напитка, и он не мог отказаться, тут же представлял меня как своего лучшего друга, переводя, таким образом, стрелки и всю любовь своих земляков на меня, а я окунался и утопал во славе Милана и, конечно, тоже уже не имел права отказаться от самого прекрасного напитка в мире, а их оказалось больше десятка. По дороге к тринадцатому бару я схватил его за руку и сказал заплетающимся голосом: *«Милан, больше не могу...» «Больше и не надо, мы здесь только отдохнем, пообедаем, а кофе будем пить у меня дома»,* — заключил Милан. Был обед, и тринадцатый лучший напиток тоже был, а дома у Милана ожидали нас лучшее кофе, самые лучшие в мире напитки, а, самое главное, лучшие в мире дом и интеллектуальная семья, прекрасные жена Ева и дети Питер и Сюзана, с которыми мы провели замечательный вечер.

При всей простоте общения, Милан был человек глубокого мышления, хорошо разбирался в политике, был талантливым ученым, человеком, ценившим творческое начало. В науке мы быстро нашли общие точки соприкосновения, тут мы были на равных, а в политике он был глубже и убедительнее меня; у него было правильное представление о

социалистическом строе, порядки при котором он ненавидел и легко мог обнажить пороки политической системы, и хотя он был до мозга костей прозападным человеком, не мог покинуть любимую Словакию, потому что не представлял свою жизнь в отрыве от своих Теплиц, где он родился, учился и вырос, завоевывал чемпионские титулы, не представлял свою жизнь без ежедневного общения с людьми, связанными взаимным уважением и любовью, не мог жить в отрыве от природного окружения, с которым было органически связано не одно поколение Кашецких. Ничто не мешало ему сохранить душевную теплоту и желание славить свою страну нравственными поступками и делами.

Сумио Сакка, тот самый, кто с таким трудом произносил мое имя за круглым столом на симпозиуме в Ленинграде, забыв мое выступление, пару месяцев спустя прислал мне приглашение в Японию в город Киото для участия в качестве пленарного докладчика в первом международном симпозиуме по использованию золь-гель технологии в производстве керамики. Это было весьма неожиданно. Мое сообщение тогда за круглым столом на симпозиуме в Ленинграде было первой нашей заявкой о себе на международном форуме такого уровня, и это приглашение означало признание наших работ, и что особенно важно — таким выдающимся ученым мирового уровня, основателем нашего научного направления, профессором Сумио Сака, а, стало быть, и всей международной научной общественностью. На этот раз ничто не мешало мне выехать в Японию, потому что к этому времени я был выездным и уже успел побывать в такой капиталистической стране, как Франция.

Встреча с Сумио Сакка была трогательной. Он, директор научно-исследовательского института в Киото, председатель оргкомитета симпозиума, предупредил принимающих гостей членов оргкомитета, чтобы о моем появлении тут же ему сообщили и пригласили к нему на встречу.

Мы вошли в кабинет директора весьма солидного института, который по сравнению с кабинетами советских директоров показался совсем маленьким; за большим письменным столом восседал маленького роста человек в больших очках. Увидев нас, он вышел из-за стола к нам навстречу и в глубо-

ком поклоне на японский манер, широко улыбаясь, крепко пожал руку и совершенно четко, почти с незаметным японским акцентом мягко произнес мое имя, словно извиняясь за то, что когда-то едва мог выговорить его.

Разговор продолжался за чаем. Он рассказал, что его решение пригласить меня на этот симпозиум было связано с тем, что он высоко ценит советских ученых, в которых видит высокий потенциал и, ознакомившись впервые с нашими работами в Ленинграде, а затем и по научной литературе, видит наши возможности и готов в связи этим сотрудничать с нами. *«Пока Вы пребываете в Японии, мы готовы показать все, что Вас интересует или заинтересует: наши научные лаборатории, измерительную технику, встречи с нашими учеными, студентами университета»*. Признаться, я был смущен таким откровением, и, вспомнив, как в канун моего отъезда, сотрудник комитета государственной безопасности давал мне напутствие, которым одаривали каждого отъезжающего за границу, особенно в капиталистическую страну, задумался над тем, не строят ли японцы какую-то интригу, или не увлекают ли меня в какую-то игру. Сейчас стыдно даже вспоминать об этом, настолько были зашорены наши мозги. На самом же деле, со стороны организаторов конгресса это было искренним желанием вовлечь в развитие мировой науки различные научные школы, в частности советскую, которая весьма высоко котируется на международной арене.

Профессор Сумио Сакка сдержал свое слово. Перед моим отъездом из Киото, когда у меня оставался единственный день, который совпал с каким-то праздничным нерабочим в Японии днем, распорядился, тем не менее, открыть лаборатории и показать их мне, выделив в сопровождающие двух своих ведущих профессоров. То, что я увидел, поразило меня, лаборатория отличалась от виртуально представлявшихся мне японских лабораторий, исследовательские установки были такими же доморощенными, как и наши, но тщательно исполненные. Обратив внимание на мое удивление, мне объяснили, что на таких установках по тщательно отработанным методикам получают лишь небольшие образцы для исследований, которые передаются в централизованные аналитические лаборатории; оснащенные высококлассным оборудованием, позволяющим достаточно быстро получить

характеристики, на основании которых и открываются области применения. Они сопровождали меня в эти лаборатории, и я увидел то, что хотелось бы иметь у себя. Я был удивлен тому, как они открывали мне многие области практического применения, которые были мне неизвестны, в том числе в автомобилестроении, и даже передали методики получения некоторых из них. *«Не передаете ли вы своих секретов?»* — спросил я в полушутливой форме. *«Нет, не передаем, — был ответ, — в наших методиках не раскрыты ноу-хау, однако их описания могут подвести к созданию элементов будущих изделий, а открытия следует ожидать по результатам аналитического обследования образцов»*. Передача методик представлялась ими как подтверждение доверительного отношения к развитию нашего сотрудничества. Позже профессор Дислих рассказывал мне, что японцы отошли от направления, куда шла Европа, в том числе и мы, и взяла курс на применение нашей науки в микроэлектронике, и, преуспев, ушли далеко вперед.

После осмотра лабораторий и встречи со студентами доктор Toshinobu Yoko, с которым я был знаком еще по Ленинграду, пригласил меня посмотреть церемонию национального праздника Японии, предупредив, что сегодня будет все чисто японское, и с этой минуты я его гость. Взяв своего сына, он привез нас в небольшой городок под Киото, мы сразу же оказались среди большой массы людей, окунулись в атмосферу праздника.

Я с удовольствием принял предложение посетить храм Будды; дорога вела через большую площадь, которая была заполнена обувью тех, кто шел в храм и по ритуалу должен обувь оставлять у порога. Я с ужасом подумал, что обувь придется снимать и нам, но как же потом ее отыскать среди этих многих сотен пар. Профессор Yoko меня успокоил, предложив поставить мою обувь рядом с его обувью, и в этом случае я могу быть уверенным, что ее точно не потеряю. Оставив обувь на площади, мы вошли в храм, где восседающий Будда огромного размера встречает каждого входящего с мягкой улыбкой в глазах и на устах, и под его взглядом чувствуешь его власть над собой. Глядя на него и находясь с ним рядом, совершенно успокаиваешься и невольноходишь с ним в контакт, мысленно просишь его благословения за себя и своих близких, и уже духовно преображенный, отходишь от Будды

и попадаешь в большое пространство храма, где сосредоточенные, ушедшие в себя люди заняты совершением кого-то непонятного мне ритуала. Подождав, пока профессор Уоко с сыном тоже совершат свой, видимо из-за меня короткий, ритуал, мы покидаем здание храма.

Обувь наша нашлась, а каким образом, я так и не смог понять, секрет этого феномена знал только профессор Уоко, но я не стал просить его открыть эту тайну. День был переполнен всякими событиями, включая церемонию японского обеда, проходившего в ресторане за низким столиком на полу, за которым принять удобную позу было нелегко, и мне, как гостю, предложили подушку, от которой я гордо отказался, равно как и от привычных нам столовых приборов. С обедом я все же справился, правда, под дружный смех моих гостеприимных хозяев.

В Японии меня поражало все — все не так, как в Европе. Города отличаются гигантскими размерами и чтобы обеспечить возможность существования, например, двадцати двух миллионного Токио, надо было решить транспортные развязки, образованные многоярусными транспортными артериями. Вспоминая Токио закрытыми глазами, я физически ощущаю над своей головойдвигающийся на двух-трех уровнях в разных направлениях транспорт, между которым с огромной скоростью снуют мотоциклисты; под ногами также на разных уровнях бегут электрические поезда подземки, соединяя не только районы города, но и другие города. Удивительное зрелище в метрополитене — чистые, наряженные вагоны метро заполнены такими же чисто одетыми, при галстуках, пассажирами, направляющимися на службу, и совершенно спокойно читающими гражданами. Любой спешащий по своим делам пассажир метро тут же остановится на твою просьбу показать, как тебе проехать в нужном направлении и попытается объяснить, в каком порядке ты должен двигаться до нужного поезда, перемещаясь сначала по красной линии, затем, переходя на зеленую, до пересечения с синей, и ты, конечно, с первого раза ничего понять не можешь, и тогда спешащий пассажир во спасение своего же времени хватается тебя за руку, разворачивается со своего пути, тащит через все эти разноцветные линии и оставляет тебя возле твоего

поезда, а потом разворачивается в своем направлении, пересекает все те же цветные линии, чтобы добежать до своего поезда.

На фоне такого подчеркнутого уважения граждан, будь это деловые партнеры или незнакомые люди, представляется совершенно неприятным и неприемлемым отношением к любому гражданину своей страны чиновников советских или сейчас российских посольств и полпредств, призванных по долгу службы помогать своим согражданам, оказавшимся по той или иной причине за рубежом, защищать их интересы. При обращении к ним соотечественников, они нередко проявляют самое пренебрежительное и грубое отношение к ним.

Ощущение пренеприятнейшее. Хорошо, что еще накануне встречи с клочком родной земли ты продолжаешь ощущать себя достойным человеком, благодаря отношению к тебе граждан чужой страны и в тебе еще сохраняется чувство собственного достоинства, пока не подавленное твоими согражданами, клерками родного посольства, которые, собственно, часто ничего собой не представляют, но в качестве полноправного хозяина положения смотрят на тебя исподлобья и торопятся поскорей от тебя избавиться, даже если ты пришел исполнить за рубежом свой гражданский долг, выполняя их же предписания. Это отношение не зависит от того, кто перед клерком — турист или прибывший по делам службы гражданин, порой почитаемый в мире человек. Им все равно, перед их взором нежелательное безответное существо, с которым, по их мнению, они могут обращаться, как угодно, не останавливаясь перед унижением их чувства собственного достоинства.

На войне как на войне! Имея немалый опыт подобных встреч в разных странах, при подходе к посольству я заранее выпускаю когти и готовлюсь к самообороне. Вот и тогда в Японии. У меня оставалось ограниченное время до деловой встречи с японскими коллегами, а пришлось ждать около часа, чтобы в представительстве моей страны хоть кто-то обратил на тебя внимание. Я пытался, сжав руки в кулак, оставаться спокойным, пока какой-то клерк, уполномоченный принимать посетителей, не появился, медленно, вразвалку двигаясь, дожевывая на ходу последний кусок бутерброда,

очевидно, в целях экономии приготовленного женой, принесенного из дома. Он зло посмотрел на меня, как бы молча спрашивая: «Чего надо?» Мое раздражение набирало обороты, а когда он предложил мне еще подождать неопределенное время, чтобы решить мой вопрос, заключающийся в подтверждении подписью факта моего присутствия в Японии, я уже сдерживаться не мог.

Кто есть кто, и то, что я единственный ученый от Советского Союза, приглашенный на международный конгресс в Японию, и мне доверено представлять нашу страну в интересах советской науки, и что нахожусь я здесь не для того, чтобы протирать штаны и получать за это дармовые деньги, а делаю нужное нашей стране полезное дело — все это я излагал уже на высоких децибелах, вызвав испуг в глазах нашего героя. Он по моему требованию незамедлительно пригласил консула. Тот вышел ко мне, оказался интеллигентным по виду человеком и, успокаивая, пригласил в комнату приема посетителей, даже предложил чашку кофе.

Мой вопрос был решен в течение пяти секунд, я же потерял на это около двух часов и не успел попасть на нужную встречу. Услышав это, консул предложил мне всякую необходимую помощь, от чего я гордо отказался. Он обещал уволить нерасторопного клерка, на что я ответил, что в таком случае ему придется убирать многие тысячи разбросанных, к сожалению, по всему миру подобных клерков, а чтобы он не забыл и имел основание уволить клерка, я оставил свое заявление, которое просил официально зарегистрировать, чтобы я мог сам проконтролировать ход дела. Он, видимо, не ожидал такой реакции, однако, сделал все, что предусматривалось законом, вручил мне заверенную копию заявления и свою визитную карточку. Мы вежливо попрощались, я же никогда более к этому вопросу не возвращался, но на протяжении всей жизни не смог понять истинную причину, почему подобными перекосами богата моя страна.

В Европе, Америке, да вообще во всем мире очень часто среди людей многих национальностей встречаешь немало японцев, часто группами путешествующих или постоянно проживающих. В Японии, напротив, редко можно встретить людей с европейской внешностью, а встречая любого евро-

пейца, испытываешь к нему особые чувства, как к близкому человеку. Так случилось, что в автобусе от аэропорта до Токио я познакомился с одним итальянцем, работавшим долгие годы в Японии. Час пути дал нам возможность кое-что узнать друг о друге. Он оказался художником-дизайнером по стеклу, весьма востребованным в Японии. Меня это заинтересовало, поскольку я тоже был причастен к науке о стекле, и именно по этой причине оказался в Японии на симпозиуме, что, в свою очередь, заинтересовало моего нового знакомого. Конечно, нам было о чем поговорить. Узнав, что мне надо направляться из Токио в Киото самостоятельно, а в Японии я оказался впервые, господин *Silvano Belardinelli*, так звали моего нового знакомого, вызвался помочь мне попасть на нужный поезд, что в условиях Токио для прибывшего впервые в этот город занятие не из легких. В Токио он довез меня до вокзала, откуда в Киото отправлялся поезд,двигающийся на воздушной подушке со скоростью двести километров в час, новым тогда транспортным средством Японии, созданным впервые в мире. До отправления поезда оставалось время, которое мы успешно провели в ресторане. Взяв с меня слово, что на обратном пути я найду время для встречи с ним, он посадил меня в вагон, и я умчался на чудо-поезде, в котором на ходу даже вода не шевелилась в стакане. Я сдержал слово, и на обратном пути, снова в Токио, мы с ним встретились. За два дня он постарался открыть для меня некоторые прелести города, в том числе ночные, показал свои неотразимые дизайнерские работы из великолепного венецианского цветного стекла, поразившие мое воображение, мы долго говорили об искусстве. Кто же знал, что со временем я буду иметь к искусству прямое отношение. Эти два дня укрепили нашу дружбу, и еще долгие годы мы обмениваясь в письмах новостями и мечтали о новой встрече, пока расстояния и время не разлучили нас. Я очень об этом сожалею.

Хочу отдать дань благодарности доктору *Hiroshi Hiroshima*, профессору кафедры химии Киотского университета, сопровождавшему меня по Японии, удивительно спокойному и мудрому человеку, с которым я был знаком раньше по встречам на международных конгрессах. Нас связывала, кроме того, совместная дружба с Дислихом, который меня с ним и поз-

накомил. Hiroshi казался мне воплощением японского характера. Он был предельно вежлив и прост в обращении, хотя и относился к когорте выдающихся японских ученых. Я слушал его лекцию в огромном лекционном зале университета в Иокогаме, до отказа набитом студентами и преподавателями.

Поездка в Японию оказалась для меня знаковой, я познакомился со многими учеными из разных стран, которые живо интересовались состоянием науки в Советском Союзе, жизнью и положением наших ученых. Там же я получил приглашение еще на две Международные конференции — в Германию и Испанию. Этот интерес я относил не столько к своей персоне, сколько к дани уважения к советским ученым, ко многим, кто жил и работал в изоляции, при отсутствии контактов с иностранными коллегами, в стороне от международных научных форумов. Их не выпускали за пределы страны из-за их причастности к закрытым работам, и мало кому повезло, как мне, стать «выездным».

Полезность личных контактов бесспорна, и я на своем опыте испытывал практическую их значимость, как в случае профессора Дислиха, да и многих зарубежных коллег, коих я бы хотел вспомнить, но с учетом формата этого повествования, к сожалению, не всем сумею выразить благодарность и уважение.

Мне бы не хотелось сходить с темы о международных форумах, потому что они не только кладезь новых научных сведений, но и источник познания мировой культуры, которую каждый участник, впитав в себя, распространяет на родине, обогащая этим не только себя, но и свое окружение.

Приехав на очередной симпозиум в Испанию, где бывал не раз, я наслаждался оригиналами знаменитых живописных работ выдающихся испанских художников в экспозиции музея Дель Прадо в Мадриде, великих Веласкеса, Франсиска Гойи и других.

В Дель Прадо Гойя выставлен в основных залах музея множеством жанровых картин о жизни и быте испанцев, многие из них для меня были откровением, однако особое ощущение вызывает талантливо представленная в подвальных,

затемненных помещениях музея экспозиция его офортов «Капричос», и рассматривая их, невольно соприкасаешься с окружающим тебя безумием, так искусно переданным художником, словно на время оказываешься в ином, нереальном мире, который, как казалось автору, таков в реальности. Если ты сам еще не успел потерять разум, надо быстро оставить экспозицию и уйти, чтобы это безумие тебя не поглотило полностью.

В отдельном здании, рядом с основным зданием Дель Прадо, в специальном боксе, укрепленном техническими средствами и вооруженной охраной, за толстым пуленепробиваемым стеклом выставлен шедевр двадцатого века, картина Пикассо «Гернике», написанная в серых тонах и с первого взгляда не производящая особого впечатления. Эта картина не для созерцания, она требует философского осмысления и анализа мировых событий, заставляет сделать над собой усилие, чтобы понять гения или, во всяком случае, понять тех немногих, кто понял гения, кто пытается донести до людей гениальное предвидение ужасов грядущих лет двадцатого столетия, жесточайшей разрушительной войны, навязанной фашистами. «Гернике» — это призыв автора задуматься над этим, объединиться и противостоять надвигающейся катастрофе. Уже понимая это, ты стараешься, глядя на полотно, разобраться в смысле каждого квадратного сантиметра картины и, поняв, чувствуешь, как картина затягивает тебя настолько, что ты часами не можешь от нее оторваться, но тебя отрывает охрана, поскольку задерживаться возле картины не положено, приходится много раз возвращаться по кругу.

Испания — это Толедо с захватывающей историей и не менее захватывающими историческими памятниками; это Севилья с бывшими еврейскими кварталами, где не встретишь ни одного еврея, но обнаруживаешь испанцев, унаследовавших еврейские черты от своих еврейских предков, насильственно принявших христианство и веками ассимилировавшихся среди испанского населения; это Андалузия со своими белоснежными городами и знаменитыми оливковыми плантациями, раскинутыми на предгорьях, это и до боли знакомая нашему слуху Гренада, и много других городов, сохранивших со времен турецкого владычества древнюю восточную архитектуру; это бой быков, ужасное

с точки зрения морали зрелище, однако, увлекательнейшее действие, особенно, когда сам в нем активно участвуешь.

Так случилось, что когда нам показывали школу подготовки тореадоров, организаторы предложили желающим поучаствовать во фрагменте боя. Профессор Дислих, наслышанный от меня о джигитах, населяющих мой родной Дагестан, тут же предложил и мне испытать свою сноровку. Не могу сказать, что эта идея доставила мне особое удовольствие, я мешкал, пока женщина, одна из участниц конгресса, легко грасируя, не вышла на арену. И тут, памятуя, что я джигит, не выдержав и преодолевая внутренний страх, тоже направился в сторону арены, и немного успокоился, когда увидел, что желающих потягаться с быком было не так уж и мало. Желание стать хоть на мгновение тореадором было захватывающим, и успев уже принять боевую позу, я едва заметил, как бык, а скорее бычок, рванул в мою сторону и уже был так близок от меня, что настоящий, страховавший меня тореадор, изящным движением тела изменил траекторию быка, а я так и остался стоять со своей красной тряпкой в боевой вытяжке. Раздались аплодисменты и одобряющие выкрики зрителей, подаренные не то мне, не то быку или тореадору, который так изящно отвел от меня соприкосновение с бычьими рогами. Я с чувством исполненного долга гордо покидал арену, доставляя особенное удовлетворение Дислиху, который лишний раз убедился, что есть где-то страна, которая дарит миру джигитов.

Впечатления от многочисленных путешествий так глубоки, что порой сохраняются в моей памяти даже в деталях и нескончаемым потоком выплескиваются из меня, когда я сажусь за мемуары, но, к сожалению, у меня мало времени и места для всего того, что мог бы рассказать. Однако есть то, что я не могу упустить и чем не могу не поделиться.

Дрезден, город мечты любителей архитектуры, краса европейских городов, привлек мое внимание своей монументальностью, выдержанным стилем архитектуры зданий, над созданием которых рядом с зодчими талантливо трудились скульпторы, представлял собой единый ансамбль, исключая возможность встраивать в него современные здания,

что часто так уродует виды старинных городов. И вот в одночасье этот красивейший город мира был вздернут в воздух американской авиацией, которая опрокинула на него многие тысячи тяжелых бомб, от взрыва которых раскаленный воздух буквально, поднял за собой вверх весь город, оставив лишь руины. По утверждению историков, к тому времени, когда вся восточная часть фашистской Германии уже была освобождена советскими войсками, Дрезден не представлял собой никакой стратегической опасности, и эта безумная американская акция носила больше политический, чем военный характер, а в результате были уничтожены многие памятники культуры, в том числе Цвингер, здание знаменитой Дрезденской галереи.

Нашему поколению повезло, мы видели уже восстановленный Дрезден, хотя я еще застал полуразрушенное здание оперного театра, что недалеко от Цвингера. В то время здание дрезденской галереи уже было отстроено, и углекислый газ из атмосферы еще не успел поглотиться поверхностью светлого песчаника, из-за чего со временем многие европейские города кажутся построенными из черного камня. Цвингер воспроизвели таким, каким он был до разрушения; хотя проектная документация была уничтожена, строители воспользовались фотографиями бывшего здания, которые чудом сохранил один из жителей города.

Цвингер продолжает жить во многом благодаря советскому солдату и нашим талантливым реставраторам, спасшим многие шедевры дрезденской галереи и вернувшим их в залы музея. Я видел колодцы древнего замка на высоком холме у излучины реки Рейн, где наши солдаты обнаружили и извлекли упрятанные шедевры Дрезденской галереи и вернули человечеству.

Все свободное время я посвящал музею, возвращаясь в него по мере того, как успевал выступить на конференции или прослушать нужные мне сообщения. Мои визиты были так часты, что служители музея обратили на меня внимание, и при очередном моем посещении смотритель музея, который был уведомлен об этом, выразив благодарность за столь глубокий интерес к музею, предложил осмотреть запасники. Переполненный благодарности, я принял предложение и с огромным наслаждением в сопровождении настоящих зна-

токов Дрезденской галереи провел там полдня, наслаждаясь шедеврами столь известной на весь мир галереи, завидуя самому себе. А тогда мне еще не приходило в голову, что все это не пройдет бесследно, и что через десятилетия я сам стану живописцем и буду творить, стараясь приносить людям радость.

ПОЛЕТ НАВСТРЕЧУ ПРОШЛОМУ

В минуты, когда я пишу эти строки, я пребываю на берегу океана у берегов острова Гаити и не прекращаю думать о той далекой точке на земле, в которой я родился, и никакие пальмы и соленые океанские волны не могут освободить меня от мыслей и дум о моем происхождении.

В чудесных местах Карибского бассейна я оказался впервые. Первое мое знакомство с этим краем состоялось через год после нашей эмиграции. Стресс, связанный с переездом в Америку, необходимо было снять, и лучшим способом для нас с супругой было знакомство с богатой на американском континенте экзотикой, коей оказался Мексиканский залив. Небольшой курортный городок Канкун располагался на самой оконечности одноименного полуострова, разделяющего мексиканский залив от Карибского моря, на самой ближайшей точке Североамериканского континента от острова Кубы. Места отдыха не представляют собой медицинские учреждения по типу наших санаториев, в большинстве — это фешенебельные гостиницы со своей инфраструктурой, часто отделенные друг от друга, с прекрасными пляжами на берегу буквально лазурного моря. Мы попали в небольшую трехэтажную гостиницу со своим внутренним двориком, где происходили чудесные превращения от феерических представлений до дегустации национальной кухни различных стран. Бог всегда с нами, он не оставил нас без внимания и здесь, подарив нам знакомство с совершенно неординарными людьми. Мы шли друг другу навстречу, встретились взглядом, как старые знакомые, тут же затеяли беседу, будто это было продолжением ранее начатого разговора, и эта первая встреча была началом нашей многолетней искренней и преданной дружбы, которая стала для всех подарком судьбы. Звали их

Анечка и Витюша, оба Снитковские, люди с поразительной судьбой и биографией.

Аня — прима-балерина сначала Одесского, а затем Алма-Атинского театров оперы и балета, вынужденная эмигрировать с двумя детьми в США, навстречу неизвестности, понимавшая, что на этом ее балетная карьера может быть завершена. Она, конечно, пережила все тяготы эмигрантской жизни, но присутствие рядом двух детей заставило ее сконцентрироваться, и вспомнив о своих природных биоэнергетических способностях, успешно ими воспользовалась.

Виктор по профессии строитель, родился в Ташкенте, и хотя был увлечен своей специальностью, внутренняя потребность и жизненные обстоятельства, глубокое понимание искусства, нетерпимость к социальной несправедливости превратили его в гуманитария, публициста, искусствоведа, журналиста. Он был увлечен живописью и долгие годы посещал в своем родном городе художественную студию известного художника-акварелиста И.Я.Стадничука при Союзе художников Казахстана, многие работы которого оказались в коллекции Виктора; он же собиратель живописи, японских гравюр и открыток Бостона с начала XX века, активный член общества «Мемориал», автор множества публикаций и нескольких монографий. С гордостью могу сказать, что он написал статью и обо мне в одном из известных американских журналов. Жизненные обстоятельства выбросили его в эмиграцию в США, где уже несколько лет жила его семья.

Оба — интеллектуалы, театралы, страстные путешественники и знатоки. Оба они для меня кладезь информации о странах и континентах, а Анечка еще и даритель веселого жизнерадостного настроения, ценитель юмора. Если мне не «можетя», но надо поднять себе настроение, я вспоминаю нашу жизнерадостную, не унывающую подругу. Мы всегда при встречах вспоминаем эпизод во время отдыха на Канкуне. Наши с Виктором женушки выбрали себе вечер отдыха, решив посетить мужской стриптиз, куда мужчины не допускались. Переглянувшись с Виктором, немного озабоченные, мы дали согласие, сами же приняли участие в презентации экзотических мексиканских блюд, а ближе к окончанию представления мужского стриптиза встречали своих дам на

выходе. Они вышли почти последними, проплыли, вовсе нас и не заметили, с горящим глазами, с пафосом обсуждали происходившие на представлении события. Мы слышали, о чем они говорили, потому что шли вплотную за ними, а они нас не видели, пока мы с Витей дружно и громко не рассмеялись. По такому случаю нами было принято решение запускать наших милых дам на подобные представления во время всех будущих совместных поездок. Поездки повторялись не единожды, но почему-то мужской стриптиз больше не давали, однако, надо отдать должное нашим половинкам, веселое настроение их никогда не оставляло, видимо, того случая хватило на всю оставшуюся жизнь.

Этот выдуманный мною эпизод до сих пор веселит нас. Стриптиз-то был, но на выходе жены не только увидели нас, но бросились нам на шею, демонстрируя, что мы лучше. Ну, а почему и не поверить?

Мое занятие живописью совпало со временем нашего знакомства, я делал первые шаги в живописи, а Виктор имел, в отличие от меня, студийный опыт и мог критически отнестись к моим творениям, и как мэтр делал замечания по сути. Я старался расти, и наступил момент, когда меня пригласили открыть персональную выставку в одной из галерей Бостона, куда я привез более полусотни работ, увидев которые, Виктор был благосклонен и оценил их достоинства. Знать его мнение было для меня важно. Анечка с восторгом отзывалась обо всех картинах, а у одной картины, с изображением одинокой ивы, очень высокой и раскидистой, стоящей в открытом поле на фоне леса и отражающейся глубоко в небольшой луже, остановилась надолго и задумчиво изучала совершенно серьезным взглядом. Я подошел к ней. *«Эта картина медитирует, я чувствую новый прилив энергии»*. Слышать это от нее, обладательницы мощной энергетики, было не только лестно, но мистически тревожно, я относил своеобразность этой картины не к своему достижению, а к вмешательству каких-то потусторонних сил. Я понял, что эта картина должна быть рядом с тем, кто чувствует ее мощную энергетику, и, не раздумывая, подарил ее Анечке, которая с благодарностью ее приняла. Позже Анечка мне рассказывала, что для нее эта картина служит источником энергии, которой она заряжается тут же, как откроет глаза после сна.

Я не раз бывал в ее доме и знаю, что долгие годы эта картина висит в ее спальней комнате, на противоположной стене от изголовья ее кровати. Искренность Анечки не позволяет мне думать, что, на самом деле, она делала мне комплемент, усиливая это неким неземным свойством картины, и вынуждаю себя думать, что, возможно, это и существует в реальности. Может, это и есть то, что называют силой искусства. Фантастическим было то, что через какое-то короткое время это дерево реально исчезло с лица земли на месте, где я писал картину на пленере, оставив о себе память на той моей работе. Анализируя прошедшее время, я обнаруживаю, что мною было написано несколько работ, на которых были изображены объекты, через какое-то короткое время в реальности исчезнувшие, сохранившись только на моих картинах. Что это, мистика?

Сегодня жизнь Виктора и Ани заполнена заботой о внуках, которых подарили им уже благополучно состоявшиеся в Америке их дети, Софочка и Миша.

Удивительное состояние испытываю я, когда сажусь писать свои мемуары, не зная еще, о чем буду писать, однако, чуть сосредоточившись, воспоминания набегают друг на друга, и мысль далеко опережает мою возможность стучать по клавишам. Так и сейчас, пребывая на Американском континенте и описывая события из моей уже взрослой жизни, мне хочется покинуть эту далекую страну и вернуться в мое чудесное детство, когда я парил на свободе в окружении любви и ласки окружающих меня людей, и эту любовь и ласку я копил в себе всю свою жизнь, отдавая их позже тем, кто в них нуждался.

Когда я встречаю недобрых, озлобленных людей, мне становится их жаль, потому что наверняка они не получили в детстве свою долю добра, любви и ласки, видимо, ни в семье, ни от людей, и потому всего этого нет в запасе в их душах. А жаль, ведь человек чувствует в себе свободу и удовлетворение больше, когда отдает, чем когда получает — знаю по себе. И я благодарен людям, которые щедро дарили мне добро своей души. В связи с этим я вспоминаю о необычном, присутствующем народам Кавказа, институте куначества, что особенно

распространено и соблюдается на моей родине Дагестане с очень древних времен.

Кунак — это понятие больше, чем понятие друг, это, скорее похоже на слияние двух, а иногда и более семей, независимо от их национального или религиозного происхождения и места проживания, и переходящее из поколения в поколение сообщество людей, обязательно разделяющее все радости и невзгоды друг друга. Наше куначество с одной из лезгинских семей Шихшамаловых (*лезгинны — одна из многочисленных национальностей Дагестана*) зародилось еще при жизни деда моего отца. В то время эта лезгинская семья проживала в горах Дагестана в ауле Куркент, который позже по административному делению входил в состав Косумкентского района, где продолжали жить и их потомки, а семья моего прадеда жила в Дербенте, где родилось и наше поколение. Наши предки знали языки друг друга в отличие от нас, однако отношения между потомками наших предков с тех пор не изменились, они так же преданно дружили, навещали друг друга, оказывали взаимопомощь и взаимовыручку, независимо от любых жизненных обстоятельств. Помню, они непременно жили у нас в доме, когда приезжали по делам в город, и мы в разное время останавливались у них, приезжая в Куркент любоваться и наслаждаться природой. Ни разу в жизни я не бывал в пионерских лагерях, куда в основном направлялись школьники на летние каникулы, я не хотел слышать о них, потому что душа моя была связана с горами и Куркентом, куда однажды взял меня с собой мой отец, навещая своих кунаков, и где уже многие годы я проводил свои летние, а иной раз и зимние каникулы. Уже в детстве природа завораживала меня, а виды окрестностей Куркента начинали сниться мне, когда приближалась пора школьных каникул.

Путь мой начинался с верхнего базара в Дербенте, где водитель грузовой автомашины подбирал пассажиров, сажал их плотно в открытый кузов, а они, стоя, держались за борта машины или рассаживались прямо на пол кузова, хотя путь был долог, а я любил примоститься в передней части кузова, держась за крышу кабины водителя, и, обдуваемый встречным потоком воздуха, физически ощущать скорость,

а машина, катясь по дороге, частично покрытой неровным асфальтом или засыпанной гравием, подымала и опускала тебя, раскачивая, словно во время сильного морского шторма. Иногда казалось, что все внутренние органы поменялись местами, и ты не можешь ничего изменить, но спасаешься на протяжении всего пути прекрасными видами панорамы гор и выжженных солнцем предгорных равнин, сменяющихся при подъезде к Косумкенту предгорьем с густой растительностью и садами, раскинутыми на склонах гор. Уже на площади в Косумкенте пассажиры слезали с машины и часть из них продолжала путь пешком до аула Куркент, расположенного на плато у вершины горы, окруженного плодовыми садами, прерываемыми пшеничными полями и лугами. Путь преграждался бурлящей горной речкой, заваленной валунами и булыжником, служившими пешеходной переправой. После преодоления этого препятствия пешеходы попадали на горную тропу, связывающую Касумкент с Куркентом, которая ближе к вершине расходилась с тропой, уводившей в знаменитый аул Ашагстал — родину дагестанского поэта-ашуга Сулеймана Стальского, известного нам по школьным учебникам литературы. Тропа проходила сквозь сады с высаженными абрикосовыми или черешневыми деревьями, ветки с плодами низко нависали над тобой, и ты мог лакомиться ими по ходу движения. Дорога достаточно круто поднималась в гору, и часть людей из числа пассажиров автобуса, державшие путь в сторону Куркента, и навьюченные мешками ослы цепочкой поднимались по склону горы; иногда мне везло, как и тому ослу, хозяин которого, слезая с него, уступал место мне, а осел довольный вздыхал, чувствуя некоторое облегчение сменой груза.

Впереди ждала радость встречи и, качаясь на осле, я ярко представлял себе эту сцену — у порога сакли встречает мать семейства, тетушка Чимназ, удивительно красивая, высокая, грациозная пожилая женщина, облаченная в национальную одежду; ее длиннющие косы упрятаны в специальном, в виде трубы, головном уборе, покрытом поверх красивой шалью, а рядом с ней стоит второй по возрасту сын Апурбек, главный мой опекун, с широкой улыбкой, единственный, кто достаточно хорошо знает русский язык, а на крыше сакли, подпрыгивая, криком приветствует меня Хадижат, единствен-

ная в семье сестричка моего возраста, а рядом с ней никогда не покидающий улыбку с палкой в руке стоит Играмуддин, который не имеет в запасе ни одного русского слова, но для общения достаточен небольшой запас лезгинских слов, освоенных мною...

Путь в дом проходил через забитый овцами и козами крытый двор, из которого лестница вела вверх на плоскую крышу над двором, она служила обширной верандой достаточно большого дома с расходящимися от веранды изолированными комнатами и окнами, открывающими прекрасный вид на поля, фруктовые сады и горные хребты. На веранде встречает меня самый старший из сыновей Зайнудин, восседавший в роли старшего в доме мужчины на плотных матрацах на полу, покрытом коврами, и радостно принимает меня в свои объятия. Расположившись в выделенной мне комнате, я тут же распаковываю свои мешки, вытаскивая из них подарки, переданные каждому поименно моими родителями, и раздариваю их под веселые реплики на лезгинском языке, смысл которых я практически не улавливаю, однако, уверен, что это слова благодарности за тепло, которое передавали им с подарками мои родители.

День приезда и следующий за ним день были моими без ограничения и я, воспользовавшись этим, носился по просторам, сопровождаемый Хадижат и местными ребятами — моими друзьями, а вот на третий день начинался организованный порядок моего существования в Куркенте. Лето — пора бесконечных сельскохозяйственных работ, и вся семья без исключения занята нескончаемой работой и я, как член семьи, получал задания, выполняя работу разного профессионального профиля: пастуха, гонщика мула на пшеничном току, сборщика урожая черешни, абрикос или персиков, для чего мы взбирались высоко на деревья и, конечно, по ходу сбора, объедались фруктами, и, наконец, я получал самое почетное задание косить траву, чему научил меня Ашурбек в прошлые приезды. Каждая работа приносила мне бесконечное удовольствие, и чтобы не ударить лицом в грязь, я усердно трудился, за что получал общественную похвалу за вечерней трапезой на полу веранды, куда собиралась исключительно вся семья, и как поощрение мне на тарелку с хинкалом клали самый вкуснейший кусок приправленного кислым молоком

и чесноком свежего барашка, который еще час-полтора назад носился по двору. Какая вкуснятина! Запивали мы ужин свежей пахтой, разбавленной по вкусу водой, в то время как взрослые мужчины разбавляли свое удовольствие водочкой. Заканчивался вечер музыкой: Ашурбег, хорошо игравший на пандуре, аккомпанируя себе, пел лирические лезгинские песни, подхватываемые другими, и в этом хоре я тоже не мог удержаться и вместе со всеми напевал, что-то бурча под нос. Расслабившись после полученного удовольствия, мужчины расходились по комнатам спать, чтобы с восходом солнца подняться на работу, а женщины ненадолго задерживались, чтобы убраться посуду после трапезы.

Самыми незабываемыми были дни, когда Ашурбек со своими друзьями забирал меня на свой участок работы — на сенокос, на луга, раскинувшиеся большими пятнами между фруктовыми садами. В это же время они сторожили коней председателя колхоза, секретаря парткома и председателя сельсовета — главных руководителей села, для которых кони держались наготове, как если бы Ашурбек с друзьями теперь в наши крутые времена служили водителями лимузинов и охраной современных начальников. Ашурбек, понимая радость мальчишек, скачущих на лошадях, вскоре научил меня верховой езде, я носился верхом по еще нескошенным лугам. Моим умением скакать на лошади мои взрослые друзья пользовались, посылая меня в соседнее село Ашагстал за водкой (в селе Куркенге не было магазина), когда им ее не хватало во время гулянок. Эти два села связывала тропа, проходящая прямо по гребню горы, по которой я носился галопом туда с перекинутыми через седло пустыми *хурджинами*, а обратно шагом, чтобы не разбить бутылки с водкой. Иногда мне приходилось, пользуясь живым транспортом, в обеденное время передавать записки Ашурбека его возлюбленной подружке, работавшей где-то недалеко, которая по обычаю гор не могла встречаться открыто с мужчиной, а я был мальчишкой и поэтому допускался к их особам, а она же, радостно улыбаясь, тут же срывалась с места, видимо, торопясь на назначенное Ашурбеком место свидания в укромном уголке сада, которых там было предостаточно. Не обнаружив Ашурбека на месте после возвращения, я понимал, что он где-то рядом любезничает со своей девушкой, а я же ложился на спину в тени

фруктовых деревьев рядом с его друзьями по работе в густую, глубокую, еще нескошеную траву, и, глядя в ярко освещенное солнцем небо сквозь плодоносные ветки деревьев, либо засыпал, либо грезил, видя по всему небу хоронид фруктов, с большой скоростью носящихся по замкнутому кругу, с радиально направленными радужными солнечными лучами, рождавшимися в моем воображении ударом яркого солнечного луча о мои закрытые веки. С закатом солнца мы возвращались в аул — я на лошади, а Ашурбек шел рядом пешком, рассказывая разные забавные истории или хвалясь перед друзьями своими любовными похождениями.

К сожалению, после окончания школы постепенно начали теряться дорогие всем нам связи с нашими кунаками, время разбросало нас в разные концы страны и мира, и мы лишь редко встречались на наших семейных торжествах и во время печальных событий. Уже позже во время моего большого путешествия, связанного с созданием цикла живописных работ о Дагестане, я запланировал посещение Куркента, но отказался, чтобы не бередить душу, поскольку к этому времени уже не было того села, к которому я прикипел (*село перенесли почему-то на предгорье — было такое политическое решение*), а многих из моих кунаков уже не было в живых; жившего в это время в новом Куркенте Играмуддина не оказалось на месте, а Хадижат жила со своей семьей в Москве. Так, к сожалению, наше традиционное потомственное куначество распалось, не оставив в современном неоднозначном бурлящем мире преемников.

Очевидно, всему суждено кончаться, пришел конец и нашему куначеству, но не куначеству вообще; куначество продолжает жить в другой, современной форме, но с сохранившимся старым содержанием. И это реальность, подтвержденная моим удивительным путешествием по Дагестану, совершенном, когда я стал аксакалом преклонного возраста, после многих десятков лет разлуки со своими прежними, до сих пор дорогими сердцу кунаками, путешествие, которое подарило мне новых друзей-кунаков, сохранивших удивительный дух братства многонационального Дагестана, что зародило в душе моей желание возродить, как когда-то моим прадедом, куначество с моими новыми друзьями. И это неудержимое желание укрепилось, когда в душе уже взрослых моих амери-

канских внуков Марка и Давида пробудился зов предков, и они, изъявив желание увидеть родину своего деда, невзирая ни на какие трудности, и преодолев длинный путь из Америки через Атлантический океан и по суше длиной во всю Россию, в одночасье появились, к моей огромной радости, на земле, родившей и взлелеявшей их деда. Теперь они знакомы не только с моими рассказами и живописными картинами о моей Родине и ее людях, теперь они лично знают эту землю и друзей моих, и детей друзей моих; они освоили и приняли обычаи этого края, и в детях кунаков моих признали своих друзей, возродив, таким образом, преемственность поколений.

В ПОИСКАХ ПРАВИЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

Однако время неумолимо движется вперед в будущее или назад в прошлое. Так и я с невероятной скоростью перебрасываюсь с горных хребтов из далекого прошлого в реальное время, когда после отъезда Павлика мне оставалось проработать в своем конструкторском бюро в Подольске еще один год, после чего по программе набора молодых специалистов мне предстояло стать работником Министерства химической промышленности СССР в качестве клерка, с умным видом перекладывающего бумаги с места на место, за что еще и платили вдвое больше, чем руководителю группы конструкторов, выдававших реальные проекты для конкретной реализации в промышленных объектах. Мне хватило всего нескольких месяцев, чтобы понять, насколько мои интересы расходились с моей деятельностью в Министерстве. Началась борьба с самим собой в попытке понять, чего же мне надо в этой жизни и как совместить свои личные интересы с интересами семьи, которую надо было содержать. Работая в министерстве, я уже получал вполне приличную по тому времени заработную плату, позволявшую обеспечить нормальную жизнь, и уход из Министерства серьезно ухудшил бы наше материальное положение. Однако внутренний голос подсказывал мне, что я склонен к постоянному поиску и познанию чего-то нового, и что опыт работы в студенческих научных кружках и наблюдения за красотами окружавшего мира в моих альпи-

нистских походах заставлял меня думать о причинах тех или иных естественных процессов, и меня одолевало желание понять их природу, открыть что-то, еще никому неизвестное. Эти размышления подвели меня к мысли, что мои желания совпадают с тем, чем занимается наука, и я должен связать свою жизнь именно с нею. Эта находка ответа на вопрос о том, что мне надо в этой жизни, была лишь общим представлением о моем жизненном пути, а реальное же воплощение лежало через преодоление многих препятствий, в том числе материальных, и могло обременить нашу жизнь на годы. Выбор, куда идти, был небольшой, никто не стоял в очереди в желании предоставить мне работу, да еще сносно за нее платить. Однако, воспользовавшись уже заведенными в министерстве знакомствами, я начал поиски своего счастья и наткнулся на один из закрытых научно-исследовательских институтов Минхимпрома, который занимался перспективным в то время научно-техническим направлением — созданием ракетных топлив, и я мог принять участие в разработке технологии, в частности, аппаратного оформления достаточно сложного химического процесса, что в какой-то мере совпадало с моими возможностями как специалиста. И когда мне предложили зарплату, близкую к той, которую я получал, будучи конструктором, но в два раза ниже, чем министерская, я понял, что это и есть предел возможности для такого научного сотрудника как я, не проработавшего в науке ни единого дня. Пришел час принятия эпохального решения. И я его принял. Оставалось объясниться с семьей. И я объяснился. Наступил момент истины понимания человеческих отношений, правильного выбора приоритетов и формирования жизненного кредо — свободы выбора, как пример тонкого подхода к личности. На фоне мизерных зарплат советских людей, когда повышение по карьерной лестнице стоимостью в десять рублей считалось огромным успехом и отмечалось как большой праздник с застольем, затраты на которое превышали сумму, равную годовому размеру прибавки, мои потери с переходом на меньшую в два раза ниже зарплату были равносильны финансовой катастрофе. Но катастрофа не произошла, ее отвела моя жена Серафима Соломоновна, которая выдала несколько простых слов: *«Нет причины для переживаний. Лишь несколько месяцев назад ты имел ту же зарплату, что предлагается тебе сейчас, и мы еще*

даже не успели привыкнуть к новой, так что в нашей жизни ничего не изменилось. Что же касается разницы с министерской зарплатой, которую ты уже получил, то прими ее как премию за хорошую твою прошлую работу. Я уверена, что ты принял правильное решение, и ты на правильном пути. Более всего я хочу, чтобы на душе у тебя было комфортно». Это было первым серьезным испытанием наших отношений. На фоне финансовых претензий жен многих моих знакомых и друзей к своим мужьям акция моей жены воспринималась мною как некий из ряда вон выходящий поступок, за что я бесконечно был ей благодарен, равно как и за то, что она стала причастной к моим успехам, которые приходили ко мне в разное время.

Воспоминание об этом эпизоде навело меня на мысль об очередном правильном выборе, сделанном мною несколько лет назад в горах Кавказа, когда однажды летом я вместе с отрядом альпинистов, возвращаясь в лагерь после покорения очередной вершины в хорошем расположении духа, столкнулись с группой людей, не похожих на туристов, а оказавшихся к нашему удивлению геологами, которые расположились на привал недалеко от тропы, по которой мы спускались. Поскольку подходило время и нашего запланированного отдыха, мы решили остановиться рядом с ними, зная по опыту, что встреча и общение с геологами, людьми особой касты, как правило, большими интеллектуалами, всегда доставляло нам удовольствие, не меньшее, чем им при встрече с альпинистами. В группе геологов я обратил внимание на совершенно не походившую на геолога молодую, миниатюрную, хорошо сложенную девушку с длинными ресницами и распущенными ниже пояса рыжими волосами, с обаятельной улыбкой и ямочками на щеках, как оказалось, студентку геологического факультета МГУ, проходившую в этой экспедиции дипломную практику. Она так отличалась от стереотипа геолога, что, не выдержав, я подошел к ней, чтобы узнать, как же она дошла до такой жизни, что пошла в геологи. Ответом была ее очаровательная улыбка. Узнав от нее, что их группа остановилась на стоянке с ночевкой, я уговорил своих остаться переночевать здесь же, благо день уже подходил к концу. Разбив лагерь, мы провели вместе с геологами прекрасный вечер у костра, а я же закончил встре-

чу с очаровательной студенткой уже утром на восходе солнца, проведя оставшуюся часть ночи в интересной беседе. Я узнал от нее, что в Москве она объявится лишь в сентябре после продолжения полевой практики где-то на Алтае, где не было телефонной связи, а я уже по приезде в Москву мог связаться с ней не иначе, как телеграммой, и не напрямую, а через главную геологическую базу, откуда послание уходило уже по радио, и мои любовные излияния открытым текстом расходились по всему Алтаю. ...Мы обменялись телефонами и разъехались, чтобы ровно через шесть месяцев встретиться в Москве во Дворце бракосочетания №1 на улице Грибоедова.

...События и люди, связанные с началом моей научной деятельности, заслуживают того, чтобы быть упомянутыми в моих воспоминаниях, поскольку они весьма характерны для армии ученых как академических, так и прикладных институтов и, самое важное, это было время, когда закладывался фундамент для моего роста как ученого. Как всегда, мне повезло, я попал в исследовательскую лабораторию, возглавляемую Александром Михайловичем Цирлиным, где работали именитые в области процессов и аппаратов химических производств ученые, и была создана хорошая научная школа, и я при моем старании мог стать достойным ученым-экспериментатором. Я самоотверженно трудился, пропадая в библиотеках и на рабочем месте, в том числе в неурочное время, не комплексовал, как часто бывает, из-за отсутствия опыта в научно-исследовательской работе, обращаясь за советом к опытным сотрудникам, и вскоре, на удивление окружающих, я достаточно быстро освоил дело, подталкиваемый советами и помощью моих доброжелательных коллег. Вскоре меня «приложили» к теме, которая была в разработке, но далеко не завершенной, требовавшей большой рутинной исследовательской работы. Эта была уже конкретная многогранная работа, которая могла дать мне возможность получить опыт проведения тонких исследований.

Предложенный объем работы на месяц я выполнил за пару недель, чем вызвал к себе глубокое уважение ближайшего моего руководителя, у которого появилась надежда на то, что с моей помощью ему удастся набрать необходимый

материал куда раньше, чем он планировал, и это ему было важно, поскольку результаты должны были войти отдельным разделом в его кандидатскую диссертацию, о чем он мне сообщил уже позже на исходе выполнения программы работ. Это был первый урок понимания структуры иерархической лестницы в науке, в соответствии с которой, независимо от опыта работы, каждый нижестоящий должен протоптывать себе дорогу вверх, предварительно утрамбовав дорогу своему близстоящему начальнику. Я был готов к такому самоотверженному шагу, но хотелось бы, чтобы об этом узнавалось не потом, а раньше, на берегу. Мне как гордому, свободолюбивому человеку важно было понимать, что меня ожидает, и что меня уважают, а не используют, и в таком случае я готов был к еще большему самопожертвованию. Руководитель группы Борис Дмитриевич Воронин, о котором идет речь, был порядочен и доброжелателен настолько, что я с удовольствием включился помогать ему завершить его кандидатскую работу, предварительно оговорив по максимуму весь объем моей помощи. До сих пор я чувствую себя весьма комфортно, вспоминая о том, что сделал доброе дело, а еще больше помог самому себе, накопив хорошие навыки экспериментальной работы и подготовившись, таким образом, к самостоятельной работе, которая не заставила себя долго ждать.

Вскоре я сблизился с замечательными не только учеными, но и людьми, некоторые из которых стали для меня очень близки и на протяжении долгих лет жизни оставались бескорыстными друзьями, уже семейными, принимавшие проблемы друг друга как общие.

Евгений Иванович Коробков, принимавший впоследствии, когда он занимал уже высокие посты сначала в Министерстве химической промышленности, а затем в Госснабе СССР, добровольное и активное участие в разрешении некоторых моих семейных проблем, принимал их как свои. Это он спас в свое время положение, связанное с защитой моей уже докторской диссертации, когда буквально перед выходом на защиту была раскрыта интрига, затеянная вокруг моей докторской работы. События происходили уже в другой организации, где я работал в последние годы. Заместитель директора этого института (*не называю его имени, чтобы не нарушать покой умерше-*

20), доктор наук, очень талантливый ученый, но не такой же степени талантливый организатор, не хотел иметь на своем пути такого как я, и, видя во мне соперника, во чтобы бы то ни стало хотел отсечь меня от возможности карьерного роста, решив сделать это, завалив мою защиту на Ученом совете одного из московских вузов. Сроки защиты уже были определены. Он сколотил группу из членов Ученого совета, в состав которого он сам входил, она должна была завалить мою защиту. Такой сценарий мог быть вполне реализован, если бы он по неосторожности не поделился с нашим общим другом из Академии Наук Республики Азербайджан Арифом Кулиевым, который, не приняв такого предательства и открыто заявив ему, передал эту информацию мне. Я был в некотором замешательстве, поскольку у меня с этим человеком были вполне добрые деловые отношения и ничего не предвещало такого поворота событий; я обсуждал с ним некоторые главы моей работы, он уверял меня в том, что работа вполне соответствует требованиям к докторским диссертациям, тем более, что научные результаты внедрены в промышленное производство. Я принял это к сведению, не понимая пока, какое принять решение, и как только я смог оправиться от этого потрясения, вспомнил о Жене Коробкове, который мне мог дать дельный совет. Оценив по телефонному разговору ситуацию, он посоветовал мне снять работу с защиты и, назначив мне встречу, пообещал обмозговать создавшуюся ситуацию, не откладывая. Уже на следующий день состоялась встреча у Чернышёва Евгения Андреевича, Председателя Ученого Совета, директора института, который помнил меня еще с тех времен, когда я начинал свою научную деятельность, в институте мы с Коробковым работали в одной лаборатории. Быстро оценив обстановку и хорошо зная моего преследователя и его способность на интриги, он подтвердил необходимость отзыва работы с того Ученого Совета. Тут же он пригласил на нашу встречу двух ведущих членов Ученого Совета института и поручил им ознакомиться с моей работой на предмет ее соответствия профилю их Ученого Совета. Через неделю был дан ответ, что да, можно, но при условии, если в работе будут изменены некоторые акценты. Познакомившись с отзывом, я оценил, что объем переделок для смещения акцентов потребует не менее двух месяцев, в то время как до

крайнего срока защиты, до начала отпусков, оставался лишь месяц. Уверенный в том, что перенос защиты на длительный срок чреват непредвиденными обстоятельствами, будучи в творческом отпуске, я пересчитал оставшееся дни на часы, с учетом того, что в сутках содержатся двадцать четыре часа, и обнаружил, что в запасе у меня еще очень и очень много времени — многие сотни часов. Организовав семейный подряд в составе жены и дочери Стеллы, которые бессонными ночами выполняли всю техническую работу, я методично менял акценты. Мы справились, успели и выставили работу на защиту, и успешно защитились.

Стоило пережить то нелегкое время, чтобы увидеть счастливые улыбки на лицах моих доброжелателей, и особенно радостный молчаливый взгляд Жени Коробкова, преисполненного гордостью за друга и удовлетворенного своим добрым поступком и своей бескорыстной помощью, оказанной им ради торжества справедливости. Это была и его победа, и не единственное доброе дело, совершенное Коробковым в разное время для многих людей. Что же касается меня, то после защиты я был опустошен и, наверное, впервые реально почувствовал состояние депрессивного человека, полностью отрешенного от мира.

Есть случаи, когда образ ушедшего из жизни близкого тебе человека не покидает и сопровождает тебя на протяжении всей жизни, видимо, потому, что постоянно его недостает рядом. Это в полной мере относится к Мише Рейбаху, переживавшему часто нелегкие времена. Михаил Соломонович Рейбах, удивительно обаятельный человек, талантливый ученый, очень теплый, мудрый, всегда остроумный, с тонким чувством предвидения, советы которого часто оказывались для меня единственно правильными. В свои сорок лет он теряет любимую жену Эмму, всеми друзьями обожаемую за ее деликатный ум и интеллигентность. Он, еще не успевший оправиться от этой тяжелейшей потери, получает новый удар со стороны блюстителей государственных секретов, выдвинувших против него обвинение в том, что он, работая в закрытой организации, не доложил органам вовремя о том, что брат его эмигрировал, хотя он и не должен был об этом докладывать. По этой причине был издан приказ об

его увольнении из организации, в которой он проработал более трех десятков лет. Уволили человека, отдавшего всего себя науке и производству, уникальные разработки которого были внедрены не только в стране, но и за рубежом. И сейчас все это ему предстоит оставить навсегда без надежды на то, что он сможет когда-либо продолжить свою любимую работу, являющуюся смыслом всей его жизни. Он не выдержал этой дискриминации и как результат – обширный инфаркт. Это было время, когда мы уже не работали вместе, а я с его легкой руки по его совету поступил в очную аспирантуру (это другая история) и, закончив ее, после защиты кандидатской диссертации, уже в другой организации заведовал лабораторией. Мы с Евгением Александровичем Рябенко (*одним из персонажей моих воспоминаний, с кем я рука об руку проработал более двадцать лет*), нашим общим с Мишей другом еще со старых времен, навестили его в больнице. Глубоко сочувствуя ему и искренне желая ему добра, мы успокаивали его тем, что мы постараемся помочь ему с работой, а он скорее должен поправиться. И как только мы покинули Рейбаха, тут же, не отходя от его палаты, стали обмозговывать ситуацию. Я предложил забрать Мишу к себе, создав для него сектор в составе моей лаборатории, в рамках которой уже началась разработка новых нестандартных материалов для волоконной оптики, тема, которая должна была выделиться в отдельное направление. Решение было принято мгновенно. Рябенко думал о том же, и, вернувшись обратно в палату Рейбаха, он как директор института сделал Мише, еще не оправившемуся от болезни, официальное предложение пойти работать к нему в институт в качестве заведующего сектором. Лицо Миши преобразилось, просветлилось, выражая гамму чувств, он благодарно кивнул головой, закрыл глаза, и мы оставили его, чувствуя, что он очень устал.

Через месяц в хорошем расположении духа Миша появился на рабочем месте, и уже много лет после этого мы работали рядом, делая открытия и радуясь нашим общим успехам. Жизнь его восстанавливалась, он приобрел спокойствие рядом со второй женой Людочкой, ставшей его ангелом-хранителем, внешне удивительно напоминавшей его первую жену Эмму. Миша всегда блистал остроумием и с ним связано много баек про наших друзей. Так, однажды, мы были приглаше-

ны в гости к своему другу на новоселье, к которому хозяйка тщательно готовилась, а мы, приглашенные друзья, в таких случаях встречались, чтобы вместе веселой гурьбой ворваться в гости. Так было и на этот раз. Хозяйка встретила шумную компанию у дверей квартиры и попросила всем снять обувь, дабы не испачкать новые светлые ковры, на что гости, кто с пониманием, а кто с нежеланием, подчинились ее требованию, за исключением Миши, который мялся у двери в нерешительности и, переминаясь с ноги на ногу, высказал сомнение и неуверенность в том, что его носки чище ботинок. Хозяйка в недоумении раскрыла глаза, и, выдержав паузу, разрешила ему остаться в туфлях, предварительно протерев их мокрой тряпкой, а Миша под гогот всей компании в знак солидарности с гостями снял свои туфли и демонстративно ступил на ковер ногой в своих новых, в первый раз надетых носках.

Миша был заядлым автолюбителем, и обычно отпуск проводил в компании друзей на природе в средней полосе, чаще в Прибалтике, а мы с детьми уезжали на юг на море или к себе на родину в Дербент. Однажды, рассказывая о прелестях своего вида отдыха, он предложил мне присоединиться к их компании и поехать на машинах в Прибалтику, а конкретнее, в Литву на озера, в Игналину. Меня, бывшего альпиниста, не пришлось уговаривать, поскольку такой вид отдыха для меня был вполне желанным, оставалось убедить мою жену, с чем Миша своим обаянием справился без труда. Вновь примкнувшему к их компании участнику предстояло попасть на выбранное заранее место дня на два раньше, чтобы подготовить площадку к приезду остальной шайки. Я не бывал в тех местах, за тысячи километров от Москвы, куда мне предстояло с двумя детьми добираться на машине самому, тяжело представляя, как я окажусь в точно заданной точке в лесу. Делать было нечего, не выдавая волнения, я как истинный джигит с поднятой головой, получив все инструкции и упаковав машину, детей и жену, которая и не пыталась скрывать своего волнения, двинулся на рассвете в дальний путь. Меня не смущала дальняя дорога, я уже имел опыт подобного марш-броска, правда на юг, к морю. Подъехав уже ночью в район дислокации, мы остановились на ночевку в ближайшей гостинице с тем, чтобы утром захватить указан-

ную точку в лесу на берегу озера Балуошас. Красота, представившаяся наутро нашему взору, превзошла все ожидания. Не откладывая, мы двинулись в поисках места приземления, и имея рядом специалиста-картографа с университетским образованием в лице моей жены, быстро напали на поляну, которую нам было предписано занять. Поляна располагалась прямо на берегу окруженного густым хвойным лесом большого озера, соединявшегося маленьким каналом с другим озером, которое, в свою очередь, таким же образом соединялось со следующими озерами, расположенными каскадом. Над поляной нависала хвоя многовековых сосен с толстыми стволами, а чуть дальше бурно росла трава, в которой тут и там красовались белые, желтые, фиолетовые, оранжевые полевые цветы, создававшие ощущение покрытого прямо под деревьями многоцветного ковра, переходящего в поле цвета индиго, устланного спелой черникой, через которую тянулась к свету огненными головками земляника, а прямо рядом у стволов деревьев пробивался бугорок засохшей листвы, под которым нетрудно было опознать скрывающиеся от постороннего взгляда головки грибов. Лес был заполнен голосами его обитателей — птиц, жуков, разного рода насекомых, звуками трескающихся веток, шелестом травы, а на входе во весь этот рай на большой фанерной доске, прикрепленной к специально врытому в землю столбу, дабы не портить стволы деревьев, красовалось объявление, напоминающее каждому отдыхающему, что он находится на территории государственного заповедника и обязан соблюдать все правила, перечисленные в списке. Отдельным абзацем, выделенным жирными буквами, указывалось на запрещение вбивать в деревья гвозди, что весьма осложняло выполнение мною обязательств по подготовке к встрече остальных, в частности, сооружение коммунальной кухни, обязательного атрибута сытой жизни. Настроив себя на изобретательскую волну, я прежде всего разбил палатку по праву первого конкистадора, как мне казалось, в самом удобном пятачке поляны, который потом оказался самой шумной точкой, расположенной в центре многопалаточного коммунального поселения, и потому самой людной; отвел место для машины, в которой предстояло ночевать двум моим крошкам — пятнадцатилетней Стеллочке и восьмилетней Анечке, и приступил

к сооружению кухни. За уникальные технические решения, использованные при создании общешитовского объекта, общее собрание поселенцев поддержало инициативу Рейбаха присудить мне звание «Народный умелец СССР», приравняв меня, таким образом, к великим русским мастерам, возводившим уникальные сооружения в Кижях без единого гвоздя, а позже чуть не исключили нашу семью из коммуны за плохое поведение Анечки, которая почему-то каждое утро на рассвете нарушала сон всего лагеря, случайно, не пробуждаясь, включала ногой сигнал автомобиля. Взяв нас на поруки, Рейбах составил список дежурных, обязанных перед ночным отбоем проверять, отключен ли аккумулятор моего автомобиля. Это было потом, а сейчас, в завершении подготовки к встрече основных сил, на двух шестах, вбитых в землю на расстоянии достаточном, чтобы между ними проехали две встречные машины, я натянул стяг с названием нашего лагеря. Учитывая внешний облик членов команды во главе с Рейбахом, который был чуть полнее, чем средне или в меру упитанные члены команды, стоянка получила название: «*Трудовой лагерь дистрофиков им. Михаила Рейбаха*». Через неделю на общей сходке было принято решение вменить в обязанность детей выстраивать в ряд цепочкой пустые бутылки от вышитых родителями крепких и не очень напитков, чтобы таким косвенным образом «устращать пьяницами» чужаков, потенциально посягавших на нашу территорию. Особенно убедительно это воздействовало на пассажиров автомобилей, въезжавших на территорию лагеря дистрофиков вечером в темноте: свет фар вырывал из темноты длинный ряд разнокалиберных пустых бутылок, и машины, нервно разворачиваясь на ходу, в ужасе удалялись прочь от алкоголиков.

Прошли годы, и Рейбах оказался в эмиграции в Израиле, когда заело одиночество, и он почувствовал необходимость быть рядом с дочкой и внуками, которые покинули страну еще в бытность, когда шли гонения на их отца и деда, потеряв всякую надежду на нормальную спокойную жизнь у себя на родине. Миша и там не терял чувства юмора, успокаивал нас в письмах, что он хорошо устроен, подчеркивал, что работает «по специальности» в автотранспортном хозяйстве, где контролирует качество масел для больших автомобилей, и «подходит к делу научно», памятуя о том, что он

когда-то закончил топливный факультет Уфимского нефтяного института. На самом же деле он занимал обычную рабочую должность, достаточно низкооплачиваемую. Однажды я навестил Мишу в Тель-Авиве и был огорчен его видом и состоянием здоровья. За внешним спокойствием в глазах его чувствовалась глубокая тоска и усталость человека, перенесшего несколько инфарктов. Любочка продолжала быть с ним рядом, как всегда, постоянно заботливым другом. А через пару лет после нашей встречи очередной инфаркт унес его из жизни, оставив рубец на наших душах и неразрешимый, постоянно висящий вопрос, почему же Родина не бережет сыновей своих.

...Первая самостоятельная работа была достаточно сложной с учетом использования пожара — и взрывоопасных, к тому же остро ядовитых химических веществ. Работа, выполняющаяся в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР, предусматривала разработку и создание производства альтернативного ракетного топлива, в основном для космических полетов, и проходила под жестким государственным контролем. Это было смелым решением начальника лаборатории поручить мне, недавно приступившему к научной работе, столь сложную и достаточно рискованную тему. Как оказалось, это было проверкой меня на прочность, подготовкой кадра для выполнения (в дальнейшем), в частности, его докторской работы. Что же, это нормально, большие задачи, как докторская диссертация по прикладным наукам, могут решаться коллективно, однако, с учетом взаимных интересов участников разработки, что вполне реально при наличии таких объемных разработок, из которых выползает много самостоятельных тем и для кандидатских, и для докторских диссертаций. Читателя не должно смущать, что в тексте много внимания уделяется рассуждению о диссертациях, это нормально, когда речь идет о науке. Каждый ученый понимает, что диссертация не самоцель, а этап роста его как специалиста, шаг к самоутверждению, потребность самовыражения, подобно тому, как художник или артист, представляя свое творчество на вернисажах или театральных подмостках, достигает высоких званий заслуженного или народного художника или артиста.

Правы были те, кто опасался за меня, когда я брался за эту

работу. Видимо, я был неопытен и не ведал, что такое ОВ, или торопился приобрести самостоятельность и свободу действий. А когда уже закрепили за мной тему, за которую предстояло отвечать по полной программе, близкие друзья по лаборатории, тот же Рейбах, Коробков и другие окружавшие меня доброжелатели, принялись активно помогать мне, особенно на этапе правильного выбора концепции исследований. Территориально я не мог оставаться в своей лаборатории, потому что специфика работы с ядовитыми веществами и секретность требовали специально подготовленных помещений и допуск на право входа и присутствия в здании. Меня перебросили в здание на отшибе территории института, всем известное как самое опасное, в котором сотрудники различали по запаху любую аварийную утечку ядовитого газа, и в этом случае никто не мог остановить поток покидавших прочь здание людей. Это относилось и к тому химическому веществу, которое мне предстояло использовать вместе с другими отравляющими, но не имевшими специфического запаха веществами, и потому, реально, более опасными. И эти запахи мне предстояло научиться различать, потому что экспресс-методов для распознавания их присутствия в атмосфере не существовало, в то время как для отравления достаточно было тысячных, а порой десятитысячных долей процентов их содержания в воздухе. Требования к безопасному использованию были суровые, но тем не менее никто не гарантировал от форс-мажорных ситуаций.

Первое реальное понимание того, с чем я имел дело, и вместе с ним шок, пришли ко мне, когда одна из сотрудниц лаборатории, открывая баллон с газом, у которого оказался неисправный вентиль, отравилась и ее уже не могли спасти. Мое же крещение произошло позже, через два года, когда процесс отработывался в реальных условиях на опытной установке, размещенной в специальном взрывобезопасном помещении с бронированными смотровыми окнами, в канун окончательного прогона всех систем с целью сдачи в эксплуатацию опытной технологии. Топот убегающих из помещения людей застал меня на рабочем месте, приятный знакомый запах жженных семечек давал нам знать, что причиной утечки могли быть и мы. Взглянув на своего работника, ответственного по смене, я заметил неадекватность в его поведении и,

узнав, что в соседней комнате, где использовали тот же газ, в тот день работы не проводились, я понял, что причина в нас. Перекрыв с наружной части установки все возможные пути утечки газа, я принял рискованное, но единственно возможное решение — войти в бокс, где уже могла быть достаточно высокая концентрация газа. Распорядившись удалить всех присутствовавших из помещения, оставив лишь одного сотрудника для страховки и натянув на голову противогаз, поверх которого надел специальный шлем с принудительным поддувом чистого воздуха, запустил поток заградительного воздуха в шлюз бокса и, быстро набрав код замка, разблокировал тяжеленную дверь, направил поток воздуха непосредственно в бокс, с целью разбавить концентрацию газа ниже взрывоопасной, после чего ворвался внутрь бокса сам. Снаружи в рабочем помещении оставался на страховке опытный сотрудник, облаченный в ту же экипировку, для наблюдения за ситуацией и контроля подачи чистого воздуха. Благо, я хорошо знал в деталях установку и, пройдясь по технологическим потокам, достаточно быстро обнаружил утечку газа, перекрыл нужный вентиль, проверил работу системы вытяжной вентиляции и удалился прочь из бокса, заблокировав обратно дверь, а затем вместе со страховавшим меня сотрудником быстро удалился из помещения.

Этот день был роковым. Не успели мы отойти от здания, как раздался взрыв, и я, будучи в сильном напряжении, решил, что это могло произойти на нашей установке, и рванул бежать в сторону здания. Рядом стоящие сотрудники удержали меня и объяснили, что взрыв прогремел в противоположном от нас конце здания. Оказалось, что двое рабочих, получив задания утилизировать какое-то, давно хранившееся в металлической бочке химическое вещество, забытое всеми — какое точно, а лишь предполагаемое, опрокинули бочку на бок, чтобы покатить ее на место утилизации. В результате детонации содержимого в ней вещества бочка взорвалась в шаге от рабочих. Исход был трагичен, одного рабочего изувечило, второй погиб на месте. Да, этот день был весьма печален. Оба случая в один и тот же день были следствием халатного отношения к своим обязанностям людей, не задумавшихся над ценой человеческой жизни. Видимо, они не ценили и собственную жизнь. Это был результат незнания

трудового законодательства о взаимоотношениях начальника и подчиненного и бытующего издавна в России, часто принимаемого за истину, неписаного правила, гласящего, что начальник всегда прав. Почему же начальнику дозволено было дать этим несчастным рабочим задание, неизученное и необоснованное с точки зрения техники безопасности, почему же они подвергли опасности не себя, а подставили людей, привыкших подчиняться, и не умевших защищать свои интересы!? Тех, выдававших задания, не привлекли к судебной ответственности, точно так же, как не судили и моего сотрудника, начальника смены, допустившего аварийную ситуацию на нашей опытной установке. Позже, когда в моей практике в другой раз и в другом месте подобные случаи повторялись, я корил себя за то, что в назидание другим не настаивал на судебных разбирательствах, как и в первый раз, когда по результату медицинского освидетельствования, показавшего, что в тот день этот горе-начальник смены находился в состоянии алкогольного опьянения, а ограничился лишь его увольнением с вручением ему «волчьего билета», что было в те времена тоже жестким наказанием. Я же думал (*обратите внимание, не он думал, а я*) о его двух малолетних детях, которые на годы могли остаться без внимания отца. Я помнил о том, что он был классным специалистом и добрым хорошим парнем, и надеялся на то, что все же будет лучше, если он будет думать о своем поступке рядом с семьей, а не на нарах. После тех событий должно было пройти время, чтобы я мог понять, как и насколько я разменял свое здоровье при непосредственном столкновении лицом к лицу с этими милыми веществами, одно из которых обладало приятным запахом жареных семечек, а другое никак не давало себя распознать. Пронесло, Бог помог.

Однако жизнь продолжалась, я успел завершить работу, доставившую мне много физических и душевных хлопот и в то же время много творческой радости, работу, которая меня закалила и придала мне уверенность в моих возможностях. Казалось, что достигнутые результаты научных технологических исследований могли составить основу кандидатской диссертации, для завершения которой необходимы были дополнительные исследования по аппаратурному оформлению процесса, в частности, основного реактора синтеза про-

мышленного назначения, тип которого был уже в свое время разработан Михаилом Рейбахом. Эти исследования должны были проводиться на безопасных модельных жидкостях и газах в условиях исследовательской лаборатории с обычными условиями и могли стать прекрасным дополнением к работе Рейбаха как завершающий цикл работ для расчета химического реактора, весьма перспективного для использования его во многих химических технологиях. Эти совместные с Рейбахом разработки могли лечь в основу написания монографии, нужной науке и полезной студентам как учебник, об издании которого мы с Рейбахом мечтали.

Предварительно оценив объем предстоящих исследований, я предложил начальнику лаборатории программу исследований со сроком выполнения до года, совершенно уверенный в его поддержке, поскольку программа предусматривала логическое завершение трехлетней, со сложностями проведенной работы. Ответ был неожиданным, он заявил впервые, что эта работа неперспективна, в то время как за неделю до этого подтверждал важность результатов исследований, выполненных в короткий срок, который для меня исчислялся не числом календарных дней, а количеством затраченных часов, включая время сверхурочное, и вообще, круглые сутки, когда мозг не прекращает свою работу в период творения. Для меня это был урок постижения истины, который должен был помочь мне понять, как и в какой степени можно и нужно доверять людям. Он убеждал меня в том, что желает мне добра и хочет помочь моей научной карьере, для чего я должен забыть о сделанной в предыдущие три года работе, а время, затраченное на нее, считать периодом становления и приобретения опыта, и что меня ожидает другая, уже готовая тема как часть его докторской диссертации, для выполнения которой будет, как сегодня привычно слышать, использован административный ресурс. Мне было обидно сознавать, как мое уважительное отношение к окружающим, дисциплину и безотказность в работе рассматривали как проявление слабости, дающее повод думать, что со мной можно обращаться как угодно. Мне многократно больнее было слышать все это еще и потому, что в эти минуты я терял веру в человека, которого высоко ценил как ученого, за его острый ум и образованность, привившего мне навыки не только отлич-

ного экспериментатора, но и научившего аналитическому мышлению, человеку, которому я готов был служить верой и правдой, но не ценой унижения. Я сообщил, что непременно подключусь к новой теме, как только завершу свою работу, по поводу которой я принципиально не согласен с его мнением и, тем более, решением. Он не шел ни на какой компромисс, настаивал на своем. Соглашаться с ним я не собирался и предложил обсудить результаты работы на лабораторном коллоквиуме с тем, чтобы заполучить мнение ученых мужей, с чем, к моему удивлению, он легко согласился, предполагая, что с его мнением будут считаться. Но он ошибся. Равнодушных не оставалось, каждый в один голос пытался его убедить в необоснованности его доводов, настаивая принять мою программу, вполне логичную и заслуживающую поддержки, и дать мне время на ее завершение. Сотрудники понимали, что надо отстоять меня, помимо прочего, ради своих же интересов. Хотя я был убежден, что они искренне за меня боролись, потому что завтра каждый из них мог оказаться на моем месте. Но с нашими доводами он так и не согласился.

Втроем с Рейбахом и Коробковым мы сидели в кабинете у Миши за чашкой кофе, я весь раскрасневшийся от возмущения, а Миша и Женя с молчаливо понурыми головами. Вдруг Миша твердым убежденным голосом с доброй рейбаховской улыбкой произнес: *«Иди в отпуск, отдыхай, будем думать. Все будет хорошо!»*

И я ушел, но не хотел думать, а занимался семьей, гулял с ребенком. И однажды, прогуливаясь мимо Московского института электронного машиностроения, который находился напротив, окно в окно рядом с моим домом, я обнаружил объявление о наборе аспирантов на разные кафедры института, в том числе на кафедру общей и физической химии. Дерзкая мысль запала мне голову, и прокрутив со скоростью летящей стрелы все возможные обстоятельства, связанные с реализацией задумки, гвоздем вбиваемой все глубже в мое сознание, я решил, что превращаюсь в авантюриста, круче самого Остапа Бендера. *«Без Рейбаха мне не обойтись»*, — решил я и, позвонив ему, просил приехать ко мне домой на рюмочку дербентского коньяка, накануне полученного от моего брата прямо из подвалов коньячного комбината. *«Что-то случилось?»* — спросил он прямо с порога, войдя в квартиру. Я

утвердительно кивнул головой и пригласил его в свой кабинет, служивший одновременно и спальней комнатой, где на столе уже стоял графин со старым, налитым из бочонка коньяком и легкая закуска. Я специально не устроил застолья, как обычно водилось при появлении гостей, чтобы удалиться от домочадцев, которые не должны были слышать наш разговор. Я не вымолвил ни единого слова, пока мы с Мишей не опрокинули по рюмочке коньяка, усадил его в кресло, чтобы он прочно сидел в нем, когда услышит мое заявление. Я выдержал паузу, усугубляя интригу, и выпив залпом вторую рюмку, выдавил из себя, что я принял решение поступать в очную аспирантуру. Теперь паузу держал он, а я жадно глядел ему в уста в ожидании его реакции. На его лице не дрогнула ни единая мышца, и чуть дотронувшись до рюмки, глядя пристально, но совершенно спокойно, заявил: *«Заманчивая идея, но...»*, тут я его прервал, не дав ему договорить, и сказал, что все его вопросы мне заранее известны и на них готовы все ответы: *«Да, меня ожидает не зарплата, а стипендия аспиранта, — начал я оправдываться, — но уверен, что я отобью разницу с нынешней зарплатой на дополнительных работах на кафедре и подрабатывая в ночное время грузчиком на соседних овощных складах, которые я уже присмотрел. Мне пока неизвестно, по какой специальности объявлен конкурс, но поскольку это кафедра общей и физической химии, то, следовательно, справиться с этим можно. Вот, собственно, и все новости»*, — заключил я, и, словно ничего не произошло, предложил выпить очередную рюмку коньяка. Он согласился, заметив, что принять решение по такому вопросу, действительно, невозможно, не одолев бутылку. Я, напомнил ему о происшедшем, твердо заявив, что у меня нет выбора, и поэтому подаю заявление об увольнении, хотя пока и не определился с новой работой, и что после отпуска я точно в лабораторию не вернусь. Миша внешне не менял своей спокойной позы, но я был убежден, что он свое мнение выработал и ждет удобного случая подытожить наш разговор. *«Я предполагал возможность такого решения... — уже серьезным тоном сказал Миша и продолжил — ...и, на всякий случай, без твоего ведома я уже начал готовить какие-то варианты. Я тоже не исключаю очную аспирантуру, но не был убежден в правильности такого выбора по материальным соображениям, не подумал о возможности дополнительных заработков. Принимая во внимание*

твой ресурс, я убежден, что для тебя такой выбор оправдан, и что очная аспирантура даст тебе большую независимость, чем работа на предприятии, так что я за очную аспирантуру, и чтобы ты мог продолжать свою начатую в лаборатории тему, я могу попытаться начать переговоры с конкретными людьми в МИЭМе».

Миша снял с меня огромный груз, освободив меня от тисков сомнений и дав этим мне силы для разговора с женой, которая, словно выросшая из-под земли, появилась в самом конце разговора, держа в руках поднос с горячим ужином, и заявила, что ей известен наш с Мишей заговор и что со всем заранее согласна. Думаю, она стала свидетелем нашего разговора, находясь в другой комнате, и слышала его через соединяющую обе смежные комнаты дверь или стену, которые были лишены строителями современных зданий качественных звуконепроницаемых материалов. Она понимала, что вступать в дискуссию с нами неуместно, что мы и без ее напоминания заботимся об ее интересах и сами ищем правильный выход из этой весьма непростой ситуации, и в очередной раз, проявив мудрость, отпустила мою душу, доказав еще раз, что истина в свободе. Мне же на завтра предстояло разыграть главную сцену спектакля из драмы о превратностях человеческих судеб и их вершителях.

А «назавтра» я позвонил на кафедру общей и физической химии Московского института электронного машиностроения с просьбой назначить мне время встречи с заведующим кафедрой по вопросу приема в аспирантуру. Секретарь, записав мой телефон, пообещала перезвонить мне тут же, как только заведующий кафедрой профессор Юрий Михайлович Шаулов найдет возможным меня принять. Услышав эту фамилию, я поверил в проведение, направляющее меня какими-то витками, удерживая меня на одной и той же орбите, видимо, заранее обозначенных циклов моей жизни. Эта фамилия звучала не раз в той организации, откуда я еще не успел уволиться, и, что особенно выглядело мистически, именно в связи с темой, которую я конкретно исполнял. Кроме того, мне был знаком человек с такой же фамилией, с ним я познакомился случайно, когда в поисках работы оказался в общезаводской лаборатории московского нефтеперерабатывающего завода. Возглавлял лабораторию уроженец города Баку. Догадавшись, откуда я родом, пригласил в кабинет познакомить нас

молодого человека, моего земляка Александра Шаулова, как оказалось, сына Юрия Михайловича. Лаборатория занималась только общезаводскими прикладными работами и для меня научной перспективы не имела. Так мы и разошлись, обменявшись, на всякий случай, телефонами.

Здание МИЭМ находилось в Большом Вузовском переулке рядом с Хохломским переулком, где в глубине двора в самом его центре стоял наш дом, окруженный большими деревьями и парком, выходящим на Покровский бульвар, а наши два здания разделялись единственным одноэтажным сооружением — мемориальным домом-студией художника Исаака Левитана. Меня попросили подождать в одной из комнат кафедры, из которой окна выходили в сторону моего дома, и я легко вычислил окно своей квартиры на восьмом этаже, выходящее к зданию института. Войдя в кабинет заведующего кафедрой, я увидел человека с лицом, излучающим добро и мудрость. Он был удивлен не меньше меня, когда я появился перед его взором. Мы, улыбаясь, некоторое время смотрели друг на друга, и тепло его взгляда согрело мою мятущуюся в последнее время душу, и покой завладел всем моим существом. Поприветствовав, он пригласил меня сесть и, глядя на меня в упор, спросил на моем родном языке: «*Тю джуури?*», что означало в переводе, не сородичем ли я ему прихожусь, на что я утвердительно ответил на том же языке. Мы оба улыбнулись, удивленные таким неординарным обстоятельством. Ознакомив друг друга, откуда мы родом, поняли, что происходим мы из разных мест: он из Азербайджана, а я родом из Дагестана, и у нас не было общих знакомых. Имя Юрий Михайлович было русской транскрипцией его имени, и большинство так к нему и обращались, в то время как настоящее его имя звучало на родном языке как Юханан Хаимович, которое он предпочитал. Для своего возраста он выглядел молодо, смуглое лицо, густые черные волосы, раскинутые веером, обрамляли его высокий лоб, а густые брови в сочетании с блеском глаз усиливали его южный колорит. Выслушав мою трудовую и научную биографию, он с еще большим любопытством смотрел на меня, недоумевая, как мне показалось, почему же я выбрал для поступления в аспирантуру его кафедру, научное направление которой не имело никакого отношения к тому, чем я занимался до этого. Прежде, чем принять окончательное

решение поступать в аспирантуру, я ознакомился с научным направлением кафедры, сознавая, что с этим предметом я знаком лишь в объеме вузовской учебной программы, но не более, и, признаться, тогда же понял, насколько этого недостаточно, и моя затея явно носит авантюрный характер.

Юрий Михайлович был теоретиком в области химической термодинамики, изучающей параметры химических веществ и возможности их синтеза. Часто от такого теоретического обоснования зависела судьба тех или иных практических технологических разработок, реализация которых могла привлекать огромные государственные средства. Осознание большой ответственности и оценка уровня своих знаний в этой области заставило меня признаться Юрию Михайловичу в том, что вся эта затея с аспирантурой кажется мне не иначе, как авантюрой, что вызвало у него любопытство таким моим наивным откровением. Я извинился за то, что отнял у него время, и собирался уйти, но он попросил задержаться, и, связавшись с кем-то по телефону, начал объясняться по поводу продолжения каких-то совместных исследований. Положив трубку, он рассказал, что в последние несколько месяцев он ведет переговоры с неким предприятием о проведении совместных работ в области создания новых полупроводниковых материалов, по теме, близкой к статусу Института электронного машиностроения и, стало быть, предпочтительной для кафедры, однако он долго задерживал с ответом, потому что среди его аспирантов не было специалистов по химической технологии, а учитывая мой опыт, мог бы подумать о постановке этих работ на кафедре. Для меня это было неожиданным обнадеживающим поворотом дела, и Юрий Михайлович, назначив мне встречу через неделю, посоветовал не торопиться с увольнением и по окончании моего отпуска выйти на работу, что, очевидно, тоже являлась частью предполагаемой им программы.

Ровно через неделю я снова появился в его кабинете, на этот раз состоялся конкретный разговор. Основной вопрос, волновавший его, касался моей профессиональной подготовки в части разработки новых конкретных, незнакомых мне ранее, полупроводниковых материалов, и поэтому назначил мне месячный испытательный срок для представления реферата, в который должен войти обзор литературы и

мое видение программы исследования темы, которая будет сформулирована. Кроме того, я должен был пройти производственную практику в лаборатории, куда он меня направит. Мне очень понравился столь прозрачный деловой подход, свидетельствующий о серьезности предполагаемого дела, и я тут же, с нескрываемым удовлетворением, согласился, после чего он дал мне телефон человека, с которым я должен буду связаться для дальнейших действий. Договорились, что следующая наша встреча состоится через месяц, по готовности реферата, а в промежутке лишь по необходимости. На этом он попрощался, выразив уверенность, что я справлюсь, словно заполнял кувшин с моими страстями надеждами на успех и, как мне показалось, включившись в мою авантюрную затею.

Дело шло к концу моего отпуска, и уже через два дня я вышел на работу, где меня встретили с радостью, но с каким-то сочувствием, как к пострадавшему, я же чувствовал себя человеком без определенных занятий, а начальник лаборатории не торопился меня чем-то занять. Я решил, что для меня это удобный случай, и я могу воспользоваться ситуацией и заняться подготовкой реферата согласно моих планов по аспирантуре. Позвонив по телефону, переданному мне Юрием Михайловичем, я понял, что он ждет моего звонка, и предложил встретиться, как только я смогу выбраться. Он продиктовал адрес, куда я должен приехать. Услышав адрес, я замешкался, а с того конца провода было слышно: «Алло, алло...». Собрав свои эмоции в кулак, я предложил встретиться прямо сейчас, если это возможно, что вызвало не меньшее удивление у него, и после паузы он недоуменно спросил меня, как я оказался на этой территории. Я не стал объясняться, сказав, что расскажу при встрече и, узнав, куда я должен заявиться, положил трубку, еще не осознавая, что меня ждет.

Это было на четвертом этаже секретного корпуса, куда посетители, даже уже оказавшиеся на территории этой закрытой организации, могли пройти лишь по разовому пропуску. В кабинете за столом начальника сидел молодой человек в очках, Евгений Александрович Рябенко, тогда еще заместитель начальника, но практически руководивший лабораторией. Он восседал за столом начальника в каком-то необычном прозрачном белом нейлоновом халате, оказавшимся объектом

испытания на пригодность для работы со сверхчистыми веществами, о которых я практически не имел представления, но с чем судьба меня свяжет на всю мою последующую жизнь. Справа от него в самом углу стоял сейф, видимо, с секретными документами, которому в нашей истории предстояло занять достойное место. Часто бывает так, что первая встреча определяет судьбу дальнейших отношений, так и оказалось. Хотя в начале встречи хозяин своим видом пытался показать собственное превосходство, через короткое время мы уже общались свободно и оба были довольны результатом встречи, тем более, что меня замыкался круг, внутри которого снова оказались мои друзья Рейбах, Коробков и другие, хорошо знавшие и дружившие с Евгением Александровичем, тем самым Женей, с которым читатель уже знаком по сюжету, связанному с посещением в больнице нашего уже общего друга Миши Рейбаха. Мы чувствовали, что зарождается новая для каждого из нас дружба, которая в будущем, укрепляясь, продлится на очень долгие годы нашей жизни.

Лаборатория занималась синтезом и глубокой очисткой исходных материалов для электроники, в основном, гидридов металлов, в класс которых входил и тот продукт, который я использовал в своей предыдущей работе, и не менее опасные для жизни газы, но с более высокими к их качеству требованиями, связанными со сложными технологическими процессами их переработки, а следовательно, с более высоким риском. Лаборатория имела научные связи с Ленинградским Физтехом имени А.Ф.Иоффе, в частности, с профессором Н.А.Горюновой, работавшей в отделе, откуда вышли многие видные советские ученые, в том числе нынешний Лауреат Нобелевской премии Жорес Иванович Алферов. Профессор Горюнова была заинтересована в экспериментальном подтверждении своих теоретических разработок, касающихся нового класса полупроводниковых материалов, создание которых было возможным путем использования разрабатываемых в лаборатории сверхчистых гидридов металлов. На этой базе предполагалось создание методик, а затем и технологий получения полупроводниковых материалов с заданными свойствами. Поскольку экспериментальные поисковые исследования были нежелательными из-за риска использования лишней раз ядовитых веществ, предпола-

лось теоретическое обоснование возможности синтеза такого рода материалов, поэтому на первый план выступали работы, проводимые на кафедре Юрия Михайловича Шаулова, как ведущей в области термодинамического анализа химических процессов. Мне, человеку, пока неискушенному в области электроники, льстило, что я могу быть причастным к истокам передовой науки рядом с известными учеными, что подогревало мое самолюбие. Рябенко же был доволен, что я имею опыт работы с таким классом химических веществ, что, само по себе, являлся серьезным козырем, чтобы утвердить мою кандидатуру, поскольку специалистов, тем более, желающих заниматься ядовитыми веществами, надо было еще найти, я же был уже готовым для работы. Помня печальные случаи, связанные с подобными химическими веществами, я примирился с тем, что это один из эпизодов моей заранее прописанной судьбы.

Удивительно, когда сегодня в каждом уголке мира люди пользуются Интернетом, мобильными телефонами, всевозможными электронными устройствами, даже не задумываясь, какой ценой это создавалось, какой, на самом деле, учеными пройден путь, часто связанный с риском для жизни, чтобы эти возможности были реализованы. Ведь многие обыватели уверены, что все, не связанное непосредственно с физическим трудом, является пустым делом и развлечением. Бог с ними, отдавая себя полностью любимому делу, мы придерживались других принципов, понятных, очевидно, тем, кто прошел через подобное.

Знакомство с Юхананом Хаимовичем Шауловым сыграло важнейшую роль в становлении моей личности. Юрий Михайлович принадлежал плеяде великих ученых, открывших новейшую эпоху в науке, определившей на долгие годы судьбы народов. В этой плеяде академики Зельдович, Николай Николаевич Семенов, Фрост, Глушков и многие другие. Он стал первым доктором наук, вышедшим из среды малочисленного народа, населяющего Кавказ — горских евреев. Он был одним из тех талантливых молодых людей, кого по программе развития науки в национальных республиках СССР направляли на учебу в лучшие вузы страны, и Юрий Михайлович попадает в

Ростовский Государственный Университет, представляя Азербайджанскую ССР. После окончания университета он возвращается на родину и работает в Азербайджанском госуниверситете, откуда, его как человека с незаурядными способностями, направляют в Ленинградский Физтех в качестве стажера-исследователя. Он попадает в руки выдающихся советских ученых, в частности — под начало тогда уже известного ученого Я.Б.Зельдовича. Во время Великой Отечественной войны его отзывают с передовой и направляют в Москву в Институт химической физики Академии Наук СССР, возглавляемый будущим Лауреатом Нобелевской премии, академиком Николаем Николаевичем Семеновым, где ему выпало принять участие в крупных проектах, связанных с оборонной промышленностью страны, в частности, с разработкой ракетных топлив, и других значимых работах. Вскоре он сам становится одним из ведущих ученых в области физической химии, в частности, химической термодинамики. Защитив докторскую диссертацию, возвращается в Азербайджан и принимает активное участие в зарождении и создании лаборатории физики горения Института Физики АН Азербайджана. Через несколько лет его переводят в Москву, там Юрий Михайлович возглавил научный отдел в институте, где позже появился я. Юрий Михайлович долгие годы успешно руководил этим отделом, пока не уволился по причине разногласия с руководством института по принципиальным техническим вопросам, и, выиграв конкурс, возглавил кафедру общей и физической химии МИЭМ. В отделе оставались его многочисленные и преданные ему ученики, которые, так или иначе, долгие годы продолжали с ним сотрудничать.

Как в фантастическом романе, в моей жизни происходят невероятные события. В частности, причина ухода Юрия Михайловича из института была связана с работами, в которых мне позже пришлось участвовать. События были разделены временем и пространством, но цепочкой случайностей сходились в одной общей точке. Еще задолго до моего появления отделу во главе с Юрием Михайловичем предстояло теоретически обосновать выбор направления синтеза вещества в качестве ракетного топлива. Тут и закладывается главная интрига. Заместитель директора института по науке, курировавший особо важные работы оборонного назначе-

ния, известный ученый и весьма авторитетный в кругу оборонных заказчиков, через которых разработчики могли получать средства на развитие этих работ, был автором схемы синтеза, успешное использование которой в новом процессе могло привлечь немалые государственные средства. За это стоило бороться. Теоретические работы Юрия Михайловича подтвердили возможность предлагаемого синтеза, но расчеты показали, что продукт не может обладать высоким потенциалом как ракетное топливо. Такое заключение не могло устроить руководство института. Тендер, как бы сейчас сказали, в этом случае не был бы выигран.

Юрий Михайлович не мог идти на компромисс с совестью и оставил свое заключение в силе, а руководство института, тем не менее, приняло решение о начале экспериментальных работ с целью получения опытной партии продукта для практической оценки теплофизических и динамических свойств, надеясь, что практические результаты авось не совпадут с теорией. Не смиряясь с таким решением, Юрий Михайлович оставляет отдел и уходит на кафедру, а спустя какое-то время, ничего не подозревая, на арене в качестве рабочей лошадки появляюсь я, чтобы реализовать задумки высоких начальников. Обо всем этом я узнаю позже от Юрия Михайловича, когда наступит время наших доверительных отношений, а тогда он оберегал меня или, может быть, не хотел расстраивать тем, что, возможно, все эти годы я потратил на выполнение безнадежного дела.

Из воспоминаний Александра Шаулова,
доктора химических наук
(сына Юрия Михайловича Шаулова)

Юрий Михайлович был из поколения ученых, прошедших военные и послевоенные трудности и стойко преодолевших их, поколения создателей одного из самых развитых могущественных государств мира с высоким уровнем науки.

Дом всегда был открыт для родных и гостей, приезжавших из родных мест и подолгу живших в семье, и никто не помнил отказа в какой-либо просьбе, и не только близких людей.

Прошел месяц, как я получил задание от Юрия Михайловича подготовить реферат. Не теряя времени, я после работы штудировал литературу в библиотеках, а в рабочие часы пропадал в лаборатории Рябенко, где пользовался любой возможностью изучить процесс получения новых полупроводниковых материалов, которым мастерски владел Евгений Лебедев, человек незаурядных способностей и глубоких разносторонних знаний. Иногда, слушая его, я ловил себя на том, что я никогда не смогу так глубоко познать предмет, как Женя Лебедев. В то же время он очень скоро доверил мне самостоятельно ставить эксперименты и обнадеживал, повторяя, что у меня все получится. Второй раз после Валентина Шеплева я встретил человека, которого в работе интересовала только наука, свою работу он не связывал с защитой какой-либо диссертации, хотя по уровню знаний и результатам деятельности он давно должен был быть удостоен докторской степени. Я же пришел учиться у него, чтобы поступить в аспирантуру и в итоге защитить диссертацию, пусть даже не по его теме. Это обстоятельство заставляло меня робеть перед ним, на что он улыбался и предлагал расслабиться, а когда я объяснял ему причину моего смущения, он доказывал мне, что я ни в чем не виноват, что мои поступки нормальны и что причина только в нем, потому что, действительно, его не интересуют никакие корочки, равно как его не интересовало создание семьи, хотя возраст уже перевалил за рубеж «дозволенного срока». Он вовсе не был аскетом. Женщины сходили с ума от его внешности. Он был чуть выше среднего роста, с красивым овалом лица, тронутыми сединой волосами, с открытыми яркими серо-синими глазами, всегда благожелательно направленными на собеседника, и изумительной доброй лучезарной улыбкой — все это завораживало окружающих. Позже, когда я уже защитил диссертацию, у меня снова возникло чувство вины перед ним, когда он горячо поздравлял меня с успешной защитой, совершенно не думая о своей о диссертации. А в промежутке были годы учебы в аспирантуре, совместные командировки, обсуждение научных разработок. Нас связывали с ним добрые дружеские отношения.

Позже он создал семью и был счастлив в браке, но к нашей общей печали он рано потерял зрение, и в этом немалую роль сыграли те ядовитые вещества, с которыми дол-

гие годы он работал. Незаурядный человек, он рано ушел из жизни, оставив по себе светлую память.

Во время этой стажировки я обретал не только технические навыки, но открывал людей, для которых, кроме науки, важное место параллельно занимало искусство. В этот круг входили не только люди воспринимающие, созерцающие, но в равной степени и служившие искусству. Виталий Григорьевич Сыркин, молодой доктор наук, профессор, возглавлявший смежную лабораторию, привлекал интеллектом и добротой к окружающим. Серьезных научных успехов он добивался не командными методами, как это было распространено, а проявлением уважения к своим сотрудникам. Нас с ним не связывали научные контакты, он работал в другой области химической науки, наши отношения завязались на почве отношения к искусству, моего, как фаната поэтов-шестидесятников, как большого любителя театров «На Таганке» и «Современника», ну и, конечно, живописи, а его — как творца искусства. К моменту нашего знакомства он уже выпустил книгу своих стихов, во многом философских и лирических. Он любил читать свои стихи и нашел во мне благодарного слушателя и ценителя его творчества и не упускал случая знакомить меня с новым циклом своих творений. Я его понимаю, особенно теперь, когда сам служу музе. Как это важно, чтобы созданное тобою становилось нужным кому-то, ибо в этом смысл творчества: выплеснуть и передать свою внутреннюю энергию тому, кто в этом нуждается. Я тогда заряжался невзрывной энергией, исходящей от Виталия. Позже, когда мы состояли членами одного и того же Ученого Совета, мы занимали укромное место в задних рядах зала заседания, и пока шел скучный доклад, он, слегка наклонившись в мою сторону, шепотом читал свои новые стихи, а я глядел в упор на докладчика, вовсе не слушая его, в моих ушах звенела мелодия стихов Виталия. Помню, однажды он гостил у нас дома и большую часть вечера провел на балконе с моей дочкой Стеллой, для которой читал свои стихи и слушал стихи Стеллы, тоже увлеченной поэзией.

Не забуду, как однажды мои оппоненты, неизбежные в кругу ученых, а я, естественно, тоже не избежал их, пытались завалить защиту диссертации моей ученицы, хотя рабо-

та была вполне достойна. Если бы дать им волю, они вполне справились бы с задачей. По закону жанра я не мог выступать в защиту своей аспирантки, и в некотором недоумении взглянул на Сыркина, который понял, что пора включиться в битву. Взяв слово, он поднялся на трибуну и своим прекрасно поставленным голосом и логикой отверг доводы оппонентов как необоснованные.

Виталий всегда оставался противником несправедливости, но судьба обернулась жуткой несправедливостью к нему самому. На уличном переходе его сбила автомашина. Он трагически ушел из жизни, оставив в наших душах непроходящую боль утраты.

Пребывание в лаборатории Рябенко, где бурлила активная научная работа, позволило мне укрепиться в понимании новой для меня области знаний, что, в свою очередь, помогло выполнить задание Юрия Михайловича и сдать ему реферат в срок. Я помню нашу с ним встречу, состоявшуюся после того, как он ознакомился с моим рефератом и должен был вынести вердикт по вопросу аспирантуры. С первой минуты, когда я увидел его удовлетворительное выражение лица, появилась надежда, что он готов принять меня в аспирантуру, и в самом деле, крепкое рукопожатие и оброненная реплика, что я выдержал экзамен, окончательно мою надежду укрепили. Он не скупился на добрые слова и сообщил мне, что был искренне удивлен и не ожидал, что за такой короткий срок я смогу подготовить такого качества реферат, уровень которого мог быть подвластен специалисту, а не новичку, каким был я в то время. Этими словами он рассеял мои сомнения по поводу поступления в аспирантуру и подтвердил это, поставив положительную резолюцию на моем заявлении, которое мне необходимо было передать для окончательного оформления документов в отдел аспирантуры института, где меня ожидал сюрприз, весьма неприятный. Просмотрев мои документы, заведующий аспирантурой спокойно сообщает мне, что за время, прошедшее после объявления о приеме в аспирантуру, Министерство высшего и среднего специального образования сократило место по кафедре общей и физической химии, по этой причине мне в приеме в аспирантуру отказано.

Можно понять состояние человека, испытавшего скачок амплитуды колебания удовлетворения и разочарования в течение получаса. Не вымолвив ни слова, я вышел из кабинета и, конечно, машинально вернулся на кафедру, чтобы ознакомить Юрия Михайловича с объявленным решением. Реакция его была особая, со смешанным чувством удивления и возмущения. Не задумываясь, он срывается со своего места, выбегает из кабинета и уходит в направлении отдела аспирантуры. Я чувствовал себя прескверно: из-за меня приходится волноваться такому человеку. Он попросил меня подождать у кабинета заведующего аспирантурой, а сам вошел в кабинет и закрыл за собой дверь. Я мог только догадываться, что происходило там, за дверями, однако примерно через полчаса Юрий Михайлович вышел из кабинета слегка бледный, с видом человека, проделавшего тяжеленную работу, бросил на меня взгляд с легкой улыбкой, обозначенной краями губ, и протянул мне лист бумаги с бланком института и круглой печатью — уведомление на мое имя, подтверждавшее, что я принят в аспирантуру Московского института электронного машиностроения. Это было необыкновенным чудом, добытым нервами необыкновенного человека, расстроенными по прихоти каких-то ничтожеств, которые, очевидно, выполняли указание тех, с кем боролся Юрий Михайлович — против вершителей человеческих судеб, против насилия и несправедливости. Сейчас, в случае со мной, он выиграл эпизод этого противостояния. Мне хотелось провалиться сквозь землю при мысли о том, что я доставил столько хлопот этому человеку. Видимо, он прочувствовал это мое из ряда вон выходящее состояние и, слегка ко мне наклонившись, почти в ухо сказал: *«Не переживай, наше взяло и ладно, бывает куда хуже»*. С этими словами мы вошли к нему в кабинет, где он, сев в свое рабочее кресло, долго смотрел куда-то вдаль, в точку и уже успокоившись, повернулся ко мне и предложил приступить к делам аспирантским тут же, как только смогу рассчитаться с работой.

Я не могу прервать своего повествования о Юрии Михайловиче, потому что моя память сохранила множество достойных событий и жизненных эпизодов, связанных с ним, и я еще буду к ним возвращаться, но хочу подчеркнуть, что

Юханан Хаимович Шаулов, наряду с моим отцом, является тем, кто сформировал мою личность и сделал меня таким, каков я есть.

Его благородство и человеческое достоинство испытал на себе не только я, но все его аспиранты того времени, которых он любил, и они не оставались в долгу перед ним, возвращая ему свое обожание, замешанное на глубоком почитании и признательности.

Один из его талантливейших аспирантов Виктор Фаермарк, диссидент, вынужденный покинуть страну, предчувствуя необходимость в будущем уехать, объявил Юрию Михайловичу об этом за год вперед и попросил об отчислении из аспирантуры, дабы отвести от Юрия Михайловича удар, неизбежный в том случае, если его аспирант эмигрирует.

Да, были такие дикие нравы, когда руководитель нес ответственность за «свободный выбор» своего подчиненного. Юрий Михайлович отговаривал его от ухода из аспирантуры, мол, время покажет, но Виктор счел своим долгом не вызывать огонь на Юрия Михайловича и уволился. Поступок ученика, достойного обожаемого им учителя.

Судьба Виктора сложилась, как и многих ему подобных: какое-то время он оказался в неволе, затем под давлением мировой общественности был освобожден и выпущен, затем и выброшен за пределы страны, в буквальном смысле, прямо «оттуда». О нем много говорили на Западе, в прессе и на телевидении, особенно в Англии, где он оказался, оставив страну. Судьба забрасывала его в разные страны и континенты. В последние годы он проживал в Бельгии, в Брюсселе, о чем я, потерявший его из виду более двух десятков лет назад, узнал от нашего общего друга Шалико Якубова, тоже аспиранта Юрия Михайловича, которого я давно не видел. К моей радости, как-то неожиданно, услышав мою фамилию в СМИ, и удивленный тем, что меня представляют как художника, он с некоторой надеждой появляется на моей персональной выставке в Москве, где его сомнения рассеиваются, поскольку я и оказываюсь тем самым художником. Тогда и узнал я подробности о Викторе, о том, как он тяжело болен раком, и в разговорах с Шалико часто вспоминает меня и мечтает о нашей встрече. Решение мною было принято мгновенно. Сразу после закрытия выставки я вылетел в Брюссель. Мы с ним

встретились после двадцати пяти лет неизвестности. Он жил один, и в эти десять дней моего пребывания воспрял духом, сумел после большого перерыва даже сесть за руль автомобиля, чтобы показать мне город, посидеть в ресторане, был счастлив, получив в подарок мою картину с морским пейзажем, насыщенным неумной энергией, которой я желал начинить его душу и тело.

Сутки для нас были слишком малым мерилom исчисления времени, они уходили мгновенно в наших разговорах и спорах о прошлом и настоящем, в воспоминаниях имен и в оценке вклада в развитие живописи художников, в частности, авангардистов начала и середины двадцатого столетия, представленных на выставке русского авангарда из коллекции Русского музея Санкт-Петербурга, совпавшей с проведением дней России в Бельгии, в открытии которой участвовал Президент России В.В.Путин. Виктор сумел достать для нас приглашения на открытие через устроителей выставки, с которыми был хорошо знаком. В последние годы он активно помогал художникам времен «бульдозерной выставки», устраивая для них салоны русской живописи в Бельгии, Германии и где-то еще в Европе.

Он чувствовал, что уходит, но, не желая признаваться даже самому себе, боролся со своей болезнью самоотверженно и с юмором, глядя на себя в зеркало, подзывал меня к себе и спрашивал, помню ли я, какая была у него шевелюра. Да, я помнил, хорошо помнил красивого, сильного, коренастого парня с густыми, накоротко стриженными черными волосами, с крутыми мышцами, баловня женщин. Мы оба всматривались в свои теперешние изображения и твердили, что еще не вечер. Но буквально через несколько месяцев после нашей встречи глухая ночь поглотила нашего дорогого Витю.

А тогда, в дни нашей молодости, мы с Виктором, оба молодых аспиранта Юрия Михайловича, были направлены в лабораторию Рябенко участвовать в серьезных переменах в области уникальных материалов, на базе которых физики Ленинградского Физтеха, в частности профессор Нина Александровна Горюнова, могли получить экспериментальное подтверждение своих теоретических разработок. Впоследствии нам удалось создать такие материалы, но, увы, Горюновой не довелось ими воспользоваться, потому что к

этому времени ее уже не было в живых. В то время она серьезно болела и нуждалась в лекарствах, которых не было в Советском Союзе, ей их доставлял регулярно в Ленинград Евгений Александрович Рябенко, который получал их через правительственные каналы с помощью отца, занимавшего высокий государственный пост. К сожалению, и этот благородный поступок Жени не помог в ее страшной болезни.

Женя Рябенко, неординарная личность, вышедший из семьи крупного государственного деятеля, еще при Сталине служившего в ранге Министра, поднимавшего еще в ранней молодости нефтяную и нефтехимическую промышленность СССР, бывшего одним из высших руководителей Госплана СССР. Этот социальный статус, безусловно, наложил свой отпечаток на воспитание и мировоззрение Жени, и никакие изменения государственной системы, связанные с распадом Советского Союза, не могли сдвинуть его с выбранного им пути — коммунистического мировоззрения.

Мы помним, как планомерно поднимался он по карьерной лестнице от заместителя начальника лаборатории во времена первого нашего знакомства с ним до директора крупного научно-исследовательского института, а уже в перестроечные времена — до заместителя министра химической промышленности. И все это время продолжал оставаться убежденным коммунистом, не признававшим идеи молодых демократов, которые своей деятельностью в пользу демократических преобразований не смогли поднять, а привели в упадок все, что каким-то образом работало и приносило пользу; те «преобразования» привели к полному упадку промышленности, к почти полному разорению науки и научных кадров, что особенно было пагубным и печальным. И этот его протест я разделяю. Однако перекосы советского строя рождали социальную дискриминацию, когда были избранные, и им по статусу было все положено, в том числе и сеть распределительных учреждений, через которые они обеспечивались любыми дефицитными товарами (*слово, которое отсутствует сейчас в обиходе*), и остальные, которые не должны претендовать на то, что доступно избранным. На самом деле, тот уровень материального достатка, которым обладали избранные, по тем временам был далек от уровня благополучия по сегодняшним понятиям, но на фоне

остальных эта была когорта людей с большими социальными возможностями. Однако речь не о материальной стороне, а о человеческой морали и свободе личности. Доступ этих людей к благам и недопустимость для остальных приближаться к ним воспринимались как нечто естественное, правильное, в их сознании не оставалось места для признания несправедливости такого порядка вещей.

Позже, когда мы стали с Женей близкими друзьями и могли откровенничать, я чувствовал, что он внутренне тяготится, поскольку природа наделила его добротой и справедливостью, чувством локтя и преданностью дружбе, высочайшей ответственностью и феноменальными организаторскими способностями. За все время нашего знакомства я не припомню хоть одного его поступка, который бы повредил кому-то, но его помощью пользовались многие. Все огрехи на его жизненном пути можно простить только за один его благородный поступок во имя спасения Михаила Рейбаха или профессора Горюновой.

Незабываемый эпизод был связан и со мной, когда однажды я посвятил свой очередной отпуск обработке научных материалов, чтобы понять, насколько я готов к оформлению и защите докторской диссертации. Работал я с таким упорством и напряжением, днем и ночью, почти без сна, что в результате, выполнив к концу очередного отпуска намеченную программу, угодил в больницу со стенокардией. Посетив меня в очередной раз в больнице, Женя вернул мне рукопись, результат моей месячной работы, с которой он ознакомился по моей просьбе, и произнес фразу, не забываемую мною на протяжении всей моей оставшейся жизни: *«Пока не умер, бери творческий отпуск и готовься к защите»*, и с этими словами вытащил из своего кейса проект приказа о предоставлении мне полугодового творческого отпуска для подготовки и последующей защиты докторской диссертации, а мне оставалось обозначить сроки, наиболее для меня удобные. В этом весь Женя. Не в таких ли поступках проявляются сердобольность, порядочность, ответственность перед другом и просто забота о человеке. Это не есть воспевание дифирамбов, нет же, это напоминание о естественных человеческих качествах, без которых человек не может чувствовать себя человеком, быть в ладу с самим собой, ощущать внутреннюю свободу, как

в большей мере ее ощущают, когда щедро отдают, нежели в случаях, когда получают. И за это ему воздастся Богом.

Задолго до описанных событий я, уже аспирант, появляюсь в лаборатории Рябенко, где получаю очередное трудовое крещение. Специалисты хорошо понимают специфику работы с ядами и высокие требования, предъявляемые при работе с ними. Мне поручается самому создать технологическую установку, и я с присущей мне неумением приступаю к работе. Через достаточно короткий срок удается завершить задание и сдать на приемку комиссии, которая с первого захода разрешает ввести установку в эксплуатацию. Очередной сюрприз и испытание моей терпимости ожидали меня часом позже, когда меня приглашают в кабинет Рябенко и я получаю от него пренеприятнейшее известие о том, что созданная мною установка экспроприируется в пользу другого сотрудника, а мне предстоит создать другую, аналогичную, уже для себя. Такой сценарий не был предусмотрен нашими договоренностями, и это вероломство усилило мое возмущение. Я долго стоял в оцепенении, перебирая в голове варианты реакции на события. Прежде всего, я решил не жаловаться своему руководителю по аспирантуре, чтобы не тревожить его и разобраться с несправедливостью самому. Опомившись и с трудом сдерживая свои эмоции, я потребовал достаточно жестким тоном объяснения. Рябенко совершенно спокойно прореагировал на это и стал петь мне дифирамбы про то, как я профессионально справился с задачей, и что такую установку необходимо повторить для расширения фронта работ, и что он решил доверить это сделать мне. Я понимал, насколько надуманы его доводы и похвалы, потому что знал о том, какие высококлассные специалисты у него работают, и поэтому принял все это как ухищрение, и это понимание вывело мои эмоции за пределы терпения, и я пустил в ход всю свою энергию, замешанную на нецензурных словах, а через короткое время излияний я утих под его пристальным спокойным взглядом. Он подошел, положил руку мне на плечо, серьезно сказал: *«Я хочу, чтобы мы вместе работали, и предчувствую плодотворность нашего тандема сейчас и в будущем, давай приступать к делу, и ты получишь от меня всякую помощь»*. Так и было, словно глядел он в лицо будущему.

Вспоминаю забавный эпизод, когда после первого месяца экспериментов мои дела шли туго, я не мог получить хоть какого-то положительного результата, а опытные работники лаборатории не могли вникать в мои дела, потому что каждый был занят своим, а я же особенно и не обращался к ним, чтобы не показаться несостоятельным. Но время шло, и я понимал, что без помощи не обойтись, и потому ломал голову над тем, каким образом я могу привлечь добровольное внимание своих коллег. Придумал: вспомнил, что я пользовался покровительством со стороны главного винодела коньячного комбината в Дербенте, моего кузена Бориса Шалумова, которого я тут же попросил прислать несколько бутылок разных сортов коньяка, которые, по моему замыслу, могли сдвинуть мои аспирантские дела с мертвой точки. Борис не мог никак уразуметь, как коньяк может быть так тесно связан с аспирантурой, но незамедлительно прислал мне необходимое количество самых отборных дербентских коньяков, вооружив меня, таким образом, арсеналом в моей незримой борьбе за успех. На самом деле, Борис не мог не понимать меня, он был одним из немногих близких родственников старше меня, с моих юных лет он принимал меня как взрослого человека, а когда я повзрослел, мы стали с ним большими друзьями в силу близости наших душ. Итак, взяв с собой несколько бутылок из числа присланных мне коньяков, я принес их в лабораторию в авоське (*авоська – это сетчатая сумка, которой пользовались в наше время, и на всякий случай брали в карман, «авось» случайно нарвешься на дефицитный товар*), и в сопровождении нескольких сотрудников вошел в кабинет Рябенко. Он поднял на меня глаза и, пристально глядя, пытался догадаться, что я собираюсь выкинуть на этот раз, я же смотрел не на него, а на сейф, стоящий в углу справа от его стола. Никто ничего не мог понять. «*Можешь ты мне дать ключи от сейфа?*» – неожиданно для всех изрек я тоном, исключаящим какое-либо возражение, на что он удивленно прореагировал, но приняв игру и выгтащив из кармана ключи, протянул их мне. Я же, пройдя в зазор между столом и сейфом, вставил ключ в скважину, открыл сейф, выгреб бумаги, лежащие на полках, и на виду у всех положил, последовательно озвучивая их названия, пять бутылок марочных коньяков, после чего закрыл сейф, и положил ключ в карман себе. «*Что это с тобой?*» – двигая пальцем около виска, спросил Женя и с возмущением

продолжил, — *Как это ты смел выбросить секретные документы из сейфа?*», на что я невозмутимо посоветовал ему по поводу документов не волноваться, и поведал, что они давно уже рассекречены и расшифрованные лежат в ЦРУ: *«Береги лучше эти необыкновенные эксклюзивные бутылки, которые будут раскупорены после того, как мы добьемся первого успеха по моей теме»*. И пообещал при этом, что второй успех будет отмечен тоже. Возгласы удовлетворения не заставили себя ждать, и Женя, поняв мой трюк, рассмеялся, собрал свои секретные бумаги, бросил их в один из ящиков своего рабочего стола, словно убедился в том, что тайны в них уже нет.

Результат шутки-аферы был неотразим, теперь все, кто хотел участвовать в раскупорке бутылок хотя бы в первый раз уже, не отходили от моей установки, вокруг которой интенсивно развивалась научная мысль. Как нас учили, при социализме решающая роль в победах принадлежит коллективному труду, и в подтверждение этого тезиса через месяц бутылки с треском были коллективно раскупорены, и не только, была организована демонстрация с требованием немедленного достижения второго успеха. Был и второй, и много других успехов, и вот после второго, серьезного пионерского результата на уровне патентного решения, я экспромтом организовал у себя дома банкет, на котором состоялась вторая раскупорка бутылок, о чем лишь за час до нашего появления предупредил Симу, которая сидела постоянно, как на вулкане, в ожидании моих экспромтов. Домой ко мне мы добирались через всю Москву в закрытом пустом фургоне, по запаху внутри которого можно было догадаться, что он предназначался для перевозок не то свиных туш, не то каких-то продуктовых коробок. Мне повезло, я сидел в кабине водителя, указывая дорогу, но многим к моменту выхода из трака, чтобы войти в лифт нашего дома, уже было не до открытия бутылок, однако, они одержали над собой победу и хорошо повеселились. У нас же в квартире не было места, чтобы сидеть, все ели и пили стоя, дружно и тесно прижавшись друг другу и используя свободное пространство на лестничной площадке. Конечно, это не было желанием выпить и погулять, это было стремление к общению, к динамике жизни на фоне рутины и несладкой жизни нашего времени, это была демонстрация чувства локтя и доказательство своей уверенности в том, что мы все можем.

Аспирантура, успешная защита кандидатской диссертации были лишь эпизодом, по сравнению с теми громадными проблемами и задачами, с которыми мы с Женей сталкивались и успешно совместно решали. Были и опасные для жизни минуты, когда, работая с ядовитыми веществами, мы вместе с ним шли на риск, жертвуя здоровьем, но Бог нас спасал, и мы отделялись, пусть не легким, но только испугом. Помню, как однажды, придя в лабораторию, я заметил неправильную схему сборки установки синтеза ядовитого продукта, что могло привести, в конечном счете, к аварии, и дал указание начальнику установки не начинать процесс, пока не будет исправлена схема. Появившись через полчаса для проверки, увидел, что схема не изменена, но процесс запущен, и нам грозит большая неприятность, поскольку уже шла спонтанная (*неконтролируемая*) химическая реакция, которую остановить уже было невозможно. Последствия могли быть самые печальные, в лучшем случае пожар, в худшем — взрыв и массовое отравление. Мигом я оказываюсь в кабинете у Рябенко и достаточно спокойно объявляю ему о том, что скоро мы будем взрываться, на что он, посмотрев на меня, понял, что я не шучу и, сорвавшись с места, ринулся в ту комнату. У нас оставался единственный выход — спровоцировать самовоспламенение ядовитого газа, поскольку во время горения этот газ нейтрализуется. Он распорядился принести противогазы для себя и меня, собрать все огнетушители, какие были припасены в лаборатории, приказал всем покинуть помещение, оставив за дверью еще одного сотрудника для страховки. Все это было организовано с молниеносной скоростью, после чего мы остались вдвоем в комнате и в течение полутора–двух часов, меняя огнетушители, методично уничтожали очаг горения. Потушив, мы вышли из комнаты, запустив туда сотрудников для дегазации и уборки помещения, а сами двинулись к кабинету, к сейфу, где стояла бутылка со спиртом. Приняв солидную порцию, удивляясь самому себе, поскольку спирт в чистом виде я пил впервые, вместе с другими рухнул на диван. Спирт помог нам релаксировать, и мы незаметно уснули. Проснувшись через час–полтора, вышли из кабинета, обратили внимание на то, что от случившегося уже не осталось и следа, и все сотрудники, вернувшись обратно в лабораторию, еще оставались на рабочих местах, хотя уже было далеко внеурочное время. Виновник происшес-

твия выдвинулся вперед в ожидании разборки, но разборка на сегодня не состоялась, экзекуция ожидалась завтра. Дав распоряжение разъехаться по домам, Женя довез меня домой и сам уехал к себе отдыхать. Дома заметили, что от меня пахнет спиртным, чего раньше никогда за мной не наблюдалось, молча прореагировали на мой отказ от ужина и на то, что я тут же пошел укладываться спать. В два часа ночи раздается звонок (*время, когда должны были проявиться признаки отравления газом*) и я услышал голос Жени, который подробно разбирался с моим самочувствием и проявлением симптомов отравления. Поняв из моих ответов, что со мной все в порядке, а я, в самом деле, чувствовал себя нормально, он облегченно вздохнул: «*Слава Богу, пронесло*», и сказал мне, что он сам тоже в порядке. Пожелав мне спокойной ночи, положил трубку в надежде, что назавтра наша бурная жизнь не будет остановлена.

В связи с вышеописанными событиями вспоминается эпизод во время защиты диссертации, когда академик Большаков, ректор Московского Института тонкой химической технологии, очень престижного и почитаемого среди вузов Советского Союза, где проходила моя защита, своим тихим интеллигентным голосом задал мне вопрос: «*Известно, что не существует каких-либо технических экспрессных методов анализа содержания в атмосфере малых концентраций ядовитых гидридов на уровне опасных для здоровья человека. Как Вы решаете вопросы контроля безопасности работы с этими ядами?*» Я был уверен, что, зная ответ, он этим вопросом акцентировал внимание окружающих на том, что не стоит даже ради успеха науки подвергать риску здоровье человека и саму человеческую жизнь, как рисковали мы, и более того, распоряжались жизнью божьего существа — птички канарейки, живого индикатора присутствия газа в атмосфере, которая чувствовала предельно опасную для человека концентрацию, при достижении которой канарейка засыпала и никогда больше не просыпалась. Это был упрек нам, горе-ученым, которые не задумывались над философией жизни на земле и распоряжались тем, чем не имели права распоряжаться.

После окончания аспирантуры и защиты диссертации я остался работать в лаборатории Рябенко. Но вскоре Женю уговорили перейти в другой НИИ, возглавить проблемную

лабораторию, созданную для разработки технологии и промышленного производства стратегического продукта для нужд электроники и оптики, предусмотренную постановлением ЦК КПСС и Сомина СССР. Однако решение задачи зашло в тупик, в связи с этим требовалось в срочном порядке привлечь для разрешения проблемы новые свежие силы, что явилось причиной передачи этого направления из рук профессора Волкова, бывшего руководителя Рябенко по аспирантуре, в руки Жени — рассчитывали на его организаторские способности. С уходом Жени я потерял защиту от начальника нашего отдела, ярого антисемита, который, признавая мои деловые качества, был озабочен моим пятым пунктом, и по сему не видел в рамках его отдела никакой для меня перспективы. Я сам понимал, что с уходом Жени я не могу оставаться в лаборатории, начал интенсивно искать работу и вскоре напал на очень удачное предложение — возглавить большую, в составе ста человек, лабораторию по профилю моей уже новой специальности по аспирантуре. Там обо мне уже знали по моим публикациям и докладам на конференциях. Это была большая удача, и я незамедлительно подал документы на оформление, однако в связи с тем, что эта организация имела гриф секретности, нужно было выждать время для завершения всех необходимых в этом случае процедур. Именно в этот период ожидания случилось то, что на долгие годы определило мою судьбу.

НОВЫЙ ПОВОРОТ

После перехода Жени на другую работу мы встречались, когда находилось свободное время. Так было и в этот раз, когда Женя позвонил и предупредил, что он желает со мной встретиться и вечером вместе с женой придет ко мне домой. Мы с супругой, как всегда, были рады этой встрече. Он был весел, шутил, но в его облике я чувствовал нечто иное, чем обычная встреча друзей, он был немного напряжен, хотя мог всегда мастерски держаться в любых ситуациях. Он в подробностях стал рассказывать о своих делах на работе, из чего было явно, что он попал в тяжелейшую ситуацию и что принимая предложение взяться за эту работу, он не представ-

лял, насколько сложна проблема и запущена, как подпирают сроки исполнения, контролируемые государственными органами, и что уже полным ходом строится огромное производство по технологии, которая, по его мнению, работать не будет, и, самое главное, ему не на кого опереться. Я понимал, каково ему, человеку с чувством ответственности и всегда успешному в работе, переживать такие неудачи и искренне ему сочувствовал, но мне в голову не приходило, как ему помочь в этой ситуации. Но он уже знал, какую он может ожидать от меня помощь, и открытым текстом предложил мне перейти к нему работать и вместе тянуть эту лямку, уверенный в том, что нашему с ним тандему это под силу. Я никак не ожидал такого поворота событий, это ни в какие рамки моих планов не вписывалось и резко меняло ход событий моей жизни, включая переориентировку специальности, приобретенную в таких нелегких условиях. Да, это было совершенно неожиданно. Единственное преимущество виделось лишь в одном – в сотрудничестве с Женей, все остальное было в минусе. *«Я знаю, что ты нашел очень хорошую работу, – продолжал он, – но у нас для тебя откроется сектор, чтобы сохранить статус заведующего лабораторией и ту же зарплату, что предлагают тебе сейчас на новой работе, за исключением размера премии, которая будет вдвое ниже. Однако я убежден, что эта потеря сегодня компенсируется нашим успешным будущим».*

Я не мог опомниться, тупо глядел на пар, исходящий из свежеприготовленной порциипельменей моего собственного производства, поданной к столу моей супругой Симой. Пауза затянулась, создавшуюся напряженную тишину прервала Дина, жена Рябенко, которая стала меня убеждать, что с Женей мне будет хорошо, и она не сомневается, что наше будущее зависит от моего согласия. Я не мог не отвечать, и чтобы разрядить обстановку сказал, что мне необходим семейный совет, и что я должен хорошо подумать. Я посоветовал Жене в любом случае собрать коллоквиум для детального обсуждения состояния технологических разработок, в котором я приму участие и, может быть, смогу чем-то помочь. На этом деловая часть встречи завершилась, и мы продолжили трапезу, забыв о том, что был серьезный разговор, и на веселой ноте уже очень поздно чета Рябенко покинула нас.

Через неделю на коллоквиуме, на котором в качестве консультантов принимали участие профессор Шаулов и профессор Волков, состоялся разговор с разработчиками технологии, сопровождаемый бурными дебатами, после чего в зале остались вчетвером — мы с Женей и два именитых профессора. Женя, пристально глядя на меня, спросил: «Ну, как?», я же смущенно посмотрел на Юрия Михайловича, потому что приготовился выпустить нецензурное слово, и, поймав его одобрительный взгляд, не найдя ничего более убедительного, чтобы выразить свое мнение о состоянии дел, в упор, глядя на Женю, выдал: «Ты, мой друг, в глубокой ж...». Рябенко не мог сдержать эмоций, он кричал, направив свой яростный взгляд на этих двух почтеннейших людей, которых, безусловно, ценил и обожал: «Да, я в ж... и туда меня загнали эти два профессора своими советами и поучениями. Как быть дальше?..». Возмущение, усиленное бранными словами продолжалось еще долго. Профессор Волков осознавал свою вину: под его научным руководством была разработана практически нерабочая технология и хлопая своими ярко голубыми глазами, виновато слушал Рябенко словно желая перед ним оправдаться, а Юрий Михайлович со свойственным ему спокойствием мудрого кавказского человека обратился к Жене с пророческими словами: «Женя, не кипятись, уговори своего друга перейти к тебе и вместе вы достигнете успеха, а через три-четыре года ты станешь директором этого института».

Женя иссяк — то ли потому, что устал, то ли потому, что слова Юрия Михайловича достигли цели. Жизнь показала, что слова Юрия Михайловича, действительно, оказались пророческими. Не дожидаясь, пока меня будут уговаривать, я предложил Жене подробно изучить технологическую часть проектной документации строившегося цеха и дать оценку всей проблемы с учетом результатов научных разработок, заложенных в проект. Мы решили, что мы проведем независимую друг от друга экспертизу и лаконично выразим свое мнение письменно на бумаге. Через неделю мы встретились, передали друг другу свои записки и были поражены решением каждого из нас, идентичным, выраженным двумя словами: «Похерить проект», что означало забраковать технологические решения проекта цеха. Это было фантастическим совпадением, на уровне мистики, и мне показалось оно знаковым, подтверж-

давим, что наш тендем не случаен. Это обстоятельство склоняло меня к тому, чтобы принять предложение Жени. Так на долгие годы мы оказались с Женей в одной упряжке.

Предложение об изменении любой части уже строящегося во исполнение государственных постановлений объекта было настолько серьезным и ответственным, что принятие окончательного решения было подвластно только тем, кто на самом верху. И мы решили либо получить от верхов добро, либо вообще отказаться от решения проблемы. И получили, в конце концов, карт-бланш, теперь было, на кого сбросить вину, найти козла отпущения, это было выгодно для вышестоящих клерков, чья вина за безграмотные технические решения и преступную безответственность была явной. А мы были молоды.

Рябенко включил все педали своего организаторского таланта, мне же досталось решение научных и производственных проблем. Женя безжалостно рушил стереотипы, реорганизовывая структуру подразделения, сокращая бездарность, привлекая и поощряя способную часть сотрудников и вливая новые силы со стороны; никакой самодеятельности и разнобоя, все сосредоточено на одну цель. Вот такую организованную массу в составе шестидесяти человек он передает под мое управление для решения конкретных научных задач, опытных экспериментальных и проектных работ, связанных с реконструкцией строящегося производства. Меняется образ жизни, моим домом становятся лаборатория, опытно-экспериментальный завод, самолет, гостиницы. Моими оппонентами, стопорами внедрения наших новшеств, — главный инженер проекта и начальник строительства объекта в Сибири в чине генерала.

Постепенно приходит успех. Научные результаты тут же воплощаются в проектных решениях, которые улетают вместе со мной на Байкал для реализации в процессе производства. Однако все это встречает сопротивление генерала, который руководствуется своими контрольными сроками и которого одолевает страх перед вышестоящими начальниками за срыв этих сроков. Противостояние накалено, генерал выгоняет меня в дверь, а я же «лезу в окно», продолжая быть предельно настырным, однажды даже заставил выслушать мою сакрамен-

тальную фразу: *«Товарищ генерал, Вы за интересы обороны страны или Вам надо, чтобы это производство выдавало г... вместо необходимого обороне продукта?»* Реакция была поразительной, он вытаращил на меня свои огромные, воспаленные, не то от бессонницы, не то от принятого накануне на грудь, глаза, словно готовый достать пистолет и выпустить в меня пулю. Минута замешательства, и он подзывает своего прораба: *«Пусть этот зас...ц делает все, что ему вздумается, он меня достал»*, и, словно по команде, разворачивается и удаляется из комнаты, оставив в недоумении присутствующих. Это мне и надо было!

Труды наши не пропали даром, через год мы уже готовились к пуску производства, а чуть позже получили продукт заданного качества. Помню, как перед запуском производства мы устроили ужин, на котором собрались все двадцать человек командированных сотрудников лаборатории и смежных отделов нашего института, работавших с нами, и несколько сотрудников завода. За столом я предложил поднять руку тем, кто оставил хоть какой-либо значимый след в своей жизни. Полное молчание. Эти способные, талантливые ребята были готовы к большим свершениям, но еще не успели их осуществить по причине молодости. Но сегодня у них был шанс сотворить то, что не забудется ими никогда. По праву старшего я взял слово и произнес подобие тоста: *«Такое крупнотоннажное производство сверхчистого химического продукта для нужд электроники и оптики, форпостов новейших технологий (как принято называть сегодня — «HIGHTECH») запускается впервые в мире вашими руками, вами пишется страница истории мировой науки. Это, безусловно, запомнится всем участникам как важнейшее событие и веха в жизни каждого. Вы одолели то, что год тому назад казалось невозможным, и я уверен, что для многих из вас это начало большого пути в науку. За ваш успех, в котором я не сомневаюсь»*. Буквально на следующий день начиналось то, к чему стремился большой коллектив ученых и техников, чтобы достичь желанной цели. И цель была достигнута.

Я вспомнил об этом событии много лет спустя, когда однажды американские ученые и производственники, работавшие в области высоких технологий и нуждавшиеся в нашем продукте, разыскав меня уже в эмиграции в Америке, обратились с просьбой помочь в переговорах по закупке этого продукта и, что очень важно, в организации научного

сотрудничества в области усовершенствования его качества в соответствии с новыми современными требованиями. Да, мир знал о наших делах и о нас, но времена уже были перестроечные, когда рушилось все подряд, в том числе в таких муках созданное нами производство, и все мои попытки реанимировать выпуск продукта столкнулись с полной несостоятельностью предприятия, да и моих бывших коллег, которых суровое время разбросало по разным углам и превратило их из прекрасных ученых в челноков-торговцев, разнорабочих или просто бомжей. А у руководства, которым, собственно, нечем было и руководить, были уже другие интересы — продать по возможности все, что продается, и как можно скорее, пока другие не захватили силой.

А до этих суровых времен нам было, чем довольствоваться, Женя быстро рос по административной лестнице, став сначала заместителем директора и через пару лет директором крупного научно-исследовательского института, как пророчески предсказал Юрий Михайлович Шаулов; оба мы защитили докторские диссертации, и я вскоре стал главным химиком Министерства химической промышленности, принимал активное участие в очень серьезных государственных программах развития микроэлектроники и оптики, в том числе волоконной.

Наши отношения с Женей оставались безоблачными долгие годы, пока жизнь не предложила сценарий спектакля, в котором выявились скрытые язвы времени, обнажив то, что должно было вскрыться. Я долго думал, стоит ли беречь душу воспоминаниями об уже прошедших эпизодах жизни, но помнил данное себе слово делиться правдой не только о людях, мне близких и дорогих, но и о времени, в котором мы жили, чтобы понимать, как общество коверкало наши души, даже тех, которые сильны были духом, но не могли активно сопротивляться.

Моя семья никогда не думала об эмиграции, да и не было никакого резона, я лично был успешным, удовлетворен своей работой, востребован, дочка училась в аспирантуре, вторая дочь получала музыкальное образование, высокая по тем временам заработная плата обеспечивала материальную стабиль-

ность. Ничто не омрачало нашу жизнь, больше того, дочь вышла замуж за своего избранника, получив благословение родителей при условии, что жених не станет думать об эмиграции, на что было дано слово, но, как оказалось, сдержать его не удалось. Именно на этом фоне произошли события, связанные с нашими разногласиями с Женей. Узнав от меня, что моя дочь выходит замуж, он выдал неожиданную для меня и запомнившуюся навсегда фразу: *«Ты понимаешь, что выдав дочь замуж за еврея, ты тем самым закрыл себе дорогу к карьерному росту?!»* Я был поражен, но не фактом угрозы моей карьере, я удручен был самой причиной такой угрозы. Понимая реальность, я считал свое положение вполне удовлетворительным, моя должность главного химика министерства давала мне широкие полномочия в практической деятельности, и главное, сохраняла научный статус, я реально мог заниматься наукой, что было для меня главным желанным делом.

Тогда я осознал, как глубоки корни уродливого воспитания во многих семьях нашей Советской страны, где вдалбливалось в массовое сознание различие людей по национальному признаку. Это было второй раз в моей жизни, когда напоминали мне, кто есть кто. В первый раз это было в студенческие годы, когда обидевший меня на национальной почве получил от меня по физиономии, и почему-то это событие обсуждалось как «плохой» поступок мой, а не того, кто меня оскорбил, его поведение как бы считалось нормой. Это событие, естественно, обсуждалось также и среди моих друзей, тогда-то я и услышал от кристально честного и близкого мне человека, в правдивости и честности которого я не сомневался, Валентина Шеплева, который изрек: *«Я не поддерживаю Владлена в его проступке, но понять могу. Я сейчас понимаю, когда знаю тебя, Павлика, Казачка, Левина и других, какие вы есть, в то время, как всю мою жизнь мои родители предостерегали меня от общения с людьми еврейской национальности»*. Так, очевидно, воспитывали и Владлена. К слову сказать, его родитель стоял во главе партийного руководства в своей области и наверняка контролировал в том числе и идеологическую часть партийной работы.

Второй раз наши разногласия с Женей состоялись позже, когда у меня появился внук, все семейство зятя уже было в эмиграции, а семья моей дочери не торопилась уезжать,

либо боясь нарушить данное мне слово, не то потому, что у них самих были разногласия по вопросу эмиграции. Однако наступило время, когда они объявили о своем решении уехать, и по этому случаю мы, родители, должны были дать им на это разрешение. Мы дали его, уверенные в том, что ребенок должен иметь отца, и мы не вправе были разлучать семью и уже не думали о том коварном ударе, который мы получили. Когда Женя сокрушался, как же я мог дать разрешение на отъезд дочери, я подумал, что это было связано с его прекрасным отношением к моей семье, но время показало, что причина была в идеологии. Мой ответ мог быть единственным: я не мог разлучать семью, люди в их возрасте имеют право на выбор. Мои переживания не могли идти ни в какое сравнение с условностями идеологического характера, которые существовали только для граждан СССР и нигде больше в мире. Но была еще одна важная причина, которую я высказал Жене: *«Даже если бы и не было основной причины – не разлучать семью, достаточно было бы и той, другой, которую ты сам мне преподнес, напомнив о моей карьере и связав это с национальностью зятя. Тогда-то я и подумал о том, что если тестю нет дороги из-за “ущербного” происхождением зятя, то каково же будущее самого зятя!?»*

Отъезд дочери стал индикатором реального ко мне отношения многих, кто, казалось, были ко мне не только лояльными, но и моими доброжелателями, кто считал меня примерным работником и ставил в пример другим, и тех, кто вдруг отвернулся от меня в одночасье, давая понять, что мне не место в рядах «патриотов Великой страны». На самом же деле они отгородились от меня из-за страха за себя, чтобы не иметь контакта с «неблагонадежным», дочь которого живет в самой «враждебной» стране – Соединенных Штатах.

Чушь! Но так было. С меня требовали письменное объяснение по поводу отъезда дочери, что было нарушением всех гражданских прав, но меня так прессовали, что я не нашел ничего лучшего, как искать правду в КГБ, куда и пошел узнать о своих законных правах. На фоне того, что мы слышали об этой организации, казалось, это было неразумной затеей, но остановиться я не мог и легко оказался в приемной КГБ. После часового ожидания я подумал о том, как легко туда войти, но как же тяжело выйти.

Я думал так под грузом того, что мы читали и слышали об этой организации, но на этот раз это было ложным посылом, и когда дошла очередь, меня вызвали в кабинет дежурного офицера в чине полковника, восседавшего за большим тяжелым столом, обтянутым зеленым сукном. Он вежливо пригласил меня сесть в мягкое кресло на противоположной от себя стороне стола и поинтересовался причиной моего появления. Узнав о ней, он был немало удивлен, потому что не часто встречал таких визитеров как я. Прежде всего, я объявил ему о том, что я имею допуск к секретным работам, после чего я рассказал всю свою эпопею и попросил его объяснить мне мои права. Он был крайне удивлен такой постановкой вопроса со стороны моих оппонентов, и, заявив, что на дворе уже 1990 год, объяснил, что я никому ничего не должен и предложил, если такое отношение будет продолжаться, написать заявление о творящихся беззакониях, а еще лучше, просто послать их на три буквы, для чего предложил воспользоваться прямо сейчас своим телефоном, но я вежливо отказался, потому что не мог материться в этом здании в присутствии уважаемого полковника, находящегося на службе. Тем более, я не смог бы так смачно выразиться, как бы мне хотелось. Он улыбнулся, подал мне на прощание руку, и я с облегчением покинул здание. Выйдя на улицу, стал лихорадочно искать телефон-автомат, чтобы позвонить и послать туда, куда мне порекомендовали, что и сделал с огромным удовольствием, как только обнаружил будку с телефоном, а двухкопеечную монету я уже держал наготове.

На следующее утро я положил на стол Рябенко Евгения Александровича заявление об увольнении, которое он должен был завизировать перед тем, как я подам в отставку в министерстве, поскольку моя должность являлась номенклатурой министра.

Ничья рука не дрогнула, ни моего многолетнего друга Жени, ни руководителей министерства. Наоборот, все с облегчением вздохнули, и я в одночасье оказался добровольно выброшенным на улицу после десятков лет служения родному Отечеству.

Обиднее было то, что с уходом я оставлял многих близких мне людей, дружбой которых дорожу и сегодня, по истечении двух десятков лет. Самый близкий из них — Виктор

Евгеньевич Бомштейн, дружба с которым началась в подмосковном пансионате на Истре, куда мы приехали отдыхать; хорошему расположению духа способствовали прекрасная зимняя природа, лыжные прогулки, финская баня с нырянием в снег и, конечно, бутылочка водочки, которую наши милые жены подсовывали нам через узкое окошечко в сауну. Приподнятый дух общения сохранился у нас с Виктором и поныне. Виктор был практически единственным из моего окружения на службе, кому я мог довериться в своих откровениях, часто невозможных, чтобы их держать в себе. Он имел собственное мнение на происходящее вокруг, умел делать выводы и держать удар.

Происходил Виктор из весьма интеллигентной семьи, получил великолепное воспитание. Мир тесен, Виктор Бомштейн и Евгений Рябенко были связаны своим прошлым — их отцы работали вместе, один отец, Евгений Бомштейн, возглавлял управление Минхимпрома, а другой — Александр Рябенко был в то время главным инженером того же управления. Виктор рано потерял отца, но успел унаследовать от него высокую организованность и талант организатора и даже художника-портретиста, который, однако, скрывает всю жизнь. Я видел несколько сохранившихся замечательных работ отца Виктора, учившегося во ВХУТЕМАСе (Высшие художественно-технические мастерские), где в свое время учился Владимир Маяковский. Мать Виктора долгие годы была профессором кафедры Московского института химического машиностроения и была настолько яркой личностью, что до сих пор друзья Виктора, хорошо ее знавшие, с восторгом о ней вспоминают. От нее Виктору передалась широта души и хлебосольство.

Душа компании, Виктор пишет стихи для песен и сам их исполняет под свой же аккомпанемент на гитаре. Я признателен Виктору за то, что он втянул меня в круг своих интеллектуальных друзей, встреча с которыми мне приносит радость общения и заряд жизнелюбия.

Наша встреча с Виктором в этой жизни была предписана сверху, мы родились с ним в один день и почти ежегодно отмечали эту дату у него на даче очень шумно и весело, в этот же день поздравляли и его супругу Танюшу, родившуюся за день до Виктора.

За веселым нравом Виктора таилась глубокая вдумчивость. Он возглавлял один из ведущих отделов института. Его талант ученого и организатора по разным причинам, от него не зависящим, не был использован до конца теми, от кого это зависело; масштаб того, чем он занимался, всегда был меньше, чем он был способен поднять. В перестроечные времена Виктор открыл свою фирму и стал ее президентом. Мы встречаемся и сегодня и, как бы там ни было, продолжаем радоваться жизни.

Уходя, я оставлял большой кусок жизни и многих из тех, без присутствия в моей жизни которых моя повседневная жизнь могла бы быть обеднена. Среди них был тот же Евгений Александрович Рябенко, с которым мы были связаны бесконечными видимыми и невидимыми нитями, но который, тем не менее, не удержал меня за руку, когда я добровольно уходил; неординарная личность Нина Михайловна Дятлова — доктор наук, профессор, Лауреат Государственной премии, человек, не терпящий несправедливость по отношению к кому-либо, обожаемая подчиненными, преданная и самоотверженная в науке, принявшая активное участие в испытаниях своих разработок на первом атомном ледоколе с риском потерять здоровье; конечно, сотрудники моей лаборатории, с кем долгие годы я делился горечью неудач и радостью успехов; Елена Ивановна Алипова, Людмила Давыдовна Борхи — талантливые организаторы науки и многие другие.

Никогда не уйдет из моей памяти образ выдающего ученого старой закалки, доктора химических наук, профессора Александра Владимировича Бромберга, представителя первооткрывателей нашего института, совершенно независимого, но предельно дисциплинированного, как и подобает военному-ученому. При первом знакомстве я робел перед ним, всезнающим и широко эрудированным, как мне казалось, гигантом мысли, хотя он и дал знак доброго отношения ко мне, чем он мало кого баловал. Тогда я был еще молодым кандидатом наук, а он уже при первом знакомстве нарек меня профессором и до конца своей жизни никак иначе меня не называл... Помню, как однажды я обратился к нему с просьбой просмотреть уже написанную мною докторскую диссертацию.

цию и с трепетом ждал его бескомпромиссного отзыва. Вернув мне рукопись, он сказал, что все, что он обо мне думает, написал на страницах работы. Да, он серьезно поработал. На обороте рукописи было много заметок, каждая из которых начиналась словами: «Профессор, тут ты не прав», и я с веселым расположением духа приступал к осмыслению сделанного им замечания. Приятно было видеть, как в самом конце текста крупными буквами было написано: «Профессор, одобряю».

Прошли годы и, будучи главным химиком, я сотрудничал с ним по тематике его отдела, связанной с проблемой волоконной оптики, он часто заходил ко мне в кабинет по делу и просто пообщаться за чашкой кофе. Воспитанный на Кавказе в уважении к почтенным людям, я, как только в проеме двери появлялся Александр Владимирович, выходил из-за рабочего стола и шел ему навстречу с приветствием, проявляя тем самым глубочайшее к нему уважение. Как же иначе!?

Ушел из жизни Александр Владимирович Бромберг уже в почтенном возрасте. Институт с почестями проводил его в последний путь, осознавая, что с такими людьми уходит целая эпоха, и возврата к уровню былого не ожидается.

Так безвозвратно уходил и я, оставляя свою жизнь протяженностью в двадцать лет, заполненную множеством событий и свершений, незабываемые два десятка лет, сохранившиеся в моей памяти как хорошие времена.

ПО СОЮЗУ И НЕ ТОЛЬКО

А между тем, служил я Отечеству честно, с полной выкладкой душевных и физических сил. Трудно сосчитать время, где дольше я бывал — дома или в поездках. Должность главного химика обязывала к динамичной работе не только на обширном пространстве Советского Союза, но и на территориях стран соцлагеря. Во времена Союза производства стратегических продуктов в целях безопасности привязывались не только к одной конкретной точке; составляющие производства обычно разбрасывались по разным уголкам Советского Союза, и чем дальше вглубь страны, тем предпочтительнее. В

задачу главного химика входила координация всех работ по направлению деятельности главного химика во всех точках, что требовало частых разъездов. Это дало мне возможность познакомиться со многими уголками Союза и стран, подключенных к совместным разработкам, и не только связанных с производственными делами, но и историей, культурой и обычаями народов разных республик и стран. Мне есть, чем поделиться о тех былых временах и надеюсь, что не утомлю читателя своими рассказами.

В Армении химическая наука была на достаточно высоком уровне, поэтому в Ереване были открыты два филиала нашего московского головного института по двум направлениям химической науки. Первый филиал – Институт неорганической химии, который мне как представителю администрации от головного института предстояло несколько лет курировать, возглавлял профессор Бабаян Степан Григорьевич.

Степан Григорьевич был отличным организатором и деловым человеком и смог сколотить не только прекрасный коллектив единомышленников, но оснастил институт современным оборудованием. Рамки филиала ограничивали его способности делать больше, но ему приходилось соблюдать правила игры, а натура требовала большей свободы, которую он получил, когда кураторство перешло ко мне. Я хорошо чувствовал его натуру, его возможности решать большие задачи, его безусловное понимание местных условий. Он не нуждался в помощи при организации научной и производственной деятельности сотрудников, нуждался только в свободе действий, и он получил ее, и не только в рамках поставленных перед институтом задач.

Мы достаточно быстро подружились семьями. Его и его сотрудников гостеприимству не было границ. Будучи патриотами родной Армении, они непременно желали передать эту любовь и своим гостям, знакомя с историей и достопримечательностью Армении, страны с суровыми горными условиями и в то же время утешающей душу Араратской долиной, через которую просматривается великолепный вид на гору Арарат – радость и печаль армянского народа, с чудом природы озером Севан, с его небесного цвета водой и замком Ахтамар, как напоминание о большой любви, вели-

колепным рестораном, где кормят форелью или сигом, тут же выловленным из озера. В Ереване расположен Матенадаран или Институт древних рукописей Матенадаран, научно-исследовательский центр, являющийся одним из крупнейших хранилищ рукописей в мире, в том числе самой большой коллекции древнеармянских рукописей. Надгробные памятники хачкары – чисто армянское изобретение – это символ входа в мир армянского искусства, в армянскую историю и жизнь. Хачкар – не просто каменный крест, это художественный символ армян, в котором отразился их декоративный вкус, тонкое чувство красоты и история народа. Армения богата древними аскетическими монастырями, в Ереване располагается главная армянская святыня – армянская апостольская церковь Эчмиадзин, возглавляемая Верховным Патриархом – Католикосом Всех Армян. Эчмиадзин является одновременно резиденцией Верховного Патриарха.

Если есть у кого-то желание увидеть всю вселенную сразу, вы можете это сделать там, в горах Армении, для чего стоит лишь поднять голову и взглянуть на абсолютно чистое небо, которое дарит вам мириады звезд. Глубокой ночью мы добирались до места обзора, чтобы увидеть то, что никогда более мне не приходилось видеть. Это был праздник ощущения причастности к мирозданию и, конечно, этот праздник мы встречали с бокалом прекрасного домашнего армянского вина, которое наши доброжелательные хозяева не забыли «прихватить». А какой прекрасный вкус у шашлыков, приготовленных под огромным черным небом под завистливыми взглядами ярких звезд!

Наш очередной приезд в Ереван совпал с событиями в Сумгаите с безумным противостоянием двух кавказских народов, веками живших бок о бок, среди которых было много семей со смешанными браками. Это было национальной трагедией, учиненной сепаратистами, событие – чуждое этим двум народам, и многие азербайджанские семьи спасали на свой риск армянские семьи. В эти дни нас принимал Президент АН Армении академик АН СССР, дважды Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Сталинской премии, Лауреат Государственной премии РФ, Национальный Герой Армении, основатель и директор Бюраканской астрофизической Обсерватории Виктор Амазаспович Амбарцумян. Он

был буквально подавлен происходящими событиями, и глядя на него, человека далекого от политики, гениального ученого, отдавшего весь свой талант, в том числе, этим двум народам, я чувствовал какую-то вину и стыд перед ним за происходящее, потому что я принадлежал изувеченному обществу, допустившему это кощунство. В составе нашей делегации нашлись люди, которые в диспутах по национальному вопросу придерживались мысли о ведущей роли русской нации, что в условиях проходившего кровавого межнационального конфликта звучало особенно цинично.

Степан Григорьевич, с трудом сдерживающий гнев по поводу такой позиции, по закону гостеприимства не считал возможным вступать в спор и при очередном остром разговоре, оставив нас, вышел из комнаты, а я, как единственный представитель национальных меньшинств, вступил в ожесточенный спор, указав на то, что ни академик Амбарцумян, ни профессор Бабаян не нуждаются в наднациональных «путеводителях», они доказали, что «водить» они вполне способны сами.

Степан Григорьевич переживал тяжелые времена после развала Советского Союза, плохо было везде, но в Армении было плохо совсем, оставшись без тепла и света, люди выжили с трудом. Степан поведал мне по телефону, что у него родилась внучка, и, чтобы как-нибудь содержать квартиру в тепле, им приходится жечь мебель. Сердце сжималось от этой новости, я бывал, и не раз, в их университетском доме в центре Еревана, в прекрасной квартире, унаследованной Нелей, женой Степана, от мамы, профессора химии Ереванского Государственного университета, где преподавала и Неля. По тому, что сжигалась прекрасная мебель ради выживания, можно было судить, до какой же степени довел людей развал Советского Союза.

Дом Степана и Нели всегда был теплым, гостеприимным очагом, где можно было освободиться от груза моральных проблем и выкладывать душу своим единомышленникам. На лестничной площадке многоэтажного дома с соблюдением всех правил пожарной безопасности был встроен мангал, где Степан готовил шашлыки. В самом конце вечера начиналось колдовство Степана — церемония приготовления и подачи кофе, который он готовил необыкновенно вкусно. Я не раз

просил его научить этому меня, но каждый раз получал отказ с шутливой матировкой, что он беспокоится о том, что, узнав рецепт приготовления кофе, я буду реже приходить к нему в гости. Однажды мне удалось «украсть» его рецепт, когда он готовил кофе в моем присутствии, эмоционально обсуждая какую-то близкую ему тему, а я переключил полностью свое внимание на то, как он готовил. Приехав в Москву, я попробовал воспроизвести — получилось. Приготовление кофе у меня дома, когда Степан приезжал в Москву, тоже было его прерогативой. Но однажды я подал ему кофе сам и он, сначала ухмыляясь, попробовал, а попробовав, со смехом сказал: *«Все же стянул рецепт»*.

К моему великому сожалению, я уже несколько лет не имею контакта с ним, но знаю, что жизнь у его семьи сложилась, его двое прекрасных детей — дочка Арменка и сын Ваган хорошо устроены в жизни, радуют своих родителей самым дорогим, что возможно на этом белом свете, — внуками. Я же не оставляю мечту вновь встретиться с этой благороднейшей семьей.

... Часть своего сердца я оставил в Грузии. Как же повезло грузинам, получившим в подарок от Всевышнего такой щедрый, неподражаемой красоты земной рай, как грузинская земля. В Грузии я восторгался всем — причудливыми горами, покрытыми темнозелеными вековыми хвойными лесами, удивительно сочетающимися с белоснежным покровом горных вершин; бурными горными реками, змейками пробивающимися через ущелья и, несмотря на свое бурное течение, сохраняющими небесную голубизну воды. Море всегда разное — то спокойное, с кристально прозрачной водой, то с несущимися громадными волнами во время шторма; самобытные грузинские села, разбросанные повсюду, с древними княжескими замками или их руинами, и самое главное — люди с их щедрым природным гостеприимством.

Навсегда запомнилось путешествие по Грузии, куда мы попали после месячного пребывания в лагере альпинистов в Цейском ущелье в Осетии. В ту лагерную смену я познакомился с двумя в ту пору студентами физического факультета МГУ, впоследствии учеными-физиками, один из которых,

Борис Альтшуллер, стал ближайшим сподвижником Андрея Сахарова и, поплатившись за это увольнением из ФИАН им. Лебедева, несколько лет работал дворником. Будучи дворником, он опубликовал результаты своих теоретических разработок этого периода в престижнейшем международном журнале «Physical Review» и продолжал, несмотря на репрессии, правозащитную деятельность. Смолоду принципиальный защитник правды, способный за себя постоять, сегодня Борис Альтшуллер — председатель Правления общественной организации содействия защите прав детей «Право ребенка» и ее президент, член Общественной палаты Российской Федерации. Помню, как он был отчислен из лагеря за то, что с достоинством ответил на хамское обращение к нему со стороны одного из тренеров по скалолазанию и с чувством собственного достоинства на товарных вагонах отправился путешествовать по Уралу. Став публичным человеком, Борис часто появляется на экранах телевизора, и я лицезрю его больше таким образом, нежели в жизни; изредка мы обмениваемся телефонными звонками, потому что время и расстояние не дают возможности более близкого контакта, разве только, когда он появляется на моих выставках в Москве, не пропуская ни одну из них.

Дан Рогинский (Дима), ныне профессор университета в Иерусалиме, бывший отказник, получивший разрешение на выезд из страны в Израиль под давлением международной общественности. Помню, когда он неожиданно исчез из моего поля зрения, как-то, слушая радиостанцию «Голос Америки», тогда в Советском Союзе запрещенную, я услышал передачу с требованием освободить Дана Рогинского. В то время, когда мои интенсивные поиски не могли помочь мне что-либо узнать о нем, вдруг неожиданно раздался телефонный звонок, и на том конце провода оказался Дима, который не мог окончательно исчезнуть, не попрощавшись со мной. Он объявил мне, что освободился и улетает в Израиль в надежде, что мы там когда-нибудь встретимся. До отлета оставалось слишком мало времени, чтобы мне успеть добраться до аэропорта, и он улетел, связь снова прервалась с ним на целые двадцать долгих лет, по истечении которых мы увиделись с ним уже в Израиле. Его координаты передал мне Борис Альтшуллер, с которым я встретился тоже через многие годы неизвестности.

Встреча наша с Димой была не рядовой. Он встретил нас с супругой на автобусной станции в Иерусалиме, где мы увидели необычную сцену: автобусная станция была оцеплена солдатами Армии Израиля, расположившимися вокруг станции и на крышах близлежащих зданий. Из автобуса нас выводили в сопровождении солдат, которые цепочкой, под охраной, проводили нас к месту, где за оцеплением ожидали встречающие.

Позже мы узнали, что на автобусной станции в Иерусалиме в тот день готовился террористический акт. Нас миновало. Не знаю, оказался ли сигнал ложным, но сам факт постоянной тревоги и ожидание опасности держат людей в постоянном напряжении, хотя израильтяне, привыкшие к таким инцидентам, не поддаются чувству страха. Еще раньше, во время нашего телефонного разговора из Москвы, Дима предупредил, что он встретит нас, но тут же должен будет уйти на важное мероприятие, куда он не может взять нас собой, потому что это небезопасно для нас, он не может рисковать нами. Это меня заинтриговало, и когда я попросил его объяснить, в чем же опасность, напомнив ему о наших с ним нелегких ситуациях в прошлой нашей жизни, он пообещал объясниться со мной при встрече в Иерусалиме. И вот этот момент наступил. Мероприятие — это протестный марш за освобождение Храмовой горы, места разрушенных Первого и Второго Храмов, где гораздо позже была построена мечеть Аль-Акса. Маршрут будет проходить не только в черте города Иерусалима, но и на других территориях, где вероятны инциденты с арабским населением. Кроме того, по случаю Хануки — праздника осветления и очищения Храма от скверны, праздника увековечивания памяти о героических войнах хасмонейцев, которые освободили Иудею от греческо — сирийского порабощения и дали ей политическую независимость, вернули евреям религиозную свободу, предусматривается посещение мест сражения героев — братьев Макавеевых. Они, как и хасмонейцы, разгромили армию, посланную против них, но сами пали в боях. Я настоял, несмотря ни на какие опасности, на нашем участии в этом марше. Мы присоединились к участникам марша, заполнивших три больших автобуса, охраняемых вооруженными солдатами Армии Израиля, расположившихся в двух микроавтобусах, следовавших впе-

реди и сзади колонны автобусов. Я много пережил и передумал, находясь рядом с легендарными ветеранами — борцами за создание независимого государства Израиля, уже пожилыми людьми, сохранившими боевой дух своей молодости, четко понимающими, за что пришли бороться.

Протестные мероприятия продолжались до самого вечера, чередуясь с митингами, как у правительственных зданий, так и в других значимых местах. Во время мероприятий толпа митингующих охранялась кольцом военных с автоматами наперевес, предупреждавших какие-либо столкновения. На протяжении всего пути многочисленная журналистская братия сопровождала колонну автобусов с демонстрантами.

Меня поражало, что мой друг Дима, будучи правозащитником в России, откуда его выпустили с огромным трудом и только под давлением международной общественности, продолжает искать правду уже в другой, свободной демократической стране, пусть другую, но все же правду, отсутствующую в данных конкретных условиях. Это яркий признак неизбежных противоречий в любой стране, может быть, в разной степени, но причиной взаимных противостояний однозначно являются люди, которые перестали понимать друг друга еще со времен разрушения вавилонской башни.

Там, в Иерусалиме, мы вспоминали светлые дни, когда были молоды, и романтика окутывала наши мозги, когда после нелегких тренировок и восхождений в альпинистском лагере в Цее нас потянуло на пеший переход из Осетии в Грузию через Мамесонский перевал и далее до Черного моря. Сколотив небольшую группу энтузиастов, мы двинулись в путь, не догадываясь, какие прелести ожидают нас впереди, в чудесной стране Грузии.

С самой высокой точки перевала можно было видеть и Осетию, и Грузию одновременно, с гладкими покровом мягкой зелени на склоне, уходящем в Осетию, и вековыми сосновыми лесами на грузинском склоне. Как возможен такой резкий контраст природного ландшафта вдоль узкой полосы, мог знать только Создатель этого чуда. Рассказ о приключениях во время перехода занял бы не одну страницу, но я остановлюсь на одном из эпизодов.

На пути нашего маршрута значилось село Хванчкара, родина того самого знаменитого одноименного вина, попро-

бовать которое прямо из источника было одной из наших целей. Вино Хванчкара, любимый напиток Иосифа Сталина, производится из довольно известного сорта винограда Александроули, который распространен и в других регионах Грузии, однако настоящее вино Хванчкара получают лишь из виноградника, расположенного в окрестностях одноименного села. Вина того же сорта, полученные из виноградников в соседних селах, уже значительно уступают вину Хванчкары — как по качеству, так и по вкусу, поэтому наш курс был именно туда.

В село мы попали за полночь на попутной полуторке, чем мы редко пользовались, но на этот раз приняли любезное предложение водителя, к которому обратились с просьбой указать нам дорогу в село Хванчкара, мимо которого он держал путь. И поскольку уже приближалась ночь, он предложил нас туда довести. Высадив нас в самом центре села, наш благодетель покинул нас, не забыв взять с нас слово посетить его дом в соседнем селе, как только появится у нас возможность.

А пока нас окутывала глубокая ночь, и мерцающие яркие звезды на южном небе приветствовали нас, приглашая в свои объятия. Отыскав место, чтобы разбить палатки для отдыха до наступления утра, мы вдруг где-то рядом услышали пение — известное слуху мужское многоголосье, как визитная карточка Грузии. Оставив группу разбивать палатки, мы вдвоем с приятелем подошли к месту, откуда раздавалась песня, и обнаружили группу молодых людей, которые при нашем необычном появлении глубокой ночью подошли к нам и участливо спросили, сначала, приняв меня за грузина, на грузинском языке, а поняв, что я не понимаю языка, уже на русском, не могли бы они чем-то нам помочь. Узнав, что мы путники, как и почему мы тут оказались, тут же прореагировали и попросили пока не разбивать палаток; двое из них отошли и скрылись в темноте ночи. Вернувшись достаточно быстро, они попросили собрать нашу группу и следовать за ними к дому, куда где они хотят нас разместить на отдых. Мои слова о том, что мы привыкли к походной жизни, не возымели никакого действия. Мы оказались внутри просторного двухэтажного меблированного дома, в котором в этот момент никто не проживал. Предложив нам привести себя

в порядок, они попросили не ложиться спать и подождать, пока через полчаса они не вернуться, а уже через сорок пять минут был накрыт стол с различными яствами. На двух концах стола возвышались два бурдюка с вином домашнего приготовления — цель нашего путешествия.

Мы наивно думали, что по нашему графику мы завтра покинем это гостеприимное место, но это оказалось невозможным, потому что каждый сидящий в ту ночь за нашим столом непременно настаивал посетить его дом, иначе это будет серьезным нарушением закона гор. Когда наутро мы увидели, в каком мы находимся раю, конечно, покидать этот рай не хотелось, мы задержались в нем еще на целых три дня.

Вспоминая сейчас те теплые времена, огорчаешься тому, что нынешняя политика обнаруживает негативные тенденции в отношениях между двумя соседними странами, нарушает существовавшую гармонию связей между россиянами и грузинами, это противоречит естественной исторической потребности в сближении, веками вросшей в душу и тело обеих народов.

Позже с Грузией меня связывали многие деловые проекты, в основном по тематике волоконной оптики, и на базе этих деловых отношений завязывалась человеческая дружба. Институт кибернетики грузинской Академии Наук, один из ведущих научных учреждений в области оптоэлектроники, был подключен к программе создания волоконно-оптических систем в рамках внутрисоюзной программы и программы СЭВ.

Риваз Джангабеков, по матери Чаидзе, чью фамилию он носит теперь, был активным участником этих программ, наша совместная работа переросла в многолетнюю крепкую дружбу. Риваз родился от совместного межэтнического брака осетина и грузинки; существовавшему во времена перестройки противостояние сыграло немаловажную роль в его решении покинуть страну и эмигрировать со своей семьей в Америку. Ныне он профессор университета в Лос-Анджелесе.

Его открытость и способность привлекать к себе внимание, активность и интерес к делу создали обширный круг знакомств среди ведущих ученых и специалистов не только в Союзе, но и в странах СЭВ. По инициативе Риваза в Грузии были организованы всесоюзные научные форумы,

которые проходили ярко и плодотворно, и имели продолжение. В Сухуми проходила выездная сессия Ученого Совета Государственного комитета по науке и технике, возглавляемого выдающимся ученым, доктором наук, профессором Серафимом Максимовичем Бреховских, лауреатом Ленинских и Сталинской премий, с именем которого связаны основополагающие разработки в области стекла и ситаллов — изделий оборонного значения.

Хотя я и состоял членом этого Совета, однако, мне не приходилось близко общаться с Серафимом Максимовичем, который всегда был занят решением глобальных проблем и не отвлекался на обсуждение конкретных задач, чем приходилось заниматься каждому из членов Совета. Но в обстановке, когда «полезное совмещалось с приятным», была возможность более близкого контакта, Серафим Максимович, проявив какой-то интерес, много свободного времени проводил в беседах со мной, видимо, найдя во мне заинтересованного слушателя. А слушать было много чего. Он с увлечением рассказывал о своем последнем фундаментальном труде по проблемам классификации материальных объектов — функциональная компьютерная систематика материалов, машин, изделий и технологий, об эпизодах из своей личной жизни, о наблюдениях за природными явлениями, о своих открытиях поведения человека в экстремальных условиях, много шутил, рассказывал анекдоты. Анекдот на грузинскую тему, рассказанный мною, где фигурировало искаженное слово «синок», (*от слова «сыннок»*) ему понравился настолько, что он тут же прилепил ко мне кличку «синок» и много раз просил повторить анекдот. Это обстоятельство сыграло мне добрую службу, когда по требованию ученого совета во время защиты докторской диссертации мне потребовался оппонент в ранге академика, я позвонил Серафиму Максимовичу и, представившись как «синок», чему он был рад, попросил его быть оппонентом моей докторской диссертации. Он сказал, что он не может отказать «синку» и дал свое согласие, что серьезно повышало мои шансы на успешную защиту.

Бакуриани, горнолыжный курорт, сказочный уголок земли, малая родина Ризо, куда забросил нас случай, связанный с такой же выездной сессией ученого Совета ГКНТ. В назначенный день мы с супругой и Женей Рябенко оказались в аэ-

ропорту Тбилиси, где нас должны были встретить, но к нашему удивлению не встретили. Связаться с организаторами, пребывавшими в это время в Бакуриани, мы не могли из-за отсутствия связи — тогда еще не были в ходу мобильные телефоны — и мы позвонили Генеральному директору горнохимического научно-производственного объединения с головным институтом в Тбилиси Николаю Цхакая, в прошлом второму секретарю компартии Грузии, с просьбой помочь нам добраться до Бакуриани. Он тут же прислал нам машину, но к нашему удивлению машина поехала не в направлении Бакуриани, а в город, и на вопрос водителю, почему мы едем не в Бакуриани, тот ответил, что начальник приказал ему отвезти нас в особняк в центре Тбилиси, куда навстречу к нам туда подъедет он сам. Нам ничего не оставалось, кроме как оказаться в объездах Цхакая, которому встреча с нами тоже была необходима по делам наших совместных работ, хотя, на самом деле, причина была в том, что в Бакуриани был снегопад, и дорога туда в тот день была закрыта. По этой же причине никто не мог выехать оттуда, чтобы встретить нас в аэропорту Тбилиси.

В Тбилиси мы поселились в прекрасном особняке в центре города, приспособленном под ведомственную гостиницу для особо важных гостей, в этот день мы там оказались одни. На следующее утро над Тбилиси светило солнце. Перед отправкой в Бакуриани Цхакая привез нас к себе на предприятие, и к концу встречи он предложил нам на выбор три машины марки «Волга», на то время самой престижной машины в Советском Союзе, трех цветов — белого, черного или зеленого, подчеркивая таким образом проявленное к нам уважение. Я обратил внимание на то, что на парковке при входе в здание стояла лишь одна Волга зеленого цвета, видимо, предназначенная для нас, и, опередив Рябенко с ответом, я решил подыграть хозяину и выбрал Волгу зеленого цвета. «Решено», — мгновенно прореагировал он, глядя на меня с пониманием моих мыслей, и широкая улыбка осветила его лицо. Водителем зеленой Волги, которого он пригласил в кабинет, чтобы нас познакомить, оказался Артур — высокий, стройный с волевыми чертами лица, выдававшего его интеллект. *«Знакомьтесь, — сказал Цхакая, — доктор химических наук, профессор, знаток всего, достойный представитель армянского народа,*

по дороге он расскажет вам и о Бакуриани, и о Тбилиси, и обо всей Грузии, а если вам будет угодно и обо всей Армении», — заключил он с улыбкой.

Артур оказался прекрасным экскурсоводом, его рассказы, то обзорные, то сугубо локальные, в моменты, когда мы проезжали интересные места, описание ландшафтов, история создания горнолыжного курорта увлекли настолько, что мы не заметили, как приехали в Боржоми, откуда начинался подъем по горной автомобильной дороге в Бакуриани. В Боржоми Артур затормозил машину у входа в ресторан, и не успели мы размять ноги, как он пригласил в зал, где нас уже ожидал с грузинской щедростью накрытый стол. Казалось, мы приехали на банкет, рассчитанный на долгие часы, а не на короткую остановку перед дорогой. Но в Грузии правят хозяева, а гости, хочешь или нет, должны подчиняться воле хозяина.

Первый шок охватил нас, когда после первого тоста Артур, наш любезный сопровождающий, который должен везти нас дальше, опрокинул полстакана водки. Напряжение возрастало, когда, продолжая очередной тост, он повторил прием на грудь. Тут нервы моей супруги сдали, и она напомнила Артуру, что нам предстоит ехать дальше. Я шепнул ей, что здесь не Москва, и тут женщина молчит и не может прилюдно делать замечание мужчине, а Артур, вежливо глядя на нее, продолжал свой очередной тост, и в последний раз выпил очередную порцию водки. Переведя дух после обильного обеда, мы собрались в дорогу, думая о том, что у Артура есть запасной вариант, как попасть в Бакуриани, но запасного не было, он снова уверенно сел за руль, будто выпил три стакана воды. Мы же нехотя сели в машину и двинулись вперед. Дорога, местами покрытая маленькими островками льда, достаточно круто поднималась серпантинном вверх. В какой-то момент одно колесо машины забуксовало на ледяном островке, развернув машину поперек дороги. Артур успел поставить машину на ручной тормоз, все вышли из машины. Когда мы осознали, что произошло, поняли, что ангел следовал за нами, задержав нашу машину в метре от края зияющей пропасти. Для маневра оставалось мало места, и мы приняли решение вернуть машину в исходное положение вручную, меняя ее курс по сантиметру, подпирая каждый раз задние колеса бревном,

оказавшимся на обочине. С трудом нам удалось выправить машину, оставив свободной полосу для встречного движения и обгона. Артур окончательно отрезвел, но моя супруга категорически отказалась сесть в машину, за рулем которой сидел Артур. Учитывая, что до конца пути оставалось уже совсем немного и Артур выглядел совсем отрезвевшим, мы уговорили ее сесть в машину, тем более, что нас могла накрыть темнота. Ангелы нас не покидали, и мы благополучно доехали до места назначения, где жизнь бурно кипела.

Бакуриани открылся нам наутро. Мы окунулись в абсолютно прозрачный воздух, ощущение чистоты которого усиливалась белоснежным покровом склонов, а ярко окрашенные вагоны подъемников и темнозеленные островки леса под ними подчеркивали белизну склонов, над которым они парили, унося лыжников на вершину гор, откуда смельчаки на огромной скорости неслись обратно вниз. Я не катался на горных лыжах, но бывало, я скатывался по крутым снежным горным склонам во время спуска после очередного восхождения и взятия вершины, летел на ногах и пятой точке, гася бешеную скорость острием ледоруба. Я наслаждался природой, и сейчас, когда стал живописцем, мне хочется вернуться туда, запечатлеть на холсте «бакурианскую» сказку, чтобы подарить ее всему миру.

В Бакуриане Ризо пригласил меня в дом своих родителей, на званый обед в честь дорогого гостя собралась его ближайшая родня. Находясь среди этих прекрасных людей с их искренним к тебе уважительным отношением, получаешь удовлетворение от того, что начинаешь ощущать, будто ты и впрямь достойный человек, и смотришь на себя, как на уважаемого человека. На самом же деле, любой человек в атмосфере их доброй ауры чувствует себя достойным, в отличие от случаев в повседневной жизни, когда даже недостойные могут тебя «тыкать мордой об table», если им предоставляется хоть малейшая возможность.

Каждый раз, когда видишь застолье кавказских народов, удивляешься, прикидывая, как общий вес поданных на стол кушаний, разделенный на количество участников застолья, составляет неправдоподобную цифру веса еды, рассчитанного на каждого гостя. Однако традиции гостеприимства кавказских народов сохраняются, переходят от поколения

к поколению. Вот и званый семейный обед в семье Ризо проходил в грузинских традициях — на столе бесчисленные блюда, а за столом тосты с переходящим рогом, наполненным вином, который тостующий держит двумя руками, и упаси Бог не выпить за произнесенный тост — это проявление неуважения. Мне, как гостю, предоставили держать тост последним, когда уже было выпито много за предыдущие тосты, а не пить было невозможно, кроме всего и потому, что вино, приготовленное отцом Ризо из собственного винограда, специально возвращаемого на особом горном склоне, куда по-особому падают солнечные лучи, было так вкусно и так легко пилось, что оторваться было невозможно. Пришел черед моего тоста, и когда мне в руки вложили огромный рог с вином, я понял, что я на пороге того света, но мужественно выдержал (*говорят, что я произнес хорошую благодарственную речь, сам же не помнил*) и, как полагается джигиту, выпил вино из рога, и только к полудню следующего дня сообразил, увидев в реальности склоненную надо мной голову супруги, что я еще жив.

В связи со случаем, происшедшим со мной в Бакуриани, я вспомнил историю, связанную с Владимиром Высоцким, когда Зураб Церетели, увидев, как на квартире в Москве несколько напряженно проходит вечеринка, посвященная бракосочетанию Владимира Высоцкого и Марины Влади, в какие-то короткие минуты смог организовать полет в тот же вечер всей компании в Грузию, чтобы там по-настоящему отметить их свадьбу. Зураб проявил заботу о Владимире Высоцком. Чтобы не напрягать жениха во время организованного на грузинский манер застолья, Зураб поставил за спиной Высоцкого дежурного джигита, который осушал его бокалы с вином, сохраняя таким образом правило грузинского застолья.

Показателен эпизод во время моего пребывания в Грузии, где мы оказались однажды с Шевелевичем Рафаилом Семеновичем, представителем Госкомитета СССР по науке и технике. Он был к тому времени кандидатом физико-математических наук, хотя по уровню научного потенциала далеко опережал уровень доктора наук, да и высших академических титулов. Было время, когда ему упорно не давали защитить

докторскую диссертацию по разным причинам, в том числе за его прямоту и самоуверенность; его окружали те, кто был неспокоен за себя рядом с ним, без увеличения сказать, гигантом мысли. Он возглавлял лабораторию в институте Химволокно в Зеленограде, занимавшейся работами по созданию материалов для ракетной техники, в то же время был активным членом Ученого Совета ГКНТ СССР, заместителем председателя Совета.

В Тбилиси Шевелевич был интересен разным группам, так или иначе нуждавшимся в его помощи при решении своих конкретных задач и потому желавших привлечь его внимание. Рафаил, конечно, отдал предпочтение тем, к кому он и приехал, другим уделяя время по возможности. В честь приезда гостей хозяева устроили ужин в Мцхете, старой столице Грузии; стол ломился от яств. Хорошо зная грузин и грузинскую кухню, я предупредил Рафаила, гурмана, что на столе только закусочная часть застолья, а самые вкусные блюда еще впереди, и рекомендовал не увлекаться. На ужине появились и те, кто хотел тоже оказать честь Рафаилу со своими двадцатилитровыми бутылками вина. Я пытался предупредить, наступая под столом на его штилеты, не увлекаться закусками, однако гурман решил отведать многообразие блюд грузинской кухни и был расстроен, когда начали подавать на стол горячие блюда, потому что уже не мог отведать их.

Кульминация прекрасного вечера была для нас весьма неожиданной. Перегруженные вкусными угощениями и добрым вином, на улице у входа в ресторан мы увидели накрытый десертный стол с многообразием фруктов и сладостей, с многочисленными бутылками шампанского, о чем позаботилась уже другая группа добывавших внимания Рафаила Семёновича. Я поверил в безграничные человеческие возможности, когда утром осознал, что мы еще в состоянии дышать.

Познакомились мы с Рафаилом Семеновичем через моего сотрудника Вадима Шимичева, который встретил его на научной конференции и заинтересовал нашими работами, показавшимися Рафаилу Семёновичу перспективными для решения очень важной на то время проблемы создания теплозащитного покрытия возвращаемых космических кораблей

типа Буран, чем Рафаил Семёнович тогда активно занимался. Встретились мы на улице Горького, рядом со зданием ГКНТ, они с Вадимом Шимичевым сидели на скамейке дожидаясь меня. Передо мной сидел грузного вида человек, одетый не вполне в соответствии с возрастом, в бежевом замшевом пиджаке и темных брюках с туго затянутым ремнем ниже далеко вперед выступающего живота. Закачивался наряд яркими светлыми остроносими туфлями. Не вставая, с некоторой надменностью он протянул мне руку и с видом мэтра стал задавать вопросы. Это вовсе не походило на деловую встречу, и удивленный таким его обращением, глядя в его пренебрежительно направленные на меня глаза, выдал с наигранным кавказским акцентом: *«Дорогой, если не перемените тон разговора, я прекращу встречу и удалюсь»*. Он смутился от неожиданности, поднялся и уже в нормальном тоне сказал: *«Я не хотел Вас обидеть»*. Разговор состоялся, был весьма полезным, он глядел в корень, схватывая все на лету, что свидетельствовало о его аналитическом уме и широком кругозоре.

Эта встреча стала важной вехой для нас обоих, началом развития крупных научных программ и зарождения нашей дружбы. Эпизод знакомства был с его стороны наигранным, так сказать, спектаклем по придуманному им сценарию, а по сути же Рафаил был добрым, адекватным, преданным науке человеком. Он обладал талантом открывать людей, привлекать их в свою орбиту ради дела. Благодаря ему я оказался в кругу интереснейших людей, сыгравших впоследствии серьезную роль не только в работе, но и моей личной жизни. Я приобрел таких друзей и наставников, как Серафим Максимович Бреховских и Маргарита Семеновна Асланова, оба Герои Социалистического Труда, моего закадычного друга Риваза Джангабекова и многих других, чьей дружбой я очень дорожил и дорожу. К сожалению, Рафаил Семенович ушел из жизни, тяжело больной, жена не подпускала к нему даже близких друзей, видимо, чтобы его запомнили живым. Я часто вспоминаю его как одного из близких своих друзей, делившегося со мной своими производственными и семейными проблемами, которых у него было предостаточно. Приклоняясь перед его памятью, я вижу его всегда живым, как глыбу научной мысли, жизнелюба и весельчака, преданного друга.

Маргарита Семеновна к моменту нашего знакомства уже была известным человеком, заместителем директора Института Стекловолокно и главным химиком Министерства химической промышленности СССР по направлению стекла и стеклянных волокон. Это позже мы стали коллегами, когда я сам примкнул к кругу главных химиков, часто встречались на многих форумах главных химиков, мне был очень интересен ее опыт и я не стеснялся просить ее помочь и поделиться производственным опытом главного химика с достаточно большим стажем. Мы с ней подружились и были связаны общими интересами. Но все это было потом, а в пору, когда Рафаил меня знакомил с ней, она была для меня загадочной личностью, по слухам грозой окружающих, с безраздельной властью, мизинцем открывающей двери больших начальников; ее волеизъявлением могли приниматься или отвергаться докторские диссертации. Как говорил мне Рафаил, чтобы сохранить свою незыблемость в институте она никому не давала высунуться выше некоего уровня, а высунутые выше этого уровня головы легко слетали по ее воле. Среди оных пребывал и Рафаил. В результате, институт с его высоким научным авторитетом практически не имел кого-либо, кроме Маргариты Семеновны со степенью доктора наук. Хотя потенциальных докторов со степенями кандидатов, обеспечивавших успех института, было достаточно много. Такое положение вещей, безусловно, держалось на ее бесспорном авторитете, обеспеченном ее заслугами в разработке и практическом внедрении в промышленность объектов оборонной промышленности, на которую тогда работала вся необъятная страна Советов.

Часто от ее решения зависела судьба не только ученых ее института, но и других, чьи работы оказывались в Высшей аттестационной комиссии (ВАК), членом которой она состояла. В этом случае она пыталась быть более лояльной, не брала на себя ответственности за необъективный отзыв. Об этом она рассказывала мне сама, когда однажды ей как «черному оппоненту» передали на отзыв докторскую работу ученого из института кварцевого стекла в связи с «телегой», порочащей эту работу. Маргарита Семеновна, осведомленная о том, что я с этим институтом тесно работаю и знаю многих ученых, привлекла меня на помощь разобраться с ситуацией.

Встреча состоялась у нее дома. Она передала мне диссертацию, назвав автора письма, выступавшего против, хотя по положению она не должна была этого делать. Она хотела понять причину, почему порочат эту, по ее мнению вполне достойную работу и почему от нее упорно ждут отрицательного отзыва. Конечно, она понимала, что это связано с человеческим фактором, но ей нужно было знать мое мнение как о самой работе, так и об обстановке вокруг ее защиты.

Я знал автора, большого труженика и честного ученого, старшего научного сотрудника Института кварцевого стекла, далекого от желания занимать какое-либо место среди «руководителей» от науки. Он был ученым до мозга костей, я помнил, как он отстаивал на различных научных форумах свои научные концепции наперекор нападкам оппонентов, его суждения, всегда убедительные, часто не совпадали с мнением противной стороны. В науке противостояние мнений встречается часто, тем более, если это связано с такой сложнейшей наукой, как наука о кварцевом стекле. Я знал и его главного оппонента (*не называю его имени по этическим соображениям, он трагически погиб в автомобильной катастрофе*), тоже прекрасного ученого, заведующего лабораторией Института химии силикатов Академии наук СССР, но амбициозного, в отличие от первого, стремящегося к власти, возомнившего себя главным идеологом науки о кварцевом стекле. У нас с ним были совместные работы, тем не менее мы часто бывали оппонентами на научных форумах. Мне был совершенно ясен амбициозный характер его заявления, и он противостоял по причине того, что не он вышел первым на защиту докторской диссертации на аналогичную тему, а это могло несколько усложнить защиту его диссертации, к которой он интенсивно готовился. Я предложил Маргарите Семеновне без долгих обсуждений дать работе положительный отзыв. Она была довольна тем, что наши с ней мнения совпали, и с облегчением подписав положительное заключение, отправила его по назначению.

Когда сегодня я вспоминаю Маргариту Семеновну Асланову, я думаю о том, какой же она была великой женщиной. Это история о человеческих страстях, вечных спутниках человеческого противостояния, зародившегося еще со времен Адама...

Человек и природа — это вечный конфликт, приводящий к уничтожению равновесия, необходимого для выживания и людей и природы. Часто абсурдные, безмозглые, некомпетентные решения в угоду сиюминутной выгоды, принимаемые теми, кому это дозволено делать, приводят к великим катастрофам, как это случилось после устройства перекрытия залива Кара-Богаз-Гол от Аральского моря в надежде упростить добычу поваренной соли в акватории залива. Результат — полная экологическая катастрофа в радиусе тысяч километров в округе моря и залива, гибнет фауна и флора, черные бури, суховеи, засоление, дно на огромном протяжении превращается в болото, а еще — серьезное изменение климата в сторону большей континентальности. Обо всем этом почти в деталях я узнал в Научно-исследовательском Институте восстановления Кара-Богаз-Гола в Ташкенте, куда я попал во время посещения с Женей Рябенко его студенческого приятеля, работавшего в этом институте, пояснившего нам, что все попытки в течение десятков лет восстановить Кара-Богаз-Гол не увенчались успехом.

Какой парадокс: надо было разрушить природу, чтобы создать специальный институт по ее восстановлению.

Появились мы в этих краях в связи с участием во всесоюзном совещании, проходившем в Самарканде по проблеме волоконной оптики. Самарканд — один из древнейших городов мира, основанный приблизительно в середине первого тысячелетия до н. э. В моем сознании Самарканд ассоциируется с лазурью. Архитектурное чудо Регистан — величественный древний архитектурный комплекс на городской площади с тремя расположенными на ней медресе, неповторимый памятник майолики, резьбы по камню (ганчу) и лазурной мозаики. Подобные памятники древнего зодчества разбросаны тут и там в городе, придавая Самарканду некоторую легкость и воздушность. Останки обсерватории и мемориальный музей Улутбека напоминают нам об уровне развития астрономии, наук и о великих мыслителях древнего Востока; мавзолей Тамерлана Гур-Эмир, мечеть и мавзолей Биби Ханум, старшей жены Тамерлана, рассказывают о минувшей истории и человеческих страстях. В Самарканде сосредоточено много памятников зодчества, удивительных по своей фактуре и величии, каждый из них мог бы стать украшением и достопри-

мечательностью любого города.

Открытие совещания состоялось с восточной помпой в актовом зале университета, забитом студентами и преподавателями, коих собрали по случаю мероприятия поглазеть на «больших ученых» из Москвы и Ленинграда под председательством академика Гурия Тимофеевича Петровского — директора Государственного оптического института в Ленинграде и участниками, известными учеными и производственниками. По сценарию члены президиума должны были войти в зал через вход на противоположном от сцены конце зала и через живой коридор студентов пройти на сцену под аплодисменты собравшихся. Этот путь протяженностью в длину зала показался мне дорогой на эшафот. Зажатый с двух сторон непрерывной цепочкой студентов, узкий проход казался тоннелем, через который под звуки национальных музыкальных инструментов нас вели на публичную казнь. Однако выжили, дошли, чтобы продолжать знакомиться с новыми чудесами восточного гостеприимства. Как я понял, должность ректора университета передавалась здесь по наследству. В перерыве нас пригласили посетить музей предыдущего уже покойного ректора, оказавшегося отцом нынешнего. Культ личности Сталина «отдыхал» по сравнению с тем, как преклонялись перед усопшим ректором; в затемненных залах музея экскурсовод говорил шепотом, создавая иллюзию божественного происхождения. Да, все это выглядело необычно, но мы держали марку и мужественно себя сдерживали.

На следующий день после открытия в честь гостей и по случаю успешной защиты ректором докторской диссертации состоялся обед в экзотическом месте с экзотическим названием «Мин чинар», что означает «сто чинар», расположенном в предгорьях Тянь-Шаня, откуда открывается великолепная панорама горной гряды с пиками, которые пугурмовали многие поколения альпинистов. До места встречи добирались на машинах, соблюдая субординацию, подчеркнутую особым порядком движения и престижностью автомобиля — впереди шли черные «Волги», за ними белые, серые, микроавтобусы и автобус; самые уважаемые на черных, самые не очень — в автобусах. Нас с Женей Рябенко усадили на белую. За рулем машин сидела профессора Самаркандского университета. Картеж двинулся в горы. По приезду нас рассадили снова

по такому же принципу, оставив свою профессию не в составе «элитной» публики, с чем согласиться было совершенно неуютно, и под недоумение ректора, главного распорядителя, мы, несколько человек, не воспользовавшись «престижными» местами, подсели за «непрестижные» столы, отведенные профессуре, организовав из них общий стол. Такое деление встречается, очевидно, часто, однако, в несколько деликатной форме, в отличие от этих местных условий, где это преподносится как закон жанра. Именно за этим столом мы завязали деловые знакомства с конкретными лицами, реально двигавшими дело. Во все время застолья мы не переставали восхищаться прекрасными видами, окружавшими нас. Немало хлопот доставил хозяевам Женя Рябенко, который был в приподнятом расположении духа и, невзирая ни на какие уговоры, желал увидеть закат солнца на фоне гор Тянь-Шаня, а устроители безуспешно уговаривали его ехать со всеми, потому что беспокоились, как бы вскоре темнота не накрыла горы.

Восток знаменит своими красочными базарами, не миновало это и Самаркандского базара, который на огромном пространстве был заполнен почти всем, что душе могло быть угодно. На один день мы с Женей и профессором Григорьянцем Вилем Валентиновичем, руководителем отдела Института радиоэлектроники АН СССР, получив «свободу передвижения» без опеки, которой все дни пребывания любезно обеспечивались хозяевами, успели посетить раскопки древностей, ознакомиться с достопримечательностями Самарканда, пообедать в подпольном ресторане, предлагавшем любые услуги, где мы отведали прекрасно приготовленные национальные блюда не без использования крепких напитков, и, уже немного повеселевшие, решили посетить базар, который находился рядом. Дышащий полной грудью базар возбуждал эмоции, настроение было на пике положительного, когда в глаза мне бросилась торговая точка, где продавали бубны. Подойдя, я выбрал бубен и начал на нем играть, выбивая дробь, что умел делать еще с детства, удивив хозяина, который, воспользовавшись моим умением играть на бубне, стал уговаривать меня купить его, назначив цену. Я уже решил его купить, но так поддался базарному азарту, что пред-

ложил ему половину от его цены, он от неожиданности уступил мне часть, но мое упорство и его уступки продолжались до тех пор, пока Рябенко не возмутился и в сердцах кинул мне фразу: «*Да купи уже, разницу я доплачу*», явно не понимая суть восточного базара. Конечно же, я купил и долго наслаждался им. Помню, мы шли по базару, пребывая в хорошем настроении, я не прекращал игру, привлекая внимание, когда ко мне подошла пожилая женщина, сказав, что если я хочу услышать настоящую игру на бубне, то я должен попросить продавщицу в той лавке — и показала пальцем направление. Я вошел в эту лавку и попросил наиграть на моем бубне национальную мелодию. Продавщицу не пришлось просить долго, и волшебные звуки полились по лавке, а я, не выдержав, пошел в пляс прямо в магазине, к удовольствию всех присутствующих.

На следующий день мы уже летели в Москву в салоне первого класса, в котором находились и немецкие туристы. Игорь Михайлович Бужинский, выдающийся ученый, крупнейший специалист и организатор производства оптического стекла, доктор технических наук, лауреат Ленинской и трех Государственных премий, решив размять ноги, встал, обратился ко мне, показывая глазами на бубен, который для сохранности я просто держал в руках, и выдал: «*Завалуньч, давай!*» Мне этого только и надо было, все время полета у меня чесались руки — очень хотелось играть, и я тут же начал выбивать дробь, наигрывая мелодию лезгинки, под которую Игорь Михайлович, гремя своими лауреатскими значками и орденами, пошел в пляс между рядами сидений самолета под дружные хлопки наших, а у немецких туристов от удивления «глаза выползали из орбит».

Много удовольствия получили и мои дети от того, что этот инструмент оказался у нас дома, и я часто их развлекал; бубен помогал мне и в семейных противостояниях: во время каких-нибудь замечаний в мой адрес звуки бубна заглушали претензии ко мне. Став семейной реликвией, этот бубен десятки лет продержался в квартире в Москве, пока по какой-то причине не порвался, о чем знала моя дочь Стела и, понимая, как я был привязан к этому инструменту, наказала своим старшим сыновьям, моим внукам Марку и Давиду, пребывавших со мной в Дербенте, подарить мне в день моего рождения бубен, которого, как оказалось, в Дербенте не было в продаже,

однако с помощью моего племянника Славы напелся мастер, который по заказу изготовил для меня бубен. Теперь, приезжая в Москву, я продолжаю получать удовольствие от игры уже на этом новом бубне, не забывая о том, старом.

Множество интересных событий было связано с Азербайджаном. Я родился и вырос в городе Дербенте, рядом с границей Азербайджана, где проживало много азербайджанцев. Положение и структура города способствовали компактному проживанию жителей и располагали к постоянному контакту, в том числе с азербайджанским населением, контакты эти осуществлялись через школу, через моего отца, который имел друзей среди азербайджанцев, через соседство по улице, где вместе проживали; я понимал их нравы и язык, и когда, много лет спустя, появилась возможность сотрудничать с учеными Азербайджана, я с удовольствием ею воспользовался.

Институт физики Академии наук Азербайджана был известен высоким уровнем своего научного потенциала, а для меня он был близок еще и тем, что оттуда начинался путь в науку Юрия Михайловича Шаулова, моего руководителя по аспирантуре. Совместные работы проводились как в головном институте, так и в его филиалах, один из которых находился в Ордубаде, небольшом пограничном городке, вблизи границы с Ираном. Я часто бывал там и, как всегда, занимался не только научными делами, но активно интересовался историей и природой края. Впервые я видел такое большое скопление плодоносящих ореховых деревьев с их раскидистой кроной, уверенно державшейся на мощных стволах, расположенных на достаточном расстоянии друг от друга, и вся эта картина создавала эффект прочности и фундаментальности. Ореховые сады тянулись вдоль пустых, практически разрушенных сел, в прошлом занимаемых армянским населением, а за ними в некотором отдалении четко просматривалась линия государственной границы с Ираном, разделенная рекой Аракс, и почему-то с единственной полосой ограждения только с нашей стороны, а по той, иранской стороне, не было никаких пограничных сооружений, словно это им и не нужно было, поскольку общая граница была хорошо укреплена с советской стороны, а на противоположной вдоль пограничной реки свободно перемещались люди.

Как водится, совместная работа часто укрепляет дружбу, и среди моих азербайджанских коллег были те, с кем меня связывала добрая дружба. Одному из коллег, Ариффу Кулиеву, я благодарен за его нетерпимость к предательству. Это он предостерег меня и предупредил о готовившейся интриге против защиты моей докторской диссертации. В Академии он успешно курировал программу нашего сотрудничества, у него были ровные, дружеские отношения с руководством нашего института, и он не поколебался восстать против несправедливости, хотя это могло пошатнуть установившиеся связи, которые нужны были делу. Ариф был тверд в своем решении, к этому обязывало его понимание дружбы, соответствующее менталитету человека, воспитанного на Кавказе. Мы дружили с ним домами и часто бывали друг у друга. С ним связано много интересных эпизодов моего пребывания в Азербайджане. Однажды в Баку проходило межотраслевое совещание, куда я приехал вместе с женой, и Ариф решил дать нам возможность воспользоваться случаем и несколько дней отдохнуть на море, для чего он определил нас с четой Рябенко в загородный правительственный санаторий в Загульбе под Баку — сказочное место, с песчаным пляжем, вдоль которого кое-где были разбросаны каменные глыбы, некогда объятые морем, они придавали местности некоторую загадочность. Рассказывали, что в этих краях пребывал Сергей Есенин, которому представили эти места как Персию, где и родились его знаменитые персидские мотивы. Загульба запомнилась тем, что санаторий, где мы пребывали, занимал огромную территорию с парком и граничил через высокий забор, далеко уходящий в море, с дачей тогда члена политбюро ЦК КПСС Гейдара Алиева. Мы жили в прекрасном трехкомнатном номере с видом на море, где господствовали комары «лошадиного» размера.

Однажды, в Москве по центральному телевидению я застал часть передачи о балете на музыку известного азербайджанского композитора Фикрета Амирова «Тысяча и одна ночь» — красочная хореографическая феерия словно излучала волшебство арабских сказок. Постановка была осуществлена Азербайджанским Академическим театром оперы и балета имени Низами в Баку. Я мечтал увидеть этот балет на сцене, попросил организовать билет к моему приезду, что оказалось

невозможным, поскольку балет был на пике популярности и билеты были распроданы на многие месяцы вперед. Имея опыт «попадания» в театр в Москве, я не терял надежды и рассчитывал на лишний билетик с рук перед театром. Безуспешно! В момент, когда я потерял всякую надежду, я обратил внимание на то, что на входе в театр неожиданно широко раскрылись двери, куда потянулось достаточно много народу и я, не мешкая, присоединился к этой толпе и проскочил внутрь театра. Наверное, таких охотников, как я оказалось немало, и служители театра спешно начали закрывать вход. Я не понимал, что происходит, но оказалось, что в театр пришел Гайдар Алиев со своей свитой, вместе с которой незамеченным проскочил и я. Это я осознал потом, когда увидел его в партере. Я же, найдя место на ступеньке между рядами, с огромным наслаждением посмотрел спектакль, насыщенный музыкальным колоритом народных инструментов, сопровождаемых дополнительно голосом (сопрано), поющим тему любви. Фейерверк цветов, костюмов и декораций, в сочетании с мастерским исполнением балетных партий делали постановку зрелищной и незабываемой.

Как руководитель рабочей группы СЭВ по материалам для волоконной оптики, я был обладателем заграничного паспорта с бессрочной визой в страны соцлагеря (*слово, непонятное современной молодежи*), которые были связаны с нами совместной программой. Я имел возможность многократно посещать Чехословакию, Польшу, Германскую Демократическую Республику, Болгарию, Венгрию, Румынию. Все эти страны не были похожи друг на друга, как по социальному уровню, так и по уровню влияния на их граждан социалистической идеологии.

В ЧССР я оказался после событий пражской весны вместе с моим коллегой, профессором Владимиром Максимовичем Дзёмко, в рамках программы обмена опытом мы были командированы читать лекции по созданию новейших химических технологий. Время было непростым для общения, среди тех, с кем мы должны были встречаться, были и те, кто активно боролся за обновление политической системы в Чехословакии, кто был сторонником Дубчека в противостоянии политике Советского Союза, всеми средствами пытавшегося

сохранить существующий порядок социалистического строительства. Мы же представляли Советский Союз, следовательно, и отношение к нам должно было быть адекватным настроениям чехов. Нам указывали на этих людей, предвзято знакомя, и мы старались обходить политические вопросы, придерживаясь, в основном, производственных тем. Противостоять их мнению я не мог, я их понимал, больше того, разделял их мнение, но, как водится, исправить ничего не мог. Однажды я напел общий язык с одним из несогласных, заговорив с ним на любимую мною, очевидно, и им тему об архитектурных шедеврах Праги. И выразил свой восторг великолепными храмовыми сооружениями, особенно католическим собором Святого Вита – резиденции Пражского архиепископа, расположенной на территории Пражского Града, где находятся усыпальницы многих королей Богемии. Собор представляет собой превосходный образец готической архитектуры, это самая большая и самая важная церковь в стране. Мой знакомый оказался большим знатоком архитектуры, бывал в Москве и с восторгом отзывался о православных храмах и усадьбах в Москве и Подмосковье.

Кстати, поездка в Чехословакию стала моей первой вылазкой за границу. Увиденное меня привело в шок. Хотя Чехословакия была страной социалистической, по уровню жизни она отличалась от Советского Союза настолько, что могла бы быть мечтой каждого советского человека. Это было задолго до того, как я впервые попал в капиталистическую страну, во Францию, в Канны, когда онемел от увиденного, и голова кружилась от изобилия, многообразия и разнообразия, и чешский рай уже казался совсем бледным. Мне было обидно и стыдно за себя и моих коллег-ученых, которые вынуждены были экономить каждую копейку из тех личных денег, которые им разрешено было вывозить (*не более тридцати долларов*), и брали с собой в багаж продукты, чтобы продержаться на время командировок, в то время как прилавки в этих странах ломались от изобилия. Помню случай, как одного из уважаемых профессоров не выпускали за границу потому, что как-то в гостинице его застали за приготовлением еды, вычислив по распространявшемуся по гостинице запаху. Это был крайний случай, но реально существовавший.

Помню, как мои коллеги, уже побывавшие не раз в коман-

дировке в капиталистической стране, советовали мне запастись продуктами, я достал продукты в Москве по блату и помня, что еду в группе, взял достаточно много, чтобы можно было поделиться с коллегами. Багаж мой оказался нелегким, и когда мы уже были на месте в Каннах, после регистрации пошли устраиваться в гостиницу, расположенную, как нам сказали, недалеко, но, как оказалось, недалеко на такси, однако, опытный мой коллега профессор Виль Валентинович Григарьянц предложил такси не брать, и мы поперлись вдоль французской Ривьеры с чемоданами наперевес, удивляя прогуливающуюся, как и положено на Ривьере, публику. Ручка чемодана, не выдержав тяжести, оторвалась, и мы вынуждены были остановиться в самом людном месте, недоумевая, как быть дальше. Я, растерянный, смотрел на Виля (*от слов Владимир Ильич Ленин*), у которого ни в одном глазу не было никакой растерянности, и при всем честном народе он стал снимать с себя ремень и приспособливать его вместо ручки чемодана. Для публики это было дополнительной забавой, и они еще долго оборачивались, глядя на это действие. Наконец, мы добрались до гостиницы и тут же, пригласив к себе коллег из нашей делегации, организовали званый ужин в честь благополучного приезда, лакомясь в гостинице в Каннах дефицитными московскими продуктами из недр моего чемодана, которых хватило еще и на следующие дни.

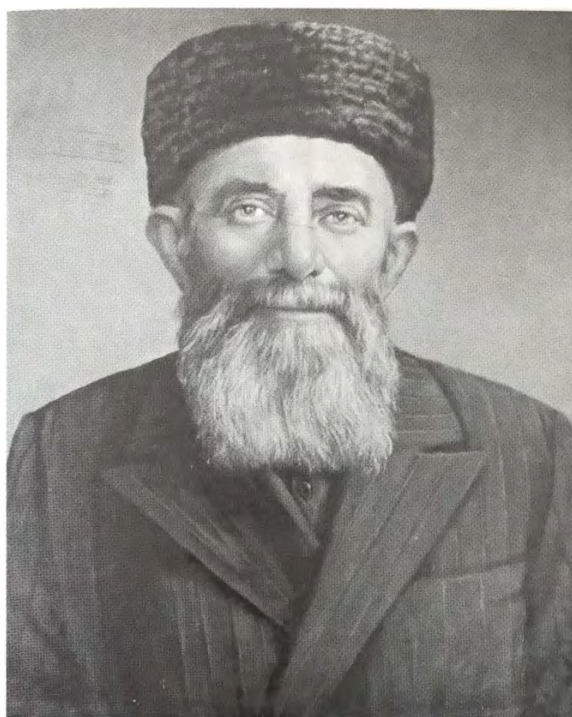
Весело вспоминать, но грустно осознавать, как же довели до такой ручки советских людей, в том числе ученых, за плечами которых были столь серьезные в науке успехи на благо Родины. Наши зарубежные коллеги проживали просто нормальную человеческую жизнь, а для нас, советских ученых, это было недостижимо. Никогда более, уезжая за границу, я не брал ни одного грамма продукта, обходясь мизерными командировочными, но зато чувствуя себя комфортно.

Помню забавный случай во время приема в дорогом яхт-клубе во время пребывания в Каннах. На большой территории были накрыты столы с угощениями, мы напали на что-то, похожее на шашлыки, и служитель, готовивший это лакомство, заметил на моем лице недовольную гримасу, появившуюся из-за того, что вкус того шашлыка далеко не подходил на вкус настоящего, привычного нам. Обращаясь ко мне, он спросил: «*Вам не понравилось? Вы умеете делать вкуснее?*» Этот

вопрос настолько меня раззадорил, что в моей, уже повеселевшей от напитков голове, зародилась мысль показать им, что такое настоящий шашлык, и я ответил ему, что если он предоставит нужные мне градиенты, я готов буду бесплатно научить его приготовлению настоящего шашлыка. К моему удивлению, приняв это как шоу, все, что я попросил, почти мгновенно оказалось на разделочном столе, и я, так же не медля, приступил к приготовлению и через полчаса возни нанизал несколько шампуров и стал их жарить на углях. Уже один запах жарившихся шашлыков, не говоря об их вкусе, привел в восторг поваров и собрал восторженную публику. Под громкие одобрительные возгласы пробовавших и нюхавших я покинул свое «рабочее место» и пошел дальше наслаждаться вечером.

Перед отлетом в Москву через Париж из Ниццы у нас оставалось более пяти часов свободного времени, каждый мог провести их по своему усмотрению. Мне пришло в голову побывать в Монако, в Монте-Карло, это всего в двадцати минутах езды от Ниццы на электричке. Поскольку это было другое государство и нам не было предписано пребывание в нем, я должен был получить разрешение руководителя нашей делегации, который, конечно же, мне отказал, что, естественно, пережить я не мог и стал убеждать поехать уже всей делегацией, доказывая, что это, может быть, единственный шанс увидеть Монте-Карло, никогда в будущем такая возможность нам не представится. На твердый отказ руководителя делегации я изрек, что он может по приезду в Союз доложить о моем нарушении предписаний, однако я хочу свой шанс использовать. Не выдержав такого напора или, может быть, заволновавшись, что я действительно оторвусь от группы, он принял решение ехать всем вместе. Через полчаса мы уже гуляли по Монте-Карло, даже посетили знаменитое казино, даже играли в нем, и я лично проиграл оставшиеся свои последние франки. Мы даже успели прокатиться на катере, любуясь со стороны моря великолепной панорамой города от подножия до самой верхушки горы, что придавало городу вид гроздившихся небоскребов. Все были довольны, я был героем дня. Знаю точно, что никто из тех, кто был тогда с нами, не побывал повторно в Монте-Карло.

Зато мои коллеги успели потешиться надо мной, когда

Отец Заволун бен Ильягу
Шалумов

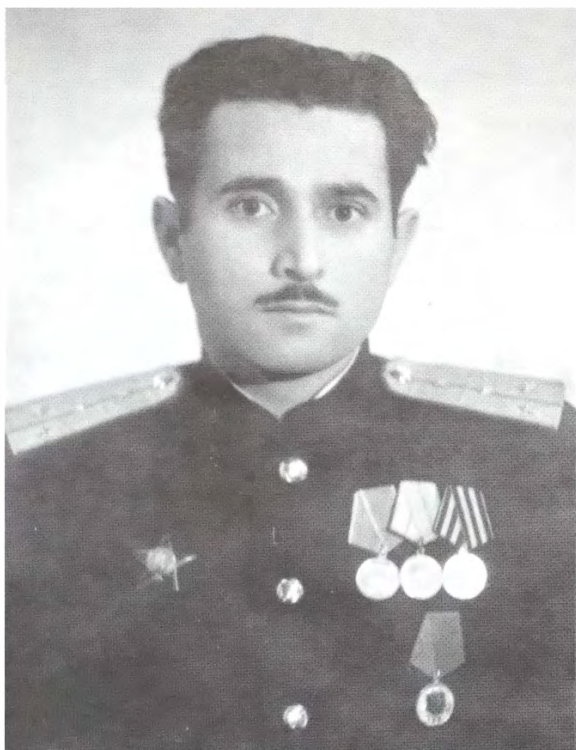
Мать Наами Садыковна
Шалумова

Брат Илья до Великой Отечест-
венной войны

Брат Илья в первые дни войны

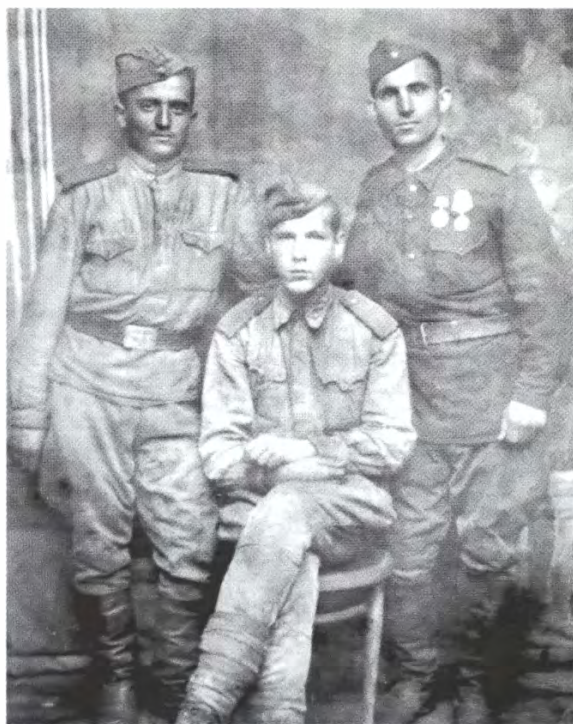
Брат Герцель в начале Великой
Отечественной войны

Брат Герцель после войны в
Кронштадте

Брат Бистонай – студент Военно-механического института в Ленинграде

Брат Бистонай (*слева*) с фронтовыми друзьями

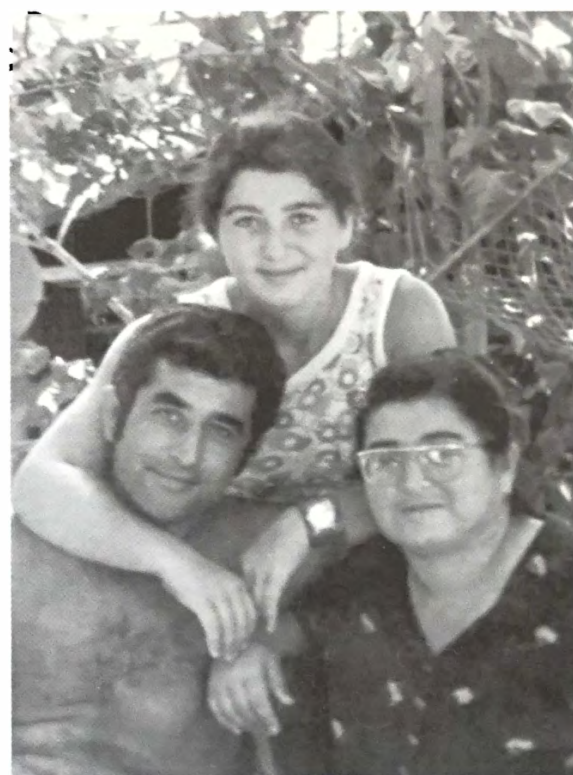
С сестрой Хавасюлют

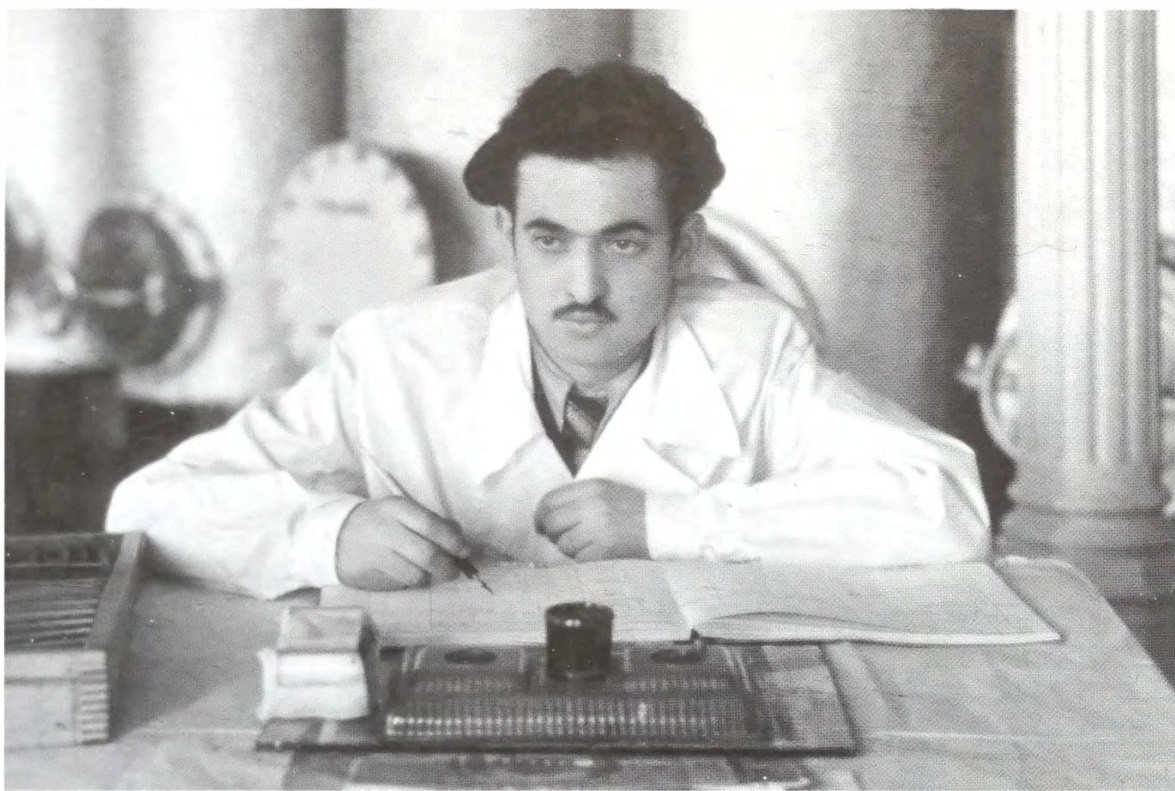
С сестрой Хавасюлют

Сестра Яффа

С сестрой Розой и дочкой
Стеллой

Брат Авнил — технолог ликеро-водочного завода в рабочем кабинете

С Авнилом и его супругой Саррой

Племянник Заволун. Сын Авнила

Илья Григорьевич Абрамов —
муж сестры Хавасюрют

Герой Советского Союза
Шатиев Семенович Абра-
мов — мамин брат

Племянница Светлана в гостях у меня в Москве

**Я, Биньямин Шалумов,
собственной персоной**

**Супруга Серафима Соломонов-
на**

Дочь Стелла

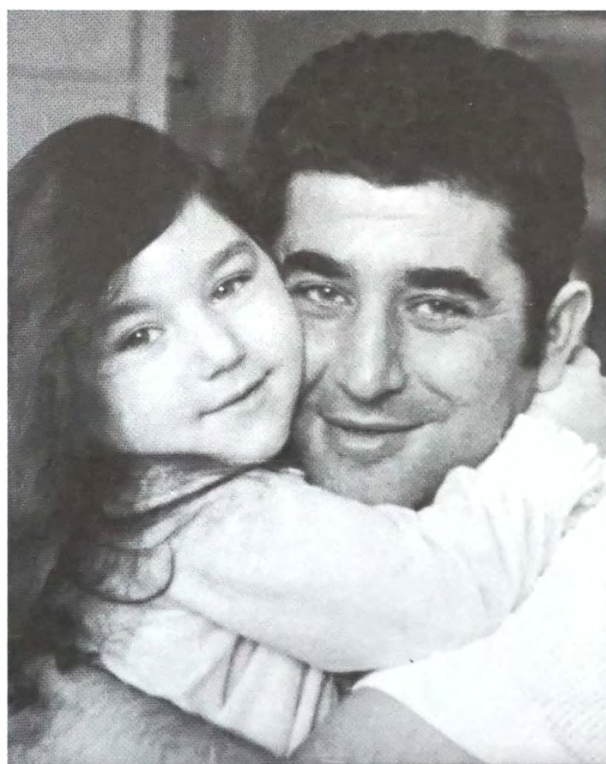

Дочь Аня

С дочерьми Стеллой и Аней после рождения внука Яши. 1999 год

С доченькой Анечкой

С доченькой Стеллочкой

Никита, Яша, София, Давид, Марк с бабушкой Симой и дедушкой Биней

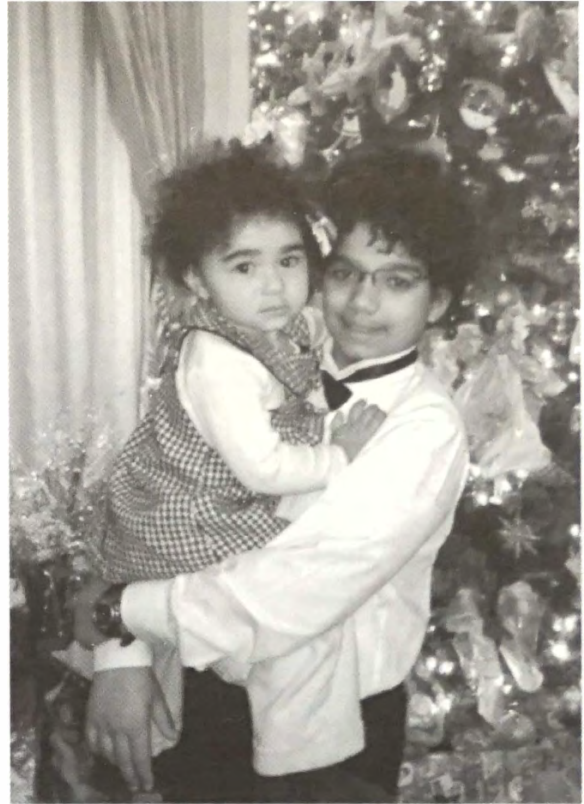
С внуком Марком

С внуком Яшей

С внуком Никитой

**Внучка София с братиком
Никитой**

С внуками Давидом, Яшей и Марком отмечаем День благодарения у меня в Нью-Йорке

С первой учительницей Полиной Григорьевной

Занятие фотокружка с Абрамом Григорьевичем

Тамара Смирнова

В школьные годы

С любимыми учителями — директором школы Георгием Семеновичем и Лидией Тимофеевной

Заседание Ученического Комитета школы с наставниками Дмитрием Максимовичем и Георгием Семеновичем

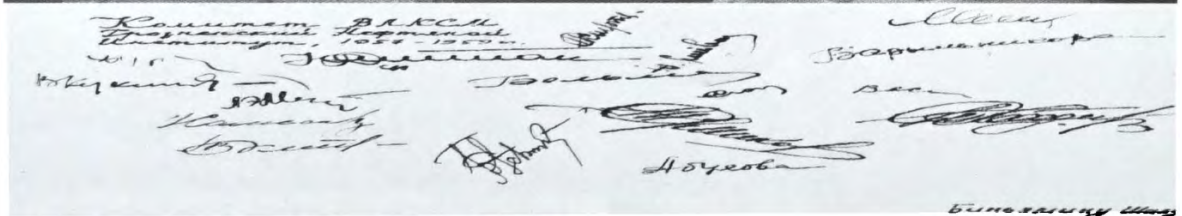
Со школьными друзьями — Урилом Нисимовым, Биньямином Юханановым, Виктором Саркисовым, Авшалумом Изъяевым, Магомедом Генжиевым

Я в студенческие
годы

Наша студенческая группа НЗ-55

Комитет комсомола Грозненского Ордена Трудового Красного
Знамени нефтяного института. 1960

С Валентином Шеплевым, Ромой Осиповым и Валентином Давитулиани

На целину в составе группы студентов механического факультета Грозненского нефтяного института

С космонавтом Владимиром Джанибековым на территории нашего института ИРЕА

Совет Главных Химиков МХП. Маргарита Семеновна Асланова (справа)

С академиком Г.Т.Петровским (*справа*), Е.А.Рябенко и ректором Самаркандского университета

Встреча членов Ученого Совета Госкомитета СССР по науке и технике со студентами и преподавателями самаркандского госуниверситета (*слева* Рафаил Семенович Шевелевич)

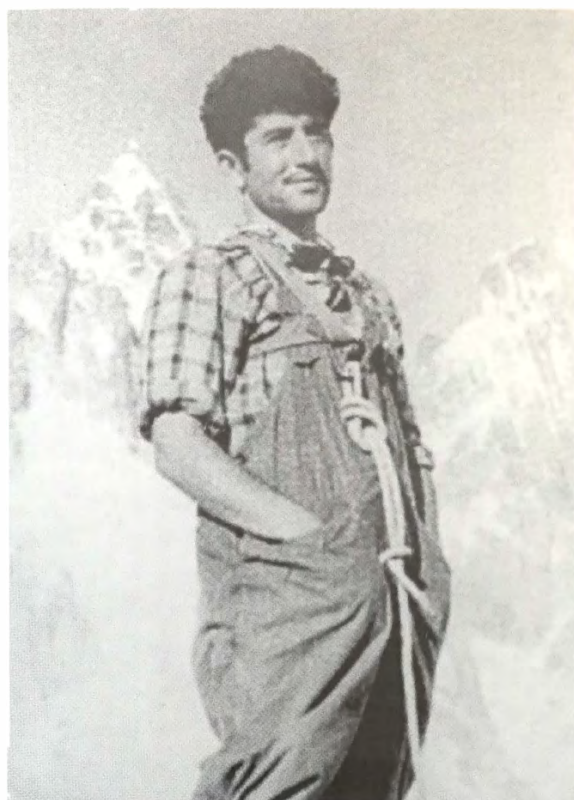
Со Степаном Бабаяном на озере Севан

С Димой Рогинским в Иерусалиме

Во время протестной демонстрации за освобождение Храмовой горы в Иерусалиме

Вершина взята

Отдых перед взятием вершины

Альпинисты на привале на пути к взятию вершины «Пик Николаева» в Кавказских горах

DAGENS NYHETER FREDAGEN DEN 13 SEPTEMBER 1988

Från Gulag till Östermalm

DN gratulerar

Nästan Paul Wexsleblat född 1910 i en dag född i Tjumen, då Rumänien. Sine Österrike, underrare Gopostionen, riktare Utrikes Utbildad i Gramp, osv osv. Följande i Gulagsträngerna.

Under de blodiga strömmarna i Tjumenets huvudstad Gramp (nu) härskande var det en starkt utvecklad och bevärdad skräcklig apparat som på krigspropaganda, de, till slut var också skolan blev bad där han läste till lärare för tvättarna för sedan.

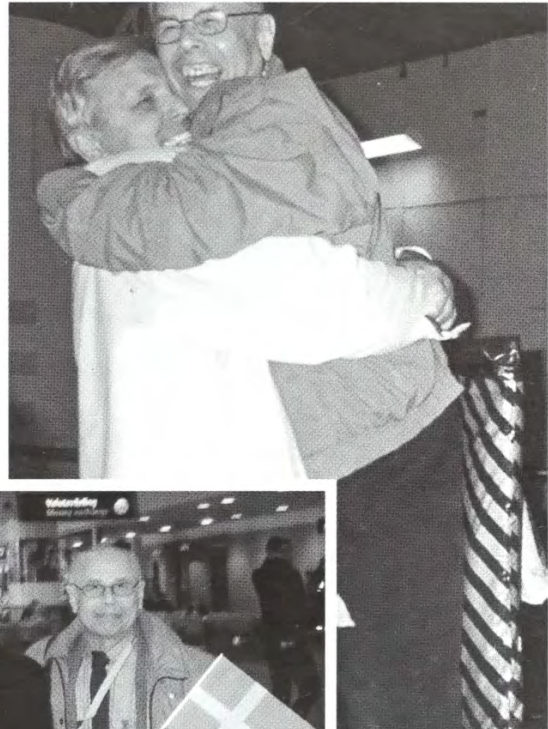
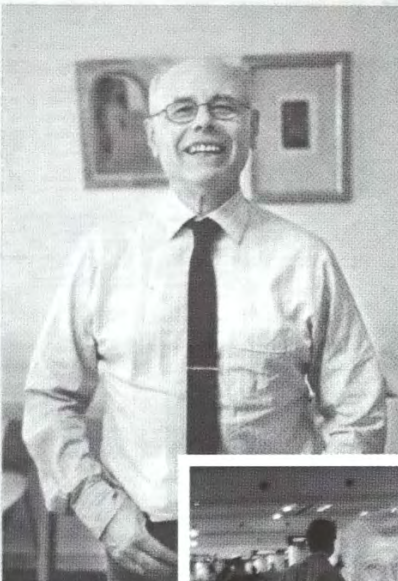
Det är fantastisk att Paul Wexsleblat kom från sin skola föreläsning i dag. Han levde på sin gamla Kret och värd i det, väldigt, spejleringen under en tid då maktstrikker dog i svett och tårar och även våldsamare död.

"Jag klarade mig tack vare lyggliga människor som hjälpte mig, det var en stor lycka."

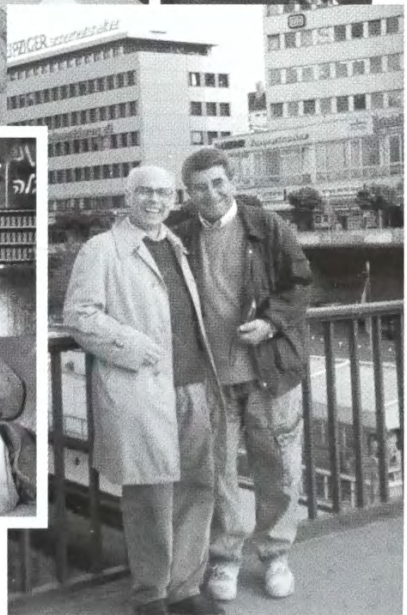
Den Paul hade varit född och de närliggande hade det varit "Österrike" i hans författarskap, men 1922 hade han utövande Carrerwitz i provinserna Bakovitsa hänsatt hänsatt i Rumänien, 1940 utkommerades den av Sovjet och i dag, lämnar staden i Ukraina och kallas Tjumen, osv.

REGERINGEN VAG FYRÅ men till Paul Wexsleblat också till rikt bolagsmän. Pappa var en riklig och det var inte bara var. Stasins kommunister hade makten. Den stora masspartisterna kom den 13 juni 1941 i Sovjets nya ordren i Baltikum och Bukovina. Familjen, Iraschins med sin hustru, flydde till Krasnojarsk. Det var många skapelser och tvätt, alla fick i (1) och får dog.

Ryska läsa sig till Paul i byn vid en av zonen Stija. "Jag drog tillbaka och får var tvätt och och läsa sig. Det var för att komma

Paul Wexsleblat som till Västerhavet i Sverige omväxlande liv i bland annat sovjetiska fängelsestraffgruppen längs den mongoliska gränslinjen i Czernowitz, studerade på kvällarna och fick, 1960-62 p. 1963 i 60.

С Паулем Вексельблатом

Первый приезд в дом. Мы с Ханной рады

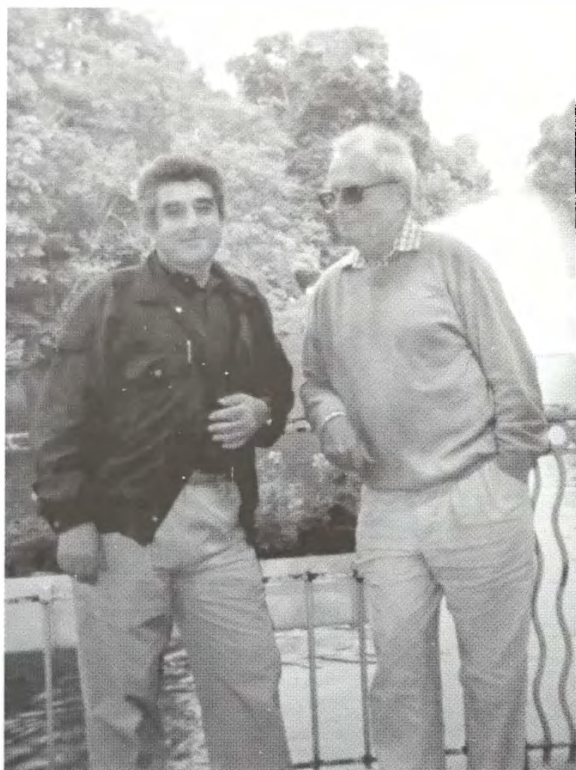
Коль приехал – работай

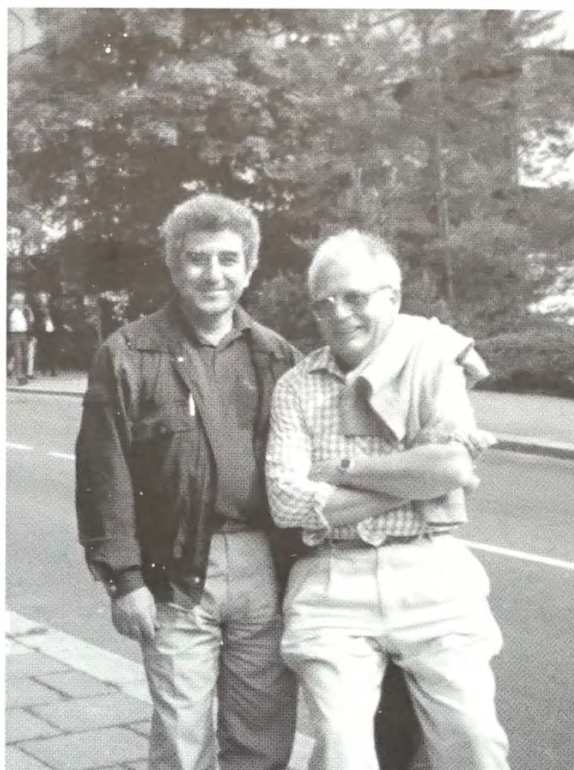
Перед завтраком на кухне у хозяйки

Перед встречей нового столетия в Стокгольме

В гостях у профессора Дислиха
в г. Майнце, ФРГ

С Хельмутом Дислихом

На прогулке по исторической части города Майнц с
госпожой Хана-Лора Дислих

Между заседаниями симпозиума в Болгарии с четой Дислих

На дегустации вин с Хана-Лорой и Хельмутом Дислих в Испании

С профессором Хельмутом Дислихом и профессором Хироши Хирошима в Испании

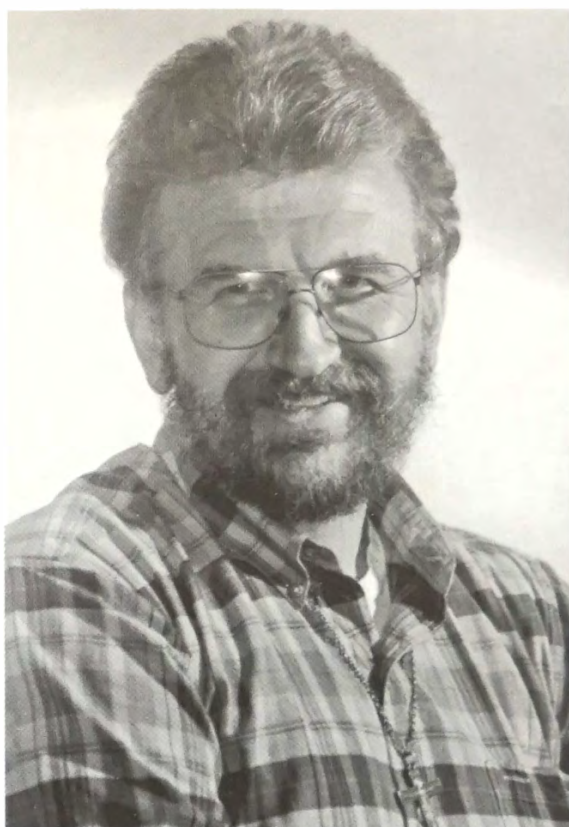

С профессором Хироши Хирошима в Японии

С доктором Michael Sinchsov в
Испанской Севилье

Влад Грибовский

С итальянским художником ди-
зайнером Сильвано Белардине-
ли (справа) в Японии

Ва время пребывания у Дислиха
в г. Майнце (фото Дислиха)

С индийским и французским учеными. Справа профессор Jacques Livage (Франция)

На всесоюзной конференции по особо чистым веществам, г. Горький (слева Виктор Бомштейн)

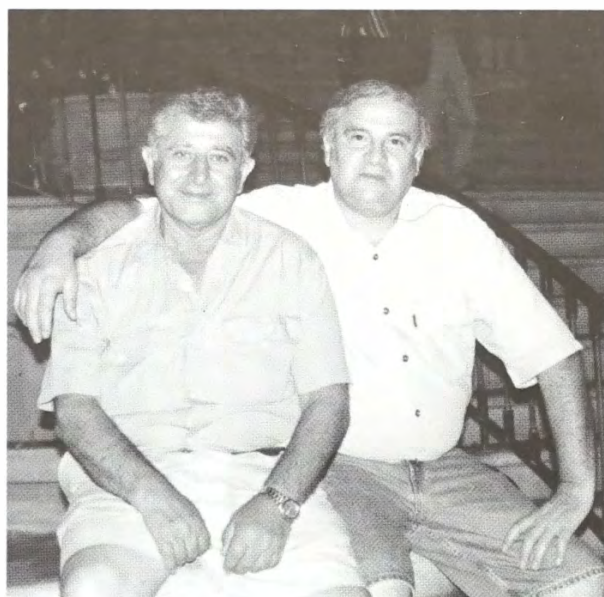
С Евгением Александровичем Рябенко

С Борисом Альтшуллером

С племянницей Полиной Абрамовой

С Ривазом Чаидзе в Лос-Анжелесе

С Евгением и Натальей Коробковыми

С Олегом и Ларисой Таировыми

С Виктором Фаермарком (*слева*) во время посещения в Брюсселе

С Маратом Марковичем Бойновичем

С академиком, директором Саратовского института стекла Александром Жимайловым

С Романом Карменом на его подмосковной даче

С Рахамимом Мишиевым, Борисом Рабаевым, Валентином Давидулини, Борисом Хизгияевым

С супругами Черниковыми – доктором наук Еленой Вадимовной и Президентом банка «Холдинг Кредит» Владиславом Станиславовичем

С молодыми друзьями Андреем и Еленой Матершевыми

С президентом Театрального фонда «Хрустальная Турандот» Борисом Беленьким и его супругой Еленой

С Тагиром Даудовым и Виталием Видяпиным

С академиком РАН Борисом Грибовым и его дочерью Светланой

С другом Виктором Бомштейном и профессором Эдуардом Лецким

в аэропорту в Ницце, откуда мы вылетали в Париж, в то время как их всех беспрепятственно пропустили через таможенный контроль, меня же и мой багаж из-за моей неевропейской внешности долго обшаривали, видимо, приняв меня за потенциального террориста.

Когда я задумываюсь над тем, как много я помню из прошлой жизни, на прикидку кажется, не так много, но когда сажусь писать, воспоминания догоняют друг друга, становясь в очередь, а я с трудом или вовсе не успеваю запечатлеть их, поскольку они летят гораздо быстрее моих возможностей стучать по клавишам кийборда. И я решил, что буду избирательно описывать то, что казалось нерядовым эпизодом, как это было в Болгарии, в Варне, где собрались делегации стран СЭВ на очередном ежегодном форуме, подводившем итоги выполнения программы по созданию волоконно-оптических систем связи, который по срокам совпал с днем моего рождения.

Условия проживания были прекрасны, мне выделили апартаменты на двух уровнях, где на первом этаже была большая гостиная, которая могла вместить много народу. К этому времени сформировался круг зарубежных коллег, с которыми у меня были достаточно приятельские, доверительные отношения, и я решил отметить день рождения, собрав их у себя в номере, но предварительно попросив каждого не придавать это огласке, чтобы не привлекать к себе внимания. Любезные девушки из нашей делегации помогли накрыть праздничный стол.

Постепенно собирались гости. Первым появился пунктуальный Гер Хайнсдорф из ГДР, всегда сдержанный, но сегодня в веселом расположении духа, демонстрировавший на пляже, со слов переводчицы, стойку на голове. На мою просьбу повторить это же завтра он вызвался по случаю моего дня рождения сделать прямо сейчас в номере. Тут же, сняв пиджак, встал на голову в углу комнаты, отпустив руки, а свисавший с его перевернутой шеи на пол красный галстук создавал впечатление дополнительной точки опоры, и так он простоял в углу, словно перевернутая статуя, довольно долго, вплоть до появления следующего гостя. Был задан тон веселому настроению, которое продолжалось уже за полночь, ник-

то не желал расходиться, и я предложил пойти купаться, зная по себе, какое удовольствие ночное купание в море. Мнение разошлись, более трезвые советовали воздержаться, а поскольку менее трезвых оказалось большинство, было принято решение ночные морские ванны принять. Взяв тайм-аут на переодевание, все разбежались по своим номерам. Первым вернулся мой близкий приятель — высокий, стройный, интеллигентный чех Пшимсл Клима, в одних плавках, но с висевшим на шее галстуком. На мой вопрос, почему он в галстуке, ответил, что иначе поступить в столь торжественный день не может. (*Позже в перестроечные времена Клима занимал высокие государственные посты*). Собравшись, мы взяли с собой шампанское и спустились к берегу моря. Веселье продолжалось, и только к рассвету мы вернулись в свои номера отдохнуть хоть немного перед заключительным пленарным совещанием.

Закрытие форума проходило за большим круговым столом, за которым участники были рассажены, как обычно, делегациями. Совещание плавно переходило в заключительный прощальный банкет, и по репликам стало ясно, что наш вчерашний кутеж не остался без внимания, да и не мог оставаться, потому что у нас не было сдерживающих тормозов, и мы громко веселились. Кульминацией этого дня стало то, что запомнилось навсегда. Болгарская делегация сидела напротив нашей, я видел их умиленные физиономии, направленные в мою сторону, и не понимал причины, пока мой коллега не шепнул мне на ухо, чтобы я обернулся назад.

О боже! Я повернул голову и увидел за спиной двух девушек божественной красоты, они обе держали огромный букет прекрасных желтых роз (*в Болгарии — символ любви*), даря мне свои очаровательные улыбки. Это было трогательно и предупредительно со стороны наших болгарских друзей, да и всех присутствовавших, разразившихся дружными аплодисментами. Эти розы я привез в Москву с трудностями, поскольку букет был настолько большим, что в самолете не находилось для него места, но добрые бортипроводницы все же нашли выход из положения. Этот букет роз долго стоял живым в московской квартире как напоминание о царившей тогда дружбе и доброте. Букет стоял еще долго, уже с за-

вядшими розами, листья которых еще крепко цеплялись за бутоны, словно не желая прощаться, а я при взгляде на них улыбался, вспоминая тот день и заряжаясь их еще не растратченной энергией.

Так случилось, что Болгария дарила часто сюрпризы. Как-то в Софии проходила научная конференция по проблеме особо чистых химических веществ для электроники и оптики, организованная Болгарской Академией Наук, на которую была приглашена делегация ученых Советского Союза, в состав которой был включен и я. Я приехал на пару дней раньше основного состава делегации, поскольку помимо конференции мне предстояло поработать с коллегами по линии СЭВ, связанных с материалами для волоконной оптики. Нашу делегацию я встретил в лобби гостиницы, где проживал и я. По мрачным физиономиям коллег я понял, что что-то не так. Оказалось, руководителю нашей делегации академику Григорию Григорьевичу Девятым предложили очень неудобный номер, не соответствующий его рангу, в то время как мне, приехавшему на пару дней раньше, выделили апартаменты. Я решил, что это несправедливо, и сказал Григорию Григорьевичу, что это, видимо, недоразумение, и я попытаюсь все уладить. Видимо, номер, предусмотренный для академика, случайно выделили мне, и с этой мыслью встретился с организаторами конференции, которым предложил оформить руководителю делегации мои апартаменты, а меня переселить в другой, на что они категорически заявили, что это плановое распределение. Конечно, с этим я согласиться не мог и настаивал на том, чтобы переселили академика в достойный номер, но был получен отказ, потому что аналогичных номеров больше нет. В таком случае, заявляю им, я покидаю их гостиницу, чтобы освободить номер для академика. Этот вариант их вовсе не устраивал, поскольку создавалась некая конфликтная ситуация, озвучивать которую организаторам явно не хотелось и, связавшись с кем-то по телефону, они выделили резервные апартаменты, оставив за мной мой номер. Извинившись за недоразумение, работники гостиницы вручили Григорию Григорьевичу ключи от его номера, и мы помогли ему перебраться. Это был великолепный гостиничный

номер, увидев который Григорий Григорьевич предложил поужинать всей делегации у него. Благо, было только начало вечера, а мы, советские ученые, всегда были готовы развернуть любой банкет, поскольку каждый из командировочных за границу запасался достаточным количеством еды, дабы экономить те гроши, которые полагались для пребывания за границей. Мы вернемся к содержанию нашей трапезы, а сейчас я хотел бы поделиться тем, насколько, на самом деле, вышеописанный эпизод был случайным недоразумением.

Сомнения о том, что имела место какая-то интрига, развеялись, когда в день открытия конференции председательствующий Президент Болгарской Академии Наук в качестве сопредседателя заседания пригласил в президиум меня, что было совершенно неприемлемо с точки зрения субординации в СССР. Академик Девярых представлял нашу страну как лидер научного направления. Я замешкался, смущенно переглянулся с Григорием Григорьевичем, лицо которого выражало некоторое недоумение, однако на настойчивое приглашение меня в президиум Григорий Григорьевич с легкой улыбкой одобрительно кивнул мне головой. Для болгарской стороны я не был случайным человеком, я тесно сотрудничал над созданием в Болгарии в рамках программы СЭВ новых химических технологий, однако, статус академика Девярых был значительно выше моего статуса. За столом президиума я успел шепнуть президенту, что произошла ошибка, вместо меня в президиуме должен быть наш академик, на что он ответил, что никакой ошибки нет, что я нахожусь в президиуме в качестве сопредседателя и должен к этому отнестись спокойно. Прошли многие годы, но для меня оставались загадочными события того времени, я никогда не спрашивал Григория Григорьевича об их возможных причинах, однако некоторая горечь не покидает мои чувства до сих пор.

Я долго сомневался в том, нужно ли было вспоминать о том эпизоде прилюдно, пока я не убедил себя, что это было не частным явлением, а показателем сути времени, в котором мы пребывали. Люди пользовались своей властью сполна, не считаясь ни с чем, этот вирус несвободного общения с властью вышестоящих поразил все уголки человеческой

деятельности, включая науку. Этот вирус был и внутри меня, что было причиной моего переживания, когда меня поставили «впереди паровоза». Мне могли дома об этом напомнить, хотя это не было моей инициативой. Я с грустью вспоминаю о той зажатости, которая оковывало меня в те годы, особенно теперь, когда я чувствую полную внутреннюю свободу, когда я сам себе хозяин и никто, ни надо мной, ни подо мной не стоит. А тогда приходилось думать, как на эти события прореагирует, вернувшись на родину, академик Девярых, от его мнения могла зависеть моя дальнейшая карьера, в том числе защита докторской диссертации. Тут Григорий Григорьевич имел непререкаемый авторитет, хотя я и сам занимал достаточно высокое положение в отраслевой науке. Но разработки академической и отраслевой науки для оборонной промышленности были тесно переплетены, места для интриг не должно было оставаться.

В Академии Наук Григорий Григорьевич Девярых занимал особое место, он возглавлял направление науки, тесно связанной с развитием в области электроники и оптики — особо чистые химические вещества, в то время как наш институт занимался разработкой промышленных производств тех же материалов. Это обстоятельство связывало нас. Григорий Григорьевич возглавлял головной академический институт по проблемам особо чистых материалов, расположенный в Горьком, где он и жил. Пребывание института не в столице, а в провинции, что было нехарактерным для того времени, тоже связывалось с именем академика Девярых, который создал свою школу, окружил себя талантливыми учениками, мы с ними тесно работали. Высокий, стройный, спортивного сложения, спортсмен, великолепно игравший в волейбол, он активно участвовал в различных командных соревнованиях.

Поскольку Григорий Григорьевич отличался крутым нравом, а его ближайшее окружение ему беспрекословно подчинялось и при его желании могло вести себя по отношению ко мне так, как этого хотел бы академик, чтобы напомнить мне о болгарском сюжете. Это могло иметь малопривлекательные для меня последствия, особенно накануне защиты моей докторской диссертации. Я так думал, я знал его больше со стороны, не будучи его приближенным. На самом же деле

им руководили интересы науки и внедрения ее результатов в производство для реализации оборонных задач. Оборонные задачи! Я не помню каких-либо значимых организаций, которые не занимались оборонной тематикой.

Вопреки опасениям, Григорий Григорьевич стал моим ангелом-хранителем. Мне предстояло выступить перед ученым советом его института, чтобы получить отзыв о моей докторской диссертации, который мог стать решающим для успешной защиты или наоборот. Перед самым началом ученого совета Григорий Григорьевич пригласил меня к себе в кабинет и попросил ознакомить его с содержанием диссертации, перелистывая по ходу моего рассказа толстенный том диссертации и изучая опубликованные статьи. Наблюдая за ним, я заметил, как растет его интерес, так концентрированно он не был знаком с моими научными работами, и как показалось мне, был приятно удивлен. Закончив беседу и выйдя из его кабинета, мы направились в зал заседания ученого совета, куда вошли вместе и, взяв меня под руку, он повел меня с собой к председательскому месту. В повестке дня совета мое выступление значилось как внеплановое. Неожиданным для меня стало его сообщение о том, что он хорошо знаком с моей работой и предлагает без обсуждения на ученом совете дать положительную рекомендацию к защите. Возражений, естественно, не было, я избежал многих вопросов ученых мужей, любителей эскуции.

После этого события наши контакты с Григорием Григорьевичем участились и укрепились. Однажды мы провели прекрасный вечер у меня на квартире в Москве, я угощал его замороженными кавказскими пельменями собственного производства, коими удостаивались обычно самые дорогие мои гости.

Однако вернемся в Болгарию. Получив апартаменты, Григорий Григорьевич предложил поужинать всей делегацией у него в номере. Этот ужин открыл мне новую яркую полосу жизни, связанную с именем члена-корреспондента Академии наук СССР Бориса Георгиевича Грибова, с которым я был знаком поверхностно, но знал его как одного из лидеров развития электронной промышленности в СССР,

как непосредственного участника зарождения и развития города-спутника Зеленограда, как генерального директора крупнейшего института материаловедения Министерства электронной промышленности СССР, персоны, перед которым были открыты коридоры власти. По роду деятельности, как главный химик Минхимпрома, я должен был тесно с ним сотрудничать, однако, по каким-то причинам мое руководство не поощряло контакты с ним. Мы случайно за ужином оказались рядом, из-за отсутствия в номере большого стола ужин был накрыт на полу. Перед тем, как произнести тост, он заметил, что чувствует поток энергии, исходящий справа от него, где сидел я. И это он говорил серьезно, хотя я не проявлял никакой активности. Я попытался перевести это в шутку, сказав, что он тоже «*будь здоров*», однако его ощущения несколько меня обескуражили, если учесть, что этот человек был наделен многими талантами, в том числе и экстрасенсорными. Это потом, когда мы стали уже близкими друзьями, он пытался понять, почему, решая одни и те же задачи, я был вне контакта с ним. И сам же ответил, что причина была во внутренней конкуренции людей, понимающих, что наш с Борисом тандем мог привести к серьезным изменениям, могущим отнять полномочия у тех, кто их не желал оставлять. Имелись в виду люди, с которыми Борис Григорьевич по разным причинам не желал сотрудничать, потому что их менталитет и Бориса Грибова были на разных уровнях. Не воспользовавшись возможностью сотрудничества в прошлом, мы упивались с Борисом Георгиевичем совместной работой уже во времена перестройки. Действительно, времена были лихие и часто бездумные, это был период, когда вышел бездарный указ о выборности директоров институтов и предприятий, в результате чего многим талантливым руководителям приходилось оставлять руководство и передавать предприятия бесталанным людям, тем самым приближая время полного развала науки и производства. Под эту мясорубку попал и Борис Георгиевич. В своем стремлении развивать во чтобы то ни стало свои научные и прикладные задачи он создает новый институт и добивается его финансирования. К этому времени я уже покинул должность главного химика и руководил совместным советско-американским предприятием,

в рамках которого продолжались научные разработки. Воспользовавшись нашими возможностями, Борис Георгиевич предлагает сотрудничество, и мы в тандеме несколько лет с успехом сотрудничали. Для нас это были светлые годы творческого единения, пока у меня «не поехала крыша» и я, оставив все дела, не занялся живописью. Но наша дружба продолжалась, доставляя нам радость общения и поныне, и я не помню ни одну из своих выставок в Москве, которую не посетили бы Борис со своими милыми дочерьми Светой и Анечкой и внуками.

ПО ПОНЯТИЯМ

Оставить работу на пике своих возможностей без надежды найти хотя бы близкую к той, которую добровольно оставил, или вообще найти по тем временам хоть какую-то работу было, по крайней мере, неразумно, но моя гордость не позволяла мне оставаться с теми, кто мог на меня смотреть косо и не доверять мне, хотя и несправедливо; конечно, переживать все это было нелегким занятием.

Но мир оказался не без добрых людей. То было время, когда разворачивались совместные с иностранными фирмами предприятия. Судьба завела меня на одно из этих первых новообразований — на совместное Советско-Швейцарское предприятие «DIAG INTERNATIONAL», возглавляемое его президентом Таировым Олегом Петровичем, личностью неординарной, сыгравшей в моей судьбе благотворную роль в самые тяжелые для меня времена. Я пришел к нему с улицы, он же, услышав мою историю, проникся к ней интересом и зажегся им же только что придуманной идеей — открыть филиал своей фирмы и назначить меня, если я готов, его генеральным директором, заявив при этом, что на его предприятиях еще нет ученых моего уровня, доктора наук, профессора, хотя он сам был кандидатом биологических наук, и наличие в структуре предприятия научного подразделения представляется ему перспективным. Ему не пришлось долго ждать моего согласия, и он тут же дал распоряжение своим службам подготовить приказ о создании филиала предприятия «DIAG INTERNATIONAL» и о назначении меня его гене-

ральным директором. А назавтра я уже приступил к формированию нового подразделения.

Олег Петрович обладал невероятной способностью притягивать к себе людей, и попав в обойму первых деятелей крупного бизнеса, не был развращен своим положением и, понимая важность развития среднего бизнеса, создал разбросанную по всей стране сеть малых совместных предприятий, финансируя их становление. Будучи человеком науки, он инвестировал свои же филиалы с научным уклоном, видя в этом перспективу развития, а не только сиюминутную выгоду, что было характерно для перестроечного периода. Эту благодать ощущал и наш филиал, куда я подтянул своих учеников, которые из чувства солидарности со мной оставили работу и примкнули ко мне, желая, кроме того, продолжать свои научные направления, вместе со мной перешедшие в новую организацию.

При решении крупных сделок Таиров не останавливался только на своем чутье, он часто привлекал своих людей, в круг которых со временем вошел и я, для консультации по специальным вопросам, и по этой причине я часто оказывался с ним в различных поездках, связанных, например, с покупкой или созданием какого-то производства. В этих поездках проявлялись его человеческие качества — доброта, его природный ум и интеллект, глубокое понимание искусства, философский склад ума, жизнелюбие. Для меня эти поездки были праздником души и с каждым разом укреплялись наши дружеские отношения. Наступили времена, когда рамки филиала стали узкими для моей деятельности, и когда нашими разработками заинтересовались американские компании, Таиров отпустил меня на «вольные хлеба» и сам предложил мне выделиться в самостоятельное предприятие, уже совместное Советско-Американское, открытие которого к этому времени созрело. Но это уже другая отдельная история моей жизни, о которой будет идти речь.

С годами я потерял всякую связь с Таировым, хотя и пытался отыскать его. До меня доходили слухи о том, что СП «DIAG INTERNATIONAL» уже не существует, и что Олег Петрович переживал тяжелые времена, и спустя много лет, вдруг всплывает уже совершенно в ином качестве — хозяина

весьма престижной художественной галереи, о чем я узнал от своей дочери Стеллы, по своим живописным делам познакомившейся с Олегом Петровичем, который, услышав ее фамилию, в свою очередь, поинтересовался, не отцом ли ей приходится профессор Шалумов. И это невероятное стечение обстоятельств дало нам возможность снова общаться и уже не на тему СП, хотя невозможно обойтись без воспоминаний о былых временах, а больше о живописи, к чему сегодня мы оба привязаны, он как галерист, я же как художник. Я еще раз убедился, что жизнь полна неожиданностей и сюрпризов.

Мозговым центром таировского предприятия СП «DIAG INTERNATIONAL» был Погосян Тигран Ливонович, незаурядный экономист и организатор, поистине чистый человек, которого не затронули пороки времени, преданный друг и доброжелатель, умевший жертвовать своими интересами ради интересов других. Из года в год менялось время, менялись люди, и когда Тигран почувствовал, что меняется также политика и направление деятельности предприятия в сторону, отличную от его представлений и убеждений, он, не задумываясь, оставляет его, отказавшись от всех ожидавших его благ, в результате чего он переживает тяжелые времена, но не желает идти на сделку со своей совестью.

Перестройка открыла путь к внедрению инвестиций иностранных компаний в советскую экономику, хотя на первых порах это был достаточно медленный процесс, вызванный бытовавшим на Западе недоверием в целом к стране и, в том числе, нестабильностью проводимых реформ. Однако находились смельчаки, среди которых одним из первых оказался Влад Грибовский (Владимир Васильевич Грибовский), американец украинского происхождения, который, по его же словам, написал письмо лично Михаилу Сергеевичу Горбачеву о своем желании внести вклад в перестройку, в связи с чем готов инвестировать свои личные средства в экономику новой страны. Это обращение помогло ему открыть дорогу для бизнеса, чем он действительно смог в первое время воспользоваться. Влад — стопроцентный американец, хотя ро-

дители происходили из украинской глубинки, они покинули страну тут же после окончания Великой Отечественной войны, когда Владу было два года от роду. Он сохранил русский язык, который уже оттачивал во время пребывания в России в новые времена. После окончания престижных университетов Влад приобрел профессию менеджера, и профессиональные знания помогали ему генерировать множество идей на широком незасеянном экономическом поле советского пространства, однако, в конечном итоге, не дали ему каких-либо значимых успехов, в то время как не окончившие не только престижных, но просто никаких университетов местные новоделы, владевшие в отличие от Влада спецификой внутренних отношений, семимильными шагами шли к финансовым вершинам.

Мое знакомство с Владом состоялось примерно, через три года после его пребывания в России. Мы с Александром Шауловым предложили ему конкретные технологии новых материалов для строительства и автомобилестроения. Влад Грибовский серьезно отнесся к нашим предложениям и, проведя консультации в Америке на предмет возможного использования предлагаемых технологий, организовал нам встречи на предприятиях в США, которые были заинтересованы во внедрении этих технологий в Америке. Это обстоятельство давало возможность Владу получать государственные гранты на развитие бизнеса в Союзе, что в то время поощрялось американским правительством. В результате было организовано совместное предприятие, в рамках которого были созданы оба производства и освоены к моменту моего вынужденного переезда на постоянное место жительства в США. Переезд был по настоянию жены, которая не могла жить в разлуке с детьми и внуками, а предельный срок, разрешенный для выезда, подходил к концу. Американский партнер поддержал мой переезд в надежде, что после завершения формальностей, связанных с переездом, я вскоре вернусь в Россию для продолжения дел по совместному предприятию.

Через год после моего отъезда в США Грибовский предложил мне возглавить в качестве генерального директора его фирму «V.G. INTERISES» в Москве, которая объединяла

все созданные им многочисленные бизнесы в России, куда входили химическое производство, торговля различными механизмами и оборудованием, даже небольшой мясокомбинат. Перед этим он пригласил меня в качестве личного гостя в Америку, в окрестности города Миннеаполиса, где я жил в его доме на берегу огромного живописного озера, по которому мы прогуливались на катере. Однажды он предложил мне посетить тренажерный зал, где мне пришлось держать экзамен на выносливость. Очевидно, выдержал, после этого он подтвердил приглашение на работу, а я его предложение принял, и мы договорились, что по приезде в Москву я тут же приступлю к работе, сохранив за собой также руководство нашим совместным предприятием. А приняв, я окунулся в море нерешенных проблем. В моей жизни не раз случалось, когда приходилось разгребать незавершенные кем-то дела, а в нашем случае, еще и осложненные долгами, которые успел накопить Влад за время от начала бизнеса в Союзе, хотя получал достаточно большие гранты от своего правительства, но их не хватало для реализации многочисленных программ, за которые Влад хватался в надежде добыть дополнительные государственные гранты на развитие бизнеса в России.

Грибовский не воспользовался генами, которые жили в нем как в выходце из Украины или России, а опирался на американский менталитет, пытаясь один к одному перенести американский подход ко всему, не считаясь с местными условиями, в уверенности, что нас надо постоянно чему-то учить и образовывать. Да, ему было чему научить нас, но я уверен, что ему и его бизнесу пошло бы на пользу, если бы у него появилось желание чему-то научиться и у нас. Например, вникнуть в специфику взаимоотношений людей в стране, что помогло бы лучше разбираться в людях, не всегда честных, часто пытавшихся использовать его в своих интересах, что, безусловно, им удавалось. Им удавалось, а он так и не научился правильно оценивать людей, что приводило его к большим моральным и материальным потерям. Точно так же он сам мог, не разобравшись, обидеть преданного ему человека, вплоть до полного разрыва, и особенно часто это происходило, когда на горизонте появлялась очередная фигура, жертвой которой он вскоре становился. Ра-

ботать было с ним нелегко, он мог сломать разработанную нами концепцию развития бизнеса, которая была оправдана и успешно реализовывалась, пока он пребывал в Америке, и тут же рушилась, когда он приезжал в Москву, меняя планы в зависимости от того, кто из оппонентов раньше перехватывал его. Материальные успехи первых лет затрачивались на компенсацию долгов или на организацию нового проекта, спонтанно возникавшего еще до завершения предыдущего.

В эти годы я привлек на нашу фирму Тиграна, который был в это время свободен от дел, а его опыт экономиста был весьма полезен, чтобы выправить дела и поднять на соответствующий уровень бизнес. Но и в этом случае Влад оставался крепким орешком. Наступило время, когда я неизбежно должен был оставить работу у Влада, а он особенно и не отговаривал меня, потому что рассчитывал на то, что меня вполне может заменить Тигран, в котором видел менее эмоционального и более спокойного человека, надеясь, что его бизнес, таким образом, будет и впредь находиться в надежных руках. Я думаю, его американскому мировоззрению было чуждо понимание менталитета таких людей, как Тигран, который был солидарен со мной в моих решениях и категорически отказался от предложения Грибовского возглавить его фирму. Тигран оставался самим собой и не собирался подстраиваться ни под чьи мнения, в том числе Грибовского, хотя я уговаривал его принять предложение остаться, надеясь, что Влад поменяет тактику своего поведения. Тигран был неумолим и подал заявление об уходе в тот же день, когда сделал это я. Но я был уверен, что главная причина была в его отношении ко мне и неприятию самой идеи занять мое место, хотя оно освобождалось добровольно. Спустя годы Тигран все же признался мне, что так и было, но утверждал, что он об этом не жалеет. Я его прекрасно понимал, потому что на его месте я поступил бы так же, как, собственно, однажды и поступил в эпизоде с Дислихом, когда отказался от весьма престижного предложения, дабы не обижать и не унижать Дислиха, хотя масштабы были и не равнозначны. Но если бы он и не поступил подобным образом, то я бы тоже его понял, потому что это не подпадало под формулировку нарушения дружбы. Но было то, что было.

После этих событий я через какое-то время улетел в Америку навстречу коренному изменению моей жизни, а Тигран в Чехословакию, где возглавил какое-то совместное предприятие. Влад же оставался в своем репертуаре, пока от его бизнеса нашего времени уже ничего не оставалось, и новоиспеченные соратники еще не развенчали его полностью.

На долгие годы я потерял связь с Грибовским, хотя у меня и оставались его координаты. Однажды, уже став художником и памятуя о том, что в моей памяти он сохранился как добрый и отзывчивый в быту человек, я решил оставить память о себе и отправил ему как верующему человеку свою живописную работу «Церковь Живоначальной Троицы в Хохлах», специально для него написанную, с изображением церкви, стоявшей во дворе нашего дома в Москве, мимо которой он часто проходил, когда шел ко мне в гости. В ответ было молчание — либо потому, что он был занят делами, либо ему не хотелось ворошить старое. Бог с ним, я не в обиде, я по-прежнему вспоминаю его добром, потому что с ним связана целая полоса моей жизни протяженностью в пять лет, и не самая плохая.

Небольшой мясокомбинат, один из бизнесов Грибовского, располагался на территории поселка Щапово Подольского района, на землях опытного хозяйства ВАСХНИЛ, возглавляемого уникальной личностью, Маратом Марковичем Бойновичем, одаренным не только талантом руководителя огромного хозяйства, но и прекрасного знатока искусства и мецената, много сделавшего для поддержания художников Подмосковья. Специально для этой цели был открыт выставочный зал, где они могли бесплатно выставляться и продавать свои картины. За ним числится множество других благотворительных акций. Например, принявший когда-то православную веру, он во времена Советской власти смог восстановить и реставрировать старинную церковь в поселке Щапово, построенную двести лет назад в 1789 году на землях, бывших царской вотчиной, а впоследствии перешедших графу Морозову, который построил деревянную церковь, а позже, когда эти земли перешли Ивану Васильевичу Щапову, его сын Василий Иванович Щапов церковь перестроил, создав на ее месте каменный Храм Успения Пресвятой Девы, кото-

рый простоял до наших времен. После революции семнадцатого года в советское время Храм пришел в упадок. В разное время его использовали как конюшню, тракторную мастерскую и склад запчастей. А во время Великой отечественной войны часть храма использовали как жилье. Возрождение храма началось при Марате Марковиче Бойновиче, который правдами и неправдами добился восстановления Храма, что в тот период было рискованной для его карьеры затеей, но он мог отстоять и завершить восстановление и реставрацию Храма, представив это как использование помещения Храма для культурных мероприятий, в частности, для создания органного зала. Вскоре после восстановления в Храме незаметно началась служба, а еще позже орган перешел в специально построенное для него помещение, что явилось еще одним плодом его меценатства. Храм функционирует до сих пор в этом же поселке. Храм полностью перешел для служения, а в органный зал с концертами органной музыки приезжают известные органисты, в частности, солист Московской филармонии Алексей Семенов, с которым мне довелось познакомиться, и я многие годы посещал его концерты, и не только в Щапово. Забавна история приобретения органа, когда Марат Маркович приехал в Чехословакию как бы за приобретением племенных коров, а вместо них привез в свое хозяйство орган. Однако я думаю, на самом деле это было совпадением, а создание органного зала в деревне было его преднамеренной акцией.

Бытие Марата достойно особого повествования в виде отдельного издания, которое будет, я надеюсь, выпущено им самим, человеком, обладающим литературным талантом, а мне же хотелось описать не столько его талант руководителя, сколько его человеческие качества как пример для подражания. Было время, когда у меня с ним были деловые отношения, связанные с арендой нашей фирмой земли на территории его хозяйства. Как бывает, часто споры решались шумно, и однажды несогласный с его очередным решением, я врываюсь к нему в кабинет, где проходит совещание, на высоких тонах пытаюсь отстоять свои интересы, а он, выбрасывая ладонями вперед обе руки, словно пытается остановить меня, в ответ моему тону со смеющимися глазами

громко произносит: «*Не шуми, остановись — я тоже еврей и тоже хочу сказать первым!*». Ну, кто же в состоянии устоять против такого юмора? Мои ноги автоматически задерживаются на месте и через мгновение, давясь от смеха, я выбегаю из кабинета под дружный смех участников совещания. Я сдался, он схватку выиграл!

Мой уход от Грибовского он принял с пониманием, но с сожалением. К тому времени мы с ним сработались, понимали друг друга, и я чувствовал доброжелательное его отношение к нам, что способствовало успеху взаимовыгодного бизнеса. Он намеревался сам переговорить с Грибовским по поводу пересмотра его отношения к происходящему, но я попросил его не делать этого; во Владе его методы работы сидели глубоко, а я не хотел продолжения. Марат понимал, что я снова уходил в никуда, и решил помочь мне с трудоустройством, предложив должность генерального директора фирмы, в которой он был соучредителем, но толком не знал положение дел в ней, а по сведениям соучредителей требовался руководитель, который в состоянии упорядочить дела фирмы. Я согласился с условием, что поработаю месяц, чтобы понять состояние дел и затем принять окончательное решение.

Я глубоко был благодарен Марату за его искреннее желание помочь мне в момент, когда эта помощь мне была необходима, но через неделю после ознакомления с делами я понял, что это не мое, но остался дорабатывать, потому что во мне разыгралось желание прочувствовать пульс времени, когда каждый жил как мог и делал, что хотел, при отсутствии всяких законов. Это было время нерусского слова бартер, когда все друг другу были что-то должны, и никто друг другу ничего не возвращал. Конечно, дела этой компании были связаны в большей степени с невозвращенными долгами и, в какой-то степени, долгами фирмы другим. Задача была предельно проста — выбивать у одних свои долги и отдавать их другим, а оставшуюся разницу использовать для реализации каких-то намеченных проектов. И я пошел. И начал с какой-то компании, которая задолжала весьма солидную сумму. Предварительно созвонившись, я появился

в компании для встречи с главой фирмы. Он, облаченный в приличный костюм с правильно завязанным галстуком, встретил меня крепким рукопожатием и усадил в кресло у своего письменного стола напротив и вежливо предложил кофе. Обозначив вопрос, с чем к нему пришел, я пристально смотрел на него и отвлекся, когда секретарь, прекрасного вида девушка, подала нам кофе. Буквально в эту же секунду хозяин открывает верхний ящик своего стола, достает какой-то предмет, прикрывая ладонью, и кладет его на стол, затем медленно отодвигает ладонь, обнажая предмет. На столе красовался пистолет. Я прекрасно понимал, что это не было угрозой моей жизни, а было неким фарсом, чтобы просто показать свою крутизну и, на всякий случай, маленько припугнуть. Я принял игру и предложил решить нашу проблему мирным путем, потому как я не могу принять дуэли, поскольку не владею оружием, а выставлять оружие против безоружного как-то несправедливо. Он принял шутку и, улыбаясь, убрал со стола пистолет. *«Денег нет, — весело заявил он и продолжил, — Есть папиросы, много папирос. Хочешь?»* *«Хочу!»*, — бодро провозгласил я, и, ударив по рукам, поднялся, вышел из комнаты и поехал в другую контору, чтобы предложить папиросы в счет своих долгов.

Да, не думал я, добираясь до вершин науки, что буду ворошить пачками каких-то папирос и общаться с грязными людьми, для которых обмануть ближнего, выколачивая друг у друга деньги, было привычным, понятным обществом деянием. Грусть обволакивала всю мою сущность. Не доработав обещанного срока, я встретился с представителем учредителей, извинился за свою несостоятельность и сложил с себя полномочия, оставив на столе перед ним выданный мне аванс. Марат узнал об этом позже, когда я приехал к нему попрощаться и поблагодарить за его участие ко мне. Пообещав друг другу, что мы будем продолжать общаться, мы обнялись, и я оставил его, чтобы завтра улететь за океан, прихватив с собой обнаруженную накануне болезнь и надежду на лучшие перемены в моей жизни.

Я сдержал слово и часто навещал его в Щаново в каждый свой приезд в Москву. Наша дружба укреплялась, мы лучше узнавали друг друга в непроизводственной обстановке. Я

открывал в нем новые, не по времени и не по статусу руководителя качества романтика и великодушного рассказчика многочисленных поучительных историй своей жизни, а он не мог переставать удивляться тому, что я стал живописцем, это особенно близко было его душе.

При встречах в его доме в Щапово мы непременно уходили в любое время года в лес, дремучесть которого начиналась прямо с порога его дома, и Марат открывал мне глаза на великую красоту природы. Помню, однажды, мы с нашими общими друзьями Беленькими, гостившими у него в тот же день, когда приехал и я, шагнули в зимний лес, нетронутый после снегопада, когда Марат жестом остановил нас, чтобы мы не нарушили тишину леса и мягкий снежный покров, и, как экскурсовод, стал посвящать нас в сущность красоты, сопровождая свой урок жестами рук. Он обратил наше внимание на стебелек соломы, выглядывающий из-под снежного покрывала, переходя движением руки к соседнему стебельку по направлению к громадной ели, хвоя которой вровень с головкой стебелька была пригнута слоем снега, продолжавшего свою крутизну вверх по поверхности хвои до самого верхнего кончика, разрешая кое-где выглядывать наружу острым елочным иголкам, создавая таким образом некое снежное скульптурное изображение, напоминающее подобие огромного конуса. Не остался без внимания и толстый ствол опавшей березы, державший на своем горбу полуэллиптическую форму снежного покрова, из-под которого выглядывали чудом сохранившиеся зеленые березовые листья. Подняв руку и указывая в направлении поселка, Марат отвлек нас от точечного созерцания в сторону широкой перспективы зимнего лесного пространства, от присутствия внутри которого замирал дух. Это знакомство с красотой глубоко запало мне в душу, и через какое-то время этот пейзаж навечно пристроился на холсте, заняв достойное место среди моих полотен из цикла, родившегося под впечатлением этой незабываемой прогулки.

Марат способен обнажить свою душу и раскачивать душу слушателя своими удивительными рассказами с картинками о своей жизни, не лишенными, как у многих, трагизма, с удивительно милыми, глубоко запоминающимися деталями. Как человек самодостаточный, он не гнушался признать, что

многого из того, что мог бы сделать он в жизни, не реализовал, и что не смог взять тех уровней жизни, которые ему могли бы быть подвластны, хотя многим сам он казался недостижимым.

Мне глубоко в память врезался эпизод, когда далеко за полночь раздался звонок в моей московской квартире; звонил Марат и жаловался, что не может уснуть, что в голову ему приходят воспоминания детства, одно из которых он хочет непременно рассказать прямо сейчас. Это было в далекой юности, когда семья жила на востоке, а отец управлял крупным хозяйством и часто выезжал на работу рано, чтобы успеть за день объехать огромные поля своего хозяйства. Так было и в тот день, маленький Марат, открыв с сонных глаза, увидел в окне отца, отъезжавшего от дома на своей двуколке, рванулся с постели, выбежал во двор как раз в тот момент, когда отец уже отъехал от ворот в сторону поля и, подгоняя коня, очутился на проселочной дороге, которая через пшеничное поле уходила зигзагами к лесу, уже тронутому осенним многоцветием. Марат выбежал за калитку, вступив на ту же дорогу, побежал за все быстрее удаляющимся отцом, крича ему вслед в надежде остановить его, однако шум колес и ветра, сдувающего звук с ушей, не давали отцу возможность услышать сына; двуколка все быстрее двигалась по полевой дороге, а сын продолжал бежать за отцом, неистово крича, но так и не сумев остановить его. Наконец, силы покинули Марата и он, замедляя шаг, остановился посреди дороги, между двумя полосами слева и справа раскинувшегося наполненными колосьями пшеничного поля, не отрывая взгляда от уже почти скрывшейся из виду двуколки. Горькая обида охватила его. ...*«Так всю жизнь пытаюсь бежать за своими мечтами и никак не могу их догнать»*, — с грустью в голосе выдал Марат из себя. Я пытался успокоить его, доказывая, что найдется много тысяч людей, которые хотели бы догнать его самого как очень успешного человека, достигшего высот, и не в состоянии этого сделать, точно так же, как он когда-то не смог догнать отца. Для меня это было пониманием и подтверждением присутствия внутреннего стержня очень волевого самостоятельного человека, своими поступками и действиями доказывающего безграничную возможность человеческой природы.

Эта история глубоко запала мне в душу, и я ношу с мыслью перенести этот сюжет на холст, как один из возможных знаков понимания того, что является движущей силой, позволяющей человеку достигать намеченной цели. На своем личном опыте я много раз убеждался, что путь к совершенству человека лежит через неудовлетворенность достигнутым и через стремление взять новую, более высокую планку, на что способны люди с естественной, не связанной с личными амбициями, потребностью познавать больше и глубже. В результате человек обретает более глубокую внутреннюю свободу, позволяющую чувствовать себя свободным и в реальной жизни и, безусловно, по этой причине с годами становится носителем мудрости и правды.

ДОЧЕНЬКИ МОИ

Я тороплюсь перейти ко второй части своего повествования, но не могу этого сделать, пока не определился, в какую из частей отнести очень мне дорогую тему, связанную с моей семьей, служившей мне опорой во всех главных событиях моей жизни, людей очень близких мне по духу и интеллекту, присутствие в моей жизни которых я чувствую, когда реально они пребывают даже на расстоянии десятков тысяч километров, тех, кто появился в моей жизни как результат встречи со студенткой геологического факультета МГУ, которую вскоре я завлек на улицу Грибоедова во дворец бракосочетания, после чего появились на свет две мои дочурочки Стелла и Аня. Думаю, уместно обозначить эту тему в промежутке между двумя частями повествования, потому что они присутствовали в обеих частях моей жизни, сыграв равную роль и тут и там в состоянии моего духа, помогая мне понимать, что есть главное в жизни человека. Пребывая вместе с ними в одном пространстве, понимаешь, что вектор воспитания был выбран правильно, как и то, что все, без исключения, духовные и материальные ресурсы были брошены на развитие интеллекта как одного, так и другого ребенка с разницей в семь лет.

Стелла родилась еще тогда, когда нам в голову не приходило то, что многие молодые семьи ставят в повестку дня — пла-

нирование рождения ребенка, что, очевидно, правильно. У нас же она появилась спонтанно, внешнеаново, но зато мы получили удивительно красивое создание, и все последующие годы получали удовольствие от сознания того, что мало кто мог пройти мимо, не одарив нас комплементами, восхищаясь ребенком. Ей было два годика, когда ее фотография появилась в газете, в очерке о примерном московском детском садике, в котором, в том числе, воспитывались такие детки. Были предложения снимать ее в эпизоде какого-то фильма, но мы отказались, а, может быть, и зря.

Кто же мог тогда думать, что уже во взрослой ее жизни она много раз будет появляться на страницах газет и журналов и на экране телевизоров уже как состоявшийся художник, да еще и поэтесса, и вообще как интересная многим индивидуальность. А тогда, когда она росла, мы пытались ей дать многое из того, что мы когда-то хотели получить сами, но не получили. Мы не были оригинальны. Во многих советских семьях, где наличие в семье двух детей считалось подвигом, ребенку уделялось внимание всех взрослых членов семьи, которые были убеждены, что ребенок непременно должен много читать, заниматься музыкой, каким-то популярным видом спорта, и милые мамы уже видели своих чад либо на сцене Большого театра, либо на пьедестале почета чемпионата мира по фигурному катанию, и все это было интересно, но не тому, кому предназначалось, эти не задумывались над своим будущим, пока им надо было бегать по двору, играть в свои детские игры, чему жестко противостояли взрослые, и шла незримая борьба между поколениями... Боролись и мы, родители, и некоторые побеждали, удерживая верховенство над своими детьми, заставляя их с детства становиться взрослыми, трудиться до слез, а они не хотели того, чего жаждали взрослые — цивилизная школа, школа музыкальная, школа фигурного катания, и обязательное посещение театров и музеев, и выбор достойных друзей не ребенком, а для ребенка — все это становилось мучительным трудом как для детей, так и для взрослых. Помню, как в выходные дни мне «выпадала честь» заставлять заниматься ребенка музыкой, и я, не владея нотной грамотой, должен был сидеть рядом за фортепьяно и следить, чтобы ребенок наигрывал гаммы и этюды известных и неизвестных компо-

зитором, и вскоре, когда это ей надоедало, и она упорно не хотела продолжать двигать пальцами по клавишам, я хватал белый лист бумаги и жирным карандашом под собственную диктовку писал объявление, произнося по слогам вслух: «ПРА-ДА-ЕТ-СЯ ПИ-А-НИ-НА!», а ребенок же умолял меня не делать этого, обещая продолжать занятия, потому что ей очень хотелось иметь «ПИ-А-НИ-НА», но не очень играть на нем.

Мы не ограничивались посещением только московских музеев и музеев-усадб Подмосковья и возили детей по музеям Ленинграда и по его загородным достопримечательностям; ездили по городам и музеям Золотого кольца, посещали также многие музеи-усадьбы великих русских писателей, предварив эти поездки чтением некоторых доступных им произведений. Мы посетили, в частности, усадьбу Тургенева Спасское-Лутовиново, Льва Толстого Ясную Поляну, Пушкиногорье и многое другое, впредссылая таким образом в еще детские мозги понимание величия русской литературы.

Однажды, когда Стелла уже училась в старших классах, на встрече родителей с преподавателями школы нам стало ясно, что учитель русского языка и литературы не дотягивает до достойного уровня, а в результате дети не проявляют интереса к этому базовому предмету, предназначенному формировать интеллект и уровень человеческой культуры. А у меня в памяти еще сохранялся пример прекрасного знатока русского языка и литературы, моего преподавателя в той школе, где учился и формировался я сам. Высота планки моего преподавателя была недоступна учителю спецшколы, расположенной в центре Москвы. Мы не могли воздействовать на ситуацию, но и не хотели упускать золотое время, отведенное для формирования личности, и ничего не могли придумать лучшего, как нанять репетитора для занятий литературой. По рекомендации своих интеллектуальных подруг Сима отдала Стеллу в руки патриота русского языка, русской и мировой литературы Веры Павловны, бывшей гимназистки, учителя старой закалки, которая привила Стелле не только любовь к литературе, но и к стихосложению, развив тешившиеся в ней способности.

Пришла пора, когда заканчивается детство, пора проща-

ния со школой и поступления в вуз. Стелла, как и многие, мечтала об университете и мы ее не отговаривали, наоборот, решили помочь ей и год ее успешно готовили к поступлению. Накопленные знания давали ей шанс поступить в Московский государственный университет, однако, в воздухе висело беспокойство, связанное с пятым пунктом, хотя мы и не высказывали своего к этому отношения, чтобы не травмировать ее. Понимание пришло к ней со стороны – от абитуриентов, с кем она познакомилась там же, от молодых людей, которые были в ее же положении, и многие из которых, потолкавшись, просто не подавали документы, либо их забирали обратно, убежденные в безнадежности затеи. Стелла попросила озвучить наше мнение, и мы вынуждены были высказать, что трудности поступления по национальному признаку существуют, и больше того, нам рекомендовали воздержаться от поступления в университет те, кто точно знал, что квота существует, и считал, что это может стать травмой для нее. Но выбор оставили за Стеллой, это было правилом наших отношений, чтобы в будущем не ссылаться на прошедшее, не искать виновников неудач и таким образом не расслабляться в стремлении двигаться вперед. И она приняла решение документы в университет не подавать.

Выбор пал на химико-технологический институт имени Д.И.Менделеева, но уже из тех соображений, что это было близко профилю деятельности папы, который занимал определенное положение в научном мире, и ей нравилось его окружение. Однако, хотя она успешно училась и поступила аспирантуру, было понятно, и прежде всего ей самой, что техническое образование ее не увлекает, и что все ее существо связано с гуманитарными науками. Она поняла это еще на последних курсах в институте, но нам удалось настоять на том, чтобы она не бросала учебу, дождалась диплома, а затем принимала решение. После окончания института она вскоре поступает в аспирантуру, и не концентрируется на своем предназначении как гуманитария, но самостоятельно занимается литературой и графикой. Наступает время, когда она выходит замуж, рождает ребенка.

Продолжается учеба в аспирантуре, и в одночасье эта спланированная жизнь вдруг начинает трещать, потому что в семье мужа начинается тщательная подготовка к отъезду

из страны, что никоим образом не входило в планы нашей семьи, которая когда-то заручилась заверением, что в планах семьи мужа эмиграция тоже не значит. Мы проиграли этот раунд, обманутые обещанием, и не успели оглянуться, как вся семья покидает страну. Стелла остается с семьей в России, но ненадолго. Противоречия одолевали Стеллу, она оказалась перед выбором: либо сохранить свою семью, либо лишить ребенка отца. Ровно через два года меня ставят перед фактом — эмиграция во имя сохранения семьи неизбежна, и они уезжают. Это было то время, когда отъезжающие теряли не только советское гражданство, но и всякую надежду на то, чтобы когда-либо увидеть близких. Я был в отчаянии, потому что не представлял себе, что я когда-нибудь последую их примеру.

Пройдя весь путь нелегкой эмигрантской жизни, Стелла полностью отдает себя творчеству, серьезно занимается живописью и вскоре после наступления перемен в России приезжает в Москву с выставками, завоевывает известность как художник не только в Америке, но и в России. Одновременно она занимается поэзией, на ее стихи пишутся песни для современных исполнителей. Но самое ее большое достижение — это три ее сына — Марк, Давид и Яша, три прекрасных парня, доставляющие огромную радость всему семейству.

Семилетняя разница в возрасте между рожденьями Стеллы и Ани давала Стелле, как ей казалось, право воспитывать младшую сестру, с чем она справлялась достаточно успешно, и, проявляя любовь к своей сестричке, настойчиво старалась отгородить ее от мук, связанных с занятием музыкой и потому категорически желала, чтобы ее освободили от занятий музыкой. Этот ее проект не имел развития по двум веским причинам — мама и папа не сомневались, что ребенку надо дать музыкальное образование, а главное, Анечка, проявлявшая незаурядные музыкальные способности, сама хотела заниматься музыкой. Этот раунд родителями был выигран, и в результате Аня, успешно окончив музыкальную школу, поступает в музыкальное училище, по окончании которого получает диплом хорового дирижера, проявив при этом великолепные вокальные данные.

Проходят годы, Аня уезжает на побывку к сестре в Амери-

ку и там задерживается сначала по рабочей, а затем по студенческой визе; поступает в университет и заканчивает его по специальности музыкальная терапия и остается работать по той же специальности в Штатах, однако, понимая, что даже успешная работа в этой области не является пределом ее желаний, она мечтает об оперной сцене и стремится заняться серьезно вокалом. А поскольку воли ей не занимать, Аня готовится активно и поступает в консерваторию в Нью-Йорке, выдержав конкурс, в котором принимали участие тридцать человек на одно место. Упорство в учебе и высококлассные учителя американской оперной школы очень скоро отточили ее природные данные, что позволило ей достичь высоких уровней оперного пения, и уже после окончания консерватории она становится востребованной, выступает на оперных сценах Америки, Европы, Израиля.

После многих лет отсутствия Аня приезжает на Родину с концертами, и к ее и нашей радости Москва и Питер тепло и с восторгом принимают ее искусство.

Анечка подарила нам прекрасного сына, талантливого мальчика Никиту, который в возрасте десяти лет поет в составе детского хора Метрополитен опера в Нью-Йорке и участвует во многих оперных спектаклях, успешно овладевая мастерством игры на фортепьяно.

А пока писались эти последние строки, Анечка успела подарить нам прекрасную внучку Софию.

Ура! ...Вот еще одно подтверждение наличия счастья на земле.

Я не мог удержаться от желания описать свое состояние спустя месяцы после рождения внучки. Последние пару лет нашу семью одолевают тяжелые потрясения, справиться с которыми порой становится невозможным, и это тяжелое бремя отражается и на моей душе, как неизлечимая рана, и никакие убеждения или самоконтроль не могут отвлечь от тяжелых мыслей и осознания беспомощности повлиять на ситуацию. Я понимаю людей с депрессивным состоянием, насколько тяжело справиться со своим недугом, потому что я сам близок к этому состоянию, однако, опыт борьбы с жизненными проблемами на протяжении моей долгой жизни помогает хотя бы осмысливать происходящее и каким-то образом держаться на плаву. Но вот появляется существо,

помогающее забыть обо всем, заполняющее душу теплом и восторгом — маленькая девочка с переполненным любовью взглядом, тянущаяся ручками с осознанным желанием почувствовать тепло твоего сердца, и, держа ее на руках, приклоненную к сердцу, ощущаешь легкость и нежность, и весь мир становится мил. И это ощущение покоя дарит мне моя любимая внучка София, согревающая мне душу на склоне моих лет.

ЧАСТЬ II.
ПОСЛЕ

ПОДАРОК НЕБЕС

Реальной причиной перехода от ДО к ПОСЛЕ стало банальное состояние здоровья, требовавшее хирургического вмешательства во время моего пребывания в Москве. Семья настояла на том, чтобы я срочно вернулся в Америку, мотивируя тем, что, во-первых, я являюсь «достоянием» семьи, и она имеет право на принятие решения по поводу моего здоровья, и, во-вторых, для окончательного решения целесообразно получить мнение американских врачей, коль такая возможность существует, и при необходимости хирургического вмешательства сделать все там. Вопрос был поставлен ребром, и я не мог не прислушаться к этому требованию семьи, хотя меня и одолевали противоречивые чувства: с одной стороны, мне предлагалось возглавить работы по созданию производства с использованием моих научных разработок, подкрепляя проект серьезной материальной базой, что в те постперестроечные времена, когда наука была в загоне, было редкостью, с другой же — мне льстило, что семья обо мне заботилась, и нарушать эту идиллию не хотелось. Я взял тайм-аут и улетел в Штаты в надежде вскоре вернуться в Москву и приступить к великим научным и производственным свершениям.

Так думал я, а у небес были совершенно другие, далеко идущие, планы.

При принятии серьезных решений, связанных со здоровьем, в Америке существует неписаное правило, которое использует каждый американец, так называемое, второе мнение (*second opinion*); первого врача-специалиста обычно рекомендует семейный врач, и не всегда этот специалист может быть лучшим из возможных, обычно в этом случае работают корпоративные отношения, как бы подкидывают друг другу клиентов, но часто это врачи, которые знают друг друга достаточно давно. После этого пациент начинает искать другого независимого специалиста уже самостоятельно, опираясь на связи и рейтинги, и уже после этого принимается окончательное решение. Я не стал исключением, прошел такой же путь, и в моем случае «*opinions*» двух специалистов разошлись: первый, как и в Москве, предлагал немедленное вмешательство, второй же решил на мне испытать свой новый метод лечения. Конечно, кому хочется под нож? Я надеялся, что через месяц-другой он меня безболезненно обновит, и я вернусь в Москву вершить научно-производственную эпопею времен шоковой терапии. Но небеса не унимались!

Доктор со своей задачей в эти сроки не справился, но оставался уверенным, что он на верном пути, и уговорил меня продолжать курс лечения, и я продолжил в обмен на потерю надежды, что мои благодетели будут ждать, пока я приступлю к работе. Однако самым неприятным обстоятельством являлся сам факт пребывания длительное время там, где невозможно найти практического приложения своей неуемной энергии, разве что поделаться что-то по хозяйству, которого тоже нет. Немного пара я выпустил на создание во дворе дома моей дочери беседки, которая неожиданно для меня и внука Марика, принимавшего активное участие в строительстве, да и для всех окружающих, оказалась «шедевром» деревянного зодчества американского образца с русскими архитектурными решениями, с использованием обширной номенклатуры готовых изделий, изобилующих в строительных магазинах Америки. Это стало лишь некоторым успокоением моего душевного состояния, но неясность перспективы моего бытия ввергала меня в глубокое уныние, и я впал в депрессию и, конечно, спасение видел только в решительном отъезде в Москву. Я не хотел жить так, как делали вид, что живут, мои ровесники-эмигранты, и сверлил свои мозги

в стремлении принять правильное решение. Тяжелая работа мысли, доведившая до головокружения и отчаяния, привела меня машинально в студию моей дочери Стеллы, куда я практически не заходил, чтобы не отвлекать от творчества, а ее в этот момент в студии не оказалось. Я окинул взором достаточно обширное помещение, в котором валялись тут и там написанные и еще незавершенные работы, чистые холсты, краски, кисти. В моей голове мелькали воспоминания моей юности и недавнего прошлого, когда я был увлечен живописью, своими любимыми импрессионистами, и не пропускал случая посетить музеи в любой точке земного шара, куда часто забрасывала меня судьба, а при соприкосновении с этим великолепным искусством сетовал по поводу того, что там, в доме пионеров в далеком Дербенте, я бы мог учиться живописи, а почему-то выбрал кружок фотодела, и что, возможно, я тоже мог бы выдавать такие замечательные произведения искусства.

На меня смотрели чистые холсты на подрамниках и свежесвыдавленные разноцветные краски, подготовленные Стеллой для работы, соблазняли меня на действие, о котором я мечтал почти всю свою долгую жизнь протяженностью в 63 года. А ныне шел 1998 год, месяц июль, число 28. Яркое летнее солнце властвовало над природой, озаряя и вычленя тончайшие оттенки всего живого, подсказывая из какого тюбика надо выдавить краску, чтобы отобразить увиденное. Солнечный блик перенес мой взгляд на картонную коробку из-под женских сапог, валявшуюся посреди комнаты, словно в упор глядя на меня, просила обратить на себя внимание, поднять ее с пола и оживить. Я не мог устоять против ее взгляда, поднял коробку и медленно перенес ее на мольберт, установив так, будто она села за стол к визажисту, чтобы тот преобразил ее внешность. Набор красок на палитре напомнил мне в этот знойный июльский день подмосковную зиму, лыжню, пробивавшуюся через чащу хвойного леса мимо отдельно стоящего на обочине лыжни бревенчатого дома; перед глазами вставали эпизоды наших семейных лыжных прогулок, словом, голова моя пухла от многообразия сюжетов, сверливших мой мозг, в том числе, сюжеты, связанные с любимыми местами моего детства — горные хребты в Дагестане, несправедливо, как мне казалось, пришедшие мне на ум

не сразу. У меня же было желание разместить на этом клочке картона весь мир сразу, а я ничего не мог придумать иного, как перенести горы из Дагестана в Подмоскowie, и довольный выбором сюжета, впервые в своей жизни макнул кисть в бугорок краски, напоминавший бугор снега, и с трепетом сделал первый мазок. Мои достаточно глубокие знания в области аксонометрического изображения предметов и деталей, полученные на занятиях черчения в институте и конструкторском бюро, да и при многочисленных многочасовых созерцаниях живописных полотен, помогли мне правильно организовать композицию, и я в неистовстве, ничего не видя и не слыша, и даже не заметив, как Стелла появилась в студии и тут же оставила меня одного, пачкал поверхность картона из-под женских сапог, и уже используя краски других цветов, наносил тени, поднимая и опуская снежные сугробы, обозначил на заднем плане за деревьями в дымке горы, перенесенные из Дагестана. Я чувствовал себя настолько уверенно (очевидно, так мне хотелось), что, начав движение кисти от самого нижнего правого угла поверхности картонной коробки, лихо обозначил лыжню, зигзагом уходящую к подножью горы, но которая, на самом деле, походила на широкую колею лесной дороги, проложенную санями, запряженными парой гнедых. Почему бы и нет!? Я не осмелился изобразить лошадей и сани, но памятуя о том, что в таких случаях кони выпускают пар из ноздрей, я изобразил этот пар в виде дымка, покидающего трубу на крыше заснеженной избы.

Наложив последний мазок, я медленно отошел назад, не отрывая взгляда от изображенного моими стараниями пейзажа, и, откинувшись спиной к стенке, опомнился, где я нахожусь, и уже реально стал оценивать все «за» и «против».

На самом деле, я понимал толк в живописи. В советские времена существовала практика, когда большинство советских тружеников, в том числе руководители предприятий, направлялись для обучения в университет марксизма-ленинизма с целью повышения идеологического уровня. В рамках университета существовал курс марксистско-ленинской эстетики, где преподавали специалисты-искусствоведы, которые давали не только теоретические знания, но сопровождали свои лекции практическими занятиями для слушателей в музеях, на выставках, в театрах, концертах классической

музыки с детальной последующей разборкой и обсуждением увиденного и услышанного. Хотя выбор объектов имели идеологическую направленность, методы преподавания вполне были сравнимы с тем, что давалось студентам в специальных вузах. Этой возможности получить специальные знания по искусству я не упустил, не единожды был слушателем этих курсов, усердно занимался, не пропускал занятия, выдерживал заключительные экзамены. Я с благодарностью вспоминаю тех, кто образовал мой эстетический вкус и научил меня ценить высокое искусство.

Конечно, я абстрагировался от мысли, что передо мной была живописная работа, написанная мною, и разбирался в ней так, как меня учили настоящие знатоки. Отметив недостатки технического характера, я в ней обнаружил главное, на что обращали наше внимание мои учителя: композиция смотрелась не отдельными кусками, а вся в целом, выделялась перспектива, разделенная несколькими планами, пространство было заполнено свежим морозным воздухом, картина выражала чувства и не выпускала из своего пространства. Наивность манеры, связанная с отсутствием живописного опыта, не умоляла некоторые находки технического и эмоционального характера картины. Я был доволен и с чувством удовлетворения созвал домочадцев, чтобы показать им свою работу. Стелла одобрила ее и посоветовала продолжать писать. Сима была в восторге, как всегда от всего, что я делал, поэтому справедливость ее мнения я принял с некоторым поправочным коэффициентом, однако, желание продолжить у меня не пропало.

Я настроился на создание следующего «шедевра», в результате чего появился морской пейзаж с изображением волны, прибывающей к берегу, конечно, Каспийского моря, омывающего город Дербент. Для второй картины характерно было то, что она была написана на более твердой основе, на куске фанеры, найденной во дворе, поскольку я не хотел портить холсты, которые все же представляли ценность. После просмотра второй картины Стелла настаивала продолжать, но уже писать на холсте, и на мою реплику *«мне не хочется портить холст»* она, используя кавказский акцент, выдала уже ставшую расхожей в нашей семье, шутливую фразу *«Не волнуйся, я заплачу»*. Я и не стал волноваться и приступил к неко-

ему порогу серьезных перемен, пообещав себе бросить при неудаче всю эту затею, и, может быть, именно эта мысль и заставила меня бороться за то, чтобы, напротив, все продолжать. Собравшись с мыслями, я долго смотрел на белую поверхность холста, перебирая в памяти различные сюжеты. Я снова вернулся мыслями в Дербент, на косу, острием выдвинутую в море, где, в зависимости от направления ветра, с одной стороны бушевали волны, а с другой поверхность моря могла и не шелохнуться. Сам же я мысленно расположился на рельефном берегу в некотором удалении от косы, где берег был завален гладкими береговыми валунами, веками омываемыми морскими волнами. Однако я и тут не мог обойтись без гор и, подумав, что коса могла бы быть и гористой, потому что горы очень близко подходят к морю, мысленно воздвигнул горный хребет, хотя коса реально представляла собой равнину.

Итак, сюжет созрел! И я приступил. Несколько часов в тишине студии я вел мысленный диалог не то с собой, не то с сюжетом картины, безжалостно накладывая мазки, и резкие мои движения оставляли следы не только на холсте, но и рядом на полу и стенах и, конечно, на моей одежде и лице. Нанес последний мазок, изображающий брызги, разлетающиеся от удара волны, и мне почудилось, как до меня доносится гул волн и разметающиеся мельчайшие брызги и легкий ветерок касаются моего лица.

Картина была готова. Я ждал, что скажут близкие, которые по моей просьбе поднялись в студию, и по их довольным физиономиям понял, что картина удалась, а последнюю точку в этом эпизоде поставил мой внук Марк, который подошел к мольберту и, безапелляционно взяв картину, сказал: *«Я беру эту картину себе, она мне очень нравится»*, и отнес ее в свою комнату, где она висела долгие годы, пока после окончания университета внук не переехал работать в Нью-Йорк, и теперь эта картина висит наряду с другими моими и мамиными работами в его сегодняшней квартире, что доставляет ему удовольствие и гордость, особенно, когда он демонстрирует их своим многочисленным друзьям. Этот его поступок был самым важным и дорогим признанием моего труда как художника из тех, которое я когда-либо получал.

Так начиналась моя вторая, заполненная событиями и замечательными людьми жизнь, ставшая прекрасным дополнением к моей первой жизни, времени, когда я активно занимался наукой, времени, наполненного успехами и невзгодами, времени нелегком, но весьма увлекательном, закалившем меня и сделавшим меня самодостаточным и внутренне свободным человеком.

Мои будни заполнились духом творчества, я занимался живописью настырно, поглощая дневные и часто ночные часы, словно куда-то торопился, догоняя упущенное время. Темами моих картин стали не только придуманные сюжеты, но и реальные пейзажи, перенесенные на холст на пленере. Я реже думал о предстоящей своей работе в Москве, где меня еще продолжали ждать, но время неумолимо убегало, живопись органически вписывалась в мою жизнь, становясь ее частью, в то время как мне предстояло сделать очень нелегкий выбор; я потерял твердость в принятии решения, как жить дальше, когда мне позвонили и уже настоятельно просили вернуться в Москву, чтобы начать разработку проекта. Они не осудили меня, услышав мой рассказ о моем перевоплощении, но не могли понять, как мне могло прийти в голову менять дело на хобби. Это они думали, что это хобби, для меня же это было наступлением часа моих ожиданий, воплощением мечты всей моей жизни. Я попросил их дать мне еще пару недель на раздумывание. Они дали мне эти две недели. Я же продолжал думать, думать не абстрактно, а с кистью в руке, воплощая на холсте свои мысли и раздумья в виде сюжета с двумя мощными в центре холста деревьями, символизирующими науку и живопись, и с расходящимися влево и вправо дорогами, вдоль которых, как символ семьи, расположились березы, выдвинутые с двух сторон на кромке леса; открытое поле, разрывающее лес надвое, переходило в перспективе в открытое небо. Правая дорога уводила меня туда, где теплилась наука, а левая вела в еще неизведанную даль. Полотно изобиловало разноцветными пастозными мазками, которые наносились на холст тем больше, чем дольше я раздумывал и принимал решение. Маленький солнечный блик наметился в конце дороги, уходящей вправо, а мощным мазком сразу в начале дороги, уходящей влево,

обозначилось большое солнечное пятно от луча, проникавшего между двумя деревьями.

Решение было принято, меня уносило влево!

Я поторопился объявить о своем решении. Был понят, хотя сам понимал, что я подводил тех, среди которых были и близкие мне люди, которые делали на меня ставку. Поборником моего возвращения был один из лидеров стекольного дела Александр Борисович ЖимаЙлов, в прошлом самый молодой директор самого крупного предприятия — Борского стекольного завода. Основная продукция завода, конечно, была оборонная, в то же время это и самый популярный среди автолюбителей производитель лучшего лобового стекла для автомобилей «Жигули», гордости нашей автомобильной промышленности. В пору директорства Александра Борисовича завод находился на пике успеха благодаря сочетанию в нем двух начал — мощного администратора и ученого, жадного к новаторству, что привело к нашему знакомству. К тому времени он уже не был директором Борского завода, он добровольно покинул его по серьезным жизненным обстоятельствам, чтобы не оставаться в городе, где разыгралась его семейная трагедия. Друзья, сочувствовавшие его положению, желая поддержать, пригласили его в город Гусь-Хрустальный, колыбель стекольного дела. Это было уже время перестроечное, ставка делалась на способности Александра Борисовича возглавить новое перспективное дело. Поиск перспективного направления привел его ко мне с подачи его нового окружения, людей, хорошо знавших меня и наши разработки. Сначала я принял его с некоторым холодком и отчуждением, поскольку его рекомендовали те, кто хотел воспользоваться нашими разработками на очень невыгодных для нас условиях. Время было нахрапистое, и каждый старался взять больше, чем мог поднять. Сговор тогда не состоялся. И вот состоялся вторая встреча с ЖимаЙловым, который оставался самим собой и своей искренностью, своим обаянием не оставил никаких шансов сомневаться в необходимости создания совместного дела. Мы успели создать в Гусь-Хрустальном совместное производство на базе наших разработок, довольствуясь некоторым успехом. Но грянул гром; получив от своих компаньонов предательский удар ниже пояса, он оставляет Гусь Хрустальный и уезжает в Саратов, куда его при-

гласили в качестве заместителя главного инженера крупного стекольного завода, куда он должен был перенести и наше совместное производство. Талант не скроешь. Вскоре он становится главным инженером завода, а затем его приглашают возглавить Институт стекла с опытным производством, где он до сегодняшнего дня успешно трудится, получив высшие научные и академические звания.

Мой отказ вернуться не помешал нашей дружбе, которая с годами, наоборот, укреплялась. Я помню забавный случай, когда за неделю до его юбилея он позвонил мне в Америку и осведомился, помню ли я, какого числа отмечается его юбилей в Саратове, и на мой положительный ответ в сердцах выдал: «*Так какого же хрена ты еще там сидишь*». А я не сидел, я уже был готов к отъезду на юбилей своего друга и привез ему в подарок картину, написанную по его рассказу о его видении своего полета во время собственной клинической смерти, чем он был чрезвычайно растроган и до сих пор слезы накапывают на его глаза, когда он вспоминает тот эпизод.

Позже, когда я разбирался в самом себе и в правильности принятых мною решений, я открыл для себя истину, согласно которой оставить науку и заниматься живописью было не только эмоциональным решением, но и результатом понимания реалий времени, когда наука и производство были в заго-не, кадры разбросаны по самым невероятным направлениям деятельности — от челноков до бомжей, не работали необходимые смежные направления промышленности и так далее. Видимо, беспокойство, что с этой задачей справиться будет трудно, и стремление убежать от реальности сверлили мою душу, что также явилось немаловажной причиной принятия столь эпохального решения, круто изменившего мою жизнь.

Такое очень серьезное решение требовало и такого же серьезного подхода к реализации жизненного принципа — делать хорошо или не делать ничего, а делать хорошо в живописи задача непростая. Я понимал, что у меня нет профессиональных навыков и знаний, и что этот пробел должен быть заполнен. Начинается курс самостоятельного заочного образования через изучение многочисленной специальной литературы, начиная с азов графики до серьезного курса ана-

томии человеческого тела, штудирование учебников и пособий по технике живописи с освоением инструментария, материалов и различных живописных техник, более кропотливое изучение альбомов выдающихся мастеров кисти разного периода и направлений живописи, особенно импрессионистов. Такого рода процесс для меня как ученого был не нов, я умел хорошо и рационально пользоваться литературой, что давало мне возможность достаточно быстро двигаться вперед. Параллельно непрерывно пишутся новые картины, и уже их было написано десятки, когда я случайно узнал, что в доме пенсионеров, оборудованном для занятий различными кружками от рукоделия до танцев, имеется также художественная студия, где собираются и вместе работают художники пенсионного возраста, заполняя таким образом свой досуг. Я, тоже человек пенсионного возраста, решил воспользоваться возможностью приобщиться к кругу живописцев.

Небеса опять мне потакали. В очередной раз мне повезло познакомиться с прекрасным человеком, руководителем студии Бэтти Мей, американкой немецкого происхождения, известным в Америке живописцем. Высокая, стройная, седовласая женщина с прекрасными тонкими чертами лица и грациозной походкой всем своим видом излучала тепло и доброжелательность, ее лучезарная улыбка сняла с меня напряжение, в котором я пребывал, не понимая пока, как эта художественная братия меня примет. Моя история и мои живописные работы немало ее удивили, и она с широко раскрытыми глазами смотрела на меня, как на диковинку, будто не веря моему рассказу, но свидетельство моей супруги Симы о правдивости моего рассказа окончательно ее убедили и, указав мне мое место за мольбертом, поведала мою историю художникам-студийцам, которые с интересом рассматривали мои работы, одобрительно реагируя на мое вхождение в их круг.

Начались студийные будни. Под руководством Бетти я написал несколько картин, и однажды она предложила мне принять участие в предстоящей групповой выставке членов ассоциации художников Баффало «Williamsville Art Society», предварительно дав мне рекомендацию для вступления в нее. Участие в выставке помогло мне понять, на каком уровне находится моя живопись, и позволило поменять мое же

собственное мнение относительно своевременности показа моих работ. Представленные мои четыре картины не испортили интерьера выставки, хотя я и понимал, что их качество не предел моего понимания того, что есть высокий уровень, к которому надо стремиться. Впоследствии я стал активным членом этого регионального сообщества художников, участвовал на многих подобных выставках, выходил три раза победителем конкурсов, завоевывая в разное время призовые места.

Занятия в студии продолжались, Бетти активно мною занималась, уделяя мне больше времени, чем каждому из художников, и однажды она попросила задержаться для серьезного, как она заявила, разговора. Разговор состоялся с глазу на глаз. Помню, мы сидели напротив друг друга за широким столом, ее необыкновенно красивые голубые глаза были широко раскрыты и наполнены добротой и искренностью, свойственной совершенно независимому человеку, несущему в этот мир только добро. Бетти поведала мне, что она довольна моими успехами и скоростью, с которой я осваиваю ее уроки, однако, учитывая мои возможности, настоятельно рекомендует мне перейти на профессиональное обучение. Для этого она предлагает класс замечательного профессионала, известного американского художника, в недавнем прошлом профессора университета в Нью-Йорке, а ныне профессора кафедры портретной живописи университета UB в городе Баффало Джоржа Пальмера, и более того, она уже успела с ним переговорить. Наконец, она настоятельно рекомендует мне не упускать такого случая. Я был поражен таким откровением и глубоко ей благодарен за ее участие к моей судьбе.

Я пишу об этом эпизоде вовсе не для того, чтобы сказать о себе, а чтобы показать личности — людей, обладающих лучшими человеческими качествами, небезразличных к человеческим судьбам, людей, помогающих развивать гармонию, духовность и свободу личности в окружающем нас суровом мире. Я не делаю обобщений, знакомя читателя с Бетти, и утверждаю, будто такой тип отношений характерен только для американской интеллигенции. Конечно же нет. Хотя такое отношение свойственно большинству американцев, оно не

является исключением и в Европе, и в моей стране России, в чем я убеждался многократно, путешествуя по планете. Я предвкушаю глубокое удовлетворение от того, что имею возможность в рамках моих воспоминаний рассказать об этих необыкновенных людях, населяющих нашу землю от севера до юга, востока и запада, куда волею судеб многократно ступала моя нога.

Россия всегда была богата меценатами, поддерживавшими развитие искусства и продвижение его в массы, ибо искусство есть то, что помогает людям понять, что есть гармония, как внутренняя, так и с окружающим миром, позволяющая выживать в атмосфере стресса, заполнившего человечество, помогающая человеку не оставаться наедине с самим собой и быть среди живого мира, окружающего его, но часто совершенно им не замечаемого. Не лишено меценатов и наше время, может быть, не в такой степени, как в прежние времена, но все это явление существует. Я знаком с человеком, интеллектуалом, который по своей собственной инициативе бескорыстно помогает писателям, художникам разного калибра творить, создавая им достойные для этого условия, и сам же, как историк, возрождает историю великих сподвижников русской культуры. Этот человек категорически возражает объявлять о себе, тем не менее, рискуя вызвать его неудовольствие, я все же назову его имя: в этом повествовании он незримо сопровождает каждую страницу моих воспоминаний, которые не появились бы без его инициативы. Это академик Российской Академии Наук Илья Ханукаевич Урилов, о нем еще будет сказ на страницах этих мемуаров.

Сейчас же я хочу посвятить несколько строчек людям, профессионально далеким от искусства, но понимающим его как необходимый атрибут духовности — супругам Черниковым. История началась с того, как однажды багетную мастерскую, что находилась недалеко от нашего дома в Хохловском переулке, владелец которой Евгений часто посещал мои выставки в Москве, посетила Елена Вадимовна Черникова, постоянный клиент мастерской. На рабочем столе Евгения валялись несколько моих буклетов, которыми заинтересовалась Елена Вадимовна, и попросила Евгения связать ее со мной. И вот в мой очередной приезд в

Москву он передал ее просьбу вместе с ее координатами. Меня заинтересовало ее желание встретиться со мной, я позвонил ей, мы договорились о встрече. Я увидел аккуратно сложенную, приятной внешности женщину с мягкими чертами лица с доброй искоркой в глазах; прямой взгляд ее умных глаз выдавали ее интеллект, а добрая улыбка располагала к открытому диалогу. По ее словам, она представляла банк «Холдинг Кредит», что меня несколько удивило, я не видел никакой своей связи с каким-либо финансовым учреждением. Заметив мое замешательство, она поторопилась сообщить, что цель встречи имеет отношение к моему творчеству, что банк проводит в своих помещениях выставки художников по выбору банка, и уже состоялось много подобных выставок, и что им хотелось бы открыть персональную выставку и моих работ. Тут же она сообщила об условиях: банк выпускает буклет, выделяет транспорт и людей для перевозки картин, своими силами развешивает картины, к концу выставки разбирает и упаковывает их, и доставляют их мне обратно на место, откуда забирали. На мой вопрос, что же делаю я, ответила, что мое дело продолжать создавать шедевры. Что ж, такой сервис никто мне еще не предлагал, и я тут же согласился. Конечно, я не пустил на самотек формирование экспозиции и принял в этом активное участие. Банк располагался недалеко от метро Бауманская, среди старинных застроек в здании реставрированного особняка девятнадцатого века, в окружении густо насаженных деревьев. Был месяц октябрь, на дворе выпал первый ранний снег. Развешивая картины, я увидел поразивший мое воображение вид из окна, выходящего во внутренний дворик: крупные сосновые деревья вперемежку с березами; высокие кусты рябины с висящими на них гроздьями ярких красных плодов, пробивающиеся сквозь пожелтевшую и пооранжевшую, но еще не полностью опавшую листву; а внизу под окном на земле красовавшийся белый снежный покров с ковром уже опавшей многоцветной листвы. Удержаться было невозможно, и я отъехал, чтобы доставить все необходимое для того, чтобы увековечить на холсте эту красоту. Состоялось! Влажная, только что написанная картина заняла свое место в экспозиции выставки на полосе стены прямо у окна, как бы продолжая реальный сюжет за окном.

Та картина уже попала в частную коллекцию, хотя и тяжело было с ней расставаться, но я забил тоску по той картине, написав второй вариант этого пейзажа, который достойно заменил первый.

Позже я узнал некоторые подробности о сути происходящего. Елена Вадимовна, ныне доктор юридических наук, судья арбитражного суда, не была служителем банка, а просто в качестве любимой жены президента банка Владислава Станиславовича вышла с инициативой создания в банке атмосферы единства и взаимопонимания сотрудников, снятия стрессов, неизбежных в коллективе, воспитания причастности к прекрасному, и, наконец, развития гармонии человека с окружающим, и все это возможно реализовать, по ее убеждению, с помощью искусства, в частности, живописи. Попробовали. Тщательный отбор жизнеутверждающих художников сделал свое дело. Очередную выставку коллектив ждет с нетерпением, это стало частью их бытия. Их состояние приподнятости духа я ощутил на себе, интерес к живописи осознанный, неподдельный, в буквальном смысле, они утопают среди полотен, дух которых вживается в их повседневную жизнь. Сам же президент и вся его команда являются активными движителями этого начинания.

С тех пор прошло шесть лет, укрепившие нашу дружбу; не частые, к сожалению, встречи, всегда желанны и приносят радость общения в атмосфере свободы духа, когда не помнишь о том, кто есть кто.

В минуты, когда пишутся эти строки, я нахожусь в трепетном ожидании встречи с моими милыми друзьями уже на очередной выставке моих последних работ, презентацию которых организовывают любезные хозяева своем в банке.

Знакомство с профессором Джоржем Пальмером стало поворотным в моей судьбе, потому что с ним мне предстоял переход от любительской живописи к профессиональной. Уже по телефонному разговору я почувствовал тепло, исходящее от этого человека, и выпустив море восторженных слов в адрес Бетти Мей, от имени которой я представился, он назначил мне встречу в своей студии, напомнив об условиях приема на его курс, и попросил взять для ознакомления несколько моих работ. Забросив в машину больше

десятка работ, я на следующий день появился в его студии. Меня встретил невысокого роста человек с седой аккуратно подстриженной бородой и ясным открытым взглядом добрых карих глаз, с улыбкой на устах, пригласивший войти в студию. Он помог мне внести мои картины и не мог скрыть своего удивления, почему я принес так много работ. Причина была ясна мне, я думал, что из большого количества работ вероятен выбор, и он найдет что-то с его точки зрения подходящее. Он пригласил меня сесть на диван, предложив чашку кофе, а сам разложил работы вдоль стен и стал внимательно изучать каждую из них не беглым взглядом, а, наоборот, рассматривал детали, подходя к картине то близко, то отдаляясь от нее, чтобы рассмотреть общий план. После такого тщательного просмотра он повернулся ко мне и с очень серьезным выражением лица спросил, какую живописную школу я окончил. «*Никакую*», — также серьезно ответил я, уже понимая, что Бетти не рассказала ему о моей истории, видимо, потому что не хотела смягчать эффект восприятия такой новости, как моя история. Он смотрел на меня пристально, пытаясь осознать, насколько правильно я понял его вопрос, после чего он не замедлил повторить его и так же быстро получил тот же ответ. Он долго непонимающе смотрел на меня, и я поинтересовался, рассказала ли Бетти, как я пришел к живописи, на что он отрицательно покачал головой и не проронил ни слова, пока я повторял все то, что вы уже знаете.

Мне казалось по его взгляду, что он не поверил мне, продолжал рассматривать стоящие вдоль стены картины, бросая недоуменный взгляд на меня в попытке переварить мою историю. Эта картина меня забавляла, однако, я переживал, что был причиной такой эмоциональной реакции, но понимал, что иначе быть и не могло, потому что его итальянское происхождение было причиной его эмоционального взрыва. Он не удержался и тут же позвонил Бетти, чтобы сообщить, что встреча со мной состоялась и он принял решение зачислить меня на свой курс, а я делал вид, что не слушаю его. Закончив разговор по телефону, он подошел ко мне и объявил, что я зачислен и что все формальности оформления берет на себя, и назначил дни посещения занятий.

Так я оказался на пути превращения в профессионала.

МОИ ЗАРУБЕЖНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Класс портретной живописи профессора Пальмера был сформирован из двух групп, первая из которых была укомплектована профессиональными художниками и талантливой молодежью, готовившейся к профессиональной деятельности. Среди учеников были и начинающие художники, в основном сосредоточенные в другой группе. Студийные занятия проходили три раза в неделю, расписание составлялось так, чтобы работа двух групп не пересекалась, чтобы студенты при желании могли брать студийные занятия в обеих группах, что давало возможность продлить свои занятия под руководством профессора Пальмера. Этой возможностью пользовался часто и я, хотя и был определен в группу профессионалов, что для меня было неожиданностью, но приятной новостью, это повышало мой рейтинг в моих собственных глазах.

Примечательно было первое знакомство и начало моих занятий. Придя в студию в назначенный день и час, я обнаружил, что студийцы уже собрались, а мои картины стояли уже не на полу, а были развешены по стенкам студии, а художники, рассматривая их, что-то обсуждали. Мое появление вызвало интерес присутствовавших, было похоже, что профессор Пальмер уже предупредил их о предстоящем пополнении группы. Он познакомил меня с каждым из них, и каждый приветствовали меня широко расставленной улыбкой, как это принято у американцев. Пальмер хлопком в ладони сконцентрировал внимание присутствующих на себе, открыл «meeting» и, рассказав мою историю неожиданно для меня, начал анализ моих работ, подчеркивая при этом, что хотя многие работы и не отвечают классическим канонам живописи, однако они выразительны и индивидуальны, что он принимает это отклонение от классики как достоинство картины. Затем, указав на некоторые недопустимые для серьезной живописи просчеты, успокоил меня тем, что освоение мастерства портретной живописи поможет мне получить профессиональные навыки не только при создании портрета, но и пейзажей. Закончив анализ, он показал мое рабочее место за мольбертом и наказал мне на время занятий в студии забыть о кисти и красках, а взять вместо них уголь и бумагу, что мне предстоит использовать для десятков графических

работ, прежде чем я приступлю к созданию живописных портретов.

Этот первый день был моим, Пальмер уделял мне больше внимания, чем остальным, те уже знали свое дело, а мне же он терпеливо объяснял правила графического изображения портрета. Мне было легко его слушать, потому что я успел самостоятельно ознакомиться с этим жанром по книжкам, но сейчас он учил меня распознавать с натуры каждую деталь лица, каждый изгиб морщин, различая цветовые оттенки на коже лица, правильное восприятие которых позволяет максимально добиться портретного сходства с натурой, даже если в руке одноцветный карандаш. Джорж Пальмер был настолько талантливым педагогом, что его подопечные осваивали его науку быстро и глубоко. На рисование портрета с натуры отводилось два занятия по три часа, я же мучился оттого, что завершал работу на первом же занятии и относил это к тому, что мое восприятие не так глубоко, и я могу упустить много деталей. Пальмер же не оставлял меня без внимания и, подходя к моему мольберту, брал из моих рук кусок графита и показывал, каким движением руки лучше вывести линию детали лица, которая мною уже была будто выполнена, и я понимал, что я далеко еще не мастер. Шло время, я постепенно улучшал свое умение рисовать портреты, освоив важную истину — уметь схватить главные, характерные только для этого человека черты и вокруг этого строить всю остальную композицию.

Наступило время, когда Пальмер решил, что я могу приступить к цветным портретам, но пока еще не масляным, а пастельным. Тут Пальмер был виртуозом, это было то, чем он занимался всю жизнь. Некоторые написанные им пастелью портреты висели тут же в студии, и мы могли убедиться, сколь велико его мастерство передавать внутренний мир человека, с его портретов на тебя смотрели персонажи, мягкий взгляд которых достигался самим материалом. Пастель была его кредо, он знал об этом искусстве все, владел виртуозно и не допускал фальши и в работах своих учеников, оттачивая их мастерство путем скрупулезного изучения каждого квадратного миллиметра облика портретируемого, соблюдая великий закон света, тени и полутени. Сколько же раз за урок он произносил эти слова, чтобы вдолбить нам в подсознание главнейший прием создания объема, оживля-

ющий лицо, да и любую деталь. До сих пор помню, как он подводил меня к натуре, экзаменовал меня, прямо указывая на конкретное пятно на лице, какие различаю цвета и могу ли выделить на этом пятне составляющие света, падающего на него. Сначала я не мог, постепенно стал различать и, в конце концов, научился различать даже на асфальте, который всем кажется сплошным серым цветом, многообразие цветовой гаммы. Старания Пальмера не прошли даром. В моем арсенале насчитывалось уже много десятков графических угольных и пастельных портретов, выдержанных в стиле школы Пальмера, некоторые из которых впоследствии были представлены на разных выставках, и однажды пастельный портрет моего младшего внука Яши выиграл главный приз конкурсной выставки работ художников Баффало.

Первая моя выставка состоялась по инициативе друзей Стеллы, оказавшихся у нее в гостях и посетивших ее студию, где находилось несколько десятков моих работ, на что они обратили внимание. Они заинтересовались моей историей и предложили организовать персональную выставку, к чему я отнесся несерьезно и дал им понять, что уровень работ еще недостаточен для выставки. Они пытались убедить меня, что я должен пересмотреть свое мнение. Так и не получив моего согласия, они покинули студию. Однако через дня три мне позвонили из выставочного зала еврейского центра города и предложили явиться на переговоры по поводу организации моей персональной выставки. Я понял, откуда ноги растут, и не стал сопротивляться, а взяв с собой несколько работ, отправился на встречу.

Я имел возможность представить около восьмидесяти живописных работ, которые были выставлены на двух площадках, в главном здании и здании филиала центра (*такой был порядок*), чтобы по возможности охватить более широкий круг посетителей. К моему удивлению, их было много, поскольку мои благодетели позаботились о рекламе, что придавало мне некоторую уверенность в том, что мои работы могут быть кому-то интересны. Вслед за этим состоялась вторая выставка по приглашению дома пенсионеров, располагавшего хорошей выставочной площадкой, благодаря которой значительно увеличился круг моих зрителей.

Профессор Пальмер подводил меня к последнему этапу — переходу от пастели к масляным краскам. Однако в качестве зачетной работы он задал мне не портрет, а пастельный натюрморт, что для его класса было необычно; очевидно, это было его желанием проверить, насколько я готов применить полученные навыки работы пастелью и в других жанрах. Он видел во мне больше пейзажиста, нежели портретиста. Натюрная композиция была построена из элементов с широким цветовым разбросом, объемными конфигурациями, включавшими множество светотеневых оттенков, и только при правильной технике исполнения можно было оживить объем изображения. Композиция выстроена была только для меня, другие писали портрет с натуры. Пальмер был удовлетворен, я же был благодарен ему за то, что он довел меня до такой кондиции.

Эта работа красовалась на многих моих выставках и однажды на выставке графических работ взяла приз. Я же до сих пор не могу расстаться с ней — вот и сейчас, когда пишу эти строки, смотрю на нее и вспоминаю, как тогда Пальмер стоял у меня за спиной и наблюдал за моей работой. Мне были очень дороги его слова: *«Биньямин, ты уже готов»*. Как говорится, не прошло и года, как мой многоуважаемый профессор разрешил мне к следующим занятиям запастись красками и кистью.

Пальмер был идеальным объектом для понимания того, что есть добро, и главное, способа его проявления. Желание сделать лучше всегда вызывает волнение, чтобы не сделать хуже, а это тянет за собой некоторую неуверенность в твоих действиях, что отрицательно сказывается на процессе творения, успех которого, на самом деле, лежит в полной внутренней свободе человека. Не знаю, думал ли также Пальмер, я не делился с ним своими мыслями по этому поводу, однако встреча с ним, его добрый взгляд и манера общения в момент, когда он формулировал очередное задание, немедленно снимало напряжение, и ты чувствовал себя скорее партнером, нежели его студентом. Он мог создавать атмосферу творчества среди своих подопечных, и каждый из нас чувствовал себя независимым и свободным, сохраняя это состояние и после класса. Он не пропустил ни одной моей персональной выставки, проходившей в том городе,

поднимал своим посещением мой престиж как художника, а его присутствие для многих посетителей означало высокий статус выставки.

Профессор Джорж Пальмер был неудовлетворен только одним — он так и не мог добиться от меня признания в том, какую живописную школу я оканчивал, однако успокоился, когда после завершения его класса мы сидели с ним в ресторане и на его традиционный вопрос я с гордостью ответил, что я окончил школу профессора Джоржа Пальмера, которому я всю жизнь буду благодарен. Хорошая улыбка и залпом выпитый бокал красного вина были знаком, что вопрос исчерпан.

Приобретая в себе уверенность, я очень много работал и много выставлялся на различных выставках и показах, но меня более привлекали персональные выставки, которые были уже выездными в других городах США и Канады, в частности, в Нью-Йорке, Бостоне, Торонто. Я вживался в жизнь и в порядки художественной деятельности на североамериканском континенте, где у меня было уже много знакомых художников, и я мог изнутри наблюдать за тем, как и чем живут американские художники, те, из которых формировалась основная армия.

В моих наблюдениях обнаружилось много полезного и оригинального, часто не наблюдающегося в нашей стране, что однажды вызвал интерес Владимира Ларионова — главного редактора журнала «Художественный совет», выходившего в Москве, который пригласил меня написать для этого журнала статью о моем видении жизни и быта американских художников. Я решил, что могу поделиться с читателями этого весьма интересного журнала своими мыслями.

Поиск путей совершенствования личности обычно начинается с неудовлетворенности уже достигнутым, с ощущения внутренней потребности реализовать свои еще не раскрытые способности, со стремления проявиться в чем-то конкретном. И это здоровое, нормальное состояние любого цивилизованного человека.

Что движет человеком при выборе профессии, которой посвящается вся жизнь; при каких обстоятельствах он начинает понимать, что сделал правильный выбор, и вообще,

следует ли ограничиваться только одним занятием, учитывая многогранные возможности человеческой натуры? Ответы на эти вопросы дать непросто, но возможно. Они очевидны на примере изучения жизни выдающихся людей, первооткрывателей не только в своей профессиональной сфере, но и в других направлениях творческой деятельности. Леонардо да Винчи, Короленко, Бородин, Волошин, Чюрленис, космонавт Леонов — это ли не свидетельство человеческих возможностей, пример для людей, чей мятежный дух не знает покоя. Это очевидно также на примере американцев, прагматичных людей, понимающих цену занятия искусством, но сознательно, по зову сердца получивших профессию художника или музыканта, в то же время понимающих, что в большинстве случаев занятие искусством не приносит тех дивидендов, которые достаточны, чтобы жить нормально, хотя бы на уровне среднего американца, что доступно лишь избранным. Однако они не унывают, не отращивают длинных волос и бороду, за которыми затем не ухаживают, не спиваются, не завидуют успешным своим коллегам, не бравируют своим призванием заниматься только искусством, не озлобляются на весь мир из-за своей неудачи, а решительно идут получать новую, актуальную профессию, которая приносит им достаток и благополучие, позволяющие наслаждаться искусством — своей первой профессией, но уже благодаря приобретенной внутренней свободе и независимости.

В равной степени это касается и эмигрантов. Эмиграция — это время тяжелых испытаний, период ломки душ, борьбы за себя в непривычных условиях чужой страны, в результате чего многие эмигранты, люди уже немолодые и часто в прошлом успешные, испытывают стресс и депрессию, что не миновало и меня. Вот время, когда приходится искать и находить момент истины, как и для чего надо жить, когда жить совсем не хочется!

Свыше мне дано было указание выстоять, и я выстоял. Мне удалось раскопать внутри себя то, что давно было подарено небесами и теплилось, пока упорная борьба с самим собой не вывернула меня наизнанку, обнажив то, что меня и спасло. Я искал спасение в бегстве от самого себя, но нашел его в живописи и в среде американских художников, с добром и пониманием принявших меня в свои ряды.

Подавляющее большинство американских художников являются членами различных творческих союзов, больших и малых, региональных и локальных в рамках не только штатов, но и городов-спутников, призванных к объединению и тесному общению своих членов, путем организации совместных выставок, вечеров встреч членов ассоциации за ужином, всевозможных конкурсных показов. Один из примеров — работа локальной ассоциации художников «Williamsville Art Society», членом которой я стал вскоре после первой моей персональной выставки. Ассоциация дважды в год проводит групповые конкурсные выставки, на которых участвуют более ста художников. Жюри конкурса составляется из маститых художников и искусствоведов, представляющих известные музеи, и этот факт повышает имидж победителей. В разное время победа в таких конкурсах доставалась и моим работам, что приносило удовлетворение и уверенность в себе. Члены ассоциации собираются на ежемесячные встречи, на которых известные художники дают мастер-класс, а специальная комиссия присуждает одному из художников почетное звание «Художник месяца». Однажды это звание прилипло и ко мне. Все это давало моральную поддержку и стимулировало дальнейшую творческую деятельность.

Существуют иные формы деятельности творческих союзов, более значимые, например, «Western New York Artist Group», достаточно известное объединение художников штата Нью-Йорк, членом которого я состою по сей день. Этот Союз обладал более широкими возможностями и по рангу гораздо выше, нежели региональные объединения. «Western New York Artist Group» имеет собственную галерею профессионального уровня, проводит групповые и персональные выставки своих членов, а также аукционы. На одном из таких благотворительных аукционов была продана одна из моих работ «Ночь в Лас-Вегасе», а вырученные деньги ушли в фонд галереи. При всем внешнем благородстве не все безоблачно, существует группировка, концентрирующаяся вокруг руководителей союза, формирующая политику в интересах узкого круга, приводившая конкретно в этом творческом союзе к дискриминации новых членов, ставя некоторые барье-

ры для таких, как я, пришлых. Безусловно, это вызывает дискомфорт от ощущения, что ты чужой. Конечно, такое часто бывает и в России, но на Родине такое переживается легче. Однако жизнь продолжалась, и я, как мог, протаптывал себе дорогу.

Значительным достижением художника считается показ его картин в известных музеях, каким является музей Albright-Knox Art Gallery в Баффало — один из известных музеев в США, обладающий большой коллекцией работ всемирно известных мастеров кисти от эпохи Возрождения до наших дней, в том числе, многих русских художников. Ежегодно в апреле специальный отдел музея Rental Sales Gallery устраивает отборочный конкурс среди американских художников для участия в выставке, организуемой непосредственно в залах музея. Цель проведения выставки — выявление новых имен, пропаганда современных художников, пополнение коллекции музея. Независимое жюри проводит очень жесткий отбор, количество претендентов составляет несколько сот художников. Выставка годичная до апреля следующего года. Любопытно, что посетители музея могут купить или взять в аренду на определенный срок любую из экспонируемых картин и по истечении срока принять решение о выкупе ее или возврату обратно в музей.

В этих конкурсах участвовал и я, и только на третий заход оказался в числе выигравших конкурс, а затем трижды удостоивался чести быть представленным в музее, где несколько моих работ даже были выкуплены.

Еще одно важное событие происходит в жизни художников. Ежегодно в начале лета по инициативе городских властей в парках города на открытом воздухе проводится широко рекламируемый фестиваль искусств, который широко посещается жителями города и окрестностей, и художники имеют шанс продать свои произведения. В расположении художников также много традиционных частных галерей, куда можно сдавать для продажи свои работы на условиях, близких к условиям московских галерей.

Однако, как и во всем мире, у художников Америки жизнь тоже нелегкая. Все зависит от того, как им улыбнется Фортуна.

Жизнь состоит, как ни парадоксально, из закономерных случайностей. Это относится напрямую и к моей, заполненной событиями жизни. Как и в далеком прошлом, так и после моего перевоплощения в художника, жизнь цепляла меня совершенно неожиданными событиями, разнообразя и без того мою бурную жизнь. Американский период подарил еще одного незаурядного человека, который внес огромную лепту в формирование моего имиджа, который увидел мои работы на выставке и сделал мне предложение открыть персональную выставку у него в музее. Этот человек оказался директором Американского Музея Европейского Искусства, и звали его Джон Заврел, человек огромного роста, рядом с которым я выглядел совсем маленьким. Я смотрел на него с вытянутой вверх шеей, изучая его облик. Выражение его лица совсем не соответствовало его телосложению. Одетый в темный костюм и в белую рубашку с галстуком, во что американцы облачаются разве только в офисах или на приемах, он имел официальный вид; его округлое, чуть красноватое лицо, светло-каштановые непослушные волосы и светлые глаза выдавали в нем человека славянского происхождения. Его взгляд излучал доброту, чувствовалось, что он желает всем окружающим благополучия и удачи; улыбка не сходила с его уст, и благодушное состояние немедленно передавалось окружающим. Он долго рассматривал картины, и его отношение к представленным на выставке полотнам отпечатывалось на его лице, а легкое покачивание головой подтверждало не то удовлетворение, не то удивление увиденным. Представившись, он рассказал о своем музее, где предполагалось организовать мою следующую выставку.

Музей европейского искусства — частная некоммерческая организация, ставящая своей целью поддержку современных художников. С самого начала основатель музея Джон Заврел стремился к тому, чтобы искусство способствовало лучшему взаимопониманию Востока и Запада. Для развития партнерских отношений с художниками Заврел использовал свои обширные связи с высокопоставленными политиками: Рональдом Рейганом, Вацлавом Гавелом, президентами и министрами немецкого правительства. Будучи американцем чешского происхождения, как и Энди Уорхол, он основал музей, который разместился в небольшом здании в городе

Клеренс, штат Нью-Йорк, который тесным образом сотрудничает с Фондом Европейского искусства в Берлине, и оба, и Фонд, и Музей, ставят совместную задачу для обоих континентов, которая заключается в том, чтобы при организации выставок вместе оказались современные художники и великие мастера прошлого, как Марк Шагал, Пабло Пикассо, Аристид Майоль и Огюст Роден. *«Россия — страна богатой культуры, — пишет в своей статье президент Фонда Европейского искусства в Германии Джо Боденстайн для журнала «Художественный совет», и продолжает, — Заврел проявил интерес к искусству Восточной Европы, он выставлял работы художников из Чехии, России, Венгрии, Польши, Румынии и Болгарии. Музей европейского искусства часто экспонировал интересные картины всеми почитаемого и уважаемого русского художника Биньямина Шалумова, ныне проживающего в США».* Около десятка моих работ были в разное время переданы в коллекцию Музея европейского искусства США и Фонда европейского искусства в Германии.

Многие годы Заврел наблюдал за моим творчеством, приглашал меня на многие коллективные выставки, проходившие в Музее Европейского Искусства, на которые он привлекал не только художников из США, но и из соседней Канады. Он выделял меня среди художников, участвовавших на этих групповых выставках, что подчеркивалось некоторыми деталями его поведения. Так, например, отбирая по правилам участия в выставке только по две работы из пяти представленных каждым художником, он не мог удержаться от соблазна оставлять все пять представленных мною работ, отходя тем самым от им же установленных правил. Много раз Заврел организовывал в своем музее персональные выставки моих работ, как только он узнавал от меня или просто посещал мою студию, где знакомился с моими новыми работами. Именно Джону Заврелу я обязан широким выходом моего творчества на европейское пространство. Будучи одним из руководителей международного рыцарского Ордена Александра Великого, а также директором по международным связям Европейского Фонда культуры он инициировал приглашение для посвящения меня в рыцари этого старинного Ордена со штаб-квартирой в Германии в замке «Норвених» под Кельном. На следующий год после посвящения в этом

же замке была организована моя персональная выставка, на которой в течении полугода экспонировались более ста моих живописных работ, в том числе и Дагестанский цикл. Благодаря стараниям и авторитету президента Европейского Культурного Фонда Джо Ф.Баденштайна выставка вызвала широкий резонанс не только в Германии, но и в соседних странах. Выставку посетили многие французы, бельгийцы — жители районов, расположенных близко от замка Норвених. Это было для меня большим праздником и точкой отсчета признания моего творчества в Западной Европе. К моему удовольствию эту выставку посетили многие россияне, в том числе мои земляки, проживающие в Германии, руководители Российского Консульства в Бонне. На открытие выставки приехали мои друзья из Швеции Пауль и Ханна Вексельблат, из Дербента приехали близкие мне Сави и Ирина Ханукаевы.

Будучи человеком, получившим воспитание в Восточной Европе, Джон Заврел понимал мой менталитет, и по этой причине мы могли хорошо понимать друг друга, но тем не менее однажды мой поступок в процессе подготовки моей персональной выставки немало его удивил. Известно, что творческим людям часто не чужда жесткая конкуренция и им нежелательно давать повод для сравнения своих работ с другими, более выигрышными, на фоне которых их работы могут показаться менее значимыми. Разделяя такое мнение, Джон Заврел был удивлен тем, что я предложил, скорее — попросил его разрешить представить на моей персональной выставке в счет моих картин, работы моего друга, московского художника Александра Давида, трагически ушедшего из жизни, о котором я ему часто рассказывал, как о художнике невероятно талантливым, творчество которого поражало меня своей самобытностью и величайшим мастерством, достижение уровня которого было моей мечтой. Более десятка его работ находились в коллекции моей дочери Стеллы, которая разделяла мое отношение к его творчеству и коллекционировала его полотна, которые я и предполагал выставить. Джон не понимал, как же я могу давать повод зрителю сравнивать мои работы с полотнами Давида, которые по моему же мнению будут выглядеть более выигрышно по сравнению с моими.

Но сопоставление меня не волновало, меня обуревало желание познакомить американцев с творчеством моего друга, всего несколько месяцев назад наложившего на себя руки в возрасте неполных сорока лет. Джон проникся к моей просьбе и не только разрешил выставить работы Давида в счет количества моих работ, но выделил под его полотна дополнительные площади. Показ состоялся. Восторгаясь работами Давида, посетители выставки принимали мои работы тоже с большим интересом, находя в них индивидуальный почерк, и никому и в голову не приходило желание сравнивать наши работы. Давид оставался Давидом, завораживающим своими необыкновенными пейзажами, а я же шел своим путем, хотя и стремился быть похожим на него.

С Джоном Заврелом связана одна забавная история. По приезде из Москвы я показал ему фотографии картин дагестанского цикла, на одной из которых был изображен родовой дом Ханукаевых в Дербенте, расположенный на пересечении улиц, названиям которых лично я не придал значения, хотя и вывел их на картине. Джон, еще помнивший с былых времен русские буквы, обнаружил на холсте название улицы Ленина и переулка Чапаева, имена двух легендарных людей, которые запомнились ему еще со школьной скамьи. Эти имена напоминали ему о былых временах и о его бегстве от того мира. Мы не стали осуждать события того времени, которые напоминали не только о катастрофе, но и подарили миру веселые анекдоты, один из которых Джон, вспомнив, рассказал.

ПРИМЕР ВЫСОКОГО МАСТЕРСТВА

Это было после моей эмиграции в Соединенные Штаты. В городе Баффало проживала некая молодая дама, как оказалось, сокурсница по художественному училищу в Кишиневе художника Александра Давида, который переехал жить в Москву. Узнав о том, что я еду в Москву, она через своих знакомых попросила меня найти Александра в Москве и передать ему небольшой сувенир — курительную трубку. Мне это ничего не стоило и, приехав в Москву, я отыскал и передал ему подарок от подруги по студенческим годам, чему он был

очень рад. Он осведомился, интересуется ли меня живопись, и получил ответ, что я не только интересуюсь, но увлечен живописью, особенно художниками-импрессионистами. Он предложил мне посетить его студию, где я могу познакомиться с его работами, тоже импрессионистскими, но значительно продвинутыми по сравнению с классикой. Такое заявление заинтриговало меня, и подумав о том, что от скромности ему не грозит смерть, я принял приглашение.

Студия его находилась на Хитровке, в нескольких минутах от Хохловского переулка, где стоит мой дом. Условившись о времени встречи, мы разошлись по своим делам. К тому времени Хитровка еще сохранила некоторый аромат времен Гиляровского — помещения, предназначенные в прошлом для ночлежки, располагались вдоль вытянутого балкона, крыша которого удерживалась рядом бревенчатых подпорок, на которых отложилась печать времени, но тем не менее которые гордо стояли на страже, не давая забыть о былых временах. Давид располагался в дальних от входа во двор апартаментах, несколько разбитых ступенек подвели прямо к дверям его квартиры, где располагалась студия. На дверях еще сохранялся внешний засов, на котором в свое время красовался мощный навесной замок, который уже в наши дни был заменен внутренним замком. Оповещающего звонка на входе я не обнаружил, и поэтому пришлось использовать висящий на дверях металлический кулачок, ударом которого без всякой надежды пытался добраться до слуха хозяев. Вопреки моим ожиданиям, дверь отворилась, и на пороге я увидел красивую стройную молодую женщину, которая пригласила войти в квартиру. Это была его жена Алёна. Навстречу с шумом выскочил Александр, который тут же повел меня в свою достаточно просторную студию с низкими небольшими окнами, выходящими на южную сторону, отчего казалось, что эти маленькие окна способны пропускать достаточно много света. У всех стенок выстроилось много картин различного формата, насыщенных яркими цветными пастозными мазками, буквально, выпирающими за пределы поверхности холста, что создавало в комнате ощущение красочной праздничной демонстрации. Прищуренным взглядом своих раскосых глаз он внимательно следил за мной, как бы изучая мою реакцию, а я же не торопился петь ему дифирам-

бы, поскольку пытался разгадать причину его уверенности в том, что его работы превосходят полотна выдающихся импрессионистов. На самом деле работы завораживали своим колоритом, динамикой и мощной притягательной силой. Остаться равнодушным было невозможно, хотя я еще не был готов сказать ему что-то, поскольку надо мной довлело его мнение о его превосходстве над классиками импрессионизма. Я ходил в комнате по кругу, вглядываясь в картины и весь поглощенный ароматом краски и нереальностью мира, в котором я оказался. Мой взор неожиданно остановился на белом полотне, завешанном на каком-то квадратном предмете, у самого пола заваленном картинами. Поймав мой взгляд, Александр стал медленно убирать картины, освобождая низ квадратного предмета и размещая картины вдоль стен комнаты. Освободив пространство перед полотном, он пристально посмотрел на меня и протянув руку к покрывалу, стянул его с предмета, обнажив то, что скрывалось от взгляда. Моему взору открылась яркое видение — словно кусок размером полтора на полтора метра — было вырвано с поверхности солнца и перемещено в студию. Против этого потока энергии устоять было невозможно, и я невольно отошел на шаг назад, прикрывая глаза руками. Это был шок! Привыкая постепенно к этому извержению могучих сил природы, я начал различать изображение на поверхности полотна, на котором выделялся незатейливый пейзаж в виде огромного раскидистого дерева, откидывающего тень на поляну, а на переднем плане выделялся частокол, за которым расположился колодец с журавлем, в конце которого болталось ведро. Монохромная картина была написана оранжево-красными красками, большими пастозными мазками, из-за которых при рассмотрении картины с близкого расстояния невозможно было различить изображения, но которое появлялось, как только ты далеко отходил от нее. Поражало мастерство, с которым были переданы объем и перспектива на монохромном полотне. Я долго рассматривал картину, все глубже и глубже открывая детали сюжета и ощущая, что, оказывается, природа на солнце совсем такая же, как на земле, но только другого цвета. Название картины «Зной» точно характеризовало ее содержание.

Впоследствии эта картина обрастала историями. Давид

выставил эту картину на продажу, многие хотели, но не покупали, не могли устоять против потока энергии, излучающей этим полотном, эта картина была не для созерцания в минуты отдыха, наоборот, она напоминала о могучих силах природы, перед которыми человек чувствовал себя незащищенным. Помню, как я привел в студию мою знакомую, желавшую приобрести ценную картину. Реакция ее была невероятной — увидев картину, она тут же покинула студию, не выдержав навалившуюся на нее энергию, не поддаваясь никаким уговорам посмотреть другие работы — так было велико воздействие на психику людей этой картины, да и всего замечательного творчества Александра Давида. Стало ясно, что эта работа не для домашней коллекции, что эта картина музейная, и Александр планировал законсервировать ее, придумал даже конструкцию упаковки, и дожидаться времен, когда цена на эту картину возрастет до миллиона долларов. Мечта не реализовалась, хотя эта картина ждет своего часа, но не в спецконтейнере, а в Швейцарии у Алёны, куда она переехала жить.

Дружба наша укреплялась с годами. Мы много времени проводили в обсуждении его работ, в дискуссиях об искусстве, о смысле жизни и предназначении художника, в прогулках по замечательным уголкам Москвы, которые часто Давид провоцировал, и эти уголки становились объектом для сюжетов его, а позже и моих картин. Я часто допускался в мир его творения, наблюдая за его работой над холстом, и крепко завидовал ему белой завистью, и в это время на меня нахлестывало мое безнадежное желание стать художником.

Иногда по пятницам он проводил встречу друзей художников, где я присутствовал в качестве друга хозяина. Однажды в разгаре вечеринки Сапа сидел на полу у стены с неподвижным, направленным вдаль взглядом, что казалось необычным, и я несколько обеспокоенный подошел к нему спросить, все ли с ним в порядке, и осведомился, о чем он думает. Ответ был неожиданным, но убежденным: *«Я думаю о том, какой же я гениальный»*. Что это было — убежденность в своей избранности или желание показаться оригинальным с целью саморекламы, во что верилось с трудом? Давид был из тех, кого не волновало мнение окружающих, он был далек

от корпоративных отношений, игнорировал всякие союзы художников, был уверен в порочности правил внутри союзов и мечтал создать свое сообщество художников, свободное от конкуренции и интриг. Однако не довелось. Не успел...

Факт моего занятия живописью он принял с разочарованием. Мое сообщение о том, что я занимаюсь живописью, было встречено полным молчанием с его стороны, без комментариев, чему я был удивлен, хотя когда-то я просил его преподавать мне несколько уроков живописи, и эта просьба оставалась нереализованной, хотя с его стороны это не вызывало раздражения, которое проявлялось сейчас, когда я объявил ему о своем начинании, и когда за плечами у меня было уже несколько десятков полотен. Я проглотил это противостояние, дабы его не раздражать, но вернулся к тому же через полгода во время моего очередного приезда в Москву, показав ему альбом с фотографиями моих работ, который он перелистал совершенно без единой гримасы и без слов вернул обратно, не проявив ни малейшего интереса, хотя там было то, что потом, спустя некоторое время, он отметит как самобытные талантливые работы, но это потом, а сейчас — подчеркнутое гробовое молчание. Опять загадка, казалось, он должен был бы быть этому рад после стольких лет дружбы, без счета проведенных нами встреч в спорах и суждениях об искусстве, после понимания того, что я давно мечтал заниматься живописью, в том числе с его помощью. Сосредоточенный на себе и своем искусстве, он хотел концентрации моего внимания только на его творчестве. Я смирился с этим, хотя и был переполнен недоумением. Я не претендовал на его исключительное отношение к себе, мне просто хотелось знать мнение этого незаурядного художника, чтобы понять себя, не ошибка ли моя дорога в живописи, приобретенная потерей главного дела моей жизни — науки. Меня успокаивало то, что к этому времени в Америке меня признали, за спиной уже было много выставок во многих городах США и Канады, а я же мечтал о выставке в Москве, где рассчитывал понять себя, прислушиваясь к мнению истинных ценителей искусства — москвичей.

В который раз я пытался расшевелить Сашу, выдавливал из него хоть какое-то отношение к моей живописи, мне важно было знать его мнение. Однажды, во время моего пре-

бывания в Москве он пригласил меня на встречу со своими друзьями в Подмосковье. Дорога была длинная, и я уже в машине вручил ему два больших альбома с фотографиями своих картин. Мы сидели рядом на заднем сидении, я имел возможность наблюдать за ним. Он листал альбомы, рассматривая картины, уже виденные им, и те, которые он еще не видел. Я заметил, что в отличие от прежнего, на его лице и в глазах наметился некий интерес, на отдельных страницах он задерживался, а к некоторым даже возвращался. Спустя полчаса он протянул мне мои альбомы со словами: *«У тебя есть много интересных работ, некоторые даже похожи на мои картины»*. Я обомлел, но не дал себе расслабиться и показывать свои эмоции. Лед тронулся. Я принял его реплику с поддельным равнодушием, хотя внутренне я был удовлетворен. Он не мог дальше играть, очевидно, понимая, что у меня это серьезно, и решил подключиться к моей судьбе. *«Если у тебя есть желание, мы могли бы порисовать вместе на пленере, можем поработать и над портретом, тем более, что у тебя уже есть навыки. Ты, ведь, хотел этого!?»* Да, я действительно хотел, и мы договорились, что начнем в следующий мой приезд, потому что сейчас я готовился к открытию моей персональной выставки в выставочных залах Еврейского Центра на Большой Никитской улице в Москве.

ВЫХОД НА МОСКОВСКУЮ АРЕНУ

Еврейский Центр на Большой Никитской слыл одним из престижных культурных уголков Москвы. В Центре проходили выставки многих известных московских художников: Аарона Буха, Татьяны Сальвинской, Александра Бойма, Владимира Любарова, Лидии Шульгиной, Леона Ниссенбаума и других. Центр был известен еще и тем, что там была развернута концертно-театральная деятельность, в рамках которой состоялись концерты классической музыки с участием в разное время Наума Штаркмана, Натальи Гутман, квартета Шостаковича, джазовые вечера с Алексеем Козловым, Игорем Бутманом и Даниилом Крамером; там же выступали с концертами наши великолепные исполнители Тамара Гвер-

дцители, Елена Камбурова, Вероника Долина, Александр Городницкий, исполнитель авторской песни Сергей Никитин, такие музыкальные коллективы, как хоры Михаила Турецкого и Александра Цалюка; проходили авторские вечера современных композиторов – Александра Журбина, Максима Дунаевского, Владимира Шаинского, Давида Тухманова; моноспектакли Михаила Казакова, Сергея Юрского, Марка Розовского, Марины Нееловой, Эдуарда Успенского, выступление замечательных поэтов Риммы Казаковой и Евгения Евтушенко. Перечень можно продолжать бесконечно

Главным генератором идей и дирижером всего этого калейдоскопа знаменитостей была очаровательная Марина Юзефовна Смелянская, художественный руководитель Центра, обаятельнейшая женщина, человек необычайного интеллекта и такта, большой знаток искусства, любимица всех этих знаменитостей, на самом деле, концентрировавшихся вокруг нее. При беседе с нею я не мог оторвать взгляда от ее необычайно красивого лица и прямого взгляда, внушающего абсолютное доверие к ней. Я понимал причину, почему вся эта плеяда великих современников были рядом с нею. Для меня, я думаю, и для других знакомство и общение с ней было величайшим подарком судьбы, и этот подарок сделал мне, приведя к ней, мой друг и почитатель моего творчества, президент престижной московской театральной премии «Хрустальный Турандот» Борис Петрович Беленький.

Вот в такой обстановке, когда Центр собирал всю интеллигентную Москву, проходили выставки художников, творчество которых волей или неволей представлялось избранной публике, и это обстоятельство затрудняло возможность попасть туда, поскольку планка была очень высока и, конечно же, я сомневался в своих шансах.

Ответ я получил через два месяца, персональная выставка моих работ в Центре на Большой Никитской состоится.

Борис Беленький сыграл ключевую роль в моем появлении в Москве в качестве художника. Видимо, своим творчеством я задел его за душу с момента нашей встречи у Марата Бойновича, который однажды пригласил меня к себе в свой загородный дом, куда я обещал привезти показать ему несколько последних своих картин. Марат, большой любитель

живописи, прикипевший к моему творчеству и с интересом наблюдавший за динамикой его развития, непременно хотел поделиться своим открытием с человеком, близким к искусству, известным театральным деятелем и знатоком живописи Борисом Беленьким, которого пригласил к себе на тот же день по случаю моего появления у него в гостях. Марат был мудр и знал, что делал, он понимал, что Борис — тот, кто может вытащить меня в московский мир искусства. Эта наша первая встреча была и для Бориса, и для меня неожиданной, но чрезвычайно плодотворной. Привез я работ пять-шесть, но Марат не хотел начинать встречу с показа картин, за обедом было время для знакомства и беседы. В поведении Бориса Петровича при всей его благожелательности подчеркивалась манера мэтра, уверенного в том, что говорит и делает. Высокий, стройный, аккуратно стриженная темная бородка, спокойная манера разговора, прямой взгляд на собеседника, умение слушать и слышать, его суждения о жизни — все это подчеркивало его интеллект и привлекательность. Моя история вызвала у него интерес: далекий от технических наук, он испытывал, как водится в среде людей его профессии, некоторое трепетное отношение к науке. Рассказанное мною подымало меня в его глазах как ученого, а мой неординарный поступок бросить эту загадочную для него науку ради знакомого ему дела, как искусство, вызывало удивление и некоторую загадочность.

Выдержав паузу, Марат пригласил в гостиную, вдоль стен которой уже были выставлены картины. Борис испытывающе взглянул на Марата, и догадавшись, что это мои работы, с улыбкой посмотрев на меня, стал рассматривать их. Его реакция напомнила мне поведение моего американского профессора Пальмера, который также не скользил по картине, а приклеивался к ней, пристальным взглядом переходя от одного участка полотна к другому. Просмотрев все работы, он вернулся к одной из них, подозвал меня к картине, которая наиболее запала ему душу, и начал ее комментировать. Эта картина, выполненная на пленере в лесах Владимирской области, изобилующих сосновыми борами с вкраплениями берез, отображала лесную, заполненную солнечными бликами песчаную проселочную дорогу, стрелой пробивающуюся через лесную чащу, и лишь в самом конце меняющую

направление своей траектории. Слева и справа высокие сосны, взяв в кольцо отдельные березы, отбрасывали тени своих стволов на дорогу, вырисовывая замысловатые блики на ее поверхности и защищая ее от летнего зноя; сине-голубое небо в дальнем конце дороги открывало пространство, напоминая о бесконечности.

Такое пристальное внимание к этой картине имело последствие. Несколько позже Борис серьезно заболел, в это время я пребывал в Америке, мне хотелось помочь и поддержать его, поднять его дух. Тут я вспомнил об эпизоде с той картиной, которую он тогда выделил среди прочих, и решил, что такая жизнеутверждающая картина наиболее подходила бы для его случая, но, к сожалению, она уже находилась в частной коллекции, и по сему я принял решение написать новую с похожим сюжетом, но не ее копию. Писал я картину, адресуя ее лично Борису, во все время создания картины мысленно был с ним рядом, виртуально с ним общался, желал ему быстрого выздоровления и молился за него, словно намаливая картину. Картина удалась, сохранив мотивы той, которую он тогда облюбовал. Картину, еще влажную, в специальной упаковке моя дочь Стелла доставила из Америки в Москву и подарила больному Борису. Я не верю в мистику, но Борис утверждает, что именно с момента появления перед его очами этой картины он резко пошел на поправку. Возможно, это так, может быть, иначе, главное, что в это он верит сам, многократно повторяя, что моя энергия, вложенная в картину, помогла ему подняться на ноги. Спасибо Боре за такую высокую оценку моего скромного вклада в его здоровье, и в таком случае, пусть эта картина будет его талисманом и поможет ему жить до 120 лет.

Борис Петрович уже на продолжении пятнадцати лет в качестве президента фонда ежегодно устраивает праздник для артистической Москвы — вечер присуждения престижной премии «Хрустальная Турандот», на котором собирается артистический бомонд Москвы. Часто, когда я оказываюсь в Москве, Борис Петрович приглашает меня на эти вечера, на которых я получаю наслаждение от обстановки праздника, где господствует доброта и уважение коллег друг к другу, когда молодые артисты восторгаются старшими, а старшие горячо аплодируют молодым, радуясь их успехам. Радостное

ощущение не оставляет тебя на продолжении всего вечера, и ты уносишь его с собой, чтобы продолжать с этим жить дальше. Дорогого стоит увидеть, как легендарный Владимир Зельдин в свои более чем девяносто лет, сидевший на первом ряду у ступенек, ведущих на сцену, на протяжении вечера вставал с места, элегантно подавая руку для поддержки не только женщинам, но и пожилым мужчинам много младше его, неуверенно спускавшимся по лестнице. Это ли не пример для подражания молодым? Уверен, что да, никто из молодых не пройдет мимо, не взяв урок высокой интеллигентности непосредственно из рук этого гениального человека.

Я вспоминаю забавный эпизод, связанный с одним из очередных мероприятий вручения премии «Хрустальная Турандот», где по приглашению Бориса я оказался впервые. В Штатах обычно форма одежды для того или иного мероприятия указывается в пригласительном билете, я же, не найдя никакого указания на билете, позвонил Борису и спросил, как надо одеться, на что он ответил, что форма парадная. Приняв это к сведению, я облачился в темный костюм с белой рубашкой, напялив, как принято в таких случаях, бабочку. Пригласив с собой свою прекрасную племянницу Полину, мы прикатили на шикарном автомобиле прямо к подъезду музея-усадьбы Кусково, который я принял за фасад. Выйдя из машины, на верхних ступеньках подъезда мы увидели знаменитого режиссера кино Петра Тодоровского. Мы были с ним знакомы. На подходе к нему я обратил внимание на его хитроватую улыбку, подчеркнутую хитринкой в раскосых глазах. Сделал мне комплимент, как я элегантно одет, в то время как сам он был одет в легкий летний костюм без галстука, который нельзя было признать парадным. Я поблагодарил его за комплимент и выразил уверенность, что, очевидно, так «элегантно» одет не я один, на что он с пафосом ответил: *«О, да! Они на противоположной стороне здания, на фушетте»*. Пройдя через залы музея к фасаду здания, мы оказались на противоположной стороне усадьбы у его парадного входа, где уже толпились гости и где было достаточно людей, в том числе в черных костюмах с бабочками, снующих между публикой, разнообразно одетой. Я смекнул о причине ухмылки Петра Тодоровского и его реакции на мое одеяние. Так строго, как я, был одет обслуживающий персонал — официанты. Делать было нечего, я начал свою игру, сделав вид

уверенного в себе человека, а играть среди артистов подобную игру, на самом деле, было не нужно, я не был никому интересен, меня тоже могли воспринимать как официанта, а артистическая публика красовалась только друг перед другом. Так мое долгое отсутствие в Москве стало причиной этого забавного случая. «Огонька» добавил наутро Борис Беленький, который позвонил поинтересоваться, видел ли я по программе телевидения себя, гордо, подобно грузинскому князю, вышагивающего рядом с прекрасной княжной Полиной. Я не видел этого сюжета, потому как много лет уже не теряю время на телевизор, но прекрасно понимал, что я был для журналистов хорошим объектом для мизансцены. Встретившись уже на фуршете с Годоровским, мы потешались над этой прекрасной режиссерской находкой маэстро. Уже позже, на следующих подобных мероприятиях я одевался правильно, чтобы не выделяться и не становиться более объектом внимания журналистской братии.

Мы с Борисом единомышленники в отношении понятия семьи, которая, в частности, окружала Бориса любовью и заботой. Его прекрасная Елена, добрейшая и большая умница, гостеприимная хозяйка обогревает и мою душу своей добротой, и мне спокойно, когда я вижу их семейную идиллию рядом с двумя их любимыми, уже взрослыми детьми, Оленькой и Игнатом.

Выставка на Большой Никитской состоялась в начале лета 2003 года, в последнем году жизни Александра Давида. Случилось так, что открытие моей персональной выставки совпало по времени с выставкой Саши в Центральном Доме Художников на Крымском валу, и ко мне он смог попасть только после закрытия своей, за три дня до закрытия моей выставки. Я уже не надеялся, что он появится, однако он объявился, и стоит упомянуть о его посещении, поскольку для меня эта встреча оказалась знаковой и незабываемой, эта была моя последняя с ним встреча, в июле того же года его не стало. У меня хранится наша с ним последняя фотография на фоне моих работ на выставке на Большой Никитской.

Экспозиция выставки начиналась прямо в холле с высокими потолками, что позволяло заполнить многоцветными полотнами выставочное пространство на двух уровнях. Давид

попросил сопровождать его по выставке и с любопытством вертел головой слева направо, вниз-вверх. Мы шли медленно, останавливаясь у значимых с его точки зрения картин, и по его выражению лица я понимал, что он доволен. Своих чувств он сдержать не мог, и выпустил пар на посетителей, собравшихся вокруг нас, с неподдельной гордостью обратился к ним со словами: «*Это мой ученик*», чем они были немало удивлены, потому что по возрасту должно бы быть совсем наоборот. Я понимал, что это было фактическим признанием меня как художника. Остановившись у одной из картин, сюжет которой отображал Женевское озеро ночью, с высочайшим фонтаном в центре и горным пейзажем вокруг озера, с изображением в ночной дали замков, в которых можно было распознать уголки Швейцарии, перенесенные аллегорически на этот холст, создававшие таким образом обобщенный образ Швейцарии. Давид помнил, как однажды ночью мы с ним оказались у самого фонтана в середине Женевского озера, что вызвало в нем бурю эмоций. Этот небольшой холст настолько поразил его, что он в сердцах произнес фразу: «*Жаль, что не я писал эту картину*». Сейчас это живописное полотно находится в коллекции моего внука Давида, облюбовавшего его.

Последнюю точку в своей самооценке я поставил, когда маэстро Александр Давид, просмотрев всю экспозицию и уставившись на меня в упор, произнес: «*Все же, Биньямин, ты мужик талантливый*». Я весьма был тронут этим откровением и теперь, когда мне приходится искать новые пути развития своего творчества, я вспоминаю Давида и его неугасимую творческую энергию, и тот день, когда он меня благословил и закрепил в моем сознании, что выбранный мною путь верен. До сих пор я пользуюсь его мощной энергетикой, так щедро подаренной им в тот знаковый для меня день.

В память о себе Саша Давид оставил мне своих друзей Елену и Андрея Матершевых, близко знавших его еще со студенческих лет. Совместные воспоминания о нашем общем друге Саше, глубокая порядочность и удивительная чистота душ этой супружеской пары, преданных дружбе, укрепили и мои с ними отношения, перешедшие в крепкую дружбу, невзирая на разницу в возрасте; мое обращение к ним словами «дети

мои» умиляет их, вызывая всегда широкую радостную улыбку, не сходящую во все время нашего общения, что облегчает и мою душу в минуты моих переживаний, о которых я с ними делюсь как с близкими друзьями.

Выставка на Большой Никитской показала, прежде всего, мне самому, что отношение к моей живописи со стороны не только любителей, но и маститых профессионалов, в том числе искусствоведов, серьезное. Это давало мне стимул двигаться вперед, не загружая себя сомнениями в том, что к моим картинам могут отнестись не как к профессиональной живописи. Вектор отношения был направлен в правильную сторону. Такую уверенность вселила в меня известный московский искусствовед Аноит Оганесян, изучавшая мои альбомы как эксперт, от мнения которой во многом зависело, быть или нет выставке на Большой Никитской: *«Известно, что есть люди с абсолютным слухом, есть люди с хорошо поставленным голосом от природы. У Биньямина Шалумова от природы поставлено чувство цвета и композиции. ...Он пишет – как видит, мгновенно, быстро, используя всю палитру. Есть замечательные композиции, написанные одним цветом. Художник, который может так кратко и выразительно передать в небольшой композиции целый Мир – это по-настоящему ищущий художник. Многие его работы являются достижениями в ряду самого высокого профессионального изобразительного искусства»*. Это было серьезной моральной поддержкой художника, впервые выставившего свои работы в Москве – столице искусств, изобилующей взыскательной публикой, критикой в окружении коллег по цеху. Их доброжелательное отношение укрепило во мне веру, а создание монохромных картин вылилось в целое направление в моем творчестве.

Признание в Москве дорогого стоит, и я осмелился реализовать свое желание часто выставляться в Москве, в чем я видел движущую силу в прогрессе своего творчества, выходить лицом к лицу к требовательной, даже избалованной высоким искусством публикой, не прощающей просчеты, желающей от выставки к выставке видеть художника в развитии его творчества. Мне не хватало художественной московской среды. Хотя я и состоял в нескольких американских творчес-

ких союзах, мне хотелось окунуться в родную мне российскую творческую атмосферу. Одно дело быть признанным за рубежом, но признание на Родине вызывает особое чувство удовлетворенности и достоинства.

Я никогда не был лишен честолюбия, считая эту субстанцию громадным стимулом в движении вперед, не лишен его и теперь, когда, бросив науку, серьезно начал заниматься живописью. Было бы не так, я бы не смог добиться того, чего достиг в науке, и переходя от науки к живописи, я не потерял чувство ответственности, не расслабился в качестве свободного художника, а пытался дерзать, как это случалось в науке, считая, что все, что я делаю в живописи теперь, требует такого же серьезного подхода, если ты не хочешь застрять на месте.

Я дерзнул и написал письмо Зурабу Константиновичу Церетели с просьбой принять меня по приезде из Америки в Москву. Я не могу четко сформулировать, что я хотел на тот момент, интуиция подсказывала, что такая встреча нужна была мне как эмоциональная поддержка, я не ставил других выгодных для себя целей; выгоды от этой встречи появились потом, спонтанно.

Письмо я отправил без всякой надежды на то, что оно будет принято во внимание, но ошибся. Оно дошло до Зураба Константиновича, больше того, появившись в Москве, я тут же позвонил в канцелярию Российской Академии Художеств поинтересоваться судьбой своего письма и с благодарностью узнал, что Президент Российской Академии Художеств готов меня принять в назначенный день у себя на Пречистинской 22.

Кто хоть раз бывал в кабинете у Зураба Константиновича, представляет, как работает хозяин кабинета. Войдя в кабинет, можно надолго там задержаться, и не потому, что все внимание обращено на тебя, а по причине того, что он единовременно решает множество вопросов, не отрываясь между тем от своей привычки непрерывно рисовать в специальной тетради, а в то же время сотрудники свободно входят в кабинет, чтобы решать с президентом срочные текущие дела.

Между тем, Зураб Константинович нашел время для нашей беседы и для просмотра моих работ на компьютере, часто во время просмотра задерживал внимание на отдельных

картинах, комментируя их и отмечая некоторые из них как удачные, и часто это были картины, написанные в манере, близкой к его стилю, используемой им при создании своих картин, руками большого мастера пастозной живописи.

В конце нашей беседы он поинтересовался, к какому из российских творческих союзов художников я принадлежу, и с удивлением узнав, что ни к какому, предложил мне свою рекомендацию в Творческий Союз Художников России, возглавляемый в качестве его президента академиком РАХ Эдуардом Николаевичем Дробицким. Передав меня в руки своему референту, наказал ему тут же связаться с Дробицким и познакомить меня с ним.

Знакомство с Эдуардом Николаевичем состоялось в тот же день. Мы оказались в его студии через час после встречи с Зурабом Константиновичем. Это была первая наша встреча, хотя я слышал о нем раньше как об активном участнике вошедшей в историю «бульдозерной выставки», когда власти смели бульдозерами неудобную им выставку авангардной живописи, уничтожив много картин авангардистов. Я знал его работы в основном по каталогам, но то, что я увидел в реальном исполнении и в такой разнообразии сюжетов, поразило мое воображение. Он показывал картины, которых не показывал и не мог выставлять для широкой публики, но которые отражали его неумный, разудалый характер. Гостеприимный хозяин, он внимательно просмотрел мои картины на компьютере, комментируя отдельные сюжеты и выразив удовлетворение, счел возможным утвердить меня членом их Творческого Союза Художников России, более того, к моему удивлению и к огромному удовлетворению предложил провести выставку моих работ в выставочных залах Союза на Гоголевском бульваре в центре Москвы. Я с благодарностью принял его предложение, мне было что показать, я привез в Москву много новых работ и готов был их выставить в любое время. Уже через месяц со дня нашей встречи эта выставка состоялась.

Это был день необыкновенный, редкий даже в воображении, успешный день, который совершенно неожиданным образом стал для меня знаковым, подарив мне таких два огромных события, как членство в составе Творческого Союза Художников России и персональная выставка в пре-

стижнейшем выставочном зале Москвы. Эта выставка дала мне возможность близко познакомиться со многими замечательными художниками, с некоторыми из которых у меня завязались дружеские отношения, среди которых ныне академики РАХ Евгений Ромашко и Константин Петров, которые в нужное для моего становления время меня поддерживали и были всегда рядом. Для меня была важна поддержка членов Союза, посетивших мою выставку, принявших меня на равных, хотя за их плечами были, в отличие от меня, десятки лет творческой деятельности. И эта солидарность была подкреплена тем, что по результатам выставки я был представлен к медали ТСХР, о чем я узнал лишь через полгода при очередном моем появлении в Москве.

Выставочный зал на Гоголевском бульваре принимал меня еще раз через три года, уже после создания дагестанского цикла работ, который и был представлен в этих залах, и в память об этой выставке и об уже покойном Эдуарде Николаевиче Дробицком сохранилась его статья, посвященная этой выставке и опубликованная в моем альбоме «Из Дагестана по всему миру. Возвращение в рай».

ВОЗВРАЩЕНИЕ К КОРНЯМ.

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ

Открытию выставки в Москве предшествовало много разных событий и знаковых встреч, которые в корне перевернули качество моей жизни; мне предстояло открыть для себя целую плеяду замечательных людей, обогативших мое мироощущение и ставших моими друзьями, каждый из них представлял индивидуальность, и за их плечами было много всяких свершений, это были люди, по-настоящему полезные обществу, известные в российском обществе и в мире.

В те годы представители многих малых народов, в том числе горских евреев, разбросанных по всему миру, развернули широкую деятельность по поиску своих земляков — ученых, людей искусства, героев труда и войны с целью объединения их в стремлении возродить самобытность и сохранить традиции своих предков.

По инициативе моего племянника Завалуна, тонкого и честного молодого человека, верного традициям своего народа, близкого к инициаторам программы поиска, я оказался в числе тех, кого искали. Меня стали приглашать на различные форумы и научные конференции, посвященные истории народа и выдающимся землякам. Так я попал на научную конференцию, организованную институтом истории Российской Академии Наук, посвященную 140-летнему юбилею выдающегося этнографа Ильи Шербетовича Анисимова, впервые исследовавшего и научно описавшего историю и быт горских евреев, компактно проживавших на Кавказе. Примечательным было то, что конференция собрала многих выдающихся личностей из среды горских евреев, таких как Герой Советского Союза Шатиэль Абрамов (*знакомый читателю по предыдущим главам*), депутат Государственной Думы Гасан Мирзоев, всемирно известный музыковед Манашир Якубов, Лауреат Каннского кинофестиваля киносценарист и писатель Владимир Фараджев, ученые, писатели, художники. Для меня собрание столь ярких личностей было неожиданным, и я гордился тем, что мои сородичи составляют столь разнообразный спектр известных людей, среди которых были те, кому вскоре было суждено стать моими друзьями.

На том ученом совете я был представлен человеку, от которого исходила мощь и самоуверенность, и в то же время дружеская теплота. Высказав теплые слова в мой адрес как ученому и художнику, он выразил надежду на нашу скорую встречу и, вложив мне в руки свою визитную карточку, развернулся, пошел к трибуне, сделал короткое приветственное сообщение, после чего, не возвращаясь в президиум, покинул зал, словно куда-то торопился. Это был Гасан Борисович Мирзоев, представленный мне как нап выдающийся земляк, расшифрованный мною по его визитной карточке как президент гильдии российских адвокатов, ректор и академик Российской академии адвокатуры, депутат Государственной Думы. Позже я узнал, что для перечисления всех регалий, занимаемых должностей и титулов не хватило бы и целой страницы.

Я сожалел о том, что такие знакомства обычно не имеют продолжения, но написанный на визитке его рукой номер

его личного телефона давал некоторую надежду на последующую встречу.

Прошло достаточно времени после той встречи, и я считал нетактичным звонить и отрывать у него время, но решился послать ему официальное приглашение на презентацию выставки на Большой Никитской, не надеясь на то, что он сможет оторваться от своих многочисленных дел и посетить выставку. Уже после начала процедуры открытия выставки я заметил его в дверях переполненного зала, откуда он приветственно кивнул мне, продолжая стоять, и покинул зал, к моему огорчению, как только завершилась официальная часть презентации, однако, успев перед этим одобрительно принять мой жест — вручение через атташе по культуре Посольства США в Москве Эдварда Кулаковского в дар Американскому Посольству картины, посвященной событиям 11 сентября в Нью-Йорке и на Дубровке в Москве, с изображением парящих в пылающем от пожара небе флага США и Российского триколора на фоне уничтоженных башен Близнецов и очертаний Кремлевской стены и Дубровки, сюжета, символизирующего призыв к совместной борьбе против общего врага — терроризма.

На следующий после презентации день Гасан Борисович позвонил мне, чтобы сообщить, что не мог вчера задержаться из-за срочных дел, но очень хочет со мной встретиться и просит меня прийти к нему на встречу в его офис. Конечно, я с радостью принял предложение, мы встретились, и это стало началом нашей дружбы.

Я все больше узнавал его из рассказов во время наших бесед, прочитанных его книг, от людей, знавших его, присматриваясь к нему на разных корпоративных встречах, куда он меня приглашал, когда я появлялся в Москве. Я дорожил встречами с ним, обогащаясь его знаниями, многими аспектами жизни, историей и концепцией различных религий, особенно иудаизма и буддизма, историей происхождения горских евреев и многого другого, читая его монографии и автобиографические очерки.

Воспитывая внуков, я доводил до их сознания истины, что основа бытия человека в его потребности в свободе, которая не может ограничиваться внешними его проявлениями, а существует в ощущении внутренней свободы, которой тем

больше, чем больше образован человек, что дает ему больше шансов быть уверенным в себе при соприкосновении с окружающим миром. Я осязаю эту свободу часто и через открытое, доброе отношение к себе со стороны тех, с кем я общаюсь, и кто принимает меня как своего близкого человека. Таков Гасан, чье доброе отношение к себе я чувствую даже по телефону, не говоря уже о встречах, когда я ловлю его взгляд, полный добра и радостного приветствия.

Гасан Мирзоев один из тех людей, которым не чужда амбициозность, свойственная сильным людям, стремящимся быть впереди, что, безусловно, ему удастся. Он не скрывает своих достижений и как открытый человек старается демонстрировать их, утверждая свою нужность и свои возможности. Много раз я бывал в его генеральском кабинете, оформленном почти по-музейному, с экспонатами — свидетелями его движения по жизни и карьерной лестнице, с развешанными на стенах его фотопортретами, эпизодами его многочисленных встреч со знаковыми личностями современного мира, такими как Президенты России, Италии и Соединенных Штатов, религиозные деятели, как Римский папа Иоанн Павел II и Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II, многие политические деятели, деятели искусства и, наконец, близкие его сердцу персонажи. Я искренне был удивлен, найдя среди всего этого калейдоскопа мой совместный с Гасаном портрет. Мне забавно было видеть себя среди такого парада знаменитостей, однако все же приятно думать, что Гасан определил меня туда же.

Любящий отец, Гасан всю свою доброту и душу вложил в воспитание детей, одарив их великодушием и сердобольностью. Я был свидетелем его разговора со старшей дочерью Гулей, актрисой театра и кино, о благотворительном фонде защиты больных детей, которому она посвятила себя бескорыстно. «Удивительная личность», — в сердцах произнес Гасан, обратившись ко мне после ухода дочери, и рассказал о ее главном жизненном приоритете — помогать больным детям. Это ли не позиция!?

Манашир Якубов и Володя Фараджев выделялись внешностью: Манашир — обладатель окладистой бороды, крупных округлых глаз с темными зрачками, расположенными прямо в их центре, пронизывающими тебя насквозь, созда-

вая впечатление, что не зная тебя, он знает о тебе все; Володя — тоже хозяин бороды, но в отличие от первого, аккуратно стриженной. По их поведению было видно, что они друзья, оба излучали какую-то притягательную ауру, я незамедлительно подошел к ним для знакомства и, назвав свое имя, протянул каждому из них свою визитную карточку. Разговор завязался сразу, и было похоже, что нашему общению не будет конца. Оглядываясь назад, можно сосчитать миллионы слов, обмененные нами за эти годы.

Через короткое время после завершения конференции, мы встретились с Манаширом на моей московской квартире, нас не удивило то обстоятельство, что мы провели в общении много часов, и не было никакого желания заканчивать нашу встречу. Нам обоим хотелось знать больше друг о друге; оказывается, в молодые годы мы были соседями (*Манашир с Володией Фараджевым жили рядом со мной на Покровке*), и у них на квартире собиралась интеллектуальная молодежь, среди которых был будущий великий композитор Шнитке.

Наша встреча имела продолжение, и мы не пропускали возможности общаться в каждый мой приезд из Америки. Зная мою склонность к искусству, он выводил меня в свет на музыкальные спектакли, часто после концертов знакомил с выдающимися музыкантами, которые для него были Славой Ростроповичем или Юрой Башметом, а для меня же — недостижимыми гениями. Помню, как после концерта Манашир познакомил меня с выдающимся дирижером Геннадием Николаевичем Рождественским, и я в момент рукопожатия бросил фразу: «*Прикосновение к великому*», отдавая тем самым честь выдающему нашему современнику и свое восхищенное отношение к гиганту искусства, а он взамен подарил мне свой благодарственный взгляд. Во время знакомства с очередной знаменитостью из окружения Манашира я невольно становился свидетелем их диалога и замечал, как достойно и почтительно те относятся к Манаширу, и это было взаимоотношением не столько сослуживцев, сколько близких друзей, уважающих друг друга, а я не сомневался, что это могло иметь место, поскольку сам Манашир был одним из них.

Манашир Абрамович — исследователь творчества композиторов своей родины Дагестана. Помню, много лет назад

у нас в квартире в книжном шкафу стояла книга об известном композиторе Наби Садыковиче Дагирове, хорошо мне знакомом, не раз посетившем наш дом вместе со своей сподвижницей, Заслуженным деятелем культуры Дагестана Розой Мизрахи — сестрой моей жены. Какой неожиданностью было для нас открытие, когда спустя десятки лет мы узнали, что автором этой книги был не кто иной как мой нынешний друг Манашир Якубов.

Однажды, говоря о роли искусства в нашей жизни и о его благотворном влиянии на поведение людей, Манашир сказал такие слова: *«Искусство, в частности, нам нужно потому, что оно нам никогда не изменит, что оно всегда с нами»*. Проникнуть в такую суть вещей может тот, кто сам является создателем, хорошо понимает окружающий его мир и нашу повседневную жизнь. Манашир, как само искусство — надежен, проницателен, добр, мудр. Он глубоко профессионален не только в области своей деятельности, но и во всем, что связано с искусством. Он трепетно относится к таланту, поддерживает дух талантливых людей и удивительно точно может оценить их возможности, бескорыстно быть с ними рядом.

Я помню нашу встречу в Америке, куда его пригласили на дни творчества Дмитрия Шостаковича в университете в городе Родчестере, что в двух часах автомобильной езды от города Баффало, где я тогда жил. Его звонок был неожиданным, но весьма желанным, предвещавшим нашу встречу уже на американском континенте, которая лет десять назад могла показаться невероятной и властями страны советов запрещенной, как встреча гражданина СССР с эмигрантом. Слава Богу, времена были другие, и нашей встречей я никак не мог «повредить» Манаширу. В тот же день мы с супругой помчались на автомобиле к нему в Родчестер, чтобы забрать его к себе в гости, но втянувшись в суету, созданную вокруг персоны Манашира организаторами программы, желавшими задержать его на ужин, организованный в его честь с участием известных музыкантов, в том числе выходцев из России, профессуры и аспирантов, мы вынуждены были задержаться на ночь, и, признаться, не без удовольствия, потому что и здесь в Америке, как и в России, Манашир вовлек нас в круг интереснейших людей, с кем с мы огромным удовольствием пообщались.

В Баффало мы выехали на следующее утро. В нашей семье был праздник! Мы успели побывать с ним в Музее «Albright Knox Gallery», где он открыл для себя некоторые неизвестные ему картины импрессионистов, посетил Ниагарский водопад, ну и, конечно, тосты, беседы за праздничным столом и чтение собственных стихов. Плохо было одно — Манашир должен был уезжать.

Встречи с ним для меня значимы и являются праздником души, энергетической подпиткой, обретением мудрости и новых знаний, свободы мысли, чувства партнерства и уверенности в успехе творческих планов. И если обстоятельства жизни меня скручивают и я падаю духом, достаточно доброго взгляда Манашира и его рукопожатия, чтобы Мир показался чистым и удивительным.

Я благодарен судьбе, подарившей знакомство с ним и его милейшей семьей — женой Ольгой Викторовной и прекрасными детьми Ниной, Дмитрием и Анечкой.

...Тогда, на первой нашей встрече, Володя Фараджев поразил меня своей добротой и величайшим тактом, его мягкий, полный дружелюбия взгляд располагал к открытому общению, выдавая в нем мудрого и много знающего, но весьма скромного человека. Его притягательная сила была настолько велика, что я первый подошел к нему познакомиться. Это потом я узнал, кем был Владимир Львович Фараджев, которого в одном из своих интервью Манашир Якубов отнес к выдающимся фигурам мирового уровня, выдвинутым из среды горских евреев. Человек разностороннего дарования, получивший музыкальное образование, он успешно оканчивает Московский Государственный Университет и, получив профессию геолога, продолжает думать о реализации своей мечты — стать кинематографистом, заканчивает Институт кинематографии. Именно эта профессия приносит ему успех и известность, по его сценариям снимаются три десятка художественных и документальных фильмов, в том числе «Неоконченная симфония», «Страницы жизни Иоганна-Себастьяна Баха», «Прорабский участок», «Оглашению не подлежит», «Предисловие к битве», «Снег в июне», «Гибель Марины Цветаевой» и другие; он становится лауреатом международных кинофестивалей и победителем литературного конкурса на лучший рассказ в ФРГ.

Его проза разного периода полна любви к героям повествования, он переживает о несправедливостях в судьбах своих героев и в то же время он мастер юмористических сюжетов. Рассказ о великом современнике Сергее Яковлевиче Лемешеве — это протест против бездушия чиновников и выражение горечи по поводу того, как родина не чтит сынов своих. С каким восторгом он повествует о своей первой встрече с Сергеем Яковлевичем в июле шестьдесят пятого года, когда вскоре после окончания сценарного факультета ВГИКа он был зачислен в штат Главной редакции музыкальных программ Центрального телевидения и тут же ему было поручено написать сценарий к фильму о Народном артисте СССР, прославленном теноре Сергее Яковлевиче Лемешеве, с которым он познакомился тут же в редакции и затем много раз встречался при создании фильма. Каково было разочарование и какая досада, когда вскоре со сменой руководства канала в угоду режиму изменили тематику и закрыли работу над фильмом о Лемешеве, уничтожили отснятый материал.

Какой же рок преследует страну, рождающую гениев, от которых сама и отрекается. Так было и с Мариной Цветаевой, Бродским и многими другими героями его сценариев или рассказов. Глубокий по своей сути, Володя так же глубоко внедрялся в психологии своих героев, чтобы донести истину о них до зрителя или читателя.

Из записок Владимира Фараджева: *«Вспоминается зима 1987 года. На телевидении запущен в производство документальный фильм “Гибель Марины Цветаевой”. Как автор сценария, я вижу свою задачу в попытке докопаться до первопричины добровольного ухода Цветаевой из жизни. Для этого мы с режиссером решили обратиться к живым свидетелям жизненной драмы великого Поэта, в частности, к Арсению Тарковскому, чьи отношения с Цветаевой уже на излете ее земного существования принято считать последним романтическим “всплеском Марины”»*. Вот еще одна из знаковых фигур, с кем доводилось быть знакомым Володе.

Меня привело в восторг умение Володи превратить казалось бы простой рассказ о частной поездке со своей милой супругой Ириной в Италию в биографический шедевр об Иосифе Бродском, которого случайно встретил на площади Святого Марка во Флоренции. Буквально несколькими фразами в финальной части рассказа он раскрывает абсурдную приро-

ду порядков при бывшем строе, когда тебя, в частности, вынуждали «во время пребывания за границей не отрываться от группы и не проявлять никакой самостоятельности», равно как абсурден был факт выдворения самого Бродского за пределы Родины. Однако и в таких жестких условиях Володя находит возможность пожать руку великому современнику и побеседовать с ним, и уже потом создать его необыкновенный образ.

Казалось бы, будучи внешне сдержанным человеком, Володя обладает глубоким чувством юмора, это не просто качество его дара, а продукт глубокого анализа природы юмора, философии его происхождения, базирующейся на анализе наблюдений окружающего мира, в частности, своего родного Дагестана, где он имел честь родиться, и который всегда считался страной долгожителей. *«С детства я усвоил, — говорит Володя, — что мы, дагестанцы, первые по числу столетних аксакалов на каждую тысячу населения. Потом узнал — то же самое говорят о себе абхазцы. Теперь с теми же амбициями выступают японцы... Кто бы что ни говорил, очевидно одно: близость к природе, щедрость ее даров, завидная экология — все это действительно способствует здоровому образу жизни и, соответственно, долголетию. Но есть еще одно немаловажное качество, необходимое человеку для долголетия. Это качество — чувство юмора. Щедрая на дары природа постоянно испытывает людей на прочность. А социальные потрясения, которыми полна история горских народов, вырабатывает особую сопротивляемость. Чувство юмора — это своеобразное искусство самозащиты народа от разного рода напастей. Атмосфера юмора окружает дагестанца от рождения и до смерти».* И не потому ли, что он так глубоко осознает истинную природу юмора, его юмористические рассказы о сородичах и земляках формируют на твоём лице умиление с начала рассказа, и веселая гримаса не сходит твоего с лица еще долго после того, как рассказ закончен?

Я трепетно отношусь к Володе и обожаемой мною Ирине, большому знатоку искусства, равнодушной ко всему, что происходит на театральных подмостках Москвы и художественных выставках, непременно посещаемых Ирой, и так же отношусь к их талантливым детям Кириллу и Григорию. Для меня встреча с ними, равно как и телефонные переговоры через океан, являются эликсиром душевного покоя.

Часто я задумываюсь над тем, как уживаются понятия глобализации и ностальгии; и не надумано ли само понятие ностальгия как средство оправдания за принятое решение покинуть свою родную страну; и почему клеймо эмигранта приклеивается к человеку, как только он покидает физическое пространство, называемое государством, в то время как оставляя насиженные из поколения в поколение места рождения внутри одного такого пространства не принимается как отказ от Родины. Я знаю, как формулируются эти понятия в словарях и энциклопедиях, но я не о том, я о моральном состоянии, заставляющем сжиматься сердце, когда вспоминаешь — не знаю, страну ли как пространство или ту мизерную точку земли, где ты родился. Я не люблю слово «ностальгия», особенно, когда оно звучит из уст эмигрантов, оговаривающих ими же покинутую страну, давшую им образование и впитавшую в них великую русскую культуру, не осознавая того, а может и сознательно, что такое поведение есть средство защиты и самоуспокоения от неустроенности в новой жизни.

Пусть это называется как угодно, однако с годами, вздымающимися вверх, все больше ощущаю неподвластное мне состояние, заставляющее душу шевелиться, сначала не понимая, почему к тебе приходит потеря активности и ощущение усталости от жизни, а только потом догадываешься, что это то, что психологи называют депрессией. Копаясь в себе в поисках причин такого состояния, мне пришла мысль — не от того ли это происходило, что достаточно длительное время, протяженностью в годы, я не посещал родные места, могилы родителей и близких мне людей, оставшихся в моем детстве и юности.

Как близки мне и созвучны с моими чувствами стихи выдающегося поэта Расула Гамзатова, ярко отразившего в них суть моих раздумий, будто родившиеся с моей подачи:

Когда я, объездивший множество стран,
Усталый, с дороги домой воротился,
Склонясь надо мною, спросил Дагестан:
«Не край ли далекий тебе полюбился?»

На гору взошел я и с той высоты,
Всей грудью вздохнув, Дагестану ответил:
«Немало краев повидал я, но ты
По-прежнему самый любимый на свете».

Осознав все это, я, не раздумывая, принял решение поехать к себе на родину после долгого отсутствия, взяв с собой старшую двенадцатилетнюю дочь Стеллу, с желанием приблизить ее к своим корням. Достаточно было всего недели, чтобы ко мне вернулся покой души, когда, стоя над могилами родителей, просил у них прощения за столь долгое отсутствие. Я глубоко жалел о том времени в молодости, когда я имел возможность быть рядом с ними живыми дольше, приезжая на каникулы или в отпуск, но оставлял их, чтобы встретиться с друзьями. Тогда я и осознал, как, находясь далеко или очень далеко от того клочка земли, где покоятся мои родители, спастись от нахлынувшего на меня душевного беспокойства. Теперь я гораздо чаще возвращаюсь в свои родные места. Такое же желание передалось моим старшим американским внукам, которые однажды сами пожелали посетить и посетили Дербент — колыбель своего любимого деда и, впитав благотворные соки земли, в которую вросли корни его, ждут любого удобного случая, чтобы вернуться туда снова.

Человек не может жить без ощущения причастности к своим корням. Где бы он ни находился, потребность помнить о них продолжает жить, и когда он не может по разным причинам вернуться к корням на свою землю, пытается найти какую-то замену им, он находит ее в местах компактного проживания своего народа вдали от родной земли, где обычно удается сохранить быт, обычаи и язык свой. Как часто бывает, люди, живя в эмиграции компактно, практически плохо или вовсе не адаптируются к новым условиям жизни. Они часто не знают языка этой страны, и когда общаются тесно со своими земляками, им кажется, что они не покидали насиженных родных мест, и что их быт и устои не изменились, а изменилась лишь география их жизни. Понять это можно, но принять вряд ли, хотя очевидно, что стремление к компактному проживанию заложено в природе человека, и свидетельство тому создание огромных поселений внутри мега-

полисов, например, «China town», итальянские, немецкие, мексиканские, арабские, польские и многие другие колонии, распространенные, практически, во многих крупных городах старого и нового света.

Возможно, я слишком эмоционален и впечатлителен, чтобы не прислушиваться к зову сердца — стремиться к своим корням, интересоваться, как и чем живут мои соотечественники, и как они выживают в современном мире.

Мне довелось познакомиться с одним из ярчайших людей, с какими приходилось встречаться на протяжении долгих лет жизни, с человеком, обогатившим мое мироощущение, человеком, интересующимся профессионально судьбами людей, в том числе своих земляков, независимо от национальности, но обладающих высокой планкой морали.

Наше знакомство было запланировано. Однажды, при очередной встрече Манашир Абрамович Якубов поведал мне о том, что он рассказал историю моей жизни близкому ему человеку, ученому-историку, незаурядной личности, родом тоже из Дербента, активно интересующемуся судьбами своих сородичей и пожелавшему со мной познакомиться. Я с удовольствием принял предложение и в назначенный день и час появился вместе с Манаширом в офисе доктора исторических наук, профессора Урилова Ильи Ханукаевича.

Я увидел молодого человека, значительно моложе нас, среднего роста, одетого в строгий темно-синего цвета костюм, с приветливой улыбкой, глаза и выражение лица которого выдавали его интеллект. Он встретил нас в холле своего кабинета, двигаясь навстречу нам с протянутыми в приветствии руками. Этот приветственный жест снял некоторое напряжение, которое обычно присутствует при первом знакомстве, тем более таком необычном, ожидаемом.

Здесь было все изысканно, офис располагался в особняке, расположенном в глубине двора; слева от основного здания в окружении мощных тенистых деревьев красовалась уютная колончатая беседка, настраивающая на романтический лад, что как-то сразу вызвало во мне желание написать с нее картину. Внутренние помещения состояли из нескольких залов с отделкой, сохранившей оттенки старины, обставленной удобной офисной мебелью приемной. Кабинет занимал до-

статочно большую комнату — большой рабочий письменный стол и стол заседаний с приставленными к нему тяжелыми стульями, такими же, какие стояли вдоль стен. Казалось, вся эта обстановка перекочевала со времен создания особняка, подчеркивая фундаментальность. Рядом с кабинетом находилась небольшая комната, в которой слева вдоль всей стены до потолка размещались книжные шкафы, забитые книгами, а прямо перед ними стоял письменный стол, заваленный книгами и журналами. Книги, журналы и другая печатная продукция в большом количестве были разбросаны по всей комнате — на полу, стульях, на маленьком круглом столе, стоящем чуть правее от входа. Вдоль правой стены располагался старинный комод, на котором стояли сувениры и небольшая фотография в рамке экс-президента Советского Союза Михаила Сергеевича Горбачева с его дарственной надписью на лицевой стороне фотографии. Вся эта обстановка говорила о широком диапазоне интересов хозяина и его трудоспособности.

Помещения с офисами сотрудников были разделены на современный манер стеклянными перегородками, небольшой марш лестниц вел вверх в комнату, видимо, в бывшую мансарду, оформленную как библиотека, где были собраны книги, которые использовались при создании хозяином многочисленных монографий. Здесь же хранилась его коллекция «Звезд Давида», знаки пребывания хозяина коллекции во многих странах и континентах. В самом низу размещались столовая для сотрудников, комнаты для занятия спортом, оснащенные всем необходимым спортивным инвентарем, и все это свидетельствовало о том, что здесь тренируют не только дух, но и тело.

Время было обеденное, Илья Ханукаевич предложил пообедать и за обедом поговорить. На столе за обедом мы увидели весь изыск блюд, особенно любимых в Дербенте. Таким манером он решил утешить наши души, подарив нам частичку Дербента. Он был предупредителен, пытался уговорить нас отведать всего, но это выходило за пределы наших возможностей. Чувствуя себя, как дома, и пробуя разные блюда, мы вспоминали своих мам, как каждая из них по-своему искусно готовила те же блюда, хотя вкус здешних блюд был тоже неотразим. И это стало нам понятно, когда мы узнали,

что автором этих приготовлений была женщина, тоже уроженка города Дербента, вложившая всю душу, чтобы мы чувствовали атмосферу нашего родного города.

Время наше не ограничивалось, мы знакомили друг друга со своей жизнью и биографией, растянутыми во времени и изобиловавшими многими жизненными эпизодами, о которых каждому из нас было интересно услышать, и по этой причине беседа растянулась на несколько часов, проскочивших практически незамеченными. В разговоре Илью Ханукаевича интересовали вопросы, связанные не столько с биографией, а скорее с моими творческими начинаниями, с моим преобразованием из ученого в живописца; казалось, ему хотелось понять философскую основу такого перехода. Разговор был очень увлекательным, я же восхищался атмосферой нашего общения, чувствуя абсолютную свободу мысли и желание продолжать общаться. Манашир Абрамович активно участвовал в беседе, своей эрудицией разнообразя и придавая глубокий смысл нашему общему диалогу. Да, нам было интересно общаться. Это потом, спустя много лет после нашего знакомства, однажды после многочасовой нашей с ним встречи Илья признался, что такие длительные беседы случаются с ним при встречах с Манаширом Абрамовичем и со мной, что было мне лестно слышать.

Прошло немного лет после первого знакомства, наши встречи имели продолжение, в эти годы Илья упорно отдавал себя науке, и вскоре был избран сначала членом-корреспондентом, а затем действительным членом Российской Академии Наук. Мы были горды этим избранием не только потому, что искренне ценим его, но еще и потому, что он открыл список действительных членов РАН среди горских евреев.

Писать об Илье сложно. Казалось, перед тобой совершенно открытый человек, вроде все понятно — смотри, слушай и пиши. Однако что-то тебя останавливает, заставляя глубоко осмысливать каждую фразу, чтобы не ошибиться в характеристике человека, который сам, описывая в своих фундаментальных исследованиях историю выдающихся личностей, понимает высокую ответственность за передачу правды из прошлого через настоящее в будущее время, требует от самого себя точности передачи жизни исторической личности

и его времени. С такой же ответственностью следует относиться и к его жизнеописанию, хотя вряд ли я претендую на роль биографа каждого, о ком вспоминаю. Пипу же я об этих замечательных людях, чтобы разбавить глобальный эгоизм сегодняшнего дня добром и порядочностью, бескорыстием и духовностью, исходящими от этих замечательных людей.

При всей своей интеллектуальной мощи, при всех своих достижениях и благородных деяниях Илья является весьма скромным, не позволяющим концентрироваться на себе человеком. Он из тех, кто творит не ради того, чтобы о нем говорили, помогает и делает добро людям не для того, чтобы это стало известно, а просто, чтобы было полезно тому, к кому это обращено. Немного можно почерпнуть из его биографии в том же Интернете, в то время как там же можно найти бесчисленное количество ссылок на его авторские работы, откуда и узнаешь о том, что академик Урилов является признанным специалистом в области истории революционного движения в России в конце XIX — начале XX вв. и истории международного социал-демократического движения, автором таких фундаментальных монографий, как «История Советов с 1917 г. до наших дней. Опыт концептуального переосмысления проблемы», «Ю.О.Мартов. Политик и историк», «История российской социал-демократии (меньшевизма)» в четырех томах, «Меньшевизм и меньшевики» и других. *«Важное место в его исследовательской работе занимает история меньшевизма и деятельность его лидеров – Г.В.Плеханова, П.Б.Аксельрода, А.Н.Потресова, Ю.О.Мартова. История меньшевизма, ранее замалчивавшаяся в нашей стране, представлена в трудах И.Х.Урилова настолько полно и ярко, что это дало повод Даниилу Гранину говорить о нем как о разрушителе сложившегося в советской историографии мифа о меньшевиках»,* — напоминает нам в статье об Илье Урилове доктор исторических наук Игорь Семенов.

Свой путь в науку Илья Урилов начинал в Дагестане еще будучи студентом Дагестанского государственного университета. Родился и окончил школу в Дербенте, познав, как и многие тогда семьи, нелегкое детство и юношество. Жизнь была трудной и после завершения учебы в университете, когда он выбирает путь местного учителя средней школы высокогорного аула.

Судьба сулила ему учебу в аспирантуре престижного Ленинградского государственного университета, но жестокие условия того времени не обошли и Илью, напомнив ему о его происхождении, однако, он добивается своей цели, заканчивает аспирантуру в Москве.

Путь в большую науку был тернист, но своим необыкновенным трудолюбием и увлеченностью, талантом и целеустремленностью Илья достигает самых вершин исторической науки. Был прав, как напоминает нам профессор Игорь Семенов, один из лучших и наиболее уважаемых педагогов Пинхас Ильич Ильягуев, впоследствии заведующий городским отделом народного образования, бывший учителем Ильи, а до него и моим учителем, невероятно скромный человек, не говоривший о своих заслугах, а предпочитавший считать, что показателями его успехов являются его ученики, многими из которых он гордился. Он рассказывал, что учителя были уверены в будущих успехах Ильи Урилова в науке, как и случилось. Пинхас Ильич с восторгом показывал подаренную ему И.Х.Уриловым книгу о Ю.О.Мартове. Он так дорожил ею, что не давал никому ее не только почитать, но даже в руках подержать.

Я хорошо помню Пинхаса Ильича, поборника правды, патриота своего учительского дела, до последних дней искренне отдавшего сначала в Дербенте, а в последние годы в Израиле, всю свою душевную щедрость разным поколениям своих учеников, многие из которых оказались на олимпе науки, искусства и политики.

Когда я оказался в Дербенте по случаю похорон своего родного брата Авнила, Пинхас Ильич навестил меня, чтобы выразить соболезнование. Он сидел со мной рядом достаточно долго, осведомился о сроках моего пребывания в Дербенте и, узнав, что я покину Дербент тут же после окончания семи дней траура, чем-то озаботился, как показалось, был чем-то расстроен. Позже выяснилось, что у него была ко мне просьба, которую, как он полагал, я не успею выполнить до своего отъезда, поскольку по нашим обычаям все дни траура я должен был находиться дома, принимать людей, приходивших выразить соболезнование, и заботиться об организации траурных мероприятий. По этой причине Пинхас Ильич не мог преодолеть барьер своей скромности и приличия, и не высказал

свою просьбу. Видя его легкое замешательство, я предложил ему, чтобы он сказал мне, чем я могу помочь. Но Пинхас Ильич оставался самим собой. Позже выяснилось, что главный редактор местной газеты «Ватан», уверенная в том, что я ни в чем не смогу отказать Пинхасу Ильичу, просила его помочь ей взять у меня интервью до моего отъезда, потому что мои приезды в Дербент в те годы были редкими, а ей не хотелось упускать случая. Об этом и рассказал он буквально за день до моего отъезда, объявив, что в этом заинтересован лично, как глава общины, коим был в то время, и что интервью важно для нашей общины в воспитательных целях, тем более, что читателями газеты являются не только члены общины, но и руководители города и все другие, которые должны знать все лучшее о нас. Пинхасу Ильичу не нужно было долго говорить, он мог высказать свое желание одной фразой, и я незамедлительно исполнил бы любое его поручение.

Интервью состоялось. Газета «Ватан» с тем интервью хранится в моем архиве и напоминает мне о нашем дорогом Пинхасе Ильиче и о том времени.

Любое начинание научного направления захватывает Илью целиком, его подходы к науке неординарны. Он увлечен исследованием, связанным с первым выпуском Царско-сельского лицея, выпускниками которого были А.С.Пушкин, будущие декабристы, а также влиятельнейшая фигура в европейской политике XIX века князь Александр Михайлович Горчаков. Я знаю с его слов, что он не только изучает архивные материалы, но и совершает экспедиции в места последних лет пребывания своих героев, отыскивает их могилы, часто уже разрушенные, восстанавливает их, сохраняя тем самым память о них. Так начинал он, изучая историю жизни Мартова, похороненного в Германии, причем не только с трудом отыскал и восстановил могилу Мартова, но и поставил ему в Германии памятник.

Илья считает своим естественным состоянием помогать людям, он не может пройти мимо недостойного положения людей, заслуги которых недооценены, а то и забыты в своей стране. Среди них оказался великий современный писатель Борис Васильев, автор книг «А зори здесь тихие», «В списках не значился» «Завтра была война» и др., которого в тяжелые для него времена поддержал Илья Ханукаевич. Прекрасное

трехтомное подарочное издание этого необыкновенного автора посчастливилось получить и мне. По инициативе Ильи Ханукаевича и я прикоснулся к литературному творчеству. Ему нравились забавные эпизоды моих воспоминаний о пережитом, и он горячо советовал мне писать мемуары, чему я противился, считая, что для этого нужен талант, да и время, которое я не могу оторвать от живописи. Но советы перерастали в убеждения, затем в конкретные предложения, и вот написание моих мемуаров уже подходит к завершению, свидетельствуя о том, как Илья Урилов «по знакомству» слепил из меня писателя.

Я с благодарностью отношу себя к тем, кто реально ощутил на себе поддержку Ильи. Он посетил большинство моих персональных выставок, и по обычаю, избегая шума презентации, предпочитал посещать их в будние дни, в тиши выставочных залов, для более спокойного, осмысленного знакомства с работами.

Я не могу удержаться, как бы это ни казалось нескромным, от того, чтобы не процитировать выдержку из статьи Ильи в моей книге-альбоме «Мир в полотнах»: *«Художник Биньямин Шалумов боговдохновенен и сотворчествоует с Ним. Слово Всевышний ведет кистью творца, полный любви к Человеку и к Природе, будь это его маленький внук или пророк Самуил, величье Кавказа или Альп, красота Пушкиногорья или Подмосковья, неповторимость Москвы или Нью-Йорка, очарование Парижа или Иерусалима. Именно в знак безграничного благоволения к нему за его творчество принято решение коллекционировать работы художника, чтобы в дальнейшем создать картинную галерею Биньямина Шалумова и оставить все людям – благодарным потомкам...»*

И он их коллекционирует, и не только, чтобы оставить благодарным потомкам, но, как я прекрасно понимаю, и чтобы помочь мне продолжать создавать их дальше.

Весной 2003 года в Израиле, в Тель-Авиве, состоялся первый Съезд Международного Конгресса горских евреев, значимый для наших земляков, которых интересует судьба этой небольшой этнической группы людей, волею судеб разбросанных по всему миру от Кавказа до Американского континента, от Израиля до Австралии и Европы, людей, не мыслящих себя без сохранения корней и самобытности, устоявшейся

на протяжении многих веков. Укрепить стремление сохраниться как народ и сохранить свою культуру, обычаи и язык, объединить вокруг этой идеи рассеянных по всему земному шару горских евреев было основной целью этого съезда.

Полноту ответственности за реализацию этой задачи в основном взял на себя замечательный сын своего народа, молодой еще человек, бизнесмен Заур Гилалов, который и стал первым президентом Всемирного Конгресса Горских Евреев. Заур был открытым, образованным человеком, успешным бизнесменом, считавшим своим долгом помочь возрождению культуры и самобытности народа, к которому он принадлежал. Он был самым молодым в мире еврейским лидером, успевшим лишь частично реализовать то, к чему стремился.

Понимая, что решение этой глобальной задачи невозможно без участия интеллектуальной прослойки нашего народа, состоящей из именитых ученых и инженеров, врачей, артистов, художников и музыкантов, писателей и журналистов, героев войны и труда, государственных деятелей и бизнесменов, он привлек эту элиту к работе Съезда, что придало Конгрессу особую значимость.

Именно благодаря этому событию я познакомился с интересным человеком – Нобертом Евдаевым, случайно оказавшимся в автобусе рядом со мной. Короткое общение в пути имело продолжение уже после того, как мы покинули автобус, и в будущем по завершению съезда.

Вскоре после съезда Ноберту Михайловичу удастся организовать и поднять на высокий профессиональный уровень издание газеты «Новый рубеж» в Нью-Йорке, на страницах которой мы знакомимся с неординарными личностями, гордостью нашего народа; углубляемся в историю горских евреев, узнаем больше о своих национальных праздниках, в рамках просветительства учимся сохранять традиции предков, знакомимся с новостями и событиями, происходящими в диаспорах; получаем подробную информацию о том, чем и как успешно занимаются наши дети и молодежь, и прослеживаем рождение и процветание молодых талантов. В газете много внимания уделяется вопросам межнациональной миротворческой деятельности. И во всех случаях Ноберт Михайлович – и главный редактор, и автор, и обозреватель. Этот титанический труд, выполняемый им бескорыстно, не

проходит бесследно, благодаря ему эту газету читают и знают на разных континентах и через океаны обсуждают материалы, опубликованные в очередном номере.

Ноберт — человек многогранной натуры: он художник и поэт, искусствовед, музыкант и общественный деятель. Книга о Давиде Бурлюке, изданная Российской Академией Наук, — это исследование жизни и творчества основоположника футуризма. Я как художник понимаю, насколько важна правильная и объективная оценка произведения искусства. Для меня важно мнение Евдаева и о моем творчестве. Вот одна из метких характеристик, данная им однажды при анализе моих работ: «...он вырезает определенный фрагмент природы и укладывает его на полотно...» Прочитав эти строки, я по-иному осмысливаю свои же работы. Теперь, глядя на завершённую картину, мой мысленный взор распространяется за пределы полотна, и я реально ощущаю, как пейзаж на холсте смыкается с реальным пейзажем, подтверждая неразрывную связь между изображением на полотне и реальной природой.

Конец мая 2005 года совпал с бурной подготовкой моей юбилейной выставки в Москве в залах «Галереи на Солянке», лучшем выставочном зале Москвы, любезно предоставленном мне его директором Борисом Дмитриевичем Павловым, который для более детального ознакомления с моими работами еще за полгода до открытия выставки на Солянке появился на моей персональной выставке, проходившей тогда в залах Творческого Союза художников России, что на Гоголевском бульваре в центре Москвы. В его планы входило убедиться в безошибочности решения предоставить мне свой выставочный зал, дабы сохранить престиж галереи, известной достаточно высоким уровнем художественных проектов.

Итак, решение было принято. Я тщательно готовился к проведению выставки, приготовил к показу много новых работ, которые еще не выставлялись в Москве, и кроме того, я намерен был впервые представить свои графические работы, в том числе пастельные.

Именно в связи с подготовкой к этой выставке Ноберт Евдаев познакомил меня через океан с необыкновенным человеком, который явился для меня примером высокого интел-

лекта, нравственности и скромности, — его имя было Роман Кармен. Ноберт и Роман были друзьями еще по Нью-Йорку, их связало еще и общее дело — Ноберт писал книгу о Давиде Бурлюке, а Роман Кармен готовил фильм по мотивам этой книги.

Зная, что Ноберт имеет какие-то контакты в Москве, я попросил его помочь привлечь внимание к выставке через телевидение, к которому Роман Кармен имел прямое отношение, и уже по просьбе Ноберта он мне и позвонил. Он знал от Ноберта, что наша встреча связана с моей выставкой, и как принципиальный человек, он не мог предпринимать каких-либо действий, пока не убедится в том, что уровень работ достаточен, чтобы рекомендовать их для показа на телевидении. Я был доволен такой позицией, потому что и для меня самого было очень важно еще раз оценить место моих работ в кругу интеллектуальной, знающей толк в искусстве публики.

Наша встреча состоялась у меня на квартире на Хохловском, где было развернуто достаточно много картин для обзора. Я открыл дверь, впустил через порог гостя, мы оба задержали взгляд друг на друге, и меня охватило чувство полного спокойствия и внутренней расслабленности, чему причиной, безусловно, были его открытый взгляд и добрая улыбка. Вовсе не создавалось ощущение нового знакомства, казалось, будто мы были знакомы всю жизнь. Войдя в комнату, где были расставлены картины, он, перекидывая взгляд с одного полотна на другое, настолько увлекся ими, что пропустил мое предложение подать кофе. Я не стал ему мешать и оставив его в комнате наедине с полотнами, ушел на кухню приготовить фирменное кофе, рецепт которого я когда-то заимствовал у моего армянского друга профессора Степана Бабаяна. Даже сильный специфический запах не мог отвлечь Романа от просмотра картин, и только мое предложение прерваться на чашку кофе заставило его прислушаться к чудесному запаху.

Короткое по времени общение было равносильно полувековому знакомству. Мне казалось, что наше знакомство состоялось в нашей молодости. Мы обнаружили много общих интересов — оба долго прожили в Соединенных Штатах Америки, я как эмигрант, он же как человек, пребывав-

ший там по делам службы, мы говорили о роли искусства в нашей жизни, о причинах моего превращения из ученого в живописца, об отношении власти к искусству, о реалиях происходящих перемен в стране и о многом другом. Разговор был нескончаем, мы решили продолжить его в ресторане «Кавказский дворик», что на Покровке, где вкусно готовят любимое блюдо членов моей семьи дюшпере (*дагестанские пельмени, приготовлению которых в Дербенте сопутствует ритуал с участием всех домоладцев*). Узнав, что мы направились есть их любимые блюда, мои доченьки Стелла и Аня, пребывавшие в Москве по случаю моего юбилея, тут же присоединились к нам с Романом, знакомство с которым мои дети приняли с большей радостью и удовлетворением, чем их любимые пельмени. Завязавшаяся общая за обедом беседа окончательно убедили меня в том, что мы с Романом очень давно знаем друг друга.

Знакомство с очаровательной супругой Романа Тamarой и семьей его сына Дмитрия доставило мне и моей семье столько же радости, как встреча с самим главой семьи. Моя жена Сима нашла в Тамарочке своего близкого единомышленника, я же во время пребывания в Москве часто становился участником их семейных торжеств, на которых собираются только близкие родственники. Время показало, насколько Роман и его семья преданы дружбе, и я не раз чувствовал его плечо, солидарность и сочувствие в самые нелегкие времена для моей семьи.

Каждый раз, посвящая строки своих мемуаров очередному герою, я думаю о том, как был прав академик Илья Урилов, убеждавший меня в необходимости писать мемуары. Теперь я понимаю, что мемуары следует рассматривать как средство утверждения лучших человеческих черт на примере людей, их носящих, как средство убеждения в том, как важно осознание каждым преимуществ в его же интересах доброты над злом, дружбы над противостоянием, предпочтения человеческих ценностей — забвению или попранию их.

Читайте мемуары и берите пример с этих прекрасных, внутренне поистине свободных людей, и ваша жизнь покажется вам куда лучше.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА МАЛУЮ РОДИНУ

Любое творчество немислимо без вдохновения.

Для меня творческое вдохновение, хотя годы мои и почтенные, многочисленные путешествия по миру — неважно, по Америке или по Европе, Африке или по близкому мне Дагестану, привлекательному не только своими необыкновенными пейзажами, но и неординарными людьми — всегда подтверждение неразрывной связи человека со средой его обитания.

Летом 2010 года я снова оказался в Дагестане, в краю с завораживающими горными пейзажами и пожарами утреннего рассвета на Каспии, а через каких-нибудь пару месяцев я уже совершал со своим старшим внуком Марком автомобильное путешествие по Америке от Ниагарского водопада через Восточные и Юго-Восточные штаты к югу Соединенных Штатов Америки и обратно, но уже по другому маршруту.

Сколько бы я повторно ни пересекал горные дороги Дагестана, каждый раз ощущение — как в первый раз, настолько многообразен пейзаж с обзором даже из одной той же точки. Как же замирает дух, когда впервые оказываешься в новых, неизведанных тобою местах, как это случилось летом, когда я попал в качестве члена жюри бьеннале 2010 в самую центральную часть Дагестана, в селение Хайхи, Кулинского района, в места, где проживают лакцы — гордые, но в то же время мягкие, как окружающие их горы, люди. Это маленькое селение, в котором проживает всего лишь сто человек, расположено между горными хребтами с мягким зеленым покровом, словно бархатное полотно, падающее огромными складками вниз, обрываясь в долине бурлящей реки, а затем снова через горную дорогу подымающееся вверх, прерываясь лишь у подножья аула с прилившими к горе и друг к другу саклями из красного кирпича, создавая подобие сгруппированных небоскребов, за которыми открывается вид на гору Шунудаг — местную достопримечательность, которая по легенде символизирует молодого пастуха, однажды решившего стать птицей, приделав себе крылья, забрался на самую вершину горы и полетел. Такой архитектурный ансамбль, создающий

впечатление единого, вытянутого по горному склону вдоль моря огромного небоскреба мне приходилось видеть в Монте-Карло со стороны моря с борта яхты. Такое удивительное сходство зодчества в далеком уголке горного Дагестана и в самом центре Европы заставляет думать о мистическом единении людей и пространства на земле.

И вот в этом прекрасном месте в солнечные дни июля 2010 года проходила бьеннале живописного и прикладного искусства Юга России под названием «Шунудаг», начавшаяся когда-то с музыкального фестиваля лакской песни, а затем переросшая в фестиваль искусств — детище известного дагестанского мецената Омари Калаева. Девиз биеннале «Лучше гор могут быть только горцы» очень точно передает мироощущение художников Северного Кавказа с их врожденным чувством собственного достоинства, уважением друг к другу, природе и окружению в целом. *«Я вижу в искусстве ключ к цивилизации, — говорит организатор бьеннале «Шунудаг» Омари Калаев, — и это то самое главное, что двигает людей от прошлого к цивилизации. Сохраняя прошлое, живем сейчас, и все это связано с культурой».*

Специально для проведения в своем родном селе таких масштабных фестивалей Омари построил гостиницу для участников фестивалей, сцену и амфитеатр с видом на горы.

Теперь это не просто место, где таланты могут показать себя миру, но своего рода островок дружбы дагестанских и других народов — еще один символ их сплочения и единения. *«Моя задача — продвигать талантливых земляков за пределами республики и страны», — считает Омари Калаев.* И эта задача реализовалась на практике. Живым свидетелем этой замечательной акции волею судеб стал и я, будучи в составе жюри фестиваля, премировавшего трех победителей гран-при бьеннале поездкой в известный английский легендарный замок «Камелот», который славится на весь мир своим художественным салоном, а владелец замка Джон Маппин — известный английский меценат, покровительствует художникам. Со всего мира сюда съезжаются коллекционеры и ценители живописи, чтобы приобрести лучшие произведения современного искусства, созданные в замке художниками-резидентами. Теперь победители Дагестанской бьеннале получили

возможность стать резидентами отеля, работать в историческом месте и быть выставленными в салоне замка.

Наше знакомство с Омари состоялось ровно пять лет назад, когда он вместе с известным общественником дагестанской диаспоры в Москве доктором Магомедом Абдулхабириевым, окружившим меня за время нашего знакомства многими замечательными людьми-дагестанцами, посетили мою юбилейную выставку в «Галерее на Солянке». Тогда Омари бросился мне в глаза, прежде всего своей неординарной внешностью — среднего роста человек с длинными, зачесанными назад темными волосами, облаченный в белую, свободного покроя одежду, придававшую ему вид независимого, свободно мыслящего человека. Стоя рядом со мной, он скорее походил на художника, нежели я. Это потом, познакомившись ближе, я понимал, что его внешность отражала его внутренний мир свободного человека, сознательно принявшего и живущего принципами добровольно принятой им философии саентологии. Это касается не только его духовного мира, но и руководства принципами правильного подхода к ведению бизнеса по технологии знаменитого Л.Рона Хаббарда, свободного от внешнего влияния и убежденного в допустимости максимальной свободы действия для всех уровней участников бизнеса, что дает уверенность в достижении успеха. *«Я знаю, как передать многие свои функции другим руководителям и заняться другими интересными проектами»*, — говорит Омари Калаев. Омари известен своей благотворительной деятельностью, при этом он руководствуется своим особым видением организации благотворительных программ.

Однако мне более интересны его личностные, нежели профессиональные качества. После посещения его родных мест я увидел удивительное сходство его мягкого и спокойного восприятия мира со средой его обитания — величественной, удивительно спокойной природой, с мягкими сменами бархатистых горных склонов, предгорными низменностями, покрытыми альпийскими лугами, плавно переходящими в горное пространство. При беседе с ним и глядя в его спокойное, озаренное легкой улыбкой лицо, приходит такой же покой, как и при созерцании окружающей величественной природы.

«Шундаг» — это лишь продолжение моего нового витка общения с моей родиной Дагестаном. Еще до «Шундага» было много открытий чудес горной и прибрежной частей Дагестана, открытий, доставшихся мне в подарок по воле небес, благодаря которым свелись в одну точку факторы, ставшие судьбоносными — моя юбилейная персональная выставка Москве в «Галерее на Солянке», случайная прогулка в районе галереи человека, вырвавшего впоследствии мою жизнь на новый виток, тоже по случайному совпадению отдыхавшего в подмосковном санатории и также случайно оказавшегося рядом с выставочным залом. Проходя мимо афиши, он обратил внимание на фамилию автора выставки, которая показалась созвучным с дагестанскими интонациями. Чутье не обмануло его, автор действительно оказался уроженцем Дагестана, но проживающий в Соединенных Штатах Америки. Меня в тот момент не оказалось на выставке, я пребывал в Дербенте по печальному случаю. После просмотра экспозиции он через служителей галереи передал мне свою визитную карточку, которая до сих пор у меня хранится, с просьбой связаться с ним, когда я вернусь. Из визитной карточки я и узнал, что мою выставку посетил Гамзат Магомедович Гамзатов, член Госсовета Республики Дагестан, Генеральный директор ОАО «Дагэнерго».

Гамзату Магомедовичу предстояло открыть мне новый взгляд на мою малую родину Дагестан, знание о котором у меня заморозилось со времен моих путешествий в далекой юности, совершенных мною в рамках программы по изучению родного края при Доме пионеров города Дербента. Этот новый взгляд был взглядом любящего свою землю человека, понимающего истинную красоту природы.

По приезду в Москву я встретился с ним и его супругой Светланой в гостинице «Энергетик», расположенной в центре Москвы, в Дурасовском переулке, буквально в пяти минутах хода от моего дома в Хохловском переулке. Разговор начался с того, что ему понравилась выставка, наиболее привлекательны для него были пейзажи, широкая география сюжетов картин, но в этом охвате есть пробел. Для полного восприятия Мира в целом, как я пытаюсь это сделать, чего-то не хватает, ему лично не хватает прекрасных пейзажей нашей с ним родины Дагестана, которые вписались бы в концепцию моего творчества, но почти отсутствуют в экспозиции. И это было

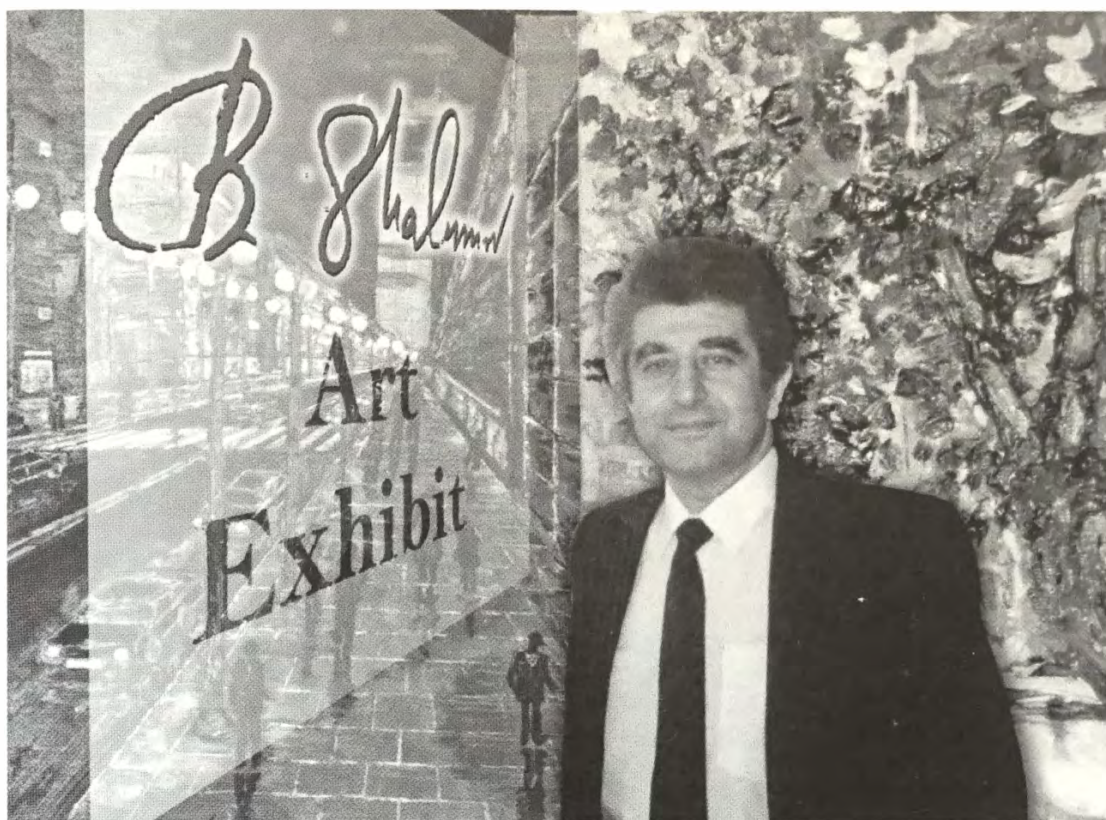
правдой. Они были, но мало, только несколько работ старой части Дербента. Ему казалось, я мог бы, используя эмоциональную манеру письма, передать не только суть дагестанской природы, но и людей, населяющих этот изумительный край. Диагноз был поставлен: я мало знаком с этим краем, хотя и родился там, мне необходимо ближе познакомиться с Дагестаном и тем самым, в чем он убежден, обогатить свое творчество.

Вот что писал Манашир Якубов, разделявший подобный взгляд во вступительной статье к моей книге, вышедшей в издательском доме Г.М.Гамзатова «Эпоха» под названием «Из Дагестана по всему миру. Возвращение в рай»: «...И только образы родного Дагестана долго не появлялись на его полотнах. Быть может, художник не решался прикоснуться кистью к самому заветному, глубоко затаянному, может быть, не хватало свежих впечатлений. Не знаю. Перелом произошел в результате большой летней поездки в горы, которую Шалумов совершил по приглашению Гамзата Магомедовича Гамзатова...». Да, все было так, но все это было потом, а сейчас, в начале нашего знакомства, в сознании Гамзата Гамзатова зарождался план будущего интересного проекта, серьезно раскачавшего мою душу и давшего особое направление моему творчеству и жизни. Да, Гамзат Магомедович мыслил образами, его философское мышление и прекрасно поставленная русская речь без остатка приковывали внимание.

На этой первой встрече мы не принимали никаких решений. Такая задача и не стояла. Он с удовлетворением воспринял информацию о моей будущей выставке в здании Постпредства Республики Дагестана в Москве, куда я получил приглашение от руководителя Постпредства, полномочного представителя Республики Дагестан при Президенте РФ Рамазана Мамедова, посетившего ту же мою выставку в «Галерее на Солянке» в день ее открытия.

Встреча с Гамзатовым дала мне пищу для размышления. В последние годы я часто посещал Дербент, но не имел ни времени, ни возможности разъезжать по горным районам Дагестана. Гамзат Магомедович подвел меня к мысли серьезно задуматься над идеей создания цикла работ о Дагестане. Конечно, меня занимала и личность самого Гамзата Магомедовича, с виду спокойного и уравновешенного человека, но с мощной внутренней энергетикой.

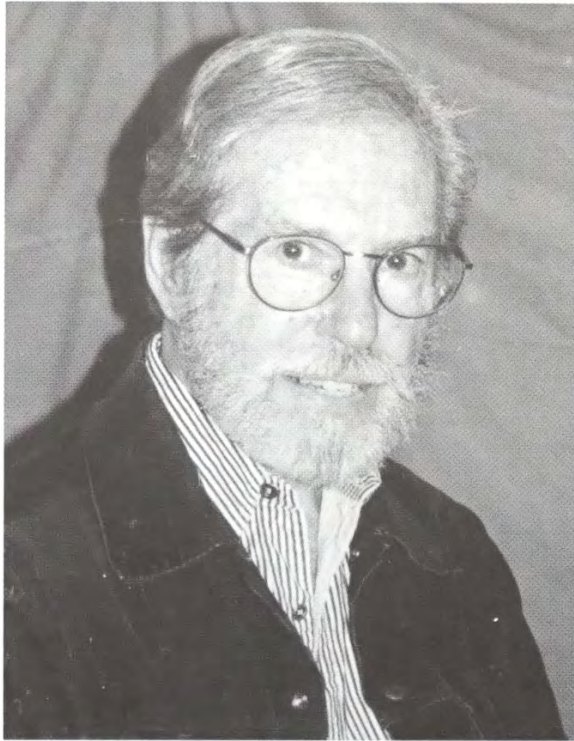
Вехи биографии Гамзата Магомедовича стандартны для

Рекламный плакат персональной выставки в США

С художником Александром ДАВИДОМ на моей выставке в Еврейском Центре на Большой Никитской в Москве

Профессор Джорж Пальмер

С художником Бетти Мей

С директором Музея Европейского Искусства Джоном Заврелом.
США

Во время открытия выставки в рыцарском замке Норвених в Германии

Венгерский композитор Лайс Тара посвятивший художнику Биньямину Шалумову музыкальную композицию «Салют Дагестан»

На открытии выставки в музее Европейского Искусства в Германии с Президентом Европейского Культурного Фонда Джоном Боденштайн

С художественным руководителем Еврейского Центра на Большой Никитской Мариной Смелянской

С атташе по культуре посольства США Эдвардом Кулаковским

С Гамзатом Магомедовичем Гамзатовым на презентации выставки в Полпредстве Республики Дагестан при Президенте России в Москве

С диктором телевидения Владиславом Флярковским

В гостях у Гамзата Магомедовича Гамзатова

С Германом Захарьяевым на персональной выставке в галерее «Ардена»

С Манаширом Якубовым в гостях у академика РАН Ильи Ханукаевича Урилова

С Ильей Уриловым на персональной выставке в галерее «Ардена»

С композитором Мурадом Кажлаевым

С Лауреатом Ленинской премии СССР профессором Амиром Амаевым

С президентом Гильдии российских адвокатов академиком Гасаном Мирзоевым

С президентом Международной Академии Творчества академиком Георгием Павловичем Гладшевым

С Манаширом Абрамовичем Якубовым на персональной выставке в залах Творческого Союза художников России

С семьей Тагира Даудова на выставке в галерее «Ардена»

С балетмейстером Народным Артистом России Иосифом Матаевым

С Владимиром Фараджевым и его супругой Ириной

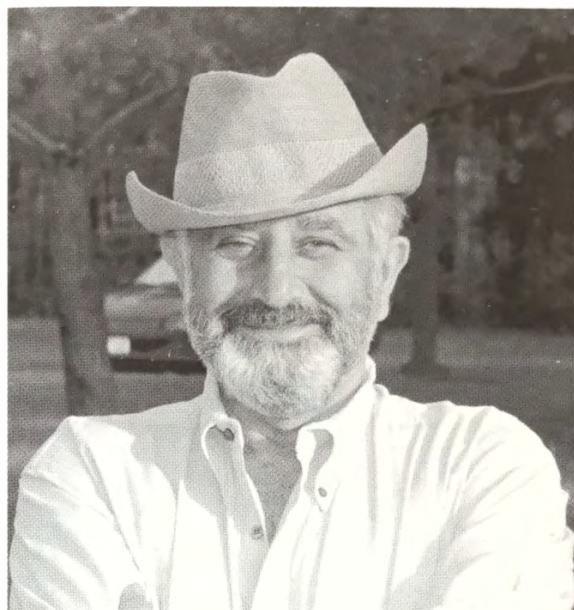
С Евгением Широковым

С Тиграном Погосяном

С Тamarой и Романом Кармен

С Главой администрации Гунибского района Дагестана Абдулхалимом Мачаевым

С Омари Калаевым

Юбилейная выставка в галерее «На Солянке». Москва. 2005

С заслуженными художниками России Леонидом Тихомировым и Анатолием Китаевым

С Нобертом Евдаевым

С писателем Рудольфом Ивановым и Магомедом Абдулхабири-вым

С Татьяной Гандельсман

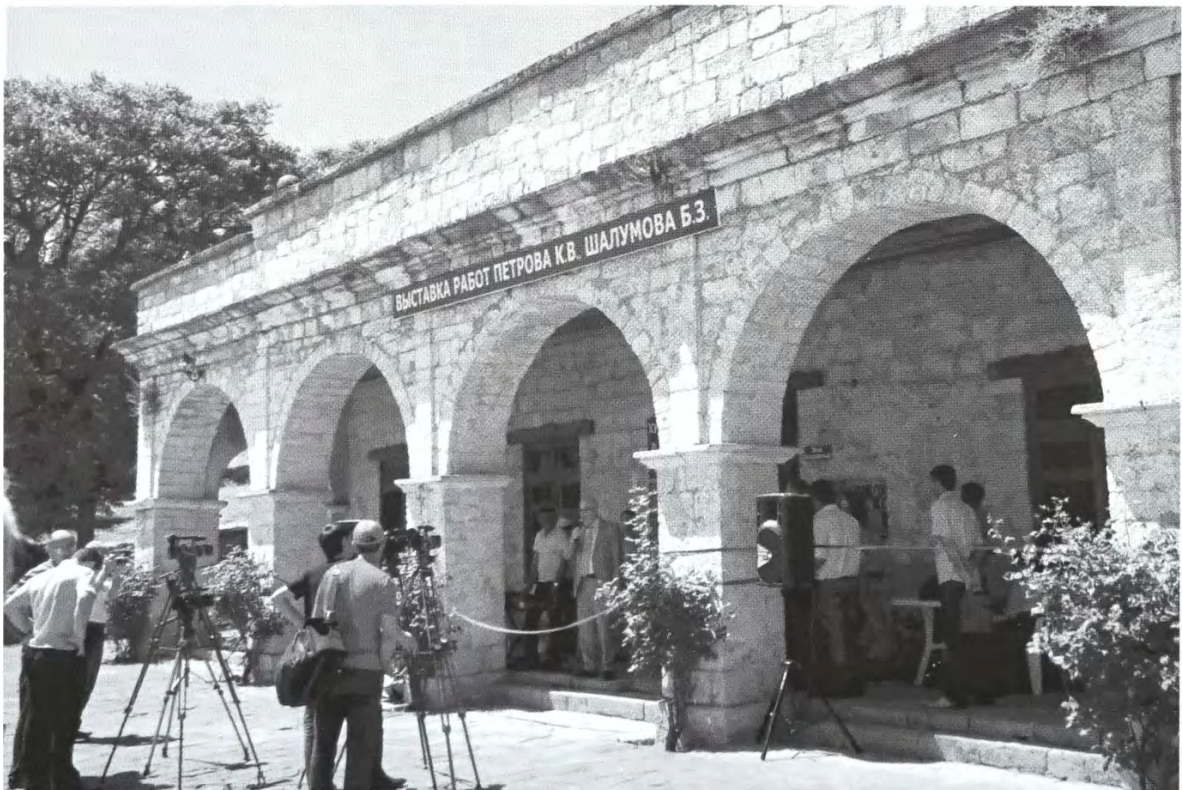

В гостях у Абдулхалима Мачаева. Сави Ханукаев, Абдулхалим Мачаев и Константин Петров

У мэра города Дербента Имама Музамудиновича Яралиева.
Слева – Сави Ханукаев – заместитель мэра, *справа* – академик Константин Петров

Открытие выставки в Дербенте. Цитадель Нарын-Кала. Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Древний Дербент»

поколения людей советского периода: родился в Махачкале в семье военнослужащего, служил в рядах Советской Армии, а окончив Ленинградский кораблестроительный институт, начинает трудовую деятельность в Дагестанской энергосистеме и преодолевает ступени карьеры от начальника отдела капитального строительства «Дагэнерго» в Махачкале до генерального директора Акционерного общества энергетики и электрификации «Дагэнерго». Он занимает высокие государственные посты, дважды избирается членом Государственного совета республики Дагестан, а позже назначается советником Президента Республики Дагестан, и на этих постах принимает активное участие в разработке и осуществлении программ, направленных на экономическое и социальное развитие республики.

Одно дело – высокие уровни должностей, другое, что важнее, – понимание, для чего и как используется высокое положение. Я опускаю значительные социальные блага, которыми Гамзат Магомедович своей деятельностью одарил республику и людей, а сосредоточу внимание на его фундаментальном понимании смысла человеческого развития, базирующемся на его, Гамзатова, образованности и неординарности мышления. Вот отрывок из его интервью: *«...Любое государство – во все времена – проявляло активную заинтересованность в развитии и становлении талантливых людей, в их поддержке. Ведь неординарный, талантливый человек, – это гордость общества, непременное условие и основа его процветания. Меценатство, по поводу которого в обществе принято умилительно сюсюкать – это не пустая благотворительность. Это очень правильные и высокоэффективные инвестиции в человека, а по большому счету – в социально-экономическую жизнь общества, культуру, науку, в будущее общества в целом. Вложения средств в талантливых людей всегда имело и имеет глубокое гуманистическое и патриотическое содержание. Развитые страны мира имеют многомиллионные программы поддержки и инициирования механической миграции дееспособного населения в свою страну».*

И он активно действует, поддерживая образование, как начальное, так и высшее, науку, все виды творчества, включая театр, живопись и литературу, книгоиздательское дело. Гамзат Магомедович руководствовался им самим выдвинутым тезисам о необходимости поддерживать не только большие проекты, но и конкретных лиц, и не столько ради личности,

а скорее, чтобы такая поддержка принесла в конечном итоге пользу обществу.

Моя выставка в постпредстве Республики Дагестана в Москве состоялась, Гамзат Магомедович прилетел в Москву и принял активное участие в презентации, выступивши несколько раз, и каждое его выступление носило концептуальный характер. Вот одно из его высказываний: *«...гордость за свою Республику, за свою землю и свой народ оставляет нам шанс быть счастливыми. Я уверен, материально обеспеченным можно стать где угодно, но счастливым можно стать только на своей земле. Но для этого надо гордиться этой землей»*.

Я помню искрометные реплики, в частности, в ответ на сетование замечательного писателя, знатока Кавказа Рудольфа Иванова по поводу того, что Биньямин вынужден жить в США, а не в России, Гамзат Магомедович шутливо заметил: *«Случай с Биньямином можно рассматривать как экспансию наших в Америку»*. На этой встрече я получил официальное приглашение Гамзата Магомедовича посетить Дагестан и совершить путешествие для сбора материала и создания цикла живописных работ.

Дагестан я покинул юношей, хотя нередко возвращался в свой родной Дербент, сначала чтобы навещать родителей, родственников и друзей, а позже, чтобы поклоняться их могилам. И вот уже в пожилом возрасте судьба в очередной раз дарит мне шанс ощутить себя счастливым — посетить Дагестан в новом качестве, перенести его красоты на холст, чтобы Мир познакомился с этим уникальным краем.

С первой нашей встречи прошло достаточно времени, чтобы морально быть готовым к такому повороту событий, и я с благодарностью принял это предложение. Я тогда еще плохо себе представлял масштабы грядущего проекта, связанного с циклом работ о Дагестане. В отличие от меня, Гамзат Магомедович видел все наперед, равно как и возможность участия этого цикла на предстоящей моей персональной выставке в Германии, куда я был приглашен Рыцарским Орденом Александра Великого, накануне посвятившим меня в Рыцари Ордена. Для меня показ дагестанского цикла работ на выставке в Германии был привлекателен реальной возможностью моего участия в создании важного для Республики Дагестан положительного информационного поля

в Западной Европе, где если и знали что-то о Дагестане из СМИ, то только то, что там стреляют, я же своим циклом мог показать иной, богатый прекрасной природой и людьми, толерантный уголок планеты.

Путешествие превзошло все мои ожидания. Гамзат Магомедович достойно организовал мое пребывание, привлек мне в помощь руководителей районов, которые могли обеспечивать мою успешную работу. Я помню, как он, познакомив меня с главой администрации Гунибского района Абдулхалимом Мачаевым, приехавшим за мной, чтобы сопровождать меня к себе в горы, сказал фразу, обращенную к Абдулхалиму, которую мы теперь не можем вспоминать без улыбки: *«Я отдаю Биньямина тебе в руки, и, пожалуйста, верни его обратно также мне в руки»*. В этих простых словах, вызвавших умиление, на самом деле, было внимание и забота о человеке, госте, святой для дагестанцев субстанции. Конечно, люди, в чьи руки я попадал, без напоминания исполняли закон гор, и эта атмосфера дружбы и заботы добавляли в мою, и без того переполненную эмоциями душу, возвышенные чувства и состояние полной внутренней свободы, так необходимой для исполнения моей миссии.

Мое путешествие, начавшееся с порога кабинета Гамзата Магомедовича, продолжилось уже с Абдулхалимом Мачаевым. После обмена в машине биографиями Абдулхалим, сам упоенный красотой горных пейзажей, рассказывал мне о Гунибе и его роли в истории Дагестана. Его знание истории края и опыт профессионального педагога передавать свои знания, словно навсегда встраивали их в извилины твоего мозга, а извилистая дорога постепенно вела нас вверх, в горы. Абдулхалим, знавший, что прячется за каждым поворотом, заранее готовил меня к открывающейся панораме, дабы не пропустить эту красоту. Далеко вперед одна за другой на разных расстояниях вырисовывались гряды гор причудливых форм со скальными вершинами, сменяющимися склонами, покрытыми мягкой зеленью террас, либо густой зеленью хвойных лесов, круто поднимающихся вверх. Четкость изображения гор менялась от расстояния, и горные массивы заднего плана постепенно растворялись в дымке, создавая перспективу бесконечности. Уже издали бросились в глаза склоны гор, опоясывающие Гунибское плато, которые в са-

мой верхней части заканчивались высокими вертикальными обрывистыми скалами, образуя, словно щит, естественную непреступную крепость, которая почти так же быстро, как появилась из-за поворота, утопала в сумерках.

Утром следующего дня Абдулхалим представил меня своей команде, людям, от которых, как и от него самого, исходило умудренное спокойствие и доброжелательность. Одному из них, заместителю главы администрации района Омару Шайхалову, который, в частности, занимался проблемами правопорядка, человеку долга, сдержанному и скромному, с кем предстояло мне в течение недели быть в тесном контакте, поручил Абдулхалим сопровождать меня в экспедиции, и лучше придумать было невозможно. Переживая религиозные противостояния в последнее время в Дагестане, он рассказывал о том, как часто встречается с ваххабитами, пытаясь убеждать их в мирном решении своего выбора. Омар прекрасно ориентировался в местности и глубоко знал историю Дагестана, историю двадцатипятилетней войны Шамиля за независимость, был безошибочен в выборе не только исторических мест, но и точек обзора видов для будущих картин. Он прекрасно понимал важность моей миссии и усердно способствовал работе, упреждая любые мои желания.

Ежедневно мы покидали базовую точку — районный центр Гуниб, чтобы увидеть историю и красоты этих мест. Мы побывали в знаменитом селении Чох, родине многих талантов, в Сагрателе, не менее известном своими героями, в Хунзахе, столице бывшего хунзахского ханства, историей которого прекрасно владел Омар, в родовом доме Расула Гамзатова, любимом месте пребывания поэта. Он организовал мне поездку по извилистым, с ухабами после дождя горным дорогам в Верхний Гуниб — последний оплот Шамиля, с богатейшей флорой, с огромными массивами хвойных лесов, начинавшихся где-то глубоко внизу под нами и продолжавшихся по крутым склонам вверх. Чистейший горный воздух и умиротворяющая тишина напоминали о существовании рая. Омар поделился, что в редких случаях, когда выпадает свободное от работы время, он любит подниматься сюда, разбивать палатку и наслаждаться природой. Эта мечта была настолько естественной и реальной, что об этом стал мечтать и я, а Омар обещал реализовать эту мечту, но, к сожалению, не успел.

С Омаром было много еще других вылазок, а наиболее примечательным стало посещение горы Ахульго, резиденции Шамиля, взятого после ожесточенного сопротивления русскими войсками в 1839 году; это событие отражено в картине «Штурм аула Ахульго» известным художником-баталистом конца девятнадцатого и середины двадцатого столетия Францем Рубо. Панорама Ахульго хорошо просматривалась с высоты противоположной горы, откуда, как на ладони, можно было различить небольшое горное плато, со всех сторон омываемое горной рекой Койсу. На месте, где мы тогда стояли, когда-то были установлены пушки русских войск, атаковавшие позиции Шамиля. Омар планировал ограничиться обзором Ахульго с этой горы, не поднимаясь на Ахульго, он был уверен, что одолеть Ахульго в моем возрасте невозможно, не подозревая о принятом мною решении подняться на Ахульго непременно. Он узнал об этом от меня уже у подножья горы, откуда начинался подъем; я попросил Омара остановить машину и, обратившись к нему, сказал: *«Я никогда не прощу себе, если не воспользуюсь случаем подняться на Ахульго»*. Он был весьма озабочен моим решением, беспокоясь о том, что это небезопасно, на улице стояла полуденная жара, а надо было преодолеть крутой подъем на более чем двухтысячметровую вершину. Я успокоил его, напомнив о том, что для моей альпинистской практики взятие таких высот совершенно простая задача, правда, не озвучив, что с тех пор прошло всего лишь более пятидесяти лет. С этими словами я вытащил из своего походного мольберта еще не использованный кусок ткани, предназначенный для чистки кистей, чтобы он из нее соорудил что-то вроде чалмы, поскольку его бритая голова не была прикрыта, и я, одев себе на голову бейсбольную шапку, предложил начать восхождение. Не так легко, но крутизну мы одолели, и не зря! Подняв голову после взятия высоты и оглянувшись вокруг, я реально ощутил грандиозность и неприступность места, выдержавшего длительную осаду русских войск. Закончив паломничество, мы так же нелегко, как поднимались, спустились вниз к машине. Местные жители приняли с особым уважением наше паломничество на Ахульго, считающуюся для дагестанцев священным местом.

Я искренне благодарен Омару за его бескорыстное доброе отношение ко мне и за его университеты, которые я

помню и ценю очень высоко. Еще раз мы с ним встретились через три года, когда я приехал в Гуниб с внуками, познакомил их с Омаром, о котором они слышали от меня восторженные рассказы. В последний мой приезд состоялась встреча уже с его могилой, он преждевременно покинул этот мир, оставив в моей душе тяжелый осадок; Омара всегда будет не доставать.

Я бы мог описать многие незабываемые, увлекательные эпизоды моего пребывания в Гунибе, однако приходится ограничиваться рамками мемуаров, и тем не менее я не могу обойти одно из главных событий, углубившее мое восприятие этого чудесного края и вдохновившее меня на создание многих моих полотен.

Однажды, возвратившись к полудню из нашей очередной вылазки с Омаром, мы увидели встречавшего нас Абдулхалима. Он осведомился, не устал ли я от поездок, и услышав мой бодрый ответ и готовность к новым свершениям, предложил посмотреть одну из главных здешних достопримечательностей — Турчидаг, край альпийских лугов. *«Это место расположено на высоте трех тысяч метров над уровнем моря, но, правда, дорог туда нет»*, — заметил он, испытывающе глядя на меня с улыбкой, и не найдя и следа смущения на моем лице, убедившись в моей готовности попасть туда, предложил ехать сейчас же, что меня немало удивило — как же ехать, когда нет дорог.

Мы сели в знаменитую «Ниву», самую проходимую машину в условиях горных дорог, и вскоре оказались на склоне горы, на так называемой дороге, которая казалось дорогой только Абдулхалиму. Двигаясь вперевалку с ухаба на ухаб, машина уверенно шла вверх. Иногда появлялись участки, природой устланные булыжниками разных форм и конструкций, по которым машина, управляемая Абдулхалимом, прыжками перемещалась вперед; и во время этого движения тебя раскачивало, словно ты укрощал необъезженного дикого скакуна или быка. Абдулхалим, довольный моей реакцией на его экстремальное вождение и моей высокой оценкой этих прекрасных дорог по сравнению с американскими хайвэями, раззадорился настолько, что, ускорив автомобильное восхождение, взлетел на огромное горное плато, устланное лугами, заканчивающееся в противоположном конце бездной, по краю которой цепочкой двигал-

ся малочисленный табун лошадей. Мы проехали мимо большой отары овец, гостей этой богатой зеленью и луговыми цветами пространства, наслаждавшихся своей излюбленной пищей, и медленно двигавшейся дальше навстречу не менее вкусным лакомствам на их излюбленных альпийских лугах. Машина остановилась буквально в нескольких метрах от края горного плато, которое со стороны Гуниба смотрелось как непреодолимая вершина крутого горного хребта. Там же остановились еще две машины, которые двигались за машиной Абдулхалима, я же в пылу эмоций, увлеченный «экстримом», не обращал на них внимания. С высоты этого высокогорного плато на расстоянии бесконечности открывалась незабываемая панорама горных хребтов и очертания аулов в виде белых пятен на зеленых покрытиях горных склонов. Какое завораживающее зрелище представляла собой Гунибская впадина, окаймленная конусообразными, уходящими круто вниз скальными склонами, а начиная прямо с середины, сужаясь белой змейкой, стекал ручей строений селения Гуниб, к которому со всех сторон снизу сходились извилистые, причудливой формы горные дороги. Теперь я понимаю, почему именно эту точку обзора облюбовал побывавший в этих краях великий художник Айвазовский, потрясенный этим величественным творением природы и запечатлевший формы гунибского плато в картине «Аул Гуниб». Восхищение этой величественной панорамой не миновало и меня. Профессор истории Амри Шихсаидов в статье «О Дагестане» в моей книге «Из Дагестана по всему миру. Возвращение в рай», комментируя мою картину «Гуниб», пишет: *«Послеполуденное солнце ярко освещает двухъярусное Гунибское плато, которое будто внезапно выросло на левом берегу Кара-Койсу. Рисунок сделан со стороны Кегерских гор, откуда Гуниб виден как на ладони. Именно с этого же места профессор Биньямин Шалумов нарисовал и сфотографировал Гуниб-гору. За 145 лет (со времен Айвазовского) вид ее совсем не изменился, гора сохранила свои величавые очертания. Природа вечна. Гуниб символизирует вечность идеи независимости и свободной личности».*

Мое путешествие продолжилось в Южном Дагестане, где меня сопровождал генеральный директор энергетических систем Дербентского района Феликс Эфендиев, открывший

мне легендарные Кубачи с его виртуозами серебряных дел мастерами; селение Ахты с его историческими сооружениями и музеем, где собрано немало картин старых мастеров; священную гору Шалбуздаг с пиком на высоте 4000 метров — место паломничества мусульман, просматриваемое через реку Самур, естественную границу с Республикой Азербайджан, руины высокогорного аула Калакорейш, на самой вершине которого сохранился мавзолей со склепами потомков Мухамета и древними надгробиями.

Две недели июня 2006 года были для меня незабываемыми днями общения с райской природой и прекрасными людьми, уже в который раз поразившими меня не только своей безграничной любовью к родной земле, но и глубокими познаниями своего прошлого, желанием сохранить историю края, свидетельство чему многочисленные музеи практически во всех районных центрах и некоторых аулах.

Еще раз хочу выразить свою глубокую благодарность людям, помогавшим мне в моем путешествии: Абдулхалиму Мачаеву — главе администрации Гунибского района; Омари Шайхалову — постоянному моему спутнику, не щадившему себя ради моей прихоти проверять все наощупь, вплоть до подъема на вершину Ахульго; Магомед-Расулу — председателю Собрания Гунибского района; обаятельной Раисат Фаталиевой — главе администрации аула Согратль, Феликсу Ефендиеву — постоянному моему спутнику по Южному Дагестану, дотянувшему меня до вершины Кала-Корейш; Ганибе Магомедову — директору Чиркей ГЭС; руководителям администрации Хунзаха; работникам музеев в Гунибе, Кубачах, Согратле, Хунзахе и Ахтах, обогатившим мои знания по истории Дагестана; прекрасным мастерам-кубачинцам и многим другим, с кем так или иначе довелось мне общаться во время моего путешествия по Дагестану, позволившим создать образы героев моих картин.

Это путешествие вдохновило меня не только на создание картин, но дало пищу для философского осмысления, как и для чего следует жить, как сохранить религиозную терпимость и как защитить сегодняшний мир от религиозного противостояния, чуждое простым людям.

Я уверен в том, что в руках у человечества много рычагов реализации задачи межэтнического сближения, и с уверенностью могу утверждать, что одними из мощнейших

средств достижения этой цели являются наука и искусство, в частности, живопись. Эта убежденность оправдана моим многолетним опытом ученого и художника, естественным состоянием которого является познание природы на пользу людям, независимо от страны их проживания.

Эта тема занимала и занимает умы многих выдающихся людей. Пример тому – существующий в западной Европе уже более 100 лет рыцарский Орден Александра Великого, членами которого в разное время были такие выдающиеся люди, как дочь канцлера Пруссии Принцесса Виктория Луиза, Сальвадор Дали, Питер Устинов, члены семьи Аденауэра, Далай-Лама, французский писатель Roger Peyrefitte, современный немецкий скульптор Курт Аренц, многие видные ученые, политические деятели и деятели искусства. Орден считает главной своей задачей реализацию гуманной цели – достижение взаимопонимания между людьми различных наций и культур. Направленность моей деятельности в науке и в искусстве была настолько близка идеалам Ордена Александра Великого, что стала причиной того, что в 2005 году я был приглашен к посвящению в рыцари этого Ордена.

Действительно, многие годы я отдал науке, и вот прошло 12 лет с тех пор, как в моей судьбе произошел резкий поворот, когда я навсегда оставил науку и с головой ушел в неведомый мне доселе мир искусства – в живопись. В живописи художник, как и в науке, изучает природу и в процессе познания как бы отрывает своим глазом от нее часть и, переводя ее на холст, возвращает людям. Люди же через картины начинают познавать мир, знакомясь с уголками света, континентами и странами, где никогда не бывали, с людьми их населяющими. И вот я решил подарить людям красоту природы, чтобы через восприятие природной красоты они оценили красоту человеческую как высшее проявление окружающего мира.

Путешествуя по миру и представляя свои картины на выставках в разных странах, я присматривался к людям, изучал их нравы, их устремления и цели в жизни, открывая таким образом для себя истину, понимание которой дает возможность воздействовать своим творчеством на их самые глубокие чувства, которые выражены в совершенно одинаковых для всех людей планеты ценностях: семья, дети, мир, любовь к ближнему и природе.

Посетители выставок в Нью-Йорке или Бостоне наслаждаются пейзажами Москвы и Петербурга, московский зритель восторгается красотами Карибского моря, европейцы любят полотна, посвященные истории Израиля или Кавказа, израильтяне не могут оторваться от видов Франции, Великобритании, Голландии, Швейцарии, Канады или Германии и все вместе с интересом всматриваются в портретные изображения белых, черных или цветных людей, любуются добротой их взгляда и красивыми чертами их лиц, и никто даже на миг не задумывается об их религиозной принадлежности. Они растворены в этих сюжетах, и вся планета кажется им родным местом их обитания. Слияние людей с этим миром, любовь, приобретенная через это искусство, является гарантом того, что никто из них не захочет нарушить покой вновь познанных мест взрывом бомб или ненавистью к окружающим.

Искусство отражает и в то же время рождает в душах людей терпимость и толерантность. И это хорошо видно на примере Дагестана, страны моего детства и юности, сформировавшей мой характер и мою душу.

Для меня самого стало неожиданностью то, что не ставя конкретной цели, сюжеты, перенесенные на холст, подытожили историческую данность: Дагестан — страна веротерпимости и толерантности. Ярким отражением этого явилась новая книга — альбом «Из Дагестана по всему миру. Возвращение в рай». На страницах этой книги сюжеты из жизни дагестанцев, и в частности, городские улицы 5-ти тысячелетнего Дербента, где рядом с древнейших времен бесконфликтно действуют армянская церковь, синагога и мечеть. В основе этих отношений заложена свобода личности, веками культивировавшаяся в Дагестане. На протяжении всей истории объективно складывались принципы толерантности, и люди в поисках гарантии безопасности объединялись, что и привело к единственно возможному варианту сосуществования — вместе и в мире.

Персональная выставка в Москве в январе 2007 года в залах Союза художников России, где был представлен впервые дагестанский цикл, укрепила меня в мысли о громадной воспитательной роли живописи. Удивительным было то, что многие из посетивших выставку мало или совсем не знали о Дагеста-

не, или с подачи СМИ знали только о том, что там не совсем спокойно, а покидали выставку с любовью к этому краю.

«Я надеюсь, что созданные с огромной любовью и обращенные к свету картины дают нам основание утверждать, что люди могут воспользоваться всем прекрасным, созданным Творцом, жить в гармонии с природой и сделать свою жизнь счастливой в окружении себе подобных» (из выступления Гамзата Магомедовича Гамзатова на презентации выставки).

Не стоит дожидаться времен, когда люди сближаются невольно в момент общего горя, что случается во время катастроф, когда люди ищут любой поддержки и объединения. Во время своего путешествия по Америке я встречался с жителями Нью-Орлеана, пережившими разрушительный ураган «Катрин», последствия которого я видел воочию; они в один голос рассказывали о невероятной перестройке их мышления, когда отношения между согражданами стали настолько близкими, что стерлись бытовавшие в обычное время холодные отношения между людьми разного социального статуса; с особой силой проявилось чувство солидарности, люди помогали друг другу выжить, снять стресс от пережитого. Рассказывают, что в Нью-Орлеане существуют столетние бары, которые не закрываются со дня их основания ни днем, не ночью. Некоторые из них были открыты даже в те трагические дни, и в этих барах раздавали любые напитки за символический один доллар, пытаясь таким образом поддерживать привычный дух и традиции жизни горожан, любителей посещать бары и увеселительные места, и это стало образом жизни ньюорлеанцев. Они считают Нью-Орлеан синтезом Парижа и Лас-Вегаса, который, с одной стороны, сохранил как бывшая французская колония французскую культуру, а с другой, не потерял вкус и колорит жизни времен колонизации и пользуется множеством развлечений, подобных тем, которыми известен Лас-Вегас.

К сожалению, в мире больше зла, нежели добра, религиозное и национальное противостояние шагает по планете, и бороться с этим задача нелегкая, и не хочется, чтобы она решалась как в Нью-Орлеане, лишь когда грянет катастрофа.

Однажды я стал свидетелем спора двух друзей, бывших однокурсников. Один из них, русофил, с пеной у рта доказывал,

что Россия — для русских, приводя абсурдные аргументы, не учитывая, что Россия многонациональная страна, в ее состав входят национальные республики, и такая идеология может пагубно отразиться на общественной атмосфере, в том числе среди русского населения. Ему противостоял друг его студенческих лет из национальных меньшинств, аварец, представитель одной из ярких народностей Дагестана, много лет живущий в Москве, успешный бизнесмен и, несмотря на свою сравнительную молодость, — отец четверых детей, который не мог его понять и требовал ответа на вопрос, почему он, гражданин России, должен чувствовать себя чужим в своей стране, почему его дети, родившиеся в Москве, уже выросшие здесь, должны чувствовать себя изгоями, хотя они совершенно ни в чем не уступают своим русским и всем другим ровесникам. Ответа не было, и не могло быть, остался только осадок от четкого понимания того, что попытка сближения позиций в этой сфере сегодня в России дается нелегко.

Борца за правду звали Тагиром Даудовым, мы с ним подружился благодаря моей выставке, проходившей в доме Союза Художников на Юголевском бульваре в Москве. Узнал он о выставке через центральное телевидение из моего интервью. Услышав, что на выставке представлен цикл работ, посвященный Дагестану и подготовленный художником, уроженцем Дербента, ныне проживающим в Америке, он ощутил чувство солидарности и на следующий день объявился на выставке, к сожалению, в мое отсутствие. После просмотра картин он захотел со мной встретиться, и узнав, что на завтра выставка сворачивается, и я обязательно появлюсь, он пришел на следующий день. Я с комментариями показывал ему экспозицию. Он активно проявлял интерес ко многим работам, его оценки однозначно подтверждали его эстетический вкус и понимание живописи. Тагир оказался прекрасным собеседником, понимающим толк в искусстве, он оценил, насколько важен московский показ дагестанского цикла, составлявший почти треть экспозиции, вызывающий гордость за свою малую Родину, радовался тому, как точно переданы сюжеты, и не только технически, но и эмоционально, отражая и его личное мироощущение.

Нам было, о чем говорить, но время поджимало, я должен был начать разбор экспозиции, и посему договорились пере-

нести наш разговор до следующей встречи, которая, к нашему обоюдному удовлетворению, состоялась достаточно быстро. Подобрал для себя несколько картин и удостоверившись, что выбор верный, он покинул выставку, сожалея о том, что не успеет ознакомить с этой выставкой своих друзей, с которыми уже позже я буду встречаться по представлению Тагира.

С самого начала знакомства я понимал, что Тагир относится к той категории интеллектуальных персон, которым недостаточно быть только успешными бизнесменами, они хотят удовлетворять естественную потребность в духовной жизни. Интерес к живописи был неподдельным и, очевидно, это послужило нашему сближению. Тагир стал одним из ярких моих молодых друзей. Для него дружба – это святое, отношение к дружбе трепетное и глубокое, свойственное настоящей дружбе между горцами, отмеченной высокой порядочностью и предупредительностью, что, к сожалению, не всегда и не везде встречается.

В своих беседах с Тагиром мы часто возвращались к вопросу о толерантности, об отношениях между людьми разной религиозной принадлежности, и, конечно же, не миновали разговоров о том, что есть для человека друг. Важным в отношениях между друзьями является проявление деликатности и чувства меры в случае вовлечения его в решение своих проблем. Я не сомневаюсь, что друг всегда должен быть готов к взаимовыручке, но в отношениях следует проявлять такт и уметь оценивать возможности друга, не напрягать его своими заботами, если они не безвыходные для тебя, поскольку у каждого в нашей нелегкой жизни множество личных проблем. Я не принимаю каких-либо отклонений от такого патриархального понимания дружбы, хотя прекрасно понимаю, что время и общественная среда рушит во многом эти стереотипы. Поддерживая такое мое понимание и выполняющий эти правила, Тагир в наших разговорах на тему дружбы часто призывал меня к снисходительности к тем, кто в реальной жизни придерживается иных взглядов. Он убеждал меня в том, что не следует замыкаться на поступках и поведении тех, по иному в отличие от нас понимающих дружбу, что не мешает однако быть им хорошими друзьями. Да, нельзя с этим не согласиться. И я понимал такое обобщение, не раз сталкиваясь в жизни с подобным. А между тем я пришел

к мнению, что мудрость — не обязательно старость, бывают молодые мудрецы, у которых многолетний жизненный опыт заменен чем-то другим — природным умом или устоявшейся философией жизни.

Тагир четко формулирует свое жизненное кредо: *«Главное в жизни — это правильный выбор приоритетов, а правильный приоритет — семья, забота о жене, детях и родителях, благополучие которых обеспечивает тебе спокойствие, позволяющее двигаться вперед дальше».*

Не раз, оперируя своей мудростью, Тагир приводил меня в чувство в тяжелые дни моих переживаний, связанных с моей семьей. Казалось странным, что он, много младше меня молодой человек, учил уму-разуму меня, аксакала, пережившего многие катаклизмы судьбы, которые должны были прибавить мудрости, но его напутствия были оправданны, меня отрезвляли и на какое-то время успокаивали.

Вот еще одно подтверждение постоянной заботы и поддержки своих друзей: *«Мой юный друг, приветствую тебя! Посмотрел твои работы и получил величайшее наслаждение! Также отправил их нескольким друзьям, чтобы и они могли увидеть Шедевры! Подмосковное лето — это просто фантастика!!! Рад за тебя и хотим с Беленьким помочь в организации твоей выставки. Береги себя, дорогой, и твори — все будет хорошо. Огромный привет семье, с наилучшими пожеланиями, твой друг Тагир».* Эту электронную почту я получил буквально в момент, когда пишутся эти строки во время пребывания в Нью-Йорке.

Случилось так, что Тагир стал очень близким человеком не только мне, но и членам моей семьи; я испытываю к нему некое отцовское чувство, хотя он и обзывает меня *«своим юным другом»*. Я хорошо знаю его семью, очаровательную Зарему — молодую мать четверых прекрасных детей, вместе с которыми мы иногда посещаем московские музеи и театры, участвуем в семейных обедах, я разделяю его семейную идиллию, что согревает мою душу и разбавляет мое одиночество, когда я пребываю вдали от своей семьи.

Семья Тагира пребывала у себя на родине в Дагестане, в то время как Тагир оставался в Москве как раз в тот момент, когда ее старшей дочери Хадижат должны были выдать аттестат зрелости об окончании средней школы, и именно Тагиру довелось получить в руки заветную корочку. На следу-

ющий после этого день мы с Тагиром навестили Манашира Абрамовича Якубова в больнице, где он пребывал в то время на обследовании, помню, как сидели мы во дворе больницы на скамейке, когда Тагир бережно передал нам с Манаширом посмотреть содержимое аттестата.

Трудно описать восторг, когда Тагир держал в руках аттестат об окончании средней школы своей любимой дочери Хадижат, который красовался одними пятерками, стройный ряд которых не нарушался ни одной другой оценкой. Это было торжеством его философии относительно семейных ценностей, мы же наслаждались неподдельным счастьем своего юного друга, счастливого успехами своего ребенка.

Я не могу оторваться от мысли об удивительных обстоятельствах, связанных с тем, что работа над мемуарами сопровождала меня в моих путешествиях, независимо от того, был ли я в деловой поездке или на отдыхе — везде я находил вдохновенье, работая над воспоминаниями событий, происходивших в моей жизни на одном полушарии, которые всплывали в памяти, когда я находился на другом конце света. Контрасты придавали остроту моим ощущениям, и понимая это, я пытался не прекращать, как теперь уже понимаю, увлекательнейшую работу.

Но конец приходит всему, пришло время завершения и первого моего литературного труда. Поскольку в этом изменчивом мире ничего нет постоянного, судьба снова сдвинула меня с места и переместила на жительство в Нью-Йорк, где по сравнению с городом моего многолетнего пребывания Баффало, представляющегося мне запрудой, где ничего не шевелится, словно опавшая осенняя листва, потерявшая свежесть после листопада, прибитая к краю пруда, Нью-Йорк — словно вытекающая при извержении вулкана лава, бурлит многообразными событиями, не оставляя тебя равнодушным. Это мое! Для меня это продолжение Москвы, мне легче перенести ожидание возвращения в Москву. Я не только посещаю музеи и галереи, знакомясь, так сказать, из первых рук с новыми тенденциями в искусстве, в том числе в живописи, посещаю концерты и оперные спектакли, вживую знакомясь с выдающимися современными исполнителями, но в этом круговороте событий пытаюсь знакомить неравнодушную

публику и со своим творчеством, открыв свою персональную выставку в самом сердце Нью-Йорка — на Манхеттене.

Особое ощущение от встреч с искусством из России, с тем, что, например, в Москве воспринимается спокойно, а здесь вызывает интерес, даже если не раз с этим сталкивался раньше. Так и сейчас, я жду с нетерпением выступление любимого миллионами поклонников хореографического ансамбля «Лезгинка», который интересен мне еще и потому, что я знал его со времен создателя ансамбля Танхо Израилова, был знаком с некоторыми участниками и поныне близок с человеком, перенявшим эстафету от создателя ансамбля, ставшим после его кончины главным балетмейстером — Иосифом Матаевым, поднявшим ансамбль на высочайший уровень исполнительского мастерства.

Есть люди, про которых не нужно объяснять, кто они такие, а достаточно назвать имя, чтобы народ узнал своего любимца. Один из них Иосиф Матаев — солист балета Государственного ансамбля песни и танца Дагестана, затем солист балета и ассистент-балетмейстер Государственного академического ансамбля танца Дагестана «Лезгинка», художественный руководитель и главный балетмейстер ансамбля «Лезгинка». Его танцевальная карьера началась с пяти лет в победном 1945 году на сцене Махачкалинского Дома пионеров, в шесть лет он сделал шаг на сцену Русского драматического театра им. Горького, а в девятнадцать, во времена слабо прикрытого антисемитизма в стране, в Дагестане Иосифу Матаеву присваивают высокое звание заслуженного артиста Дагестана.

Суходом из жизни легендарного хореографа и великолепного балетмейстера, первого среди горских евреев народного артиста СССР Танхо Израилова, слава всемирно известного ансамбля танцев «Лезгинка» стала заметно меркнуть. Надо было срочно вернуть «Лезгинке» былую славу. И это могло быть под силу не только талантливому хореографу, но и человеку, обладающему недюжинными способностями организатора, каким по существу был Иосиф Матаев, бывший ведущий солист «Лезгинки», единомышленник, соплеменник и неизменный ассистент Танхо Израилова. Но решение вернуться в ансамбль доставалось с трудом; возможно, оно и не случилось бы, не окажись на его пути великий поэт Да-

гестана Расул Гамзатов, близкий Иосифу. Их встреча и определила решение Иосифа вернуться в качестве художественного руководителя и главного балетмейстера в знаменитый ансамбль «Лезгинка».

В качестве хореографа Иосиф поставил десятки танцев. Он автор балетной сюиты »Думы матери», автор либретто, хореограф и режиссер-постановщик балета «Парту-Патима», он Народный артист Российской Федерации и Дагестана, лауреат Государственной премии имени Гамзата Цадасы.

Твердый и требовательный в деле, в быту Иосиф добр, нежен, спокоен, интеллигентен. Однажды, при одной из нечастых наших встреч в Москве, на каком-то банкете он предложил мне сфотографироваться вместе, сказав при этом, что это для истории. И, конечно, я был счастлив осознавать, что таким образом войду в историю рядом с такой легендой. Этот совместный с Иосифом исторический портрет вы непременно найдете на странице этой книги.

Символично, что я открывал это повествование эпизодами из детства, происходившими в моем родном городе Дербенте, закрываю же событием, произошедшем более чем шестьдесят лет спустя там же, в Дербенте, на фоне того далекого времени событием невероятным, даже при самом невообразимом полете фантазии. Тогда мне казалось, что мое фотографическое искусство с использованием моего «Фотокора» — это предел моих творческих возможностей и, конечно же, в голову не приходило, что со мной сотворится чудо, и что сюжеты моих фотографий — виды исторических мест, по которым я носился со своим неразлучным фотоаппаратом, чтобы запечатлеть на память для грядущих времен, что спустя шестьдесят лет именно в этих местах откроется выставка моих живописных работ, сюжетами которых станут те же виды, что были тогда на моих фотографиях.

Это случилось в самом начале июня 2011, в помещении гауптвахты в цитадели Нарын-Кала Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Древний Дербент». Впервые в пятитысячелетней истории Дербента открывалась художественная выставка под названием «Художники о Древнем Дербенте». Ее участниками стали два художника — академик Российской Академии Художеств

Константин Петров и я. Это было первым мероприятием по подготовке празднования знаменательной даты: 5000-ия города Дербента, самого древнего города на территории Российской Федерации, юбилей которого будет отмечаться в 2015 году.

Интересна история появления этой выставки в Дербенте. Константин Петров — советник Президента РАХ Зураба К.Церетели, появился в Дагестане как член жюри бьеннале в селении Хойхи, организованном Омари Калаевым. Я тоже состоял в жюри. С Константином мы были знакомы по Творческому Союзу Художников России. Он поддерживал меня морально в самое нужное для меня время, в период, когда я только появился на художественной арене Москвы и особенно, когда мои выставки проходили в выставочных залах ТСХР. Во время бьеннале мы много общались, живя в одной комнате, и нашли много общего в наших интересах. Узнав от меня, что ко мне на встречу из Дербента приезжает мой племянник Сави Ханукаев, чтобы забрать меня погостить несколько дней в Дербенте, он загорелся желанием посетить этот древний город, о котором много слышал, но никогда не бывал. Зная щедрое гостеприимство Сави, я предложил Константину поехать в Дербент вместе со мной, но, не имея достаточного времени сейчас, он предложил сделать это в следующий раз, если будет возможность. Случай появился ровно через месяц, когда я должен был поехать в Дагестан разделить радостное событие в семье Абдулхалима Мачаева — свадьба его сына Муртуза. Я пригласил Константина составить мне компанию и заодно побывать в Дербенте. Предложение было принято, он не мог упустить такого уникального случая — не только посетить Дербент, но оказаться в самой гуще необычного для него традиционного дагестанского торжества и побывать в горах в легендарном Гунибе.

Дербент произвел на Константина неизгладимое впечатление. По его словам, ничего подобного он не видел со времени его трехлетнего пребывания в Испании. Дербент восторгал его, как и Испания, своей индивидуальностью и фундаментальностью. Я видел его восторженный взгляд во время экскурсии по цитадели, он кружился вокруг достопримечательностей крепости и старой части города, часто возвращался к местам, наиболее запавшим ему в душу, много фотографиро-

вал. Оказавшись внутри здания бывшей гауптвахты с тремя большими комнатами с высокими потолками, Константин, оглядевшись, сказал: *«Хорошо бы здесь организовать выставку»*, что твердо зафиксировалось у меня в мозгу. На вопрос диктора дагестанского телевидения, куда мы были приглашены на передачу «Круглый стол» по случаю открытия нашей выставки, как зародилась идея организации совместной выставки в Дербенте, Константин напомнил об этом эпизоде и рассказал о случае, произошедшем с великим пианистом Святославом Теофиловичем Рихтером, который когда-то рассказал ему, как однажды, когда он оказался в глухой провинции Франции, ему предложили посмотреть старый, заброшенный, тринадцатого века костел на территории частной фермы. Войдя в него, Святослав Теофилович, пораженный, произнес похожую фразу: *«Здесь хорошая акустика, хорошо бы здесь поиграть»*. Предприимчивые французы закупили землю вокруг костела, привели его в порядок и пригласили Рихтера дать там концерт, а за два месяца до концерта вспомнили, что недалеко от костела расположена американская военная база, откуда ежедневно взлетают самолеты, создавая звуковой барьер, что несовместимо с выступлением великого пианиста. По этому случаю Президент Франции де Голль выпустил специальный указ о том, что за два дня до выступления Рихтера все полеты самолетов над этой местностью отменяются.

Не прошло и года, как наша выставка состоялась. По приезде в Москву Константин сделал цикл акварельных работ о Дербенте, еще не зная, что выставка состоится. Что касается моей экспозиции, то в цикле работ о Дагестане присутствовало достаточно работ о Дербенте и, добавив к этому серию работ с дербентскими сюжетами, выполненными уже по возвращении в Москву, я тоже располагал циклом картин, посвященный Дербенту. Я позвонил Сави Пейсаховичу поделиться идеей проведения совместной с Константином Петровым выставки в Дербенте и о Дербенте. Сави шире и глубже нас воспринимал смысл и значение проведения выставки и, подключив свой административный ресурс и спонсорство, на самом высоком уровне организовал нашу совместную с Константином выставку, активно поддержанную главой администрации города Дербента Имамом Музамудиновичем Яралиевым.

Эта тематическая выставка вызвала широкий резонанс в Республике Дагестан. Мало кто оставался равнодушным. В открытии выставки приняли участие художники, видные политические и общественные деятели Дербента и республики, среди которых были Председатель Общественной Палаты Республики Дагестан Гамзат Магомедович Гамзатов, депутат НС РД Людмила Авшпалумова, заместитель министра культуры РД Магомедрасул Магомедрасулов, председатель Собрания депутатов городского округа Селим Ахмедов, предприниматель Омари Каллаев, президент Союза художников Республики Дагестан Курбанали Магомедов.

Не обошлось и без сюрприза. На выставке от имени Российской Академии Художеств и его Президента Зураба Церетели академик РАХ Константин Петров на глазах у моих земляков, на земле моих предков надевал на меня мантию и вручал диплом почетного члена Российской Академии Художеств. Я с благодарностью принял это как высокую честь, оказанную мне, и признание моего творчества. Никогда не забуду радость в глазах моих земляков, которые воспринимали это событие и как признание величия их родного края и народа, который я представлял.

Наконец, я ставлю точку. К сожалению, в этих воспоминаниях не упомянуты многие из моих близких друзей детства, друзей студенчества, и тех, кто шагал рядом плечом к плечу в моей взрослой жизни, о ком хотел бы написать. Однако я хорошо помню их и благодарен за то, что они были в моей жизни, и что эти воспоминания посвящены в том числе и им.

С особой трепетностью я подбирал иллюстративный материал — фотографии разных лет, которые не менее слов свидетельствуют об истории моей жизни; как и в тексте, присутствуют рядом со мной все без исключения герои повествования, и я надеюсь, что вам будет небезынтересно познакомиться с ними, взглядываясь в их лица.

Спасибо всем тем, кто одолеет чтение моих воспоминаний и возьмет на вооружение хотя бы некоторые черты моих героев, чтобы жизнь их и их окружающих была интересной и поучительной.

ЧАСТЬ III.
ДИАЛОГ О РАЗНОМ

Я долго сомневался, надо ли писать эту главу, но все же решил опубликовать очень незначительную часть своей переписки с близкими мне людьми; она может помочь более глубоко понять моих героев, их участие в развитии личности, их призыв раскрыть правду об отношении человека к окружающему, их пример высокой морали, привлечь к ним внимание тех, кто все еще нуждается в этом. Что же касается хвалебных отзывов о моих живописных полотнах, то это вовсе не надо рассматривать как характеристики моей личности как автора, а лишь как внутренние переживания конкретного человека, обращенного через картины к тому, что его волнует — к природе, окружающей среде, сюжеты о которых неожиданно раскрываются им как фактор гармонии с их представлениями об окружающем их мире и духовностью, наконец — это их самовыражение. За все эти годы накопились тысячи отзывов, написанных за время моих многочисленных выставок и в письмах, которые в разное время я получал по почте. Лишь однажды я обнаружил в книге отзывов резко отрицательное суждение, которое я также хотел предложить на эти страницы, но не сделал этого, во-первых, потому что от него несло духом яростного антисемитизма, не имевшего никакого отношения к искусству, а отзыв был трусливо анонимным, и, во-вторых, чтобы не распространять этот вирус.

Я же высказывания о моих полотнах воспринимаю как оценку на экзамене, и они служат для меня вектором развития моего творчества.

С ПАУЛЕМ ВЕКСЕЛЬБЛАТОМ

Биньямин Шалумов – Паулю Ваксельблату

Дорогой Павлик!

Волнуюсь, потому что приступил к разделу мемуаров о тебе. Я не хочу фантазировать, буду писать, но хотел бы договориться, чтобы ты не сердился на меня за неточности, а попытался помочь мне сделать этот раздел достойным тебя и твоей личности. Думаю, что ты понимаешь, что без описания твоей жизни эти мемуары теряют смысл... Я готов послать уже написанные страницы, где о тебе еще совсем мало сказано. Учти, если не писать о таких, как ты, то мир никогда не выйдет из дерьма, в котором прочно застрял. Думаю, что это долг твой, чтобы ты или кто-то другой писал не столько о тебе, сколько о времени, в котором ты мучился, чтобы никакая зараза не сомневалась в том, что был не только холокост, но внутреннее самоуничтожение своего народа. ...

Пауль Ваксельблат – Биньямину Шалумову

Дорогой Биня!

Получил твою электронную почту с приложением, после некоторого времени отпечатал. Читать стал не сразу, читал выборочно. Прочел о Глобе, и такая тоска и грусть на меня напала. Отложил чтение и долго думал о нашей группе НЗ-55-1, о наших ребятах и девушках. И какая эта была замечательная группа с отборными, незаурядными молодыми людьми, студенты мехфака Грозненского Ордена Трудового Красного Знамени нефтяного Института бывшего СССР, и ни в одном институте мира не было такого. Молодец, что ты об этом пишешь. Не забудь писать о преподавателях.

Потом начал читать и о себе. Но тут силы отказали. И опять грусть и тоска напала за свою проклятую жизнь, за те трудные, но замечательные институтские годы, за ребят, которые разлетелись по миру, за наших замечательных преподавателей, которых я не видел с 1960 года и никогда больше не увижу.

Что касается той части, которая касается меня, то я все-таки прочту и позволю себе сделать некоторые поправки. Надеюсь, ты не возражаешь. Одно все-таки хочу сказать сейчас: как несправедлива была ко мне Советская власть, жес-

тока и коварна. А за что? Вы-то все учились как нормальные студенты, и все время отдавали учебе, спорту, иногда и девушкам. А я все время должен был быть на чеку, контролировать все, что делаю, что говорю (даже во сне), как себя веду, чтобы не вскрыли мою истинную биографию и не выгнали с позором из института. Порой упрекаю себя за то, что был нечестным по отношению к вам — ребятам, моим друзьям однокурсникам. Но такова была тогда жизнь, а историю и события назад не перекрутишь, да и не нужно, ибо все это еще раз прожить (хотя и были минуты счастья) не в состоянии, и не хочется. Теперь делаю заслуженный перерыв...

Опять прочел несколько страниц, касающихся Вали Шеплева и Вали Давитулиени. И какие это были ребята!!! Я горд за них. Я горд и за себя, потому, что не зная много о них, я все-таки понял, что это замечательные ребята, и я не ошибся в них.

Поскольку мы жили в общежитии в разных комнатах, а я держался «на чеку», то я многого не знал о вашей «духовной» жизни. Помню, как вы все вместе появились в моей комнате, рассказали, что вы думаете создать в своей комнате «пищевой кооператив совместного питания» и попросили меня дать согласие назвать этот кооператив именем Павлика Вексельблата, на что я дал свое согласие, ибо не мог отказать вам в искренней просьбе. Понимал, что это было шуткой и попыткой поддержать меня.

О ваших «экстра доходах связанных с блатными песнями, я ничего не знал, а если бы узнал о них, вспомнил бы мою лагерную шарашку с ее блатными песнями, расстроился бы и загрустил; я не мог дать себе право расслабиться и раскрыться перед вами.

О Вале Шеплеве я многого не знал, знал только об Эмме, но ничего не слышал о девушке с технологического факультета.

Пауль Вексельблат – Биньямину Шалумову

Привет, дружище!

Все верно, но относительно ассистентки доцента Геллера ты ошибаешься, что ты кое-что забыл, был моложе и видел все иными глазами, нежели я. Ассистентка Геллера была очень красивая женщина, седоволосая, стройная, со вкусом

одетая, в общем — западноевропейского типа. Она была замужем за одним профессором (фамилию забыл) из Баку, который потом стал высоким чиновником Госплана СССР. Когда профессор Сухарев (директор нашего института) овдовел, она разошлась со своим мужем и вышла замуж за профессора Сухарева.

Жена профессора Пыхачёва была «химичка» и вела лабораторные работы, ко мне относилась очень дружелюбно. К сожалению, ее фамилию забыл.

Декан факультета — Николай Николаевич Кузнецов был тоже незаурядной личностью. Он тоже относился ко мне хорошо. Особенно помню его следующее изречение, когда мы к нему обращались и жаловались, что нам трудно (учебная нагрузка была огромной, он нам отвечал: «А что, вы думаете, что вы в Баден-Бадене?») И хотя никто из нас не знал и никогда не слышал о Баден-Бадене, мы поняли, что Баден-Баден — это рай на земле, а мы пока еще в аду и надо терпеть. Славный он был человек и вечный ему покой! Когда во время своей выставки ты из Кельна поехал в Баден-Баден, то я добром вспомнил Н.Н.Кузнецова. И как все в жизни может меняться. Как видишь, кое-что помню. *Павлик*

Пауль Ваксельблат — Биньямину Шалумову

Дорогой Биня! Хотя мы только что поговорили по телефону, я не могу не добавить к сказанному и написать несколько строк. Я вспомнил мой классический философский вопрос: «Какая разница между умным и мудрым человеком?» Ответ таков: «Если умный человек и попадает в дыру, он всегда находит возможность оттуда выкарабкаться, а мудрый человек никогда не попадает в дыру». После нашего разговора я много думал насчет толкования этих слов и пришел к следующему заключению: а) Умных я встречал сравнительно много, и ты — один из них; б) Дураков я встречал очень много, и я — один из них; в) Мудрых я не очень-то много встретил, и если и встречал, то я их мудрецами не ощущал, а скорее — эгоистами и мещанами. Таких я отвергал и не общался с ними.

Что же касается другого вопроса: «зачем я живу и для кого живу», то напомним тебе «мудрый» ответ на этот вопрос: «если я — только для себя, то зачем я; а если я — не для себя, то кто же для меня?» Какое-то зерно правды в этом все-таки есть. Но

мы, ты и я, всегда жили, чтобы помочь другим, и для других. Эти качества дал нам Бог, и только он может нас избавить от них. Но это сбудется только в другом мире.

На риторический вопрос «а что делать?» ответа у меня нет. Но я тебя хорошо понимаю. И понимаю настолько, что могу сказать, что в наших взрослых судьбах есть какое-то сходство: Стокгольм нужен мне так же, как тебе Баффало — разница только в том, что у тебя есть квартира, и ты всегда можешь вернуться в Москву, а мне вернуться некуда и не к кому. Что же касается наших жен, то они обе беспомощны без нас, и поэтому их оставить мы не можем. Но ты все-таки попытайся ускользнуть на несколько недель из Баффало отдохнуть, и с бодрым духом возвращайся обратно также на несколько недель, и это повторяй. Обнимаю и держись — ты мне нужен, твой закадычный друг.

*Пауль Ваксельблат — Биньямину Шалумову
(Обращение Павлика ко Дню Победы.)*

Дорогие россияне и бывшие россияне! Поздравляю всех вас с наступающим праздником Победы 2010 и желаю вам всем здоровья, благополучия и радостного праздника. Разгром и победа над фашистской Германией — это величайшее событие прошлого столетия. И этот день забыть нельзя.

За эту победу — честь и хвала всем народам бывшего Советского Союза!

За эту победу — честь и хвала всему командующему составу всех оборонных сил бывшего Советского Союза, т.е. Армии, ВВС и Флоту.

За эту победу — честь и хвала всему составу Красной Армии, т.е. офицерам, солдатам и матросам!

За эту победу — честь и хвала всем тыловикам, особенно советским женщинам, за их самоотверженный труд, несмотря на огромные лишения во время этой суровой и жестокой войны!

Особый почет — ветеранам войны, которые еще в живых и помнят то, что тогда было.

Чту память и преклоняюсь перед павшими, ранеными, овдовевшими и осиротевшими во время этой вероломной войны! И, дай Бог, чтобы войн больше не было!

Победу одержали советский народ и его выдающиеся военачальники и полководцы, как Жуков, Толбухин, Рокоссовский и другие. Поэтому честь и славу за эту победу заслуживают вместе с советским народом только они. Но нельзя забывать вклад в победу Союзников и жертвы, которые понесли их страны. Честь и слава им за их участие в этой победе.

Обнимаю и приветствую всех вас, уважающий вас *Пауль*.

Биньямин Шалумов – Паулю Ваксельблату

Павлик дорогой, спасибо за поздравление, это единственный праздник, вызывающий во мне искренние чувства гордости, обиду за гибель моих близких и не близких тоже, и надежду на то, что в России еще не все потеряно. Поздравляю и тебя, мученика победоносной страны, единолично выигравшего победу за себя. Поздравь и Хану, это и ее победа. Поверь, что ты мне больше, чем друг! Обнимаю, *Биня*.

С ВАЛЕНТИНОМ ДАВИТУЛИАНИ

Валентин Давитулиани – Биньямину Шалумову

Разбередил ты мне душу своими мемуарами до того, что навалилась ностальгия. Жаль Вальку, который так рано ушел, жаль и себя дурака, метавшегося по жизни. Но это на день-два, а потом жизнь снова станет прекрасной – интересная работа через интернет (проектирую оборудование для мини-установок), освоение новых компьютерных программ, спорт по часу-полтора каждое утро (пробежки на речку и гимнастика с силовыми упражнениями), интересные книги (нахожу их в интернете, очень люблю фантастику). Вот все это и есть мои «отдушины», которые придают жизни какой-то смысл.

Теперь о мемуарах. Первая часть – про детство, родителей, братьев, преподавателей института просто великолепна, написана талантливо и читается с большим удовольствием. Вторая часть – про Вальку и меня – интересна, но нуждается, на мой взгляд, в шлифовке стиля изложения, не говоря уже об отдельных ошибках и неточностях.

Наше сообщество в комнате, где мы проживали вчетвером, называлось Коммуной им. Вексельблата, на это мы по-

лучили специальное разрешение Павлика в ответ на прошение, которое мы передали прилюдно и зафиксировали дату подачи.

Боль Павлика не только в пережитой жизни, но и в глубоком разочаровании по поводу Запада.

С ИЛЬЕЙ УРИЛОВЫМ

Биньямин Шалумов – Илье Урилову

15.01.05, Баффало, Нью-Йорк

Дорогой Илья Ханукаевич! Хочу напомнить о своей просьбе к Вам написать хотя бы полстраницы текста с Вашей фотографией для книги-альбома моих живописных работ. В самом деле, я не могу себе представить выпуск этой книги без Вашего в нем присутствия. Ваше уважительное отношение ко мне стимулирует меня на дальнейшие творческие деяния, подтверждая мою нужность людям. Это важно для меня еще и потому, что мы исходим из одних корней и для меня как кук раби слово джуур не пустой звук, и я в восторге от Вашей идеи создания музея. Это благороднейшее дело, и оно является выразительным примером для подражания для тех, кто еще не достиг уровня Вашего менталитета. Среди наших есть много достойных людей, которые могли бы быть представлены в этом музее. Уверен, что музей станет Центром просветительства и возрождения истории нашей. Наши дети, да и не только они, должны знать, кто мы и чего мы стоим. Я готов быть самым активным помощником в реализации Ваших замыслов.

Текст с фотографией мне хотелось бы получить по электронной почте до 25 января, так как в самом начале февраля должна закончиться верстка книги, после чего я прилечу в Москву для завершения работы по ее изданию.

С уважением и благодарностью, *Биньямин Шалумов.*

Из книги «Мир в полотнах»

Urbi et Orbit. Биньямин Шалумов – уникальное явление, феномен. Он состоялся как ученый, стал доктором технических наук, профессором. Б.З.Шалумов, достигнув 63-го

возраста, начал новую жизнь, по существу вторую. Заслуженный пенсионер взял в руку кисть и в одночасье превратился в зрелого художника: чрезвычайно интересного, обильно создающего, непрерывно развивающегося, необыкновенно талантливого.

Биньямин Завалунович Шалумов смешал профессии и континенты. Химик и художник, русский еврей Б.Шалумов переехал в Далекую Америку. Родившийся и напитавшийся соками древнего Дербента, а теперь живущий и творящий в северном Баффало, столь напоминающем ему родные русские города, он является поистине гражданином Мира. Там, в окрестностях Великих озер, Ниагарского водопада жили изумительные герои знаменитой американской поэмы «Песнь о Гайавате». И мне кажется, живописец вновь соединит Генри Лонгфелло и Ивана Бунина через свое замечательное творчество.

Художник Биньямин Шалумов боговдохновенен и сотворчествуем с Ним. Словно Всевышний ведет кистью творца, полный любви к Человеку и к Природе, будь это маленький внук или пророк Самуил, великолепие Кавказа или Альп, красота Пушкиногорья или Подмосковья, неповторимость Москвы или Нью-Йорка, очарование Парижа или Иерусалима.

Именно в знак безграничного благоволения к нему за его творчество принято решение коллекционировать работы художника, чтобы в дальнейшем создать картинную галерею Биньямина Шалумова и оставить все людям — благодарным потомкам. И, наконец, я его воспринимаю как наше национальное достояние и просто горжусь тем, что являюсь соплеменником, и счастлив от того, что родился с ним в одном городе.

Биньямин Шалумов – Илье Урилову

Москва, 8 июля 2005 г.

Дорогой Илья! Я знаю, что сегодня день твоего рождения. Хотел поздравить лично, но, увы, это было невозможно. 10 июля я покидаю Москву и не могу дождаться твоего возвращения. Я поздравляю тебя и желаю тебе и твоей семье крепкого здоровья. Пусть хранит тебя Бог и преумножает твои таланты. Спасибо, что ты есть в нашей жизни, как пример благородства, высочайшего интеллекта и достоинства.

Я чувствую некоторую робость, обращаясь на ты, хотя и помню, это исходило от тебя.

Позволь мне выразить мою искреннюю благодарность за прекрасный вечер, который ты мне подарил к моему юбилею. Ты оказал мне достойную честь, за что я и моя семья будем благодарны тебе всегда. Спасибо! Однако я мечтал, чтобы ты принял участие в моих юбилейных мероприятиях, очень хотел познакомить тебя с моей семьей — детьми и внуками, которые приехали исключительно все, даже бросив школьные занятия. На вечере цела моя дочь — оперная певица, и для тебя это было бы приятным сюрпризом. Однако обстоятельства сильнее нас, я это понимаю, тем более, что буквально через неделю после открытия выставки мне пришлось оставить выставку и уехать в Дербент на похороны мужа моей родной сестры. Что ж, эме эз худоини (на все божья воля).

«Венеции» я подарил милую картину с американским летним водным пейзажем. Картину старался подобрать так, чтобы она как-то гармонировала стилю «Венеции». В Москву вернусь осенью с новыми выставками — в художественном музее в Саратове и в представительстве Дагестана в Москве. В обоих случаях я получил приглашение. В планах моих также встреча с Зурабом Константиновичем Церетели по поводу моей выставки в его в галерее или в выставочном зале Академии Художеств.

Книгу-Альбом я одолел и успел выпустить ее до открытия выставки. Оставляю тебе эту книгу на память и надеюсь услышать твой отзыв. Книжные магазины «Дом Книги» на Арбате, «Москва» на Тверской, «Молодая Гвардия» на Полянке, «Русское Зарубежье» на Таганке, «Глобус» выставили ее на реализацию.

Обнимаю, с уважением, *Биньямин Шалумов*.

Биньямин Шалумов – Илье Урилову

Илья, здравствуй! С твоей легкой руки я затеял творить ме-муары. А поскольку в писательстве я весьма слаб, решил опробовать начало моего творения на близких мне людях. С красным от стыда лицом отправляю свою писанину тебе на суд. Ставлю свое неперемное условие — не щадить меня и выдать мне всю правду, ибо не хочу быть опозоренным и несостоявшимся писакой. При условии, что ты сочтешь, что такое мож-

но творить, я буду продолжать стучать по клавишам компьютера в промежутках между живописанием. По этому случаю я полностью отключил телевизор и никого к себе не подпускаю, чтобы выиграть время. По случаю направляю пару своих последних работ. Обнимаю, *Биньямин Завалунович*.

Илья Урилов

(По телефону.)

Дорогой Биньямин Завалунович, прочел начало мемуаров, растроган знакомыми близкими моей душе картинками, еще раз убедился в своей правоте, уговорив Вас писать мемуары.

Биньямин Шалумов – Илье Урилову

Дорогой Илья, посылаю продолжение мемуаров. Хотелось бы знать твое мнение о разделе, когда я уже покинул детство, к которому буду еще возвращаться, дополняя прежний текст, или влетая в уже написанные разделы. Мысль бежит много быстрее руки, которой стучу по шрифту. Удивительно то, что садясь писать без всякого плана, всплывают детали жизни, о которых я даже порой и не вспоминал, и, забегая мысленно назад, диву даешься, как было много на моем пути людей и событий, и, чтобы описать их, нужна будет не одна сотня страниц текста. Теперь я понимаю, насколько ты был прав, когда предлагал мне писать мемуары. Это оказалось не моим частным делом, а нужная людям затея. Я пытаюсь подойти к этой работе не столько как к своему жизнеописанию, а, скорее, показать людей, меня окружавших и сделавших меня, чтобы на их примере помочь людям стать лучше. Извини за такую мою откровенность, но я пишу тебе это, убежденный, что твоя душа в таком же полете, как и моя. А для себя я понял что, оказывается, у меня есть своя позиция по отношению к событиям разного периода, по которым осмысленно мне не приходилось высказываться, всегда надо было заниматься делом. Спасибо за твое желание читать мою писанину и за то, что находишь для этого время. Обнимаю, всех тебе благ.

Биньямин Шалумов – Илье Урилову

Дорогой Илья, здравствуй. Несколько дней работал над мемуарами и, кажется, довел их до готовности предложить

их тебе для чтения. Написанный текст достаточно большой, но объем воспоминаний в голове куда больше, и боюсь, уже не могу остановиться, хотя понимаю, что во всем должна соблюдаться мера. Я знаю твое мнение, и продолжать писать буду. Мне чаще хочется возвращаться и в молодость, хотя есть много прекрасных эпизодов из моей взрослой жизни. Думаю, вкрапление ранних эпизодов жизни в более поздние должно оживить повествование, и ты прав в своем совете не смущаться подавать материал так, как подсказывает мне настроение и интуиция. Мое же внутреннее чутье подсказывает мне не обязательно соблюдать хронологию. Кроме того, важно название мемуаров, которое должно быть настолько объемным, чтобы оно могло не только раскрыть само повествование, но и объединить идею всего диапазона повествований. Я хотел бы знать твое мнение по поводу следующих названий мемуаров: В ПОИСКАХ ИСТИНЫ; ШАГАЯ ПО ПЛАНЕТЕ; ВОЗВРАЩЕНИЕ; ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ВРЕМЕН. Время для выбора еще есть.

Всегда благодарен, Б.З.

Илья Урилов – Биньямину Шалумову

Уважаемый Биньямин Завалунович,

Пишите, не задумываясь над объемом, в мире есть много качественной бумаги, чтобы было на чем выпускать несколько томов ваших воспоминаний. Предлагаю с названием определиться при встрече в Москве.

Обнимаю.

С ГАМЗАТОМ ГАМЗАТОВЫМ

Гамзат Гамзатов – Биньямину Шалумову

Я могу с гражданских позиций выразить, какие эмоции вызвала во мне эта представительная выставка. В ней есть душа человека, любящего свою землю, свой народ, и это не зависит от того, где он живет, потому что лицо, которое мы наследуем от старших и которым мы дорожим настолько, что мы не только наследуем, но и развиваем его, остается везде постоянным и неизменным. Биньямин лишний раз подтверждает, что человек, прежде всего, есть то, что есть в

душе этого человека, и эта душа может оказаться великой настолько, что становится общественно значимым событием, понятным для каждого другого, а, следовательно, благодаря вот такому роду общения, все мы становимся ближе к Богу, а, следовательно, и сильнее.

Биньямин Шалумов – Гамзату Гамзатову

18.07.2006 г.

Дорогой Гамзат Магомедович, здравствуйте!

Прежде всего, я глубоко благодарен Вам и Вашему окружению за предоставленную мне возможность побывать в двадцатидневной сказке (как я говорю, когда рассказываю о своем путешествии по Дагестану). Этого времени мне было достаточно, чтобы собрать великолепный материал для создания картин. Из огромного количества я отобрал 50 сюжетов – один лучше другого, которые я уже начал реализовывать в картинах. Несмотря на интенсивную подготовку моей персональной выставки в Америке, я уже успел написать пять картин о Дагестане, некоторые из которых будут представлены на американской выставке. Создание цикла картин о Дагестане будет продолжен, поскольку эта тема захватила меня полностью. В любом случае, выставка в Германии состоится, потому что я получил приглашение сделать ее там еще до моей поездки в Дагестан. Так или иначе, я буду представлять цикл работ о Дагестане. Решение о широком представлении Дагестана в Германии Ваша вместе с Правительством Дагестана прерогатива. Моя же выставка могла быть фоном, хотя я прекрасно понимаю, что и сама выставка на фоне такого мероприятия будет в выигрыше.

...Среди людей сохранились еще экспонаты, для которых слово Родина и память о предках – не пустой звук, и что любые деяния в их пользу являются неотъемлемой частью их жизни. В этом я похож на Вас. <...>

Я сделал запрос по поводу письма от Земли Северный Рейн Вестфалия на имя Президента Республики Дагестан. Земля Северный Рейн Вестфалия самая большая по территории и промышленному потенциалу в Германии. Мне еще раз подтвердили, что замок-музей Норвених, где состоится выставка, известное и весьма посещаемое место в Германии.

Туда на выставки съезжаются со всей округи, в том числе и из близлежащих стран. Туда приглашаются только именитые, известные в мире художники. Я же попал туда благодаря опеке Американского Музея Европейского Искусства в США. Так что это для меня шанс, равно как шанс для представления Дагестана в Германии.

С уважением и почтеньем, *Биньямин Шалумов.*

*Биньямин Шалумов – Гамзату Гамзатову
Баффало, 23 июля 2006 г.*

Дорогой Гамзат Магомедович, сообщаю некоторые данные об организаторах. Господин Баденштайн является частным владельцем замка и музея, где будут происходить события. Он же – известный журналист, общественный и политический деятель, имеющий контакт на правительственном уровне и со средствами информации. Эти контакты осуществляются через представителя г-на Баденштайна в США, консула США Ордена «ALEXANDER GRATE» и директора Музея Европейского Искусства США г-на Джона Заврела, весьма влиятельного и уважаемого в этом кругу человека. Он с интересом выслушал наши предложения и выступил в поддержку их реализации.

Г-н Баденштайн готов сделать все необходимое и на самом высоком уровне, опираясь на многолетний опыт приема Высоких гостей и знакомства не только в Правительстве Земли Северный Рейн Вестфалия, но и в Берлине, и, самое главное – в прессе. ...Слово за правительством Дагестана и за Вами как представителя руководства Республики Дагестан и автора идеи.

О себе. Тружусь день и ночь. Живу незабываемыми впечатлениями о поездке в Дагестан, переносу на холст свои чувства и настроение. Мало кому везет так, как повезло мне с Вашей легкой руки. Но и я не останусь в долгу. Дагестан будет воспет во многих моих работах.

С глубоким уважением и почтеньем, *Биньямин Шалумов.*

Биньямин Шалумов – Гамзату Гамзатову

Гамзат Магомедович, события развиваются значительно быстрее, чем я думал. По поводу проведения дней Республики Дагестан в Германии с выставкой. Господин Бо-

денштайн оценил идею показа Дагестана Западу и вошел в контакт с МИД Германии, где Дагестану дали оценку, как неспокойной зоны близкой к Чечне. Однако идеи, заложенные в нашей концепции, идентичны идеям Ордена Александра Великого, которого они представляют, и находят их интересными для сближения и достойными внимания. Отношение к проведению мероприятия чрезвычайно серьезно, тем более, что все будет проходить на уровне первых лиц. Регламент проведения этого мероприятия в России назвали бы Днями Дагестана в Германии с широким оповещением общественности Германии через СМИ. Практически — это знакомство немцев с новой, доселе им неизвестной страной, И, наконец, им видится это не как единичный акт, а как начало длительных контактов на правительственном уровне, личных контактов, контактов деловых людей и развития туризма...

С почтением, *Биньямин Шалумов.*

Торжественная часть
в рыцарском зале замка Новерних, ФРГ

Воскресенье, 29 июля

Речь Президента ЕКФ Джо Ф.Боденштайна.

Глубокоуважаемые дамы и господа, разрешите сердечно приветствовать всех Вас, кто сегодня присутствует на торжественном заседании с Биньямином Шалумовым, которое проходит в Рыцарском зале замка Норвених. Выставка под названием «From Dagestan around the World» — «Из Дагестана вокруг света» впервые представляет творчество живописца Шалумова здесь, в Музее западноевропейского искусства. Художник вместе со своей супругой находятся сегодня здесь с нами. Давайте сердечно поприветствуем их аплодисментами.

Уважаемый господин Шалумов, мы рады приветствовать Вас и Вашу супругу здесь, в историческом Рыцарском зале замка Норвених. Город Норвених имеет древнюю историю. Ее корни уходят во времена еще до Римской Империи, когда на этой территории появились первые поселения, и римлянами был основан город — нынешний Кельн. В документах описывается также, что сам знаменитый европейский импе-

ратор Чарльз Великий останавливался здесь, возвращаясь из Боньяна в свой дворец в Аахене.

Глубокоуважаемые гости, только что нам показали впечатляющее представление с дневными хищными птицами, мы наблюдали полет орлов и соколов, а также слушали игру коллектива сотрудников лесничества округа Ойскирхен под руководством господина Брюске и господина Лаубаха. Давайте поблагодарим их за это. Особую благодарность хочется высказать господину Хорсту Нистерсу и его соколам. Уже на протяжении десятилетий господин Нистерс занимается вопросом защиты этого вида птиц и за это по праву удостоен многочисленных отечественных и международных наград. Выступлением его «больших птиц» он не раз очаровывал даже «Больших птиц Политики», начиная от Федерального канцлера Гельмута Шмидта, главы социал-демократов, и заканчивая Президентами Америки Рональдом Рейганом и Джорджем Бушем, вплоть до Михаила Горбачева, ну и, конечно же, Федерального канцлера Немецкого правительства Ангелы Меркель.

Глубокоуважаемый господин Шалумов, оживленное участие, которое приняли в настоящем событии гости: политические и общественные деятели, представители культуры и науки, подтверждает тот факт, что российское искусство – в данном случае Ваше творчество – вызывает большой интерес среди граждан Германии.

От всей души я хочу также поприветствовать находящихся среди гостей: господина Розетке, главы управления округа Ойскирхен. Я приветствую также господина Бейса, управляющего округа Дюрэн, а также других представителей этих окружных советов. Добро пожаловать, господин Ганс Юрген Шюллер, бургомистр города Норвених, а также представители политических фракций из Бонна и других федеральных земель. Мы рады приветствовать представителей Бундесвера, в лице его главнокомандующего, полковника Куна, который является доверенным лицом по вопросам общественной жизни, а также других офицеров высшего ранга ВВС Германии. С недавнего времени представители Бундесвера стали также желанными гостями этого замка.

С удовольствием приветствую друзей музея Европейского Культурного Фонда и деятелей культуры. Кураториум (по-

печительский совет) представляют сегодня спикер по вопросам культуры и скульптор Курт Арентц. Среди деятелей искусств и друзей музея сегодня я вижу также деятеля культуры господина Вольфганга Штендара, скульптора Ренату Штендар-Фойербаум, художницу Хельгу Тиманн, художником Рудольфа Лифке и Пауля Займетца, а также скульпторов Детлефа Кребса и Зигфрида Лунау. Также сердечно мы приветствуем и всех остальных деятелей искусств и друзей музея. Это относится и к новым, присутствующим сегодня здесь гостям. Мы их пригласили с тем, чтобы они присоединились к кругу наших друзей.

Глубокоуважаемые дамы и господа, такое обстоятельное и персональное приветствие поможет присутствующим здесь познакомиться между собой.

Мы рады констатировать, что среди наших гостей и много иностранцев, которые приехали из Швеции, России, Франции, США и других стран. К нам также прибыл консул США Б.Джон Заврел, который в завершение торжественного заседания произнесет приветственную речь в честь художника.

Я сердечно приветствую представителя российского правительства, дипломата господина Александра Станкевича, который передал нам приветствие своего Президента Владимира Путина.

Уважаемые гости, при осмотре замка, который состоится после торжественного заседания, в его фойе Вы увидите портреты Президента России Владимира Путина и Президента Дагестана Муху Алиева. Они – политические друзья. Президент Дагестана Алиев патронирует выставку работ Биньямина Шалумова. Разрешите зачитать текст приветственного послания Президента Дагестана....

...На самом деле, эта выставка является событием культурно-политической важности. Она сопровождается хорошими пожеланиями Президента Алиева и Федерального канцлера Германии Ангелы Меркель, а также руководителя министра культуры Бернда Нойманна, находящегося в ведомстве Федерального канцлера.

Во время моих переговоров в государственной канцелярии в Берлине я лично сообщил о выставке и советнику по вопросам культуры, профессору, господину Герману Шефферу. Он является частым гостем этого музея и передает

наилучшие пожелания присутствующим гостям и, прежде всего, художнику Биньямину Шалумову...

Дамы и господа, уже на протяжении длительного времени в средствах массовой информации можно проследить, какие серьезные старания проявляет глава немецкого правительства для укрепления трансатлантических отношений. В той же мере Федеральный канцлер стремится расширить и немецко-российские отношения. Мы, как граждане, поддерживаем намерение о создании равноправных партнерских отношений с Россией.

Европейский Культурный Фонд в замке Норвених и Берлине очень заинтересован в поддержании длительных отношений между Германией и страной великой культуры – Россией. После войны, произошедшей в 20 столетии, после вражды и злодеяний, которые были совершены против человечества, все миролюбивые силы и народы хотят созидать свое будущее в мире и терпимости друг к другу.

Господин консул, Александр Станкевич, Вы как дипломат и как представитель одного из поколений, которые не знают войны, должны помнить о том, что большинство граждан Германии, несмотря на все ужасы исторических перипетий, все горе и страдания, которые перенесли наши народы, смогли сберечь свою любовь к «русской душе», которая чувствуется в музыке, литературе и искусстве. Передайте, пожалуйста, Вашему правительству и Президенту Российской Федерации, что наши гости проявляют большое уважение и интерес к России и к Сообществу федеративных государств.

А я сегодня здесь еще раз подчеркиваю: мы искренне желаем, чтобы немецко-российские отношения оставались длительными и прочными, даже по окончании каденции Президента Владимира Путина и Федерального канцлера Ангелы Меркель. История нас учит: правительства и их главы приходят и уходят, а народ всегда остается. И народы должны находить взаимопонимание для того, чтобы успешно строить свое будущее.

Эта выставка, которая названа «Из Дагестана вокруг света», имеет и политическое значение. Она способствует пробуждению интереса к Дагестану как к стране, о которой, к сожалению, еще очень мало известно на Западе, а если и известно, то скорее всего лишь, то, о чем говорилось в репор-

тажах о террористических актах, которые носили отрицательный характер. И эту ситуацию необходимо исправить. Поэтому следует выступить с рекомендацией Дагестану об аккредитации своего особого консула по вопросам культуры и туризма в Федеративной Республике Германии, что будет способствовать признанию этой живописной страны. Но мы не должны забывать, что враги Дагестана всегда на чеку.

Выставка «Из Дагестана по всему миру» состоялась, прежде всего, благодаря личной инициативе деятелей Германии и Дагестана. При этом особо следует упомянуть личный вклад советника Президента Дагестана, господина Гамзата М.Гамзатова. Он также содействовал появлению на свет цветного каталога выставки и роскошного фотоальбома о творчестве Биньямина Шалумова.

В завершение еще один комментарий: своими работами художник Биньямин Шалумов намерен не только привлекать новых коллекционеров, но и вносить свой вклад в дело улучшения взаимопонимания между народами Востока и Запада. Поэтому я хочу пожелать — и думаю от имени всех — Счастливого, и удачи! — удачи в деле укрепления дружбы среди народов, в деле укрепления мира и свободы.

Застольная речь консула США

Б.Джона Заврела

Дорогой господин президент Джон Г.Боденштайн!

Дамы и господа!

Я очень рад, что могу присутствовать на обеде в честь художника Биньямина Шалумова, охотно приняв приглашение на участие в торжествах, проходящих в рамках выставки под названием «РУССКОЕ ИСКУССТВО — Из Дагестана вокруг света». Как заведующий канцелярией по вопросам награждения международного Ордена Александра Великого за заслуги в области искусства и науки, а также как директор по международным связям Европейского Фонда Культуры, я хотел бы поблагодарить Музей европейского искусства и персонально господина Джона Гилберта Боденштайна, владельца замка Норвених. Благодарю Вас за всю ту работу, которую Вы проделали в течение всех этих лет.

Я хочу выразить свой восторг господину Боденштайну

за его поддержку в организации настоящего мероприятия в честь русского художника. Как Вы знаете, что Биньямин Шалумов родился в этой стране, которая находится на Кавказе.

Мы также приветствуем и выражаем нашу глубокую благодарность господину Гамзату М. Гамзатову, советнику Президента Республики Дагестан, меценату и общественному деятелю. Мы сожалеем, что он не смог присутствовать на нашем сегодняшнем мероприятии.

Выставка с работами Шалумова служит укреплению контактов в области искусства между Востоком и Западом. Именно при помощи изобразительного искусства мы можем достигнуть большего взаимопонимания между культурами стран Востока и Запада.

Уважаемые дамы и господа, зал, в котором мы сегодня с Вами собрались, место историческое. В этих стенах в 1991 году Джон Гилберт Боденштайн вместе с другими членами семьи замка Норвених принимал наследника испанского королевского трона, принца Фелипе, правителя Астурии. Говоря о замке Норвених, перед нами всплывают картины из прошлого, связанные с Гансом-Дитрихом Гёншером, экс-министром иностранных дел, а также с первым политическим диалогом наследного принца и бывшего Федерального президента Рихарда фон Вайцекера.

Да, уважаемые дамы и господа, прибывшие сегодня сюда представители политического руководства, в лице бургомистра (мэра), господина Шюллера, а также другие политические деятели как федеративного, так и земельного ранга, стали свидетелями прекрасного процесса созидания: начиная с 1980 года в замке Норвених произошло много замечательных событий. Замок Норвених и культурные мероприятия европейского масштаба, которые здесь проводятся, получили свое международное признание. И то, что мы сегодня здесь чествуем художника Биньямина Шалумова, а также будем продолжать это делать и далее, является важным вкладом в дело улучшения сосуществования народов и помогает преодолевать любые границы.

Так давайте с самыми лучшими намерениями подыдем наш бокал за этот процесс созидания, за Биньямина Шалумова, за трансатлантическую дружбу, за мирное будущее Европы и России, а также всех государств, входящих в Российскую

Федерацию. В частности, за дружеские отношения с Республикой Дагестан под руководством ее Президента Муки Алиева, стране, которая находится на Кавказе, где, как вы знаете, родился Биньямин Шалумов.

Предлагаю оказать честь художнику, выпив за него стоя. Благодарю Вас.

Лайос Тар. «Салют Дагестан»

Лайос Тар — руководитель MUSICA HUMANA. Написал композицию «Salut Dagestan» для исполнения на гитаре. Он написал также композицию для гитарного исполнения «Homage a Salvador Dalí» и другие композиции в честь известных в мире художников.

Норвених/Берлин/Махачкала (bpb) «Salut Dagestan» называется одна из новейших композиций Лайоса Тара. Венгерский композитор сочинил это произведение для гитарного исполнения в честь еврейского художника Биньямина Шалумова, который родился в кавказской республике Дагестан. При первом исполнении в июне 2007 года в замке Норвених в присутствии российского художника гости приветствовали произведение продолжительными аплодисментами.

Мероприятие в честь художника посетили 350 гостей из числа политиков, дипломатов, экономистов, мастеров искусств и известных общественных деятелей. ...Куратор Томас Блюманн из Европейского фонда культуры, Берлин, отметил успехи Тара. «Вы придерживаетесь хорошей традиции посвящать музыкальные произведения коллегам по искусству», заявил Блюманн. «Фонд приветствует Ваше гениальное мастерство и благодарит за Ваш вклад в дело служения культурой взаимопониманию между людьми различных национальностей». Дагестан напоминает мне прекрасную Баварию.

Композитор заявил, что мелодия объединяет западную и восточно европейскую культуру. Дагестан, который известен как край гор, по своей географии часто напоминает ландшафты прекрасной Баварии. «Это создает дополнительную связь с этим прекрасным регионом Российской Федерации». Было бы интересно отправиться в ознакомительную поездку в Дагестан и на месте познакомиться с народной музыкой мусульман, христиан и еврейского населения. Копия оригинальной

композиции «Салют Дагестан» будет направлена президенту республики Дагестан Муху Алиеву. Он выступал в качестве покровителя выставки «Из Дагестана по всему миру» в музее европейского искусства в замке Норвених (www.europaeische-kultur-stiftung.org)

Куратор Блюманн выразил пожелание, чтобы Дагестан укрепил свои отношения с фондом европейской культуры ЕКС. Он также поблагодарил советника президента Гамзата Гамзатова в столице Дагестана Махачкале за поддержку диалога.

Композитор: Лайос Тар проживает в Германии (район Дюрен) и Венгрии.

Биньямин Шалумов – Гамзату Гамзатову

Баффоло, Нью-Йорк, США

Уважаемый Гамзат Магомедович.

Итак, выставка открылась. В интернете уже вышли о выставке шесть статей на немецком и две на английском языках, посвященные Дагестану. Одна из них называется «Салют Дагестан». Много ссылок на президентов Путина и Алиева, и на Вас. В рамках программы Боденштайна публикации еще будут продолжаться. Вторая интересная новость. Наши труды не прошли даром. Информации о тематике выставки разошлись через интернет. Меня пригласили на международную конференцию «Пресса и межэтническое взаимодействие», которая состоялась в Нью-Йорке 5 сентября 2007 года. Я принял приглашение и сделал доклад на тему «БЛАГОРОДНАЯ МИССИЯ ИСКУССТВА В МЕЖЭТНИЧЕСКОМ СБЛИЖЕНИИ» на примере толерантности в Дагестане, который вызвал интерес и желание посвятить Дагестану специальную конференцию в США. Мне кажется это интересным, и если Вы с моим мнением согласны, то я могу эту тему развить. Направляю Вам содержание моего доклада. В Москве буду в ноябре. Передавайте привет с пожеланием здравствовать Вашей семье.

С глубоким уважением,

Биньямин Шалумов

Гамзат Гамзатов – Биньямину Шалумову

Дорогой Биньямин. Это прекрасная идея, и мы эту идею поддерживаем. Мы можем воспользоваться опытом прошед-

ших мероприятий в Германии. Правду о Дагестане, ее культуре, о его дружелюбных народах, красотах должны знать на всех континентах. Будем ждать конкретных предложений. Спасибо, с глубоким уважением, *Гамзат Гамзатов*.

Биньямин Шалумов – Гамзату Гамзатову

Москва

04.07.09

Дорогой Гамзат Магомедович! Мои внуки в восторге от встречи с Вами. Еще раз благодарю Вас за прекрасную встречу, о которой они не забывают и при каждом воспоминании цитируют ваши мудрые изречения. Для них и для меня, как их деда, та встреча была важной для понимания моими внуками на фоне их путешествия по Дагестану истины о том, что такое Дагестан – родина их деда и его корней, и каких мудрых и добрых людей рождает эта земля. Пусть знают «Наших» наши дети!

Передаю Вам написанную часть своих мемуаров. Зная чистоту Вашего русского языка, мне было полезно услышать Ваше мнение.

Спасибо, с уважением и благодарностью, *Биньямин Шалумов*.

С ВЛАДИМИРОМ ФАРАДЖЕВЫМ

Владимир Фараджев – Биньямину Шалумову

Дорогой Биня! Текст твоих мини-мемуаров (Мини от Бини) произвел на нас впечатление замечательного прихотливого восточного орнамента. Он завораживает своей естественной красотой. За каждой фразой виден твой неисчерпаемый оптимизм и мудрость нашего народа. Должен признаться, я бы так написать не сумел. У каждого человека свой стиль, а это означает, что не требуется никакой помощи, у тебя все прекрасно получается. По поводу того, можно ли это кому-либо показать, твердо говорю – не только можно, но и нужно. Твой рассказ насыщен живыми деталями, а это всегда интересно. Продолжай. Главное наше впечатление – Бог наделил тебя, кроме всех прочих талантов, еще и литературным (только не зазнавайся. Шутка). Обнимем, целуем. *Мы*.

Биньямин Шалумов – Владимиру Фараджеву

Дорогие Володечка и Ирочка, читаю ваше послание, словно мед ем. Даже если есть хоть 50% правды от того, что вы написали – это уже ОГО-ГО! 50% от вас все равно, что 150% от самого сурового литературного критика. Значит, моя Лидия Тимофеевна была права, а я ее не послушал. Жаль время убежало. Ну и ладно. А если без шуток, то вам, дорогие мои, большое спасибо за ваш труд и терпение. Буду мучить вас, стало быть, и дальше. Обнимаю, ваш горе-писатель, Б.З.

С МАНАШИРОМ ЯКУБОВЫМ

Биньямин Шалумов – Манаширу Якубову

Дорогой Манашир, долго думал и, набравшись мужества, все же решил отправить свою писанину. Я, правда, волнуясь. Прошу не щадить! Я все мужественно выдержу. Обещаю не начинать писать музыку, пока не разберусь с литературной деятельностью! С глубочайшим уважением, горе-писатель *Биньямин Шалумов*.

Манашир Якубов – Биньямину Шалумову

Дорогой мой друг Бинечка!

С огромным интересом и с удовольствием залпом прочитал начало твоих воспоминаний. Без всякого подхалимажа говорю тебе: ЭТО ХОРОШО! И ты ОБЯЗАТЕЛЬНО должен продолжать писать.

Если тебе кажется, что может быть польза от моих советов, я готов высказывать какие-то свои соображения, но сейчас мой главный совет – как можно скорее, интенсивнее работать и написать как можно больше, приблизившись максимально от светлых детских и юношеских лет к поре зрелости и к сегодняшним дням. Когда весь этот жизненный путь будет охвачен, можно будет расширять и дополнять написанное, углублять образы отдельных людей, подробности событий, шлифовать стиль, хотя уже сейчас твой стиль удивительно отражает твою личность.

Среди сильных твоих сторон, делающих повествование интересным, – твоя память, хранящая столько подробнос-

тей (сцена пробуждения и солнце, пробирающееся под покрывало!), и твое чувство юмора, твоя самоирония, проявляющаяся, например, в эпизодах рыбной ловли или намерения самозаточения в тондыре!

Мне кажется, что если ты дашь волю памяти, выплеснешь на страницы подробности внешнего мира, облика людей, их повадки и словечки, это очень оживит и обогатит текст. Обнимаю, благодарю за доверие и жду продолжения. Любящий тебя *Манашир*.

P.S.: Особо благодарю Провидение, направившее тебя на этот путь, поскольку теперь — хотя бы ближайшие несколько месяцев — могу пожить спокойнее, сознавая, что страшная угроза конкуренции будущего Шалумова-музыковеда стала несколько менее актуальна...

Биньямин Шалумов – Манаширу Якубову

Дорогой Манашир, теперь я полностью убежден, что ты самый умный на свете, потому что в ином случае так ГЕНИАЛЬНО не написал бы обо мне никто. А что касается ПРОВЕДЕНИЯ, то я удивлен тому, с каких это пор ты начал верить в него? Так что будь, пожалуйста, осторожен и внимателен. Ведь мне осталось только ноты выучить, а там глядишь и... Манашир, я так смеялся, читая твое послание, особенно.

P.S.: Только за этот абзац тебя надо вписать куда надо.

А если серьезно, то я на практике ощутил, что такое «понимать с полуслова» и что такое родство душ. Володечка с Ирочкой тоже читали этот текст. Обнимаю. Обязательно сохраню это для будущего. *Твой Бинечка*.

Биньямин Шалумов – Манаширу Якубову

Дорогой Манашир, здравствуй. Направляю тебе на опознание важный документ. Сделал все, что мог. Слишком старался, потому что рисовать портреты близких людей нелегко, постоянно находишься под гнетом его мнение о своем портрете. Но это будет потом. Сейчас я решил, что ты последняя инстанция — узнаешь али нет, он это или не он, в какой степени в % это он и где не он. Я насмотрелся на портрет, мне тяжело судить. Соловьев прислал много фотографий. Лицо очень сложное перегруженное интеллектом, при кажущейся простоте изображения. Даже на фотографиях он не одина-

ковый. С учетом всего, я, кажется, его схватил. Обычно мне удается писать портреты в один прием и в два раза быстрее. Будешь смотреть, обязательно увеличь картинку (лицо) прямо на компьютере. Сделал фотографию портрета с увеличенным лицом — смотрю, похож. Очень важно твое мнение.

Жду твой вердикт.

Манашир Якубов – Биньямину Шалумову

Дорогой Профессор! Ноберт узнаваем до ужаса. Можно использовать в угрозыске для опознания или для «Доски почета» в дербентском городском саду. Если же серьезно, то со сходством, действительно, все в абсолютном порядке. Очень здорово получилось! Единственное, что немножко меня смущает с этой внешней, формальной стороны, — это некоторая вытянутость лица. Мне кажется, череп у Ноберта несколько более круглый. Ближе к астраханским, а не к узбекским арбузам. Так что поздравляю тебя с новой работой и благодарю за участие в подготовке сборника.

Сердечно твой Заслуженный личный консультант по проблемам мемуаристики и портретистики, *Манашир*.

Биньямин Шалумов – Манаширу Якубову

Дорогой Манашир, я признателен за твой весьма профессиональный отзыв о портрете нашего общего друга. Именно, хорошее знание человека способствует правильной оценке его портрета. Ваше заключение относительно черепной коробки Евдаева заставило меня пересмотреть концепцию создания его образа. После нашего телефонного разговора я тут же бросился искать по магазинам Баффало и в округе Ниагарского водопада экземпляры арбузов астраханских и узбекских для натурной зарисовки черепа Евдаева, однако не нашел, видимо потому, что их не завозят в эти глухие края. Поиски я продолжил в интернете, где нашел не только изображение астраханского арбуза, но даже узбекского, и, более того, подробное их описание. Это помогло мне пересмотреть мой взгляд на образ портретируемого и существенно переделать портрет. Думаю, на этот раз я глубже и правдивее схватил внутреннюю сущность Евдаева. Что же касается голубых усов (*в разговоре по телефону*), что с ужасом заметил также мой младший внук Яша, то я подумаю и, возможно, изменю

Биньямин тасует карты
И приморские професоры
На тюркские, минареты
Яркие женщины силуэты
Можно ль им не восхищаться
И зумлаться, восторгаться
Не оценит лишь крежин
Шик и блеск его картин
Ах, в успехах с ним сравнился
Лучше нам и не полагся!
У дербенских ветеранов
Много дерзких дел и планов
О# усроит - верьбе мне! -
Вернисям и ты луке.

1 июня 2007

Махамур
Дад Бини!

авторское видение в случае, если в этом глухом краю где-то отыщу краски нужного колера. Для окончательного решения о приемке моей работы направляю вид второго варианта портрета. Жду твоего решения.

Учитывая твой безусловный вклад в понимание образа, предлагаю тебе соавторство в создании портрета Ноберта Евдаева.

Желаю успехов, твой и Ноберта друг *Биньямин Шалумов*.

Манашир Якубов – Биньямину Шалумову

Дорогой Профессор! Сделавшись Вашим соавтором, я вижу портрет совсем другими глазами. Его достоинства стали мне гораздо яснее и дороже. Но одновременно я почувствовал еще большую ответственность. Устранение яйцеобразности в черепе нашего общего друга, значительно усилило сходство портрета с натурой. Но ГОЛУБЫЕ УСЫ, голубизна которых, как я теперь самокритично замечая, подчеркнута ГОЛУБЫМ ГАЛСТУКОМ, не содержит ли намек на какие-то особенности нашего персонажа? Если Вы, дорогой соавтор, что-либо знаете о связях Н.М.Е. с сексуальными меньшинствами, доверительно сообщите, пожалуйста, мне. Я смущен. И я озабочен теперь поисками покупателя, который мог бы дать за наш шедевр максимальную цену. Ведь я теперь в этом непосредственно заинтересован... Бинечка! Портрет, действительно, стал намного лучше. Ты большой молодец! Очень молодец!! Любящий тебя *Манашир*.

P.S.: В правом нижнем углу я заметил на пиджаке нашего героя какую-то надпись. Сначала я подумал, что это фирменный знак портняжной мастерской. Но потом догадался, что это – подпись! Когда ты привезешь портрет, напомни, пожалуйста, чтобы я поставил свою тоже. Я думаю – с левой стороны. Для симметрии.

Биньямин Шалумов – Манаширу Якубову

Дорогой мой друг, я тебе глубоко признателен, за твой самоотверженный поступок, делающий мне честь осознавать, что рядом с твоей подписью на портрете нашего общего друга будет стоять и моя скромная подпись, благодаря чему я на ваших с Евдаевым крыльях улечу весте с вами, с двумя гигантами, в вечность.

Манашир Якубов – Биньямину Шалумову

Бинечка! Портрет, действительно, получился. Мне кажется даже, что на сегодняшний день это лучшая твоя портретная работа. Поэтому – остановись, чтобы не испортить – так ведь тоже бывает.

Биньямин Шалумов – Манаширу Якубову

Манаширчик, тут возразить мне нечем. Я согласен с твоим мнением, что эта прекрасная портретная работа и старик Рембрандт может уже отдыхать.

Не умирающий от скромности, твой и Ноберта друг *Биньямин Шалумов*.

Манашир Якубов – Биньямину Шалумову

18.03.2011

Дорогой друг, довольно давно нет от тебя вестей. Надеюсь, ты здоров, и твое молчание связано с хлопотами по переезду из Баффало. Понимаю, что положение твое сейчас не располагает к веселью, но, зная твой замечательный оптимистический характер, верю, что ты не даешь себе унывать и не впадаешь в депрессию.

У меня был сильнейший стресс, связанный с катастрофой в Японии. Я послал письма всем моим японским друзьям и коллегам со словами сочувствия и с просьбой дать знать, хотя бы очень кратко, о том, что они живы и невредимы. Я сразу получил ответы от всех, даже от одной нашей знакомой японки, которая в это время находилась в Стамбуле. Ответы с благодарностями и в некоторых случаях с описаниями волнующих подробностей этих страшных событий. Но не получил никакого ответа от самого близкого моего друга, с которым познакомился 40 (сорок!) лет назад, в августе 1971 года. (Это Морита Минору, его фотография есть в моем буклетике.)

Никто из общих японских знакомых не смог мне сообщить что-либо ни о нем, ни о его детях. А живет он в префектуре Мияги, на окраине города Сендай, того самого, который больше всего пострадал от землетрясения и цунами... Морита-сенсей пять лет назад вышел на пенсию, построил себе домик с садиком и писал мне с каким удовольствием он может теперь работать в тишине и уюте...

Я никак не хотел примириться с мыслью о его гибели,

надеялся, что, может быть, он находится в больнице, что нет связи, нет компьютера, нет никаких электронных адресов и так далее...И вот вчера — спустя шесть дней после землетрясения — я получил от него несколько слов! И он, и его семья живы и невредимы, но жилье разрушено, не было ни электричества, ни связи.

И я пережил новый стресс, стресс радости! Я был так взволнован, что в первый момент даже прослезился, однако сразу взял себя в руки и, крепко держа себя в руках, взял в руки также бутылку отличного сакэ и, возблагодарив Создателя, выпил рюмашечку за здоровье моего дорогого друга, а потом — за здоровье еще одного моего дорогого друга Бини Шалумова. И с чувством исполненного долга отправился спать.

Размышляя о твоей ситуации, в которой ты, как ты не раз говорил, нет возможности писать маслом, я спрашиваю себя: а почему бы Бине не заниматься графикой, этой великолепной и незаменимой школой искусства?!

Володя много болеет, но много пишет.

А как твои писательские труды?

Обнимаю, *Манашир*.

Дополнение. В Махачкале вышла книга с явным юдофобским душком. Я написал рецензию и отправил в «Дагестанскую правду», но редактор положил ее под сукно. А через два с половиной месяца она появилась в новом сереньком журнальчике, который выходит мизерным тиражом, никому не известен, не интересен и не читаем. Это он передал туда, чтобы я не мог предъявить претензий.

Посылаю ее тебе в приложении. *Манашир*

Биньямин Шалумов – Манаширу Якубову

19/20 (половина четвертого ночи) марта 2011

Дорогой мой Манашир, я приветствую тебя с благодарностью за напоминание о том, что я не одинок в этом весьма нелегком мире, и рядом со мной есть такой необыкновенный друг, как ты. Не всякая дружба выдерживает испытание временем, в чем недавно я убедился.

Действительно, эти последние полгода были, пожалуй, самыми напряженными за последние годы моей жизни. Все это время я переживал огромный массив стресса, в том числе и переезд в Нью-Йорк, совпавший с кучей семейных проблем.

Я рад, что ты успокоился по поводу твоих японских друзей. Слава Богу, все живы и здоровы. То, что творится в Японии — это свидетельство вредности великих научных открытий, ведущих к глобальным катастрофам. Я сам часто задумываюсь над тем, какими научными проблемами я занимался, нужно ли было все это делать? Если бы не заниматься, то мир был бы проще, жить было бы легче, и оставалось бы только желание слушать музыку, чем ты занимаешься, и не чувствовал бы себя виноватым в том, что хоть капельку, но был причастен к тому, что становится причиной появления глобальных катастроф.

Прочел твою статью, понимаю твое возмущение. Я сам столкнулся недавно с такой же проблемой, связанной с еврейской темой, исходящей от коллег по Академии, в которой я состою, тоже написал возмущающее письмо, которое активно обсуждалось. Подробности я тебе расскажу при встрече.

21 марта я уже буду в Москве, и заранее радуюсь нашей предстоящей встрече.

Не грусти, мой милый друг, когда я узнал, что ты выпил, в том числе за мое здоровье, я тут же опустошил бутылку прекрасного французского вина за твое здоровье и близких, вино очень вкусное, видимо потому, что не имея чем открыть бутылку, пихнул пробку во внутрь.

Будь здоров, мой дорогой, привет своим и до скорой встречи.

Обнимаю, твой *Биня Шалумов*.

Манашир Якубов – Биньямину Шалумову

Дорогой Биня! Спасибо за радостную весть о твоём скором прибытии в Москву. Горячо поздравляю тебя с изобретением оригинального способа улучшения вкуса французских вин! (Недаром же ты родился в славном винодельческом Дербенте.) Советую безотлагательно запатентовать его. Тогда все финансовые проблемы — не только твои, но и детей, внуков и правнуков — будут решены! Жду тебя, чтобы обмыть это эпохальное событие.

Твой навеки (! это слово всегда вставляет программа, сочинитель которой был непоколебимо уверен в моем и твоём бессмертии), *Манашир*.

Биньямин Шалумов – Манашифу Якубову

Милый друг,

Получил твою изумительную фотографию в кругу детей и внуков, и даже позавидовал, что мне не довелось собрать всех месте для подобного сюжета. Но я обнаружил некоторое несоответствие твоего настроения обстановке радости окружающих тебя. В чем дело?

Манашир Якубов – Биньямину Шалумову

26.09.2010

Мой дорогой Биня!

Я действительно блаженствую, а насупленный вид – случайность.

Некоторое время назад я, наконец, получил Словарь, который ты мне оставил.

Хоть я и не знаю языка, а мое произношение вызывает у тебя смех до колик, но соприкосновение с языком моих предков доставляет мне большое удовольствие, от некоторых словечек я улыбаюсь, как от приятной щекотки. Например, «пара пара», или «пич пичи». Я вспоминаю, как это произносила моя бабушка, и душа моя радуется.

Так что, большое спасибо от старого еврея тебе (и Изги-яевой).

Твой *Манашир*.

С ПОЛИНОЙ АБРАМОВОЙ

Полина Абрамова – Биньямину Шалумову

Дядя Биня, доброй ночи... у нас почти полночь... мне как всегда нравится все, что Вы творите... насыщенность тонов, яркие, почти кричащие... как этого не хватает в реальности... а у почти моего «Луга» нарисовалась перспектива... смотри да радуйся... и еще все картины так и просятся в карамельные десерты к чаю... их хочется съесть... а я сегодня ездила по городу... самостоятельно... в самых спокойных его закоулках. Такая вот вырисовывается «перспектива». Вы Умница!

Обнимаю. Ваша *Полина*.

Полина Абрамова – Биньямину Шалумову

Добрый день, дядя Биня!

С удовольствием еще раз окунулась в Ваши воспоминания...

Начало удалось Вам особенно. Чтобы хоть как-то оказаться полезной и оправдать доверие, вынуждена заметить то, что, как мне только возможно кажется, «Лидия Тимофеевна Федорова – учительница русского языка и литературы...» Мне кажется, что любой отрывок увлекательнее, если он либо продолжает сюжетную линию, либо в нем закладываются условия для новой интриги, либо просто развитие сюжета. Ф.И.О. в начале абзаца давит. Хочется все-таки больше о Вас, а участники Вашего становления – они должны быть, как мне кажется, вплетены в структуру повествования. История Давитулиани мне показалась несколько нагруженной для чтения... тяжеловатой.

В общем и в целом «респект и уважуха».

Спасибо Вам и творческих «узбехов». Обнимаю, *Полина*.

Биньямин Шалумов – Полине Абрамовой

Полина, привет!

Спасибо, замечания приняты, учту.

Что касается того, что «тебе хочется, все-таки, чтобы больше обо мне, а «соучастники» моего становления – они должны бы, как тебе кажется, «вплетены уже в структуру повествования», несколько отличается от моего подхода, потому как, если я буду больше писать о себе, то это может быть принято как автобиография, написанная для вступления в кандидаты в члены в КПСС. Предвидя такое мнение и развивая эту мысль, я где-то в тексте специально заметил, что все же мемуарный жанр мне представляется не как автобиографический шедевр. Только через отношение автора к раскрытым образам персонажей и к событиям, происходившим в разные периоды жизни, может вырисовываться объективный образ самого автора. Мой рассказ о времени, в котором жил. Если мне это не удастся, то это печально, значит, я не смог достичь цели.

Я хочу, чтобы текст читался легко, поэтому твое замечание по поводу того, что где-то текст тяжеловесен, очень важно, и я попытаюсь что-то пересмотреть.

Еще! Держать веселый дух там, где на самом деле грустно, как в случае Вексельблата, очень сложно, да и не нужно. Я пытаюсь поддерживать по возможности единый стиль...

Самое страшное, если тебя могут принять за придурка, подобно тому, как относятся к человеку, который постоянно смеется по поводу и без.

С ТАНЕЙ АБРАМОВОЙ

Таня Абрамова – Биньямину Шалумову

Дорогой Дядя Бинечка!!

2 марта было открытие выставки в муз. Цветаевой – я БЛАГОДАРИЮ ВАС от всего сердца!! Это Вы мне помогли реализовать эту уникальную возможность!!

Я считаю, что все прошло отлично, людей было меньше, Косталевский с супругой (она француженка) купили две небольшие работы – на открытии – приятно.

Станислав Аеденян представлял меня, говорил о подаренной мною картине музею и чуть ли не «равнял» с Параджановым.

Целую, ждем в Москве.

Биньямин Шалумов – Тане Абрамовой

Танечка, поздравляю!

Как бы не хотелось мне умалить свои заслуги в твоих успехах, я не могу умереть от скромности и не помнить или не принимать твою оценку. Спасибо что ТЫ это помнишь, и душа успокаивается от того, что не все еще в мире потеряно, порядочность еще не исчезла с лица земли.

Двигайся вперед и всегда думай о том, что ты главный ценитель своих поступков и таланта, а вокруг тебя те, кто может только подтолкнуть, дав какой-то импульс.

Я тебя целую, твой дядя Биня, мечтающий, чтобы электрические приборы часто выходили из строя!

Таня Абрамова – Биньямину Шалумову

Спасибо Вам за такие слова, Поверьте, ВЫ единственный, кто реально поддерживает меня, Вы вселяете уверенность и

желание продолжать, хотя Сын — мой спонсор, поддерживает Таким Важным Способом.

Люблю Вас!!

С МАГОМЕДОМ АБДУЛХАБИРОВЫМ

Магомед Абдулхабилов – Биньямину Шалумову

28 февраля 2010 г.

Дорогой Биньямин, хочу знать твое мнение по поводу:

Не прекращающееся в СМИ России очернение Дагестана не только тактически несправедливо и оскорбительно, но стратегически опасно и примитивно. За многие годы мне не приходилось читать в газетах и журналах России, а также слышать по телевидению ни одной передачи об ученых, генералах, композиторах, архитекторах, учителях, врачах — дагестанцах! Не слышны по радио-телеканалам и песни народов Дагестана тоже. Разве это не информационная блокада по позитивному имиджу Дагестана? Долгое муссирование негатива без надежды на позитив может привести к психологическому сдвигу и социальному взрыву. Вряд ли в коррумпированных кругах задумываются над такими тонкими материями человеческого бытия.

Да, есть в Дагестане отмороженные экстремисты и профессиональные взяточники во власти. И за власть в Дагестане тоже давно грызут горло друг другу. И все возрастающая дистанция между нищетой и роскошью в республике тоже прорастает ненавистью и проклятиями. Накопление зла идет ускоренными темпами, а доброта все более худеет и ветшает.

А что, Москва и другие регионы свободны от этих пороков? В центре все чисто и честно? Нынче в Отечестве очень многое по вертикали и горизонтали поражено разрушительным вирусом. Ощущение такое, что уже не видно света в конце туннеля этой мрачности. Смириться с темнотой и согласиться с обреченностью? Никогда! Ибо мы же хорошо знаем и другую Москву — возвышенную и вдохновляющую, притягательную и высокоинтеллектуальную! Так и Дагестан другой: красивый и благородный, щедрый и талантливый! А потому давно вынашивал я мысль провести в Моск-

ве дни Балхара, неделю Кубачи, декаду Унцукуля, месячник Табасарана, год Дагестана!? Своими мыслями я поделился с дагестанскими творческими личностями. Все они поддерживали эту идею... В этом отношении для всех нас образцом популяризации Дагестана является не только легендарная «Лезгинка», но и наш дагестанский американец Биньямин Шалумов, который устроил в Германии выставку своих произведений, где именитый земляк сравнил Дагестан с РАЕМ...

Нельзя лишь смаковать горечь. Нужно ее порой и запивать шербетом, чтобы утро не показалось мрачным, а ночь беспросветной. Нужно нам всем воспеть Дагестан. Может, это исцелит наши душевные раны и поможет нам восхищаться родным Дагестаном!

Биньямин Шалумов – Магомеду Абдулхабириному

Дорогой Магомед! Спасибо за письмо. Я ответил тебе на твой призыв не для того, чтобы ты вписывал мое имя куда-то, а чтобы выразить свою поддержку. Поэтому убери то, что ты добавил о моих «выдающихся» заслугах перед Дагестаном. Это лишь моя гражданская позиция... Я глубоко переживаю постепенное уничтожение толерантности на Кавказе, особенно в нашем родном Дагестане. Я хорошо помню твою активную позицию в ответ на антисемитский выпад героя Толбоева, полностью с тобой согласен в том, что любая политика, связанная с Кавказом, да и не только, должна быть направлена на умиротворение, а не на противостояние. Нельзя перетягивать тонкую нить, как-то еще удерживающую от полного разрыва мирного отношения между национальными меньшинствами и народами России. Я не очень уверен, что это связано с политической безграмотностью. Обнимаю, *Биньямин*.

ПИСАТЕЛЮ РУДОЛЬФУ ИВАНОВУ

Биньямин Шалумов – Рудольфу Иванову

Баффало Нью-Йорк, США. 23.11.2005

Я искренне жалею о том, что не могу позвать Вашу достойную руку в момент, когда Вас будут чествовать за Ваш

великолепный труд — издание книги очерков Максуда Алиханова «В горах Дагестана», составителем которой Вы являетесь. Познакомившись с этой и другими Вашими трудами, повествующими о Дагестане и о дагестанцах, я убедился в том, что Вы, как никто, заслуживаете ношения *белой бурки* на Ваших могучих плечах, которую я видел гордо висящей на виду у всех в Вашем гостеприимном доме как символ гражданина Аварии. Действительно, Вы заслуживаете и других многих наград Дагестана, как человек, дарующий самим дагестанцам правду об истории их родины и об их предках. Смее утверждать, что это самая высокая моральная ценность, столь необходимая сегодня нашему Дагестану для укрепления чести и достоинства моих дорогих земляков. В истории Дагестана наряду с именем Максуда Алиханова найдется много других достойных имен, открытие которых посилено Вашему талантливому перу историка-исследователя и великолепного писателя. А посему, как Вы мне желали перенести место моей постоянной прописки из Америки в Россию, так же и я Вам предлагаю переместить место Вашего пребывания из Москвы в Дагестан, хотя, как говорит наш дорогой друг Гамзат Магомедович Гамзатов, — «прописка для дагестанца ничто, дагестанец везде свой!»

Вы удивительный носитель информации и великолепный педагог. После нескольких часов пребывания в Вашем милом доме и общения с Вами мне показалось, что я окончил институт усовершенствования — так Вы меня образовали!

Спасибо и, пожалуйста, продолжайте нас образовывать!

В заключение я хочу обратиться к Вам вашими же словами, с которыми Вы обратились ко мне, подарив книгу «В горах Дагестана» — Великому Дагестанцу с неповторимым талантом и добавляю — я преклоняюсь перед Вашим Талантом.

Спасибо, и привет всем, почтившим Вас сегодня своим присутствием.

Обнимаю тебя (перехожу на ты, еле дождавшись конца письма, ибо иначе не мог).

Искренне твой, *Биньямин Шалумов*.

С МИХАИЛОМ ДУБИНИНЫМ

Михаил Дубинин – Биньямину Шалумову

Дорогой Биньямин! Большое спасибо за доставленную радость общения с прекрасным: чудная выставка работ твоей племянницы и наконец-то, мы увидели в подлиннике твои живописные работы!!! Я уже не говорю о радости общения с тобой и твоими очень интересными «детьми»!!! (о моих друзьях Леночке и Андрее Мятршевых, которых я величаю «дети мои». З.А.) Всю дорогу домой и затем до поздней ночи мы с Ниной вспоминали минуты, проведенные вместе. *Михаил Дубинин.*

Биньямин Шалумов – Михаилу Дубинину

Дорогие Нина и Михаил! Спасибо за добрые слова и за доброе сердце. Пример нашей дружбы еще раз подтверждает притягательную силу взаимопонимания с первого взгляда. Уехав из Москвы, у меня всегда будет причина вернуться обратно, потому что вы остаетесь здесь. Моя супруга Сима, с которой вы непременно увидите, будет рада быть с Вами знакомой и близкой. Мне кажется, они с Ниночкой очень близки по духу. Обнимаю, с искренними чувствами, ваш *Биньямин.*

С ТАТЬЯНОЙ ПАНИЧ

Биньямин Шалумов – Татьяне Панич

Танечка, здравствуйте! Перебирал свои архивы и обнаружил свидетельство того, что еще далеко до нашего с Вами знакомства Вы с Анатолием Китаевым посетили в галерее «На Солянке» мою персональную выставку. Какие интересные повороты судьбы! Вспоминаю, что Толя тогда обратил мое внимание на то, какая Вы крутая, а я не сумел воспользоваться знакомством с Вами, видимо, был еще «молодым» художником и мало разбирался в галерейных делах. Спасибо Марине Коростылевой, которая в отличие от Китаева привела меня к Вам за руку, осчастливив меня до конца жизни, хотя я и не знал, что Вы та самая Татьяна

Панич. С гордостью заявляю, что я люблю Вас, и не вовсе потому, что Вы начальник галереи, а просто так, за Вашу прекрасную душу.

Обнимаю, *Биньямин Шалумов*.

Татьяна Панич – Биньямину Шалумову

Спасибо, Биньямин! Очень тронута Вашими словами! И я Вас очень люблю!!! Люблю Ваше творчество, заводной, неугомонный характер, люблю за умение радоваться жизни и любить все и всех, Вас окружающих, а особенно внуков! Выставку на Солянке помню очень хорошо. Я тогда только познакомилась с Ларисой и Толиком. Провели серьезную сделку по антиквариату. Вот и получается, что судьбу не обойти! Раз суждено было пересечься – значит получилось, пусть и со второй попытки. Обнимаю Вас! Поклон супруге! Творческой радости у мольберта! Ваша *Таня Панич*.

МНЕНИЯ

Недавно я прочла занимательную притчу о том времени, когда Всевышний сотворил мир – людей, фауну и флору, поля и горы. Раскрашивая Землю, у Него осталось немного краски. И Он решил, что будет окунать кисть в краску и окрашивать ею людей. Тот, на кого попадет краска и получит Божий дар – талант. Попавшаяся краска на каждом из счастливых светилась своим индивидуальным оттенком цвета, как бы определяя свое направление творческого пути. Поэтому, наверное, творчество людей так многогранно: одни рисуют, другие лепят, третьи пишут прозу и стихи, а те, у кого есть предпринимательский талант – делают состояние.

Заглянув на сайт мастера, я увидела нежные и трогательные картины с многообразием реальности настоящего и прошлого. Индивидуальный почерк художника словно открывает для зрителей смысл глубокого философского понимания и отображения природы, исторических событий, человеческой индивидуальности.

Гордостью знаменитого художника являются две дочери,

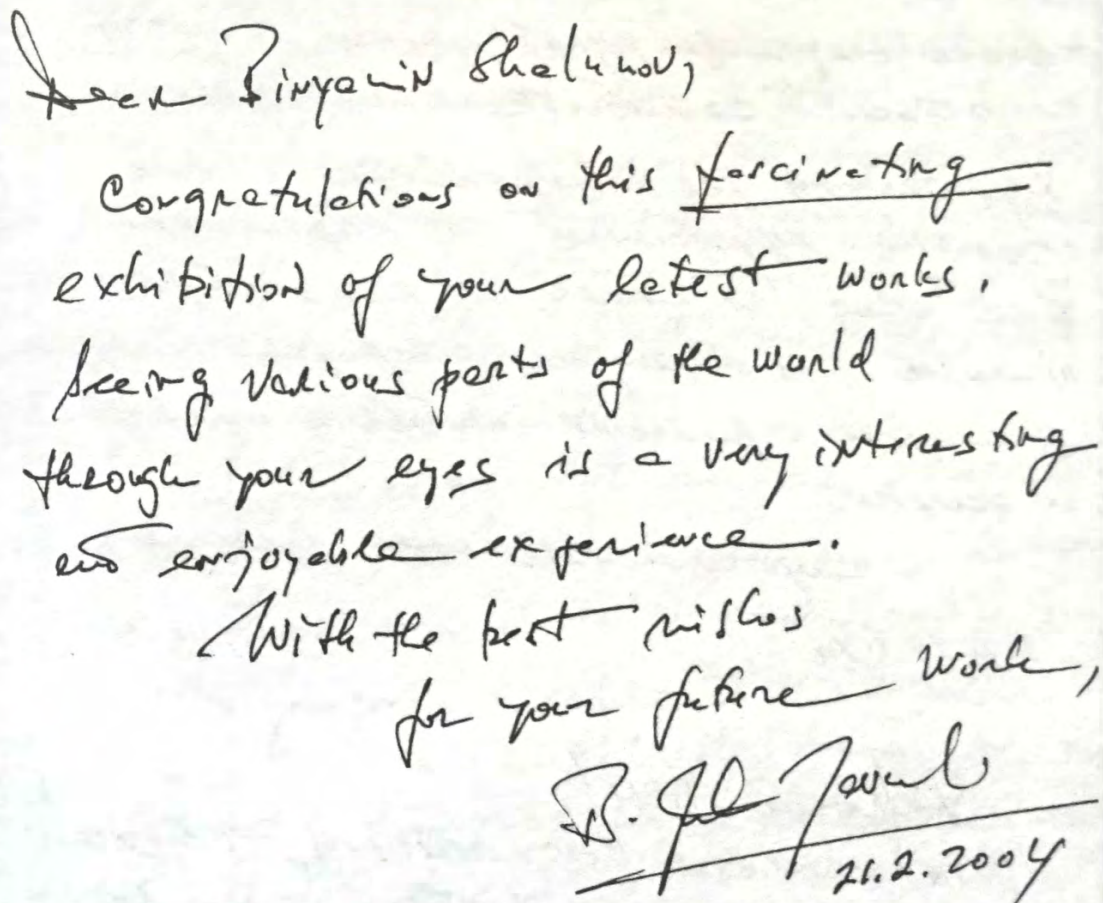
они, как и отец, тоже отмечены Всевышним «краской» творческого таланта — известная художница Стелла Шалумова и оперная певица Анна Фиделия. <...>

Хана Рафаэль.

«Краски жизни»

из книги «ОТРАЖЕНИЕ ДУШИ».

Израиль.

Dear Zimran Shalumi,
Congratulations on this fascinating
exhibition of your latest works,
seeing various parts of the world
through your eyes is a very interesting
and enjoyable experience.
With the best wishes
for your future work,
B. J. Joubert
21.2.2004

Чистое и прозрачное
отношение к природе
Спасибо
Тобин 22.12.04
художник →

Потрясающее впечатление увидел
своего научного руководителя в новой
комбаси - самостоятельного художника,
художника не копирующего стиль
известных художников: в картинах
все свое - и стиль, и многообразие
океанов, и обширные географические
карты, и главное огромная любовь к природе
и сказки.
С глубоким уважением Владимир С.
23.12.04.

Дорогой Бен!
Потрясающая восхитительная. Если
бы хотел написать, то уж от всей
души. Блеснущий химик... и
художник... и фотограф!
Спасибо, колета из столь давнего
химического прошлого, Е. И. Анисеева 11.05.03.

May 17, 2002

Dear Benjamin

Thank you so much for the announcements to the exhibits of your paintings. I saw the one at the Amherst Senior's Center. I liked "wind" & a few others very much except for the colors. I might be wrong but I sensed turmoil upheaval. Your colors were so bright & contrasting as to project lack of peace, a very strong passion.

I also sensed a change in the way you paint. Your earlier paintings stand out as coming from your inner self, your latest ones seem to come from your intellect. They are all very good but I like the earlier ones better.

I have to say that everybody I talked to at the Senior Center thought yours were the best paintings they've seen at the new center and I agree.

Are you going to exhibit at the Allentown Festival? I was sad that after I committed to a trip out of town, I found it coincided with the Allentown Festival. I've told artists make a lot of sales at the festival. I like it very much.

Thanks for the book of poems. A pity I can not understand Russian. Please keep in touch.

Best regards,
Leila Edwards

November 11, 2002

Dear Benjamin,

Congratulations on
winning the 1st place
for your marvelous oil
painting.

Your work is very
exciting so I am happy
that you won a prize!

We missed you at the
Art Show on November 10th -
But we know you are having a
wonderful vacation.

Sincerely,
Judie Pappas

July 14, 2006 - What a wonderful body of work, and what an inspiration you are to us all. You are an amazing artist with a wonderful eye. Best of fortune in all your endeavors

Toddly, Kamin Treger

Вот картины и расцветы, вот закаты
и снега, но я тебя не боюсь - это Ваня
жизнь-поэзия. Спасибо за жизнь и
заботу Вашу здоровья и творчества.
Меня созола Люд. Рина Тильберг 2004г

Восхищен Вашим творчеством!

Нашей стране, нашей планете нужны особенно
сейчас в переходный период творцы Вашего уровня.

То Ваши работы публикуются духовно и физически
красивейшим, совершенным образом. Сохраняйте Вашу
личность! Сохраняйте пример молодости.

Бинзюк Колеу Калм-юби, длянётся 5105.000.

Вспомнил Александра Невского:

"За великою придет сакине слава.

Ты в это верь и оубь не забави.

Все в мире так - есть пламя и горение.

и оу пламени всегда завесаи дати"

Фотограф-гуманистический Александр
Горюхи (по проекту "Каминский" и др.)

№1. 045-44-49 (сам) (23 и 24 год. от.)

Второй раз поессаю восставку, т.к. картина содержит огромную нематериальную энергию, и этим зарядом передается зрителю. Спасибо школе замечательных работ и дай бог ему здоровья и сил для счастья семьи и творчества.

19.12.2004г. Элла Костюковская.

Benyamin Shalunov is quite a remarkable individual who realized his artistic potential after his life in science. It was just five years ago when he took up a brush to canvas and began producing numerous paintings.

He paints with a sure hand with much vitality and of course his energy and enthusiasm is reflected in his work. His sense of purpose is certainly one of the factors that contributed to the rapid progress in this comparatively short period.

Many artists take many years before arriving at their own personal technique. Benyamon from the very beginning paintings began working with his technique of an impasto application of paint. Among his strong attributes are his color sense and his spontaneous application of paint and I am sure he will achieve great future success.

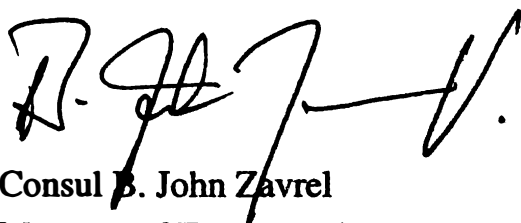
George Palmer

The Painter Binyamin Shalumov

The central theme of the work of Binyamin Shalumov is the Nature. His striking oil paintings of landscapes with trees, parks, forests and streams make deep and lasting impressions. The Russian-born artist, now living in the United States, is a true cosmopolitan. He is equally at ease painting the brilliant autumn foliage in America, a sunset in Tel-Aviv, the mountain peaks of the Swiss Alps, or a winter landscape in his home town.

His paintings of ancient, narrow streets in the Caucasus or a boulevard in Moscow impress us with their subtle colors and interesting compositions. His works reflect the artist's spirituality and quiet self-confidence, and we feel an atmosphere of love, peace, friendship and hope for the future.

These qualities are especially noticeable in those of his paintings that depict the highest miracle of Creation—the human being. His portraits of a pensive woman, a mysterious old rabbi, or figures from mythology show yet another aspect of the artistic ability and rich creativity of the painter Binyamin Shalumov.

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'B. John Zavrel', written over the printed name below.

Consul B. John Zavrel
Museum of European Art

September 14, 2004

MUSEUM OF EUROPEAN ART

Dear Benjamin,

Enclosed is my contribution to
your new book. I hope it is
helpful.

I look forward to see your book
& send you my best wishes.

Jul.

ДУША И КРАСОТА

*Музейный зал. Картина в старой раме.
Стою у небольшого полотна
И вижу: замелькало пред глазами -
не только лес и гладь реки видна...*

*Сухой мазок у берега лучится,
застывший мир становится... живым.
Вот красота! Нельзя не восхититься
явившимся видением таким...*

*Всё осознал, когда неторопливо,
из гревности, столетием дыша,
свой яркий свет таинственно,
незримо,
в меня внесла художника душа...*

*В ней тайна понимания прозренья,
как творческого гения черты.
И мудрости извечной озаренье
"Где нет души - там нет и красоты"*

Александр Шапиро

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Леонид Шинкарев. Искать себя, не уставая</i>	3
От автора	5

Часть I. До

Так начиналось	9
Так бывает	31
Незабываемые имена	36
С теми, с кем кашу ел	45
Накоротке с зарубежными учеными	81
Полет навстречу прошлому	105
В поисках правильных решений	114
Новый поворот	153
По Союзу и не только	164
По понятиям	200
Доченьки мои	212

Часть II. После

Подарок небес	221
Мои зарубежные университеты	236
Пример высокого мастерства	247
Выход на московскую арену	252
Возвращение к корням. Люди и события	262
Новый взгляд на малую родину	284

Часть III. Диалог о разном

С Паулем Вексельблатом	312
С Валентином Давитулиани	316
С Ильей Уриловым	317
С Гамзатом Гамзатовым	321
С Владимиром Фараджевым	332
С Манаширом Якубовым	333
С Полиной Абрамовой	341
С Таней Абрамовой	343
С Магомедом Абдулхабировым	344
Писателю Рудольфу Иванову	345
С Михаилом Дубининым	347
С Татьяной Панич	347
Мнения	348

Шалумов, Биньямин Заволунович
Ш18 В поисках гармонии: Воспоминания. — М. : Собрание, 2012. —
360 с., илл.
ISBN 978-5-9606-0115-3

В настоящее издание вошли воспоминания автора о жизни протяженностью 70 лет и осмысление событий, происходивших в жизни ученого, художника, путешественника. В книгу вошли фотографии с родными, друзьями и коллегами. Для широкого круга читателей.

ББК 63.3(2)6-81
УДК 929Шалумов

Оформление
С.А. Стулов

Верстка
Л.В. Перташина

Подписано в печать 20.05.2012 г.
Формат 60 × 90/16. Гарнитура NewBaskerville.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,50. Уч.-изд. л. 21,31.
Тираж 500 экз. Заказ № 176.

Издательство «Собрание»
109559, Москва, Тихорецкий бульвар, 1, стр. 5
Тел. (495) 389 68 88

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов в ЗАО «Гриф и К»
300062, Тула, ул. Октябрьская, 81а
Тел. +7 (4872) 47-08-71, тел./факс: +7 (4872) 49-76-96
grif-tula@mail.ru, www.grif-tula.ru

Биньямин Шалумов

Доктор технических наук, профессор, Народный художник Республики Дагестан, Почетный член Российской Академии Художеств, действительный член Международной Академии Творчества.

Получив, международное признание в науке, неожиданно для себя и окружающих открывает себя заново — становится художником. После успешного периода жизни в науке он полностью посвящает себя живописи, реализовав свой творческий потенциал в искусстве.

В 2005 году была издана книга-альбом живописных и графических работ художника «Мир в полотнах», а в 2007 году на базе живописных работ и фотографий, сделанных автором во время своего путешествия по Дагестану, вышла книга «Из Дагестана по всему миру. Возвращение в Рай».

Биньямин Шалумов участник сорока выставок, в том числе двадцати пяти персональных, в России, Америке, Канаде, Европе.

Его картины находятся в частных коллекциях в России, США, Канаде, Англии, Швеции, Израиле, Чехии, Швейцарии, Бельгии, Германии, Украине, Казахстане, Доминиканской Республике. Многие работы включены в собрания Музея Европейского Искусства (США), Музея Немецкого Фонда Культуры (Германия), Мэрии Москвы, Посольства США в Москве, различных культурных и деловых учреждений г. Москвы.

9 785960 601153